

АНТИСЕМИТИЗМ и ПОГРОМЫ

НА УКРАИНЕ В 1919—1920 гг.

Погромы Добровольческой армии

**ИСТОРИЯ
ПОГРОМНОГО ДВИЖЕНИЯ
НА УКРАИНЕ 1917—1921 гг.**

ТОМ ВТОРОЙ

ПОГРОМЫ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ НА УКРАИНЕ

БЕРЛИН
1 9 3 2

OSTJÜDISCHES HISTORISCHES ARCHIV

И. Б. Шехтман

Погромы Добровольческой армии на Украине

(К ИСТОРИИ АНТИСЕМИТИЗМА НА УКРАИНЕ В 1919—1920 гг.)

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

И. М. ЧЕРИКОВЕРА

БЕРЛИН

1 9 3 2

OSTJÜDISCHES HISTORISCHES ARCHIV

Исключительное право перевода на другие языки
принадлежит обществу

«Ostjüdisches Historisches Archiv e. V.»

Alle Rechte, insbesondere das der Übersetzung, vorbehalten.

Copyright 1952 by the
«Ostjüdisches Historisches Archiv e. V.,» Berlin.

После перерыва почти в 9 лет со дня выхода первого тома нашего издания¹⁾ мы выпускаем ныне второй том, принадлежащий перу И. Б. Шехтмана и посвященный погромам Добровольческой армии. Этот долгий перерыв объясняется главным образом финансовыми причинами; только в последнее время, благодаря поддержке наших друзей в Америке, мы получили, наконец, возможность возобновить издание.

Настоящая книга И. Б. Шехтмана, одного из лучших знатоков погромной эпохи на Украине, написана на основании документов, собранных в нашем архиве, состоящем из многочисленных коллекций материалов о погромах ряда еврейских и нееврейских общественных организаций и из материалов, собранных нашим архивом непосредственно. Для настоящей книги автором использован отдел архива, относящийся к периоду Добровольческой армии и содержащий несколько тысяч документов. Кроме наших собственных материалов, сюда входят: материалы Центрального комитета помощи погромленным (Киев) и ряда местных комитетов помощи, Российского Красного Креста в Киеве, Лиги борьбы с антисемитизмом (существовала в Киеве в период добровольческой власти), «КОПЕ» в Киеве и «ЕКОПО» в Москве (комитеты помощи пострадавшим от войны и погромов), Харьковской, Одесской и Киевской общин, а также ряда более мелких общин, Комитета еврейских делегаций в Париже, Одесского совета спонсорских организаций и др. Автором, кроме того, широко использован печатный материал — пресса 1919-20 гг. и мемуарная литература, появившаяся позже за-границей.

Мы считаем нужным подчеркнуть то обстоятельство, что все перечисленные выше учреждения носят чисто общественный характер, и подлинность их материалов не может поэтому подлежать никакому сомнению. Что же касается тех материалов, которые непосредственно нами собраны, то за достоверность их, полагаем, ручаются имена лиц, входящих в нашу коллегию. Вышеуказанный центральный архив был в 1921 году переправлен с большими трудностями за границу, в Берлин, где оказались также и те лица, которые принимали деятельное участие в собирании этих материалов на Украине. При основании своем в Киеве, в

¹⁾ И. Чериковер, Антисемитизм и погромы на Украине в 1917—1918 г. г., Берлин 1923.

начале 1919 г., архив носил название «Редакционной коллегии по соби- ранию материалов о погромах на Украине»; в Берлине он был официально зарегистрирован, как «Ostjüdisches Historisches Archiv», под каким именем он существует и поныне. Мы обращаем внимание читателей на то обстоя- тельство, что в указании источников, в ссылках на наши материалы, вместо названия «архив редакции» (как это было в первом томе) нами в настоящем томе введено более соответствующее название «Центральный архив материалов о погромах на Украине».

В заключение мы считаем своим обязательным долгом выразить нашу глубокую благодарность известному еврейско-американскому обществен- ному деятелю, Б. Владеку в Нью-Йорке, другу нашего дела, за его горя- чее содействие возобновлению нашего издания.

Берлин, ноябрь 1931 г.

Правление Ostjüdisches Historisches Archiv

С. М. Дубнов, Н. Ю. Гергель, И. Я. Клинов,
М. Н. Крейнин, Я. Д. Лещинский, И. М. Че-
риковер.

Настоящая книга выходит под редакцией Н. Ю. Гергеля и И. М. Чериковера

Н. Ю. ГЕРГЕЛЬ

К моменту печатания книги внезапно скончался в Берлине, 18-го но- ября 1931, на 44-м году жизни, член нашей коллегии и один из редакторов этого издания Наум Юльевич Гергель. Наум Юльевич, известный, как неутомимый и испытанный еврейский общественный деятель в России, посвятивший много сил специально делу помощи пострадавшим от войны и погромов, был также одним из самых деятельных собирателей материалов о погромной эпохе. Состоя председателем отдела помощи при Российском Красном Кресте в Киеве и одним из руководителей «КОПЕ», он среди трудов по организации помощи пострадавшим ни на минуту не забывал также о том, что погромные переживания украинского еврейства должны быть зафиксированы для истории. Вступив в Берлине в нашу коллегию, Наум Юльевич принял чрезвычайно активное участие в ее рабо- тах и много содействовал обогащению архива и обработке и редактиро- ванию его материалов.

Со смертью Наума Юльевича наша коллегия понесла тяжкую, невоз- вратимую утрату. Не стало одного из самых опытных и самых предан- ных ее членов.

Правление Ostjüdisches Historisches Archiv

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕВРЕИ

События, описанные в этой книге, — еврейские погромы, учиненные Добровольческой армией (точнее — Вооруженными Силами Юга России), формально принадлежат уже к области истории. Но это — история наших дней, *Zeitgeschichte*, еще волнующая и еще актуальная. Идеи добровольческого и белого движения вообще еще не исчезли окончательно из обихода, и силы, игравшие в нем руководящую роль, еще могут быть привлечены к суду истории. Мы, евреи, кроме подсчета ран, вправе поэтому подвести также и политические итоги тому, что дало нам это движение.

Трудно понять вполне злобно-антисемитскую идеологию и погромные действия Добровольческой армии, если не уяснить себе заранее природу добровольческого белого движения и его действующих сил, армии и правительства в частности, если не нащупать корней этого режима. Появившаяся в эмиграции довольно богатая мемуарная литература дает возможность хорошо осветить этот вопрос. Но важно осветить его также и из еврейского угла, со стороны тех испытаний, которые еврейство Украины пережило в эпоху добровольческой власти. Случаю угодно было, чтобы эпоха погромов на Украине в годы 1918-1921 оставила нам богатейшее наследие — огромное количество подлинных документов и материалов, свидетельских показаний, донесений, протоколов, жалоб, докладных записок, списков и фотографических снимков убитых и т. п., собранных в «Центральном архиве материалов о погромах на Украине», ныне находящемся в Берлине. Это дает полную возможность осветить и документировать погромное движение вообще и погромы Добровольческой армии в частности.

Никто теперь не станет отрицать, что добровольческое движение было по существу движением реставрации и полного возврата назад к старому. Поставив себе задачей борьбу с большевистской властью для установления порядка и восстановления былого Государства Российского, движение это в основном ядре своем стремилось к восстановлению старого порядка и воссозданию монархического государства со всеми его атрибутами. Дело здесь не в декларациях Д.-А. вовне, а в ее поступках и в пафосе белого движения. Социальной базой его были те же классы и группы, которые служили опорой царской России. К движению могли примкнуть и за ним тащиться и другие элементы, чуждые монархизму и жаждующие обновления России, но это существа дела не меняет.

Основателями добровольческого движения явились генералы царской армии Корнилов, Алексеев, Каледин и Деникин, которым удалось собрать на Дону большую военную силу, состоящую из русских офицеров-добровольцев, проникнутых лютой ненавистью не только к октябрю, но и к февралю, не только к большевикам, но и к революции вообще. К ним примкнула и правая часть казачества Дона, Кубани, Терека вместе со своими генералами. Почти два года — до февраля-марта 1920 г. — эта армия вела с переменным успехом упорную войну с большевистской властью и Красной армией и на время — с июня по декабрь 1919 — овладела огромной территорией на юге России, а на короткое время — и частью центральной России, дойдя в сентябре 1919 до Орла. С лета 1918 г. до 20-го марта 1920 г. во главе вооруженных сил юга России, куда чисто-добровольческие войска входили как составная часть, стоял ген. А. И. Деникин, в качестве Главнокомандующего, военного диктатора, объединявшего в своем лице высшую военную и гражданскую власть. Власть эта, таким образом, имела достаточно времени, чтобы проявить свою природу и показать свое лицо.

Каково-же было ее подлинное лицо и каков был истинный характер этого режима?

Ответ на это дает ряд общественных деятелей, близко наблюдавших Деникинскую власть и лично участвовавших в борьбе с большевиками, занимая левый фланг в антибольшевистской

концентрации. Один из видных деятелей Кубани, член Кубанской Рады, с.-р. Георгий Покровский *) дает в своей книге «Деникинщина» следующую характеристику режима: «Болезненно-ненавистно относившееся ко всякого рода проявлениям демократизма, офицерство в большевизме начало подозревать всякого, кто сочувственно относился к свершившейся февральской революции». Всю территорию Д. А. залила «волна самого безудержного произвола и зверства»... «Шел разгул шомпола, кнута и зверских самосудов». Автор приводит затем ряд фактов, обнаруженных с трибуны Кубанской Рады, о насилиях, чинимых добровольческой властью над крестьянами, о порке, истязаниях и изнасилованиях («масса изнасилованных девушек и даже детей...»)¹). Добровольческая власть восстановила ряд дореволюционных учреждений; проект земельной реформы, выработанный ею, восстанавливал права помещиков (к ним переходило свыше 70% всей земли); она разгромила ряд рабочих профессиональных организаций, запретила стачки, рабочую прессу; предоставила полную свободу спекуляции частному капиталу. Ревниво оберегая священный принцип «единой и неделимой» России, власть боролась со всяким проявлением областного автономизма, особенно на Кубани. Она с оружием в руках преследовала также и украинское движение и упорно считала Украину «Малороссией». Видный деятель Дона, член Войскового Круга П. Агеев, в своем открытом письме к Деникинскому правительству писал в октябре 1919 г.: «Это политика диктатуры классовой. Это политика помещичьего шарабана и кареты с графскими и баронскими гербами... Ставка на тайных и других советников, губернских, областных и уездных предводителей дворянства, на камер-юнкерские и камергерские мундиры и флигель-адъютантские погоны. Разве это нужно нации?»²).

Близко стоявший к добровольческому делу журналист, характеризуя политический режим Д. А., пишет, что все обыватели были взяты под подозрение в смысле политической благонадежности; выше подозрений стояли лишь: фронтовое офицерство, контр-

*) Г. Покровский был после падения Деникина арестован большевиками, посажен в тюрьму, а затем выслан.

¹) Георгий Покровский, Деникинщина, Берлин 1923, стр. 51.

²) Там же, стр. 232.

разведка, Государственная Стража (полиция), «действующие под охраной высших властей, в полном единении с шайкой спекулянтов, грабителей и убийц. Все это сонмище, в конце концов, и погубило Добровольческую армию»³). Таковую-же характеристику дает и другой журналист: «Грабежи были введены в систему... Грабили солдаты, грабили офицеры, грабили многие генералы», имевшие даже репутацию «народных героев». «Англичане вынуждены были самолично развозить обмундирование в воинские части, дабы оно не было раскрадено и распродано по дороге»⁴). «Горе наше, что за дело взялись отжившие, ничему не научившиеся люди»⁵).

Такой приговор выносили также и лица, сами возглавлявшие армию. В своем донесении ген. Деникину, в декабре 1919 г., ген. Врангель писал о Д. А.: «Война превратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию... Подвижные составы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами... Армия развращалась». Результатом «самоснабжения» (читай: погромов) и нахваченных бешенных денег явились разврат и пьянство. «К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников»⁶). Ген. Деникин в своих очерках приводит слова Врангеля, сказанные ему тогда-же, при встрече: «Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилием. Идти второй раз по тем-же путям и под Добровольческим флагом нельзя»⁷).

Но наиболее авторитетным свидетелем является сам ген. Деникин. В своих очерках он так характеризует свой собственный режим: «Классовый эгоизм процветал пышно повсюду», «спекуляция достигла размеров необычайных... Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными». «Традиции беззакония пронизывали народную жизнь... В городах шел раз-

³) Георгий Виллиам, Победенные; «Архив русской революции», т. VII, стр. 233.

⁴) Г. Н. Раковский, В стане белых; Константинополь 1920, стр. 11 и 10.

⁵) Там-же, стр. 53.

⁶) Ген. А. С. Лукомский, Воспоминания, Берлин 1922, стр. 159-160. Ср. также упом. кн. Г. Раковского, стр. 23 и 39.

⁷) Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 263.

врат, разгул, пьянство и кутежи, в которые, очертя голову, бросилось и офицерство . . . Шел пир во время чумы»⁸⁾).

Ген. Деникин жалуется, что он «искал людей, но . . . не находил». Но на какие силы опирался его режим и под чьим влиянием находилась армия?

Описывая политические группировки на территории Д. А., ген. Деникин сообщает, что особенно активную деятельность развили крайние правые партии; их насчитывалось до 19 и группировались они вокруг Союза Русского Собрания в Ростове, сюда входил также и Союз Русского Народа. Тут собрались такие неистовые и яркие фигуры реакции и антисемитизма, как В. Скворцов, бывший редактор «Колокола»; священник Восторгов, представлявший организацию Братства Животворящего Креста, борющегося с «жидомассонством»; пресловутые ген. Комиссаров, Замысловский и ряд других. Тут-же подвизался и В. Пуришкевич, работавший самостоятельно. Все эти партии, умолкнувшие было после февральской революции, теперь, при Деникине, ожили. Программа их была проста: восстановление абсолютной монархии и — «Бей жидов, спасай Россию»⁹⁾. Наиболее сильным объединением правых был «Союз русских национальных общин», тесно связанный и с Русским Собранием и с погромным листком «В Москву». Ген. Деникин утверждает, что партии эти находились в оппозиции к его власти. Но тут-же прибавляет: «Работа этих крайне-правых организаций, преимущественно подпольная, находила путь в народ и армию не только через их ячейки, но и через . . . правительственные учреждения»¹⁰⁾. Отдел пропаганды при Особом Совещании, т. е. при правительстве Деникина, «широко субсидировал» Союз национальных общин; широко субсидировался также и В. Пуришкевич. А во главе пропаганды стоял член Особого Совещания, он-же член ц. к. кадетско партии — К. Н. Соколов...

⁸⁾ Ген. А. И. Деникин, цит. соч. т. V, стр. 273-275. Ср. аналогичные заявления помощника Деникина, ген. С. А. Лукомского, Воспоминания, стр. 194 (также «Архив русской революции», т. VI), а также К. Н. Соколова, Правление ген. Деникина, София 1921, стр. 187 и 193. Ср. также предисловие к «Дневнику ген. М. Г. Дроздовского», Берлин 1923, стр. 6: «Ложь, узкий эгоизм и т. д.».

⁹⁾ Ген. А. И. Деникин, цит. соч., т. V, стр. 159.

¹⁰⁾ Там-же, стр. 158.

Близко к власти стояли «умеренно-правые» партии. Главной фигурой здесь был В. Шульгин. Он был одно время членом Особого Совецания, редактировал влиятельную газету «Великая Россия» (и позже «Киевлянин»), был очень близок к помощнику Деникина, ген. Драгомирову. Шульгин был *spiritus gestor* Добровольческой армии на Украине. И он-же вел, как известно, самую бессовестную антисемитскую травлю. Уже в первом номере возобновленного им «Киевлянина» он в статье «Они вернулись» писал: «Да, это край русский. Мы не отдадим его — ни украинским предателям, покрывшим его позором, ни еврейским палачам, залившим его кровью».¹¹⁾

Все эти монархические и антисемитские партии, организации и лица сосредоточили свою работу главным образом на а р м и и, разжигая ее реакционные и погромные инстинкты. И армия была с ними. Сам Деникин признает теперь, что «громадное большинство командного состава и офицеров было монархистами».¹²⁾ В некрологах убитых офицеров официозная пресса сплошь и рядом писала: «пал за веру, ц а р я и отечество».¹³⁾

Общественные группировки, на которые непосредственно опирался ген. Деникин и которые входили в его правительство, были Совет Государственного Объединения (представители аграриев и отчасти крупной буржуазии), во главе с бывшим царским министром Кривошеиным, и особенно Национальный Центр, душой которого были кадеты. Кадеты вообще играли активную роль в организации власти; они дали ряд видных членов Особого Совецания (Н. Астров, К. Соколов и др.), представляли Д. А. за границей (В. Маклаков), в их руках находилось руководство всей пропагандой (Отдел Пропаганды и его «Осваг», во главе коего стоял первоначально к. д. Н. Парамонов, а затем долгое время к. д. К. Соколов). О политическом сдвиге, происшедшем к этому времени в рядах кадетской партии, можно судить по тому, что в своем официозе «Свободная Речь» (Екатеринодар, где была ставка Деникина) кадеты открыто заговорили о реставрации, о «смелом разрешении» земельного вопроса и называли требование об Учредительном Собрании «поклоне-

¹¹⁾ «Киевлянин», № 1, 21 авг. (3 сент.) 1919.

¹²⁾ Ген. А. И. Деникин, цит. соч., т. III, стр. 130.

¹³⁾ Г. Покровский, Деникинщина, стр. 78.

нием партийным иконам». «Только безбоязненной «ставкой на сильных» можно создать единую Россию», — писала газета, призывая к «усилению начала национальной диктатуры».¹⁴⁾ Перелом, естественно, произошел у кадетов и по еврейскому вопросу. Автор настоящей книги приводит статью И. Наживина о евреях, напечатанную в «Свободной Речи» (от 9/22 октября 1919), предлагавшую разрешить еврейский вопрос путем полной изоляции евреев в будущей России, объявлением их иностранцами. Резолюция о погромах, принятая кадетской конференцией в Харькове (в ноябре 1919), также говорит о сдвиге в рядах этой партии, раньше всегда защищавшей евреев от нападков справа. Надо принять во внимание, что к тому времени в рядах кадетской партии произошел фактический раскол на правых и левых, на монархистов и республиканцев. Правые и некоторые из центра (Н. Астров, кн. П. Долгоруков) пошли безоговорочно за Добровольческой армией. Старые лидеры, как И. Петрункевич, предупреждали против этого поворота вправо. Но они были далеко; единой партии Народной Свободы фактически уже не существовало.

Левее кадет Добровольческую армию поддерживал также и Союз Возрождения России (куда входили народные социалисты и группа «Единство»), во главе с Пешехоновым и Мякотиным. Деятели Союза были конечно очень далеки от идей ревставрации и монархизма, но ища опоры в борьбе против большевизма, они готовы были идти на все — и ухватились за ген. Деникина. Они долго были на положении оппозиции, но в сентябре 1919, на конференции народно-социалистической партии, Мякотин потребовал активной поддержки добровольческой власти, не считаясь «с некоторыми отрицательными ее качествами». По вопросу об антисемитизме и погромах Союз Возрождения занял, однако, с самого начала определенную позицию, настойчиво борясь против погромов, непрерывно увещевая власть и требуя принятия мер. Но с ним в рядах Д. А. решительно не считались.

Те умеренные темпы и сдержки, которые все-же были у Деникина и у его правительства, в армии отсутствовали. Умами военных владели преимущественно крайне-правые; именно их клич

¹⁴⁾ «Свободная Речь», от 4 октября 1919.

«бей жидов — спасай Россию» был так хорошо усвоен армией. Почти все погромы шли под этим лозунгом. Но армия не только искала реставрации, — она шла и с лозунгом мести. Автор этой книги цитирует следующее жуткое место из дневника одного из пионеров добровольческого движения, ген. М. Г. Дроздовского: «Над всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения...» «Р а с п р а в а д о л ж н а б ы т ь б е с п о щ а д н о й: «два ока за око». ¹⁵⁾ Описывая события в Киеве, где Добровольческой армией был учинен в октябре 1919 погром, киевская студентка-еврейка в своем дневнике рисует эту идеологию мести, нашедшей свой объект в еврее: В. Шульгин в «Киевлянине» ведет открыто антисемитскую пропаганду; в «Киевлянине»-же печатаются злобные статьи, подписанные псевдонимом Vendetta; за этим псевдонимом скрывалась жена Шульгина. «Это слово Vendetta — символ добровольческого движения. Они пришли мстить; не восстанавливать погранные большевиками человеческие права, а только мстить... Когда погромы устраивались только евреям, когда были облавы только на евреев, — «тогда все было в порядке». «Не примирились бы русские с большевизмом, если бы несколько сот комиссаров-евреев исчезли? Их возмущает одна мысль о том, что большевики не преследуют специально евреев, как делали до сих пор другие правительства»... ¹⁶⁾

Воспитанная в таких традициях, проникнутая бешеной злобой против революции и духом мести, упоенная кровью и победами, жадная к наживе, заласканная всей контр-революцией, считая, что ей все дозволено, — ринулась Добровольческая армия летом 1919 в край, представлявший собою с начала революции кипящий котел политических страстей и острых социальных и национальных конфликтов. В край, густо населенный евреями, где на погромных кладбищах городов и местечек лежали уже тысячи еврейских трупов, жертв непрерывного нашествия прежних погромных банд. Можно было себе заранее представить, какой последует погромный взрыв. Однако, вера в Добровольческую армию и в то, что она действительно несет с собой «порядок и

¹⁵⁾ Дневник ген. М. Г. Дроздовского, Берлин 1923, стр. 71 и 65.

¹⁶⁾ Дневник и воспоминания Киевской студентки, «Архив русской революции», т. XV, стр. 230.

законность», была так велика у большей части обывательского населения, особенно в городах, что никому не хотелось верить в возможность такого взрыва. Украина была настолько глухо отрезана от Дона и так мало знала о новой власти, что даже чуткие и осторожные не обнаружили серьезной тревоги, а к предостерегающим голосам не прислушивались, считая их пристрастными. Обычное чутье на этот раз изменило и еврейским обывательским кругам, которые также почти без тревоги, а некоторые с радостью встретили новую власть.

Вступив с июня 1919 в Харьковскую и Екатеринославскую губернии, продвигаясь затем победоносно вглубь Украины — в Полтавскую, Киевскую и Черниговскую губ., — Добровольческая армия, вернее Вооруженные Силы Юга России, объединявшие «добровольцев» с казачьими частями, все больше и больше заливала край волной небывалых даже на Украине погромов. Грабя и истребляя еврейское имущество, применяя неслыханные пытки и мучительства, губя жизни молодых и старых, оставляя позади себя горы трупов мирного населения, тысячи изнасилованных женщин, тысячи искалеченных и истерзанных, сожженные дома, предварительно ограбленные, обесчещенные святыни синагог и унося огромные контрибуции, — Добровольческая армия буквально огнем и мечем смела десятки старых еврейских поселений, наводя ужас и вызывая проклятия. В этой помеси наживы и мести участвовали почти все части Д. А., все лучшие ее полки — и «дроздовцы», и «марковцы», и «волчанцы», и казаки «дикой дивизии», и донцы Мамонтова, и шкуровцы, и пластуны, и кубанцы, и терцы, и ингуши, и чеченцы и прочие народности, имена-же их ты, Господи, веси. Народности, которые до тех пор в своих станицах никогда в глаза евреев не видали, не знали даже, как они выглядят¹⁷⁾, и которые даже толком не знали, что такое Россия. В погромах одинаково участвовали как командиры частей, «аристократы»-гвардейцы, кадровые офицеры, казацкие старшины, так и рядовая масса солдат и казаков.

Исключительно опасным возбудителем была при этом личность Троцкого. Почти в каждом погроме повторялось одно и то же: «Это вам за Троцкого». Троцкий персонифицировал собой

¹⁷⁾ Бывали такие случаи: «Ты жид?» — спрашивал свою жертву казак. «Нет, еврей», отвечал тот, — и его отпустили.

всю Советскую власть; никаких других большевистских имен для Д. А. не существовало. Почти нет ни одного антисемитского воззвания, ни одной статьи, где не повторялось бы это имя. «Осваг» рассылал плакаты с Троцким, правящим Россией. «Убейте Троцкого — и все прекратится» — заявил еврейской депутации в Смеле ген. Шифнер-Маркевич¹⁸⁾. Поскольку погромы вообще аргументировались, они шли под лозунгом, что «все еврейкоммунисты» или что «все коммунисты — евреи». В этом отношении Д. А. не была оригинальной и повторяла обычный аргумент всех больших и малых погромных банд, свирепствовавших на Украине до и после нее. Но ни у кого аргумент этот не принял таких чисто маниакальных форм. Перед лицом кровавой гекатомбы, принесенной погромщиками на Украине, нет смысла с цифрами в руках опровергать нелепость этого утверждения и доказывать его ужасающую безнравственность. Это была воистину навязчивая идея, получившая эпидемическое распространение в кругах, ищущих объекта для своей мести.

В своих очерках ген. А. Деникин, защищаясь от упреков в вине власти за погромы, пишет: «Если-бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрительно относится к погромам, то судьба еврейства Южной России была-бы гораздо трагичнее»¹⁹⁾. Предоставим читателям настоящей книги судить, достаточно-ли была трагична судьба евреев на Украине под властью Деникина. Но правда-ли, что армия не имела «малейшего основания полагать», что начальство поощряет и потворствует, а в лучшем случае попустительствует погромам? Вот несколько примеров, характеризующих поведение в с-ше его командного состава.

Герой «сентябрьского рейда» ген. Мамонтов, в воззвании к населению Тамбова, Козлова и Ельца, пишет: «Вооружайтесь и подымайтесь против общего врага нашей Русской Земли — про-

¹⁸⁾ В своих мемуарах Л. Троцкий обнаруживает полное непонимание этой роковой роли его личности. Белые, — пишет он, — пытались использовать антисемитские моменты и имя его — Троцкого, но «успеха не имели» (Л. Троцкий, Моя Жизнь, т. II, стр. 86). Между тем, «успех» был огромный. А Троцкий как раз причисляет себя к тем, у которых национальный момент вызывает «брезгливость и даже нравственную тошноту» (см. там-же, стр. 63).

¹⁹⁾ Ген. А. И. Деникин, цит. соч., т. V, стр. 146.

тив еврея-большевика-коммуниста»²⁰), — и тогда-же во всех этих городах казаками Мамонтова была учинена еврейская резня. Начальник 1-й Кубанской дивизии ген. Шифнер-Маркевич заявил в Смеле еврейской депутации, молившей о прекращении погрома: «Все коммунисты-евреи; мы не можем допустить жидовского царства в России». Ген. Ирманов сказал евр. депутации в Кременчуге, что «происходящие события (т. е. погром) совершенно соответствуют порядку вещей». Высшие военные власти предписывали изъять из восстановленных городских управ «большевиков и евреев» (ген. Шифнер-Маркевич в Черкассах и Кременчуге, ген. Драгомиров — в Киеве). В армии предписано было не принимать евреев-офицеров и даже евреев-врачей. В официальных сводках с фронта писалось, что евреи стреляют в спину войскам²¹). И все это делалось на глазах всей армии. О том же, как вели себя командиры частей и младший командный состав, рассказывает не одна страница настоящей книги.

Приказы против погромов издавались, но какое погромное правительство их не издавало? Петлюровцы даже обнародовали недавно целый том таких своих приказов²²). В армии Деникина их было значительно меньше, чем у других, и выходили они либо с опозданием, либо с оговорками, а обещанные иногда кары не приводились в исполнение. Кто может верить в искренность мер после следующего случая? Приказом от 11-го августа командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский отрешил от должности командира 2-й Терской пластунской бригады, ген. Хазова, за неприятие мер «против разгрома еврейских лавок в м. Смеле» а также «за вялое ведение операции». На его место был назначен полковник ген. штаба Белогорцев. А месяц спустя те же пластуны, под начальством Белогорцева, учинили известную резню в Фастове, где убито было до 1 300 евреев.

Ген. Деникин сам долго воздерживался от общего приказа против погромов, хотя об этом настойчиво просила делегация еврейских общин в ставке еще 26-го июля. Издал он свой приказ лишь 23-го января 1920, когда дело его было уже проиграно. А в это время правительственный «Осваг» (Осведомительное

²⁰) См. отдел приложений; цит. по кн. колонеля Мелона.

²¹) Об этих и других фактах см. в тексте книги и отделе приложений.

²²) Documents sur les pogromes en Ukraine etc., Paris 1927, 291 pp.

Агентство) заливало край злобной антисемитской литературой, субсидировало монархические, юдофобские организации, распространяло клевету о «еврейской стрельбе», фабриковало сводки о «еврейских большевистских полках» и о заполнении евреями всех комиссарских постов.

Каковы были причины погромов? — задает себе вопрос А. Деникин на покое. И отвечает: «Звериные инстинкты, поднятые войной и революцией», «всеобщая распущенность, развал, утрата нравственного критерия и обезценение человеческой крови и жизни». Но и он чувствует, что этим еще нельзя объяснить погромы специально над евреями, и указывает еще на ряд особых причин. Одна из них — «явное, бьющее в глаза засилье евреев во всех областях советского управления»²³). Уже в беседе с делегацией евр. общины, 26-го июля 1919, в Таганроге ген. Деникин указал на заполнение евреями Красной армии. Делегация опровергла это, указав на десятки тысяч русских красноармейцев, борющихся против Д. А. На завтра членам делегации была для доказательства препровождена, по распоряжению Деникина, «сводка о еврейских частях», борющихся против Добровольческой армии, среди коих фигурировали «Первый сионистский полк» в Одессе — до 2000 чел., Одесская Еврейская боевая дружина, «Батальон Че-Ка, служащий специально для расстрелов — до 300 чел. — исключительно евреями» и др. Было явно, что эти данные сфабрикованы были в знаменитой добровольческой «контр-разведке», о которой сам ген. Деникин был невысокого мнения. Совету Одесской евр. общины не стоило особого труда опровергнуть полную бессмыслицу и явную ложь о «сионистском полке» и прочие измышления.

Но ген. Деникин остался при своем мнении. В своих очерках он указывает еще на одну причину: «Все наше осведомление... рисовало резко враждебное отношение к нам еврейства на всей территории вооруженных сил Юга России»²⁴). Материалы, обнаруженные в настоящей книге, неопровержимо говорят об обратном. Еврейская обывательская масса была слепа и встретила деникинцев с надеждой («правопорядок»...). Правда, скоро от этих надежд не осталось и следа, они сменились жутким ужасом и

²³) Ген. А. И. Деникин, цит, соч., т. V, стр. 147.

²⁴) Там же, стр. 150.

проклятием, но это уж не вина евреев. Ген. Деникин сам делает оговорку: «В какой мере это отношение (евреев к Д. А.) создавалось à priori и в какой оно являлось следствием насилий, чинимых над евреями войсками, это вопрос трудно разрешимый»^{24а}). Между тем, — в этом вся сущность вопроса. Лучшим агитатором против Добровольческой армии являлась сама Добровольческая армия. Ее общая политика и ее поведение, особенно в украинской деревне, оттолкнули от нее многих противников советской власти, а в южной России окрылили движение Махно. Ее погромные действия и бешенный антисемитизм оттолкнули от нее даже те круги еврейства, которые встретили ее с надеждой. Это было вполне естественно.

«Евреи стреляли в спину армии» — часто утверждали погромщики после, а иногда и до погрома. Ген. Деникин пишет об этом: «выстрелы в тыл иной раз носили происхождение «христианское», а то вовсе мифическое. Но... всякое враждебное выступление со стороны евреев было объективно возможно»²⁵). Официальные сводки и деникинская пресса неоднократно открыто выдвигали обвинение в «еврейской стрельбе». Киевский «Осваг» разослал об этом 5-го октября в ряд пунктов официальную телеграмму — для надлежащего вывода. Русские общественные организации в Киеве специально расследовали все указанные в официозной прессе случаи и обнаружили всю их бессовестную лживость. Представители христианского населения в м. Новые Млины опровергли аналогичное «официальное сообщение Полтавского отряда» (оба документа см. в отделе приложений). А ген. Деникин продолжает упорно верить в их «объективную возможность», т. е. в то, чего не было, а могло быть. Между тем, за эту предполагаемую «возможность» еврейство Украины заплатило тысячами жертв. Чем-же являются все эти аргументы Деникина, как не моральным оправданием погромов?

В своей речи к офицерам в 1918 г., еще при жизни ген. Алексея, ген. Деникин решительно заявил: «В тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я не медля оставляю свой пост» («Очерки русской смуты», т. III, стр. 132). Каков был «пульс армии» — отнюдь не было секретом для

^{24а}) Ген. А. И. Деникин, цит. соч., т. V, стр. 150.

²⁵) Там-же.

ген. Деникина в 1919 г.; в беседе с евр. делегацией в конце июля этого года он открыто признался, что его солдаты — «люди совершенно оподлившиеся, совершенно павшие в моральном отношении... это ведь — сброд» (см. приложение к книге). Однако, ген. Деникин своего поста не оставил, а оставил его тогда, когда распадавшиеся части его армии и ее генералы потребовали его ухода.

Вместе с тем, К. Н. Соколов прав, когда говорит, что «ген. Деникин оказался «левее» своей армии»²⁶⁾. Армия считала, что Деникин «продался жидам»,²⁷⁾ что жидам проданся даже «Осваг»²⁸⁾. Русская Вандея была тупа. Она пришла мстить, истреблять евреев и «самоснабжаться» их добром. И в погромном пылу не заметила, как проиграла войну с большевиками.

Подводя итоги прошлому, В. Шульгин в минуту откровенности задает себе вопрос: «Отчего не удалось дело Деникина? ... Отчего этот страшный тысячеверстный поход, великое отступление «орлов» от Орла? Орлов-ли? .. Увы, орлы не удержались на «орлиной» высоте. И коршунами летят они на юг, вслед за неизмеримыми обозами с добром, взятым у «благодарного населения». «Взвейтесь соколы... ворами». «Начато е «почти святыми», оно (белое дело), попало в руки «почти бандитов». «Белое дело не могло быть выигранным, если потеряна честь и мораль»²⁹⁾. Что можно прибавить к этой характеристике такого авторитетного деникинца? Пусть, — восклицает В. Шульгин дальше, — свершится страшное проклятие над «растлителями Белой Армии... убийцами Белой мечты... предателями Белого Дела»³⁰⁾. Но «растлители», «убийцы» и «предатели» могут с правом возразить Шульгину, что это у него они позаимствовали идеологию растления и погромные аргументы.

Порок антисемитизма в Деникинской армии был органи-

²⁶⁾ К. Н. Соколов, Правление ген. Деникина, стр. 195.

²⁷⁾ См. в приложении беседу английского представителя ген. Хольмена с сионистской делегацией.

²⁸⁾ См. в приложении беседу ген. Деникина с евр. делегацией в Таганроге.

²⁹⁾ В. Шульгин, «1920 год», стр. 7-8, 12, 14 (цит. по Софийскому изданию).

³⁰⁾ Там же, стр. 25.

ч е с к и й. Но этим пороком страдали в большей или меньшей степени в с е б е л ы е а р м и и. Если все-же при некоторых из них погромов не было, то это объясняется либо отсутствием достаточного объекта под рукой (Сибирь, Дальний Восток), либо слишком близким участием иностранных держав — Антанты или немцев (северозападная армия Юденича, корпус Бермонта в Латвии), либо общей строгой дисциплиной (Врангелевская армия в Крыму, армия Колчака), либо кратковременностью этих армий, не успевших развернуться. В конце 1918 г. образовалась в Киеве т. н. Ю ж н а я А р м и я, при поддержке немцев, открыто монархического характера. Во главе ее стояли герцог Лейхтенбергский, атаман Краснов и ген. Н. Иванов. Позже она была переименована в особый Воронежский корпус и вошла в состав Д о б р о в о л ь ч е с к о й а р м и и. 24-го ноября 1918 г. появилось ее воззвание — «Голос Южной Армии» с резкими погромными выпадами. «Жи́ды, — писалось в воззвании, — стремятся уничтожить Россию», причем в числе «жидов» указаны и Керенский и Чернов (см. в отделе приложений). Насколько нам известно, это был первый армейский антисемитский приказ, и эта военная часть нашла себе место в армии Деникина.

Широкая антисемитская пропаганда шла с начала 1919 г. и в армии адмирала К о л ч а к а, которая хвалилась своей дисциплиной, и исходила и здесь из военных сфер. Несмотря на малое количество евреев на территории Колчака, в Омске, Уфе, Челябинске, Сызрани и др. городах циркулировало огромное количество погромных прокламаций военного происхождения. Антисемитские статьи открыто печатались в органе колчаковского штаба «Русская Армия» в Омске; такую же пропаганду вел и «Агитотдел» армии³¹). Тон прокламаций был даже более погромный, чем в Деникинской армии. Так, в прокламации «Красноармейцы», от 15-го февраля 1919 г., подписанной «Стрелки», говорится: «Просыпайся, Русский Народ, бери палку и гони вон из России жидовскую комиссарскую сволочь, которая разорила Россию . . . В Германии, во всей Польше и Галиции, в Киеве, в

³¹) Д-р А. Мукдойни, Эсеровское правительство. Колчак и евреи (Волга, Урал Сибирь 1918-1919), нап. в евр. сборнике «In der Tekufe fun Revoluzie», Берлин 1924, стр. 72-144. — О переживаниях евреев на территории Колчака вообще имеется мало материалов, и воспоминания д-ра А. Мукдойни поэтому особенно ценны.

Бердичеве — везде бьют эту сволочь пархатых жидов и комиссаров и освобождаются от них. Только вы еще в своей темноте и глупости слушаетесь ж и да Троцкого-Нахамкеса, Луначарского, Цедербаума и Компании»³²⁾). Видный еврейский журналист, близко наблюдавший события на территории Колчака и сообщавший эти сведения, в своих мемуарах приводит текст другого воззвания «К русскому народу», вышедшего в Челябинске; в этом воззвании говорится прямо, что нужны «не погромы», не раздробление сил, а «организация крестового похода против всех евреев»^{32-а)}). Так открыто писали армейцы, окружавшие Колчака. Между тем, он был Верховный Правитель — патрон Вооруженных Сил России, которому подчинился сам Деникин. Почва для погромов была, таким образом, и здесь вполне подготовлена. Однако, погромов не произошло, если не считать эксцессов в Сызрани и попыток в некоторых других пунктах. Не произошло потому, что Колчак их не хотел. Опираясь и ориентируясь на Америку и ища в это время там займа, Колчак не мог одновременно ориентироваться и на погромы³³⁾). К тому же в американскую прессу уже начали проникать сведения об антисемитской агитации в его войсках. Не хотел погромов и Врангель в Крыму — и их не было, хотя и здесь антисемитская пропаганда широко процветала: евреев преследовали и ограничивали в правах, над ними издевались и их травили, совсем по типу Дона и Украины³⁴⁾).

Добровольческая армия поддерживалась Антантой. В советской прессе много писали о роли Антанты в поддержке Деникина, чрезвычайно эту роль преувеличивая. Мемуары последних лет, в том числе и мемуары Черчилля, дают теперь возможность точно установить характер этой поддержки. Помощь шла только от Англии, Франция почти уклонилась. Первоначально Ллойд-Джордж горячо стоял за эту помощь и в парламенте 16-го апре-

³²⁾ Печатный экземпляр этого и аналогичного воззвания хранится в Центральном архиве материалов о погромах, в Берлине.

^{32-а)} См. упом. статью д-ра А. Мукдойни.

³³⁾ В беседе с еврейской делегацией 26-го июля ген. Деникин, в ответ на указание об отрицательном отношении Колчака к погромам, сказал: «Там американцы»...

³⁴⁾ Архив Комитета Еврейских Делегаций в Париже: меморандум русско-еврейских деятелей, поданный В. Бурцеву в Константинополе, в октябре 1920 г., о преследованиях евреев при Врангеле (перечислен ряд фактов).

ля 1919 г. заявил, что «надо помогать генералам Колчаку, Деникину и... Харькову»³⁵), искренне считая, что Харьков тоже генерал такой. Помощь, однако, ограничилась только «присылкой снабжения и моральной поддержкой»³⁶). Англия прислала богатое снабжение, военные миссии, но ни денег, ни тем менее солдат давать не хотела. Несколько месяцев спустя Ллойд-Джордж изменил свое отношение к белым, и между ним и Черчиллем (военным министром) возникли разногласия и борьба по вопросу об их поддержке. Черчилль остался поклонником интервенции, и его представители при ставке Деникина, генерал Бриггс и позже генерал Хольмен, горячо поддерживали Деникина. К ноябрю 1919 г., когда звезда Д. А. начала закатываться, Ллойд-Джордж добился своего, и помощь была прекращена. Общая помощь белым обошлась Англии в огромную сумму — по некоторым данным, до 100 миллионов фунтов — и никакой пользы не принесла.

«Моральная поддержка», оказанная в Англии и в некоторых других странах Европу белому движению, имела то последствие, что рикошетом из белых армий в Европу проникла антисемитская волна. Появились русские версии о «коммунистах-евреях», о еврейской опасности. На банкете британско-русского клуба в Лондоне 17 июля 1919 г. Черчилль в своей речи призывал к помощи Деникину для борьбы против «Ленина и Троцкого и окружающей их странной, мрачной банды еврейских анархистов и искателей приключений»³⁷). 12-го ноября 1919 г. глава британской миссии при ставке Деникина ген. Хольмен сказал посетившей его сионистской делегации: «Я получил сообщение, что из 36 столичных московских комиссаров один русский, а все остальные — евреи»³⁸), и при этом показал им объемистый доклад, доставленный ему, очевидно, ставкой Деникина. Евреи за-границей ведут кампанию против оказания помощи Д. А., говоря, что «генерал Деникин устраивает погромы, что он — реакционер», сказал ген. Хольмен, наивно прося делегацию воздействовать на английских евреев, чтобы они «не мешали лорду Черчиллю оказывать помощь России»... Но антисемитизм все таки за-границей не

³⁵) Ген. С. А. Лукомский, Воспоминания, стр. 325.

³⁶) Там же, стр. 141.

³⁷) Там же, стр. 251.

³⁸) См. протокол беседы в приложении

имел той силы, что на Дону и Украине, и либеральное общественное мнение Англии было, повидимому, смущено погромами. Английский представитель ген. Бриггс в своих прощальных речах в кругу добровольцев в Харькове и Киеве предупреждал их против погромов: «Вы потеряете сочувствие всей Европы»³⁹). В беседе с представителями Еврейской Политической Коллегии в Ростове, 20-го октября 1919, дипломатический представитель Д. А. в Париже В. А. Маклаков сказал откровенно: «Они мешают моей работе в Париже»⁴⁰) . . .

Яд антисемитизма, шедший из рядов белых армий — Добровольческой, Колчака и белых частей на Дальнем Востоке, — широкими кругами разошелся по Европе и даже Америке и проник в 1919-1920 г. в реакционную и консервативную часть заграничной прессы. Монархические деятели, переехавшие за границу после поражения белых, вели энергичную антисемитскую агитацию в Лондоне, Париже, Берлине и Нью Йорке, привезя с собой информацию своих «Освагов», контр-разведок и «Агитотделов». В Лондонском «Times» появился в 1920 г. ряд статей о том, что большевизм дело исключительно рук евреев, подписанных Pro-Denikin, Ivan Ivanovitsch, Vega и др. Особенное распространение получила пущенная этими кругами версия о том, что в убийстве царской семьи виноваты исключительно евреи. Еще 5 февраля 1919 английский генерал Кнокс при ставке Колчака, под влиянием монархических деятелей, отправил из Омска телеграмму военному министру Черчиллю в Лондон о том, что убийство царской семьи совершено евреями. Эта версия была подхвачена всей реакционной прессой Европы. Энергично поддерживал ее и Лондонский «Times». В 1920 г. вышла книга старого корреспондента этой газеты в России, друга русских монархистов, Роберта Вильтона «The Last Days of the Romanovs», полная грубых фальсификаций и антисемитских измышлений (первоначально появилась по английски в Лондоне и Нью-Йорке; в 1921 вышла по французски, а в 1922 — по русски). Русские монархисты выкопали также пресловутый апокриф «Протоколы Сионских Мудрецов», перевели его и преподнесли Европе (в

³⁹) См. в отделе приложений.

⁴⁰) См. там-же, беседу с Маклаковым.

1919 — на нем. яз., в 1920 — на англ. яз.). Этому апокрифу «Times» уделил 225 строк⁴¹⁾, а в «Morning Post» печатался ряд статей с комментариями к «Протоколам». Заграничные «осважники» снабжали подобной информацией также антисемитских авторов на немецком и французском языках⁴²⁾.

Реакционные силы в Европе продолжали оказывать разбитому белому движению «моральную поддержку». Таково интернациональное зло этого движения. Подводя итоги тому, во что обошлось еврейству добровольческое и вообще белое дело, необходимо учесть и эти факты.

Настоящая книга И. Шехтмана, человека, близко наблюдавшего события на Украине и участвовавшего в собирании материалов о погромах*), составлена на основании подлинных документов, собранных в нашем архиве, и дает богатейший фактический материал о том, что пережито евреями на Украине в период погромов Добровольческой армии. Что касается цифр, то полная регистрация была невозможна в условиях погромного быта и гражданской войны. Данные, приводимые нами дальше, поэтому, значительно ниже действительности.

Всего зарегистрированных погромленных пунктов, пострадавших от Д. А., насчитывается 267⁴³⁾. Число зарегистрированных в этих пунктах погромов и эксцессов доходит до — 296, т. е. в некоторых пунктах погромы повторялись. Число убитых зарегистрировано только относительно 213 погромов и здесь достигает, по самому осторожному подсчету — 5325⁴⁴⁾. В эту цифру не входят убитые в пути, на железных дорогах,

⁴¹⁾ «The Times» (Лондон), от 8 мая 1920.

⁴²⁾ В кн. Dimitri B u l a s c h o w, Bolschewismus und Judentum (Philov-Verlag, Berlin 1924) перечислена подробно эта антисемитская литература, особ. на нем. яз.

⁴³⁾ И. Шехтманом опубликована в 1927 г. книга о «петлюровских» погромах на фр. яз. — «Les Pogromes en Ukraine sous les gouvernements ukrainiens» (Paris); то же и на англ. языке.

⁴⁴⁾ Регистрация производилась до 1921 г.; донесения, полученные позже, преимущественно из архивов заграничных евр. организаций, почти не обработаны этой регистрацией.

⁴⁵⁾ Статистические данные о погромах на Украине обнародованы Н. Гергелем, одним из активных собирателей материалов. См. его статью в «Schriften für Oekonomik und Statistik» (евр.), изд. Евр. Научного Института, т. I, Берлин 1928, стр. 106-113.

убитые в пунктах, где вообще не производилась регистрация, и в пунктах, откуда бежавшее после погрома население рассеялось в разные стороны. Еще существеннее то обстоятельство, что в это число не входят умершие от ран и от эпидемий, возникших в результате погромов — от голода, тесноты и отсутствия помощи. Так, например, в Фастовском погроме было убито до 1300 чел., но фактическое число жертв, считая и умерших от ран и последствий погрома, достигло до 3000; в м. Кривое Озеро (Подольской г.) убито около 500 чел., а еще 500 умерли от ран. Настоящее число жертв, таким образом, много выше — во всяком случае не меньше 8000. Число раненных не всюду поддавалось регистрации, как и число изнасилованных женщин. Не могло быть также полного подсчета реквизиций, ограблений, разрушений и убытков. Не было возможности подвергнуть учету ужасы «тихих» и перманентных погромов и каждодневных истязаний на протяжении многих месяцев, как не может быть вообще передана в цифрах та «пытка страхом», которую даже нервы Шульгина не могли выдержать.

По отношению к общему числу погромов на Украине в те годы погромы Добровольческой армии составляют лишь одну пятую (по иным подсчетам — 17%). Но это общее число исчислено за все годы 1918—1921, а погромы Д. А. продолжались всего несколько месяцев. В эти месяцы добровольцы побивали все рекорды. Их погромы были интенсивнее других, удар — острее и число погромов — больше.

Погромы на Украине вспыхнули с конца 1918 г. и долго были тесно связаны с именем Петлюры, как главного атамана украинских войск; погромы были спутниками наступления и особенно отступления Петлюры. В мае 1919, с восстанием атамана Григорьева, погромы вступают в новую, еще более страшную фазу. Вспыхнувшее повстанческое движение украинской деревни против советской власти, против ее крестьянской и национальной политики, вылилось в поход на город, а на деле — в погромный поход против евреев. Вся Украина кишела в течение 1919—1921 г.г. повстанческими погромными атаманами, число коих доходило до многих сотен. От этих атаманов пострадало особенно еврейство правобережной Украины и прилегающих губерний левобережной.

Все эти силы были внутренние, украинские, местные конквистаторы и мародеры эпохи гражданской войны в крестьянской стране. Украина представляла собой пороховой погреб. В этот возбужденный край явилась Добровольческая армия, под видом армии регулярной, явилась и внешне, с лозунгами твердой власти и реставрации. Своей политикой, особенно земельной и национальной, она немедленно восстановила против себя деревню. Ряд украинских повстанческих отрядов поворачивают свое оружие против добровольцев, нанося им губительные удары (Махно в Екатеринославской губ.), а эти удары Добровольческая армия не могла как следует отразить, так как была занята разгромом и грабежом еврейского населения. Долгими месяцами, с конца 1918 г., еврейское население Украины изнывало от погромных банд. Добровольческая армия его добила. Действие этих погромов было поэтому так потрясающе. Ужас смерти и отчаяние охватили еврейское население в небывалой степени.

В конце нашего введения мы не можем обойти молчанием попытку одного писателя-еврея оправдать погромы белой армии. Мы говорим о И. Бикермане, который устно и печатно обвинял еврейских деятелей в возведении погромной напраслины на белых и в пособничестве большевикам. В своей статье «Россия и русское еврейство» он пишет: утверждение, будто белые «евреев истребляли особо», является «детской наивностью или заскорузлой тупостью»; «я это решительно отрицаю». «Допустим, что дело происходило так... Но в этом общем смысле разгромлена вся Россия». Был хаос, была смута, попало и евреям. «Одних истребляли под одним видом, других под другим.» А если уж кто виноват, то это все те партии, которые по вступлении белых в город «начинали предъявлять требования и запросы к власти», а также те евреи, которые «никак не могли мириться... с нарушением равенства, — они сделали еврейские погромы неизбежными». ⁴⁵⁾

Раз человек необузданно мечтает о реставрации старых царских времен, то он логически должен приять и все «аксессуары» такой реставрации, т. е. и погромы. Но г. Бикерману, как еврею, это последнее неудобно, и он «решительно отрицает», что «истреб-

⁴⁵⁾ См. сборник «Россия и еврейство», Берлин 1924; стр. 52—69.

ляли евреев особо». Ни ген. Деникин, ни даже В. Шульгин, ни многочисленные русские наблюдатели поведения белых на Украине этого не отрицают. А еврей Бикерман, сидевший в глубоком тылу, никогда в глаза не видевший ни Добровольческой армии, ни погромного фронта, решается это отрицать. Не было особых еврейских погромов, а был общий хаос, во время которого всем перепало. Но точно такую-же ссылку на «хаос» сделал бывший украинский министр Александр Шульгин, защищая Петлюру, в своей книге «L'Ukraine et le Cochemare Rouge» (Париж, 1927). Хаоса и смуты было, действительно, при Петлюре не меньше, чем при белых. Между тем, г. Бикерман украинцам не прощает и резко клеймит их за «особое истребление» евреев. Такова беспристрастность этого человека. Не большего стоит и его осведомленность.

Г. Бикерман берется судить и поучать в вопросе, в котором он является полным невеждой. По его словам, тот факт, что белые являлись «жидорезами», «не доказывается даже». При этом он позволяет себе заранее опорочить подлинность документальных данных, показания и жалобы многих тысяч пострадавших от погромов, учиненных белыми войсками. Спорить с таким человеком мы не намерены. Но одно мы считаем нужным отметить. Неправда, что «весь пыл своего горячего еврейского сердца» мы направляем только против белых погромщиков. Мы предъявляли и предъявляем счет за содеянное погромщикам всех цветов о д и н а к о в о . Первый том настоящего издания посвящен погромам на Украине 1917—1918 годов; когда перед мировым общественным мнением был в 1927 г., на процессе Шварцбарда, поставлен вопрос о погромах, связанных с именем Петлюры, — мы сочли своим долгом вскрыть всю правду и там; третий том настоящего издания будет посвящен именно погромам украинских воинских частей и повстанцев. Скрывать правду мы не станем ни в угоду революции, ни в угоду контр-революции. Наша задача не «доказывать» кому-бы то ни было, а показать правду, как она есть. Прежде всего для того, чтобы сами евреи, теперь и в грядущем, знали о той нечеловеческой трагедии, которую пережило украинское еврейство в кровавые годы 1918—1920.

ВВЕДЕНИЕ

Большевистский переворот. — Гражданская война. — Противобольшевистские армии. — Добровольческая армия. — Ее происхождение и развитие. — Ген. Алексеев, Корнилов и Деникин. — Погромы Добровольческой армии и их характер. — Погромный спектр. — Место Добровольческой армии в погромном движении. — Четыре периода погромов Добровольческой армии.

25-го октября (7-го ноября по н. ст.) 1917 г. большевики произвели государственный переворот, свергли возглавлявшееся А. Керенским Временное Правительство и захватили власть. С этого времени не прекращаются попытки военной организации противобольшевистских сил, преимущественно на окраинах России, для свержения большевистской власти. Некоторые из таких противобольшевистских образований носили чисто национально-территориальный характер. Армия эстонская, латышская, украинская и др. ограничивали свою цель задачей чисто локального значения: ликвидировать большевистскую власть на своей территории. Однако, параллельно с этим краевыми антисоветскими вооруженными силами — иногда в сотрудничестве, иногда в борьбе с ними — возник одновременно ряд противобольшевистских армий, ставивших себе общероссийские задачи (или претендовавших на таковые): свергнуть диктатуру большевистской партии в России и восстановить бывшее государство российское. Таковы были армии возглавлявшегося соц.революционером Комитета Учредительного Собрания на Волге, опиравшиеся почти исключительно на 40-тысячный чехо-словацкий корпус и на т. н. «Народную Армию»; сибирская армия, чехо-словацкий корпус и армия Уфимской Директории в Сибири и на Дальнем Востоке; северо-западная армия ген. Юденича, формировавшаяся в Эстонии и шедшая на Петроград; формировавшийся в Латвии корпус полк. Бермонта; астраханская армия и южная армия, созданные с благословения немцев в Киеве; северная армия в Архангель-

ске и, наконец, Добровольческая армия, возникшая на Дону. За вычетом армии Комитета Учредительного Собрания, почти все эти противобольшевистские вооруженные образования были в большей или меньшей степени антисемитски настроены. Особенно роковую роль в судьбах российского еврейства суждено было, однако, сыграть именно Добровольческой армии, путь которой отмечен исключительно кровавой волной т. н. «добровольческих погромов».

Зарождение Добровольческой армии относится еще к ноябрю 1917 г., когда ген. Алексеев начал в Новочеркасске, под прикрытием Донских казачьих частей, формировать добровольческие отряды для вооруженной борьбы с большевиками. В декабре в Новочеркасск приехал бежавший из большевистской тюрьмы в Быхове ген. Л. Г. Корнилов, и был образован своего рода триумвират: ген. Алексеев принял на себя заведывание всем финансовым делом и вопросами, касающимися внешней и внутренней политики, ген. Корнилов взял на себя организацию и командование Добровольческой армией, а донской атаман ген. Каледин — формирование Донской армии и управление всеми делами и вопросами, касающимися Войска Донского. При ген. Алексееве было образовано т. н. «политическое совещание» в составе генералов Корнилова, Каледина, Деникина, Лукомского и Романовского и политических деятелей П. Струве, П. Милюкова, кн. Трубецкого, М. Федорова и Б. Савинкова.

Формировалась армия на принципе добровольчества. Солдат было мало; больше всего записывались в армию офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов¹⁾. «Формирование Донских частей подвигалось плохо»²⁾. К середине января 1918 г. Добровольческая армия насчитывала до 5000 человек. В половине февраля добровольцы и донцы были вынуждены, под давлением большевиков, покинуть Донскую область. Ген. Каледин застрелился. Сведенная до 2.500 бойцов, Добровольческая армия проделала тяжелую трехмесячную зимнюю кампанию, прозванную впоследствии «ледяным походом», в непрерывных боях с наседавшими большевиками пробиваясь на Кубань. 31-го марта (13-го апреля н. ст.) 1918 г. был под Екатеринодаром убит ген. Корнилов. Добровольческая армия в непрерывных боях пробилась обратно на территорию Дона, где восставшее против большевиков казачество к тому времени очистило от них

¹⁾ Ген. А. Лукомский, Из воспоминаний. «Архив русской революции», т. V, стр. 144, Берлин, 1922.

²⁾ Там же, стр. 145.

свою территорию. К маю 1918 г. Добровольческая армия вновь попала в условия, позволившие ей отдохнуть и пополниться для продолжения борьбы с большевиками. Пост главнокомандующего Добровольческой армии занял, вместо Корнилова, ген. А. И. Деникин. Ген. Алексеев принял звание «Верховного Руководителя Добровольческой Армии», продолжая по-прежнему ведать только вопросами финансовыми и внешних сношений. В июне 1918 г. Добровольческая армия, пополнившись и отдохнув, совместно с кубанскими частями (всего в составе 8^{1/2}—9 тысяч пштыков и сабель при 21 орудиях³) начала наступление на Кубань. 25 сентября (8-го октября) скончался ген. Алексеев. Ген. Деникин принял звание «Главнокомандующего Добровольческой Армией», объединяя в своем лице высшую гражданскую и военную власть на занятых Добровольческой армией территориях. Это звание он удержал до 21-го марта 1920 г., когда, после разгрома Д. А. большевиками, он передал власть ген. П. Врангелю и на английском миноносце покинул Россию. Войска Добровольческой армии именовались часто «деникинцами».

Незадолго до кончины ген. Алексеева им утверждено было (18-го августа) «Положение об Особом Совещании» при Главнокомандующем. По идее своей Особое Совещание должно было быть чем то вроде совета министров при Добровольческой армии и имело все обычные отделы кабинета министров. В состав его были постепенно привлекаемы видные русские общественные деятели. Вся полнота власти в Добровольческой армии и на занимаемых ею территориях была единоличной, на началах диктатуры, и принадлежала сначала Верховному Руководителю (ген. Алексееву), а потом Главнокомандующему (ген. Деникину).

К сентябрю 1918 г. Добровольческая армия насчитывала уже до 40 000 пштыков и шашек при 86 орудиях⁴). 60—65% этого числа составляли Кубанские казаки⁵); приток добровольцев в собственном смысле этого слова (главным образом офицеров) шел с Украины и Новороссии, отчасти из центральной России⁶). Сделан был также опыт мобилизации двух призывных возрастов (1916 г. и 1917 г.), проходившей через органы местного военного управления⁷). Отдельно существовала Донская армия, в составе 31 300 бойцов на фрон-

³) Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 149.

⁴) Там же, т. III, стр. 210.

⁵) Там же, стр. 208.

⁶) Там же, стр. 177.

⁷) Ген. Н. Н. Краснов, Всевеликое Войско Донское, «Архив русской революции», т. V, стр. 230.

те с 1282 офицерами при 79 пушках^{*)}, в оперативном отношении сотрудничавшая с Добровольческой армией.

К декабрю 1918 г. Добровольческая армия в этом составе очистила от большевиков всю Кубань, Черноморье и большую часть Ставропольской губернии; в начале февраля занят был весь Северный Кавказ. Весною 1919 г. Добровольческая армия вела ожесточенные бои с большевиками за Донецкий каменноугольный район на царицынском направлении. В июне были заняты губернии Харьковская, Екатеринославская и почти весь Крым, 17 (30) июня — Царицын. 20-го июня ген. Деникиным была дана войскам т. н. «московская директива», ставившая центральной боевой задачей «захват сердца России — Москвы». Неудержимо продвигаясь вперед, Добровольческая армия заняла в последующие месяцы всю Украину. Весь этот путь ее на Украине отмечен непрерывными еврейскими погромами.

* * *

*

В общей волне еврейских погромов, в течение 3-х с лишним годов почти непрерывно катившейся по Украине, погромы, учиненные т. н. Добровольческой армией, занимают совершенно особенное, ярко выделяющееся место. Они прежде всего резко очерчены во времени и заполняют собою сплошной, непрерывный период. Погромы украинских воинских частей (при Украинской Центральной Раде и в эпоху Директории) и повстанческих отрядов носили перемежающийся характер; то вспыхивая, то вновь затихая, они тянулись весь конец 1917 г., январь—апрель и ноябрь—декабрь 1919 года, весь 1920 и 1921 г. Погромы же Добровольческой армии приходится на сравнительно короткий промежуток времени: июнь 1919—март 1920 г., не прекращаясь ни на один месяц. Они начались со вступлением Добровольческой армии на территорию Украины и прекратились лишь с вынужденным, под напором большевиков, оставлением ею областей с значительным и сплоченным еврейским населением. Девятимесячное пребывание армии ген. Деникина на Украине целиком заполнено еврейскими погромами: начинается ими и ими заканчивается. Конечно, и до июня 1919 г. имели место отдельные — и довольно частые — случаи насилий над еврейским населением со стороны Добровольческих частей; и после марта 1920 г. последние уцелевшие отряды Д. А. отмечали свой путь отступления еврейскими погромами; но это были лишь подготовительные или заключительные эпизоды драмы, действие которой ограничено вышеуказанными хроно-

^{*)} Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 211.

логическими вехами. Все разрушения, истребления и ужас, принесенные Добровольческой армией украинскому еврейству, всецело приходится на этот краткий 10-месячный промежуток, исключительный по своему погромному напряжению.

Добровольческая армия не была единственным творцом погромного шквала, свирепствовавшего в этот период на Украине. Параллельно ей, совершенно от нее независимо, но в своеобразном с ней сотрудничестве, действовали в том же направлении враждебные ей силы: «петлюровцы», бесчисленные украинские повстанческие отряды, «григорьевцы» и отдельные разложившиеся большевистские части. Равнодействующая этих разно направленных сил находила свое выражение в непрекращающихся еврейских погромах.

В этом пестром погромном спектре линия Добровольческой армии, однако, выделялась особо, не смешиваясь с другими. Все прочие действующие силы погромной волны этого периода были исключительно местные, украинские, воспитанные, так сказать, в той великой школе еврейских погромов, какую исторически представляет собой Украина. Возрожденная Гайдамачина, специфические социально-экономические условия края и глубокая ненависть украинской деревни к по преимуществу еврейскому городу, сложный переплет обострившихся национальных отношений — все эти причины локального порядка способны дать некоторое объяснение буйному и кровавому разливу еврейских погромов, устроенных местными, крестьянскими по своему социальному составу, а по национальности и национальным устремлениям преимущественно украинскими группами.

Добровольческая же армия пришла на Украину извне. Ее человеческий материал был не-украинский, чуждый стране и ее специфическим условиям. В ней были представлены самые разнообразные этнические и социальные элементы — от великороссов до кавказских инородцев, от бывших царских гвардейцев из дворян до кубанского казачества. Это была сила Украине чуждая, враждебная украинскому и крестьянскому движению, не имевшая никаких корней в местных условиях. Свой погромный антисемитизм она не вскормила в специфических условиях украинской обстановки, но принесла его с собою на Украину готовым. И она сохранила его в беспримесном виде во все время своего пребывания в крае, не смешиваясь с местными погромными силами и оставаясь и в этом — как и во всех прочих отношениях — чужеродным организмом. В погромной чересполосице второй по-

ловины 1919 года роль Добровольческой армии является особенно выдающейся. Этим, конечно, ни в какой мере не умаляется роль, сыгранная, скажем, «петлюровцами» или повстанцами. Но погромные движения этих последних двух сил более растянуты во времени, и их основная тяжесть падает по преимуществу на другие месяцы погромного трехлетия. В период господства Добровольческой армии на Украине ей бесспорно принадлежит пальма первенства в деле истребления еврейского населения.

*   *
*

Можно отметить четыре периода в развитии погромной практики Добровольческой армии.

1. Период сравнительно бескровных погромов (июнь—июль 1919) с преобладанием грабежа над всеми другими формами насилия.

2. Период массовых и кровавых погромов (август—сентябрь 1919). Убийства, изнасилования и пытки вырастают в самостоятельные формы погрома. Грабеж приобретает исключительно разрушительный характер.

3. Промежуточный период относительного затишья (ноябрь—декабрь 1919 г.).

4. Отступление Добровольческой армии (декабрь 1919 — март 1920 г.).

ГЛАВА I.

Первая встреча украинского еврейства с Добровольческой армией. — Крымская прелюдия. — Подготовка погрома. — Поведение администрации. — Одесская попытка. — Наступление Добровольческой армии на Одессу в июне—июле 1919 г. — Первый период погромов: «тихие погромы». Бескровный характер погромов этого периода; грабежи; избиения; аресты; вымогательства; изнасилования. — Поведение власти. — Погромы в провинции. — Контрибуции.

Обычно первую встречу украинского еврейства с Добровольческой армией приурочивают ко второй половине 1919 года, когда добровольцы повели широкое наступление с востока на запад и в несколько месяцев заняли целиком Харьковскую и Полтавскую губ., часть Черниговской, Киевскую, часть Подольской и Волынской и Херсонскую губернию. Но это не совсем точно.

Некоторое смутное предчувствие господства антисемитских настроений в Добровольческой армии имели уже много ранее самые преданные ее друзья. Сенатор и видный еврейкадет М. М. Бинавер, беседуя в октябре 1918 г. в Крыму с «патриархом кадетской партии» И. И. Петрункевичем о возможности своего вступления в проецируемое правительство Крыма, которое должно было опираться на Добровольческую армию, откровенно высказал свои сомнения: «Нам придется, вероятно, иметь дело и с Добровольческой армией. А я этих людей не знаю и не имел никогда связей с военной средой; не знаю даже, не помешает ли сношениям с ними мое еврейство». А посетив месяц спустя, в ноябре 1918 г., Екатеринскадар, где тогда была ставка ген. Деникина, он «получил из Крыма телеграмму с сообщением о том, что опасаются погромов со стороны лиц, именующих себя офицерами Д. А., и о господствующей среди евреев панике». Беседуя на следующий день с помощником ген. Деникина, ген. Драгомировым, о декларации, которая точно формулировала бы перед населением Крыма задачи Добровольческой армии, М. М. Бинавер

показал ему эту телеграмму. Ген. Драгомиров тогда «сам предложил включить в декларацию соответствующий пункт и редактировать его самым решительным образом». И в датированную 7-го ноября, за № 495, за подписью ген. Деникина декларативную телеграмму на имя чинов Добровольческой армии и на имя М. М. Винавера был включен пункт третий: «Д. А. относится с величайшим негодованием к попыткам восстанавливать одну национальность, один класс против другого»¹).

В какой мере, однако, имели какую либо практическую ценность подобного рода общие успокоительные декларативные заявления, — в этом очень скоро имело случай убедиться еврейское население Одессы, которое в конце того-же 1918 года пережило сравнительно кратковременный период владычества добровольцев, в высокой степени характерный для их отношения к еврею.

Впервые в Одессе добровольцы стали проявлять некоторую активность еще при гетмане, во время пребывания у власти ген. Березовского, командира 3-го корпуса. Открыто они тогда не выступали, но лица, близкие к общественной и политической жизни города, знали, что в гарнизонном собрании организовался союз офицеров, довольно многочисленный и находящийся в связи с ген. Деникиным и Колчаком. Во главе союза стоял ген. Леонтьев. После падения власти гетмана город был захвачен войсками украинской Директории. Но не на долго. Молодой и энергичный представитель ген. А. И. Деникина, генерал Гришин-Алмазов, при покровительстве французов (156 десантная дивизия во главе с ген. Бориусом) быстро организовал добровольческие отряды и предъявил начальнику петлюровских войск полк. Змиенко ультиматум об очищении города. 18-го декабря произошел бой; с помощью французов петлюровцы были выбиты из города, а 19-го утром всюду уже развевались трехцветные русские флаги. Власть в городе официально перешла к добровольцам. Ген. Гришин-Алмазов стал править от имени Добровольческой армии и объявил о своем подчинении ген. Деникину. Градоначальником был назначен полк. Марков (бывш. моск. полицмейстер Модуль, переименовавший себя в Маркова), командующим войсками — ген. Санников (бывш. Одесский Городской Голова).

Это была первая ласточка добровольческой власти на Украине, в городе с 200-тысячным еврейским населением. Отношение новой власти к еврейскому населению не замед-

¹) М. М. Винавер. Наше Правительство (Крымские воспоминания 1918-1919 г.г.), Париж 1928 г., стр. 52, 53.

лило сказаться. В значительной мере оно было предreshено. Автор книги «В огне гражданской войны», видный одесский кадет и апологет Добровольческой армии С. Ф. Штерн, многозначительно отмечает, что «политическим руководителем ген. Гришина-Алмазова является В. В. Шульгин, скрываемый дотоле от петлюровцев»²⁾. И вся политика ген. Гришина-Алмазова по отношению к еврейскому населению носила вполне определенный характер. «Помню, — пишет С. Ф. Штерн — как при мне убеждали покойного одесского военного губернатора Гришина-Алмазова в публичном приказе заклеить погромные призывы некоторых офицеров³⁾, гарантируя, в случае опубликования в печати подобного приказа и проведения в жизнь заключающихся в нем кар в отношении погромщиков⁴⁾, значительное увеличение денежной помощи местных еврейских кругов Добровольческой армии. Но подобный приказ издан не был, не вызван был и связанный с ним практический эффект»⁵⁾.

Это полное попустительство и явное поощрение власти всякого рода погромным настроениям возымело естественный эффект в черносотенных кругах, открыто готовивших еврейский погром. Игравший большую роль в Одессе в этот период начальник еврейской боевой дружины С. Янкевич (С. Якоби) в своих записках определенно заявляет:

²⁾ С. Штерн, В огне гражданской войны. Париж, 1923 г., стр. 150. Тот же В. Шульгин устроил известного депутата националиста и антисемита Савенко на альфонском политическом отделе при ген. Гришине-Алмазове. См. М. С. Маргулисес, Год интервенции, кн. I, Берлин 1923 г., стр. 184.

³⁾ Эти призывы, впрочем, исходили не только от отдельных безответственных офицеров. Уже и тогда они открыто насаждались Главным Командованием Добров. армии. Принимавший близкое и заметное участие в одесских событиях этого периода, впоследствии член северо-западного правительства ген. Юденича, М. С. Маргулисес заносит в свой дневник 20 декабря 1918 г.: «Едем в Одессу (из занятого добровольцами Крыма) на «Марии». На пароходе офицер Деникинской армии везет тук прокламаций, напечатанных в армии. Так и пестрят словом «жид». «И это вы везете в Одессу, город с огромным еврейским населением, деятельным и богатым, поддержка которого для армии крайне необходима?» — спрашиваю я. Молчит. Где ему понять!» М. С. Маргулисес. Там-же, стр. 106

⁴⁾ Уже тогда еврейство Юга России проникнуто было чувством глубокого и инстинктивного недоверия и тревоги насчет тех перспектив, какие несет с собой Добров. армия. В заседании состава умеренного Совета Государственного Объединения России (в его состав входили земская, городская и торгово-промышленная группа, группа членов Гос. Думы и Гос. Совета, Союз земельных собственников, академическая группа и друг.) от 9 янв. 1919 г. определенно выяснилась «необходимость успокоения еврейского населения Юга России относительно намерений Добров. армии... Единственно решаем требовать от Деникина декларации по вопросу о евреях». М. С. Маргулисес, там-же, стр. 151.

⁵⁾ С. Штерн, стр. 188—189.

«Этот период пребывания у власти добровольцев связали с попыткой власти устроить еврейский погром»⁹). И, в подкрепление этого своего утверждения, он приводит следующие характерные факты:

«Образцово поставленная разведка еврейской дружины донесла, что на окраинах города появилось оружие, что очень многие из известных в городе черносотенцев стали все чаще собираться в помещении Союза Русских Людей (по Новосельской улице) и запись в этот Союз идет очень успешно... В городе накапливалось погромное настроение». Власть бездействовала. Мало того, она воспользовалась первым удобным случаем, чтобы свалить вину на евреев, обвинив их в провоцировании погрома. А такой случай вскоре представился. По Украине прокатилась кошмарная волна погромов, учиненных петлюровскими войсками. Еврейский Национальный Секретариат в Киеве объявил повсеместный день траура по жертвам этих погромов. Получив соответствующий циркуляр, Одесская еврейская община тоже назначила такой траурный день, постановив ознаменовать его панихидой во всех синагогах, однодневной приостановкой работ во всех еврейских предприятиях и большим траурным собранием в городском театре. Черносотенцы заволновались. В местных черносотенных листках появились по этому поводу угрожающие заметки. Стали поговаривать, что день траура превратится в день погрома. Власть же, вместо того, чтобы охранить естественное право еврейского населения выразить скорбь по своим, погибшим от руки убийц, собратьям, стала настаивать на отмене траурного дня, уступая этим черносотенному давлению. Градоначальник Марков в беседе с бывшим членом Государственного Совета Г. Э. Вайнштейном просил его повлиять на общину, чтобы она отменила этот день траура: «Иначе он снимает с себя ответственность за то, что может произойти». В беседе с председателем правления еврейской общины д-ром М. С. Шварцманом градоначальник еще раз повторил, что «снимает с себя всякую ответственность за возможные в этот день беспорядки». Одновременно выяснилось, что в Итальянской гостиннице некий поручик Сперанский раздает оружие для организации еврейского погрома. Когда начальник еврейской дружины С. Янкелевич сообщил об этом градоначальнику, тот, в присутствии д-ра М. С. Шварцмана, вызвал всех приставов; те заявили, что все спокойно и никто оружия не раздает. Когда же С. Янкелевич назвал пор. Сперанского, градоначальник оживленно восклик-

⁹ С. Якоби, Город, в котором не было погрома. Центральный архив материалов о погромах, Берлин (рукопись).

нул: — «Ну вот, у страха глаза велики! Я уж испугался, думал, действительно, что-нибудь не ладно. Поручик Сперанский — да ведь он там 50 винтовок имеет, что-ли. Русский боевой отряд организует. Существует ведь еврейская боевая дружина, может существовать и русская». Напрасно др М. С. Шварцман указывал полк. Маркову, что «сопоставление это не совсем правильно, ибо существование русского боевого отряда в городе, занятом и охраняемом русскими военными частями, совершенно недопустимо». Градоначальник остался при своем. И, при полном попустительстве власти, раздача оружия продолжалась. Один из дружинников, похожий на русского и входивший, в целях разведки, в Союз Русских Людей, принес в штаб еврейской дружины винтовку русского образца, только что полученную в Союзе с указанием, как «бить жидов», когда будет дан сигнал. Оживление царило во всех черносотенных пунктах. Когда же неизвестными лицами убит был (26 февраля) возле своего дома председатель Союза Русских Людей Родзевич, погромное настроение спустилось до крайности. Власть бездействовала. У погромщиков руки были развязаны.

И если погрома все же не произошло, то это ни в какой мере не было заслугой добровольческой власти. Предотвратили его два обстоятельства: присутствие на рейде французских военных судов и наличие в городе хорошо организованной и вооруженной еврейской боевой дружины. Еврейская общественность энергично использовала оба эти момента. Сенатор О. О. Грузенберг вызвал по телефону градоначальника и категорически заявил, что, если вся эта работа Союза Русских Людей и русского боевого отряда не будет прекращена, он завтра же будет у французского командования и по кабелю даст знать всей Европе, что Добровольческая армия организует погромы: это заставило Добровольческую администрацию подтянуться. Отряд же в 300 еврейских дружинников в полном вооружении, при пулеметах, продефилировал перед зданием Союза Русских Людей. Это произвело впечатление. Черносотенные круги от устройства еврейского погрома временно отказались. Вскоре (апрель 1919 г.) и сами добровольцы вынуждены были, вместе с французами, покинуть Одессу. Город был занят большевистскими войсками под начальством атамана Григорьева, который вскоре изменил большевикам и прославился кровавыми погромами.

Этот кратковременный опыт добровольческого владычества не оставил, однако, сколько-нибудь заметных следов в сознании еврейского населения. Владычество это было слишком кратковременным и бурным, чтобы можно было сделать

из этого опыта какие-либо длительные выводы. К тому же ген. Гришин-Алмазов и его сподвижники не рассматривались, как подлинныя, призванные представители Добровольческой армии и ее идеалов. На них смотрели, как на местных сатрапов, за действия которых руководители Добровольческой армии не ответственны. «Из прекрасного далека» Добровольческая армия представлялась иным в ореоле борьбы с большевизмом «за демократическую государственность и гражданские права». Должно было пройти еще полгода, чтобы еврейство Украины увидело подлинный облик армии генерала Деникина.

* * *

*

В середине лета 1919 г. (июнь—июль) Добровольческая армия впервые вступила в области с значительным еврейским населением и заняла ряд пунктов в губерниях Харьковской, Екатеринославской и северных уездах Таврической. Эта первая встреча официальных частей Д. А. с еврейским населением отмечает собою в то же время и первый период добровольческих погромов. Период этот, в главных и наиболее характерных своих чертах, заполнен целой серией т. н. «тихих погромов», — начальной и, так сказать, подготовительной, пробной стадией добровольческой погромной волны.

Этот первый период характеризуется, прежде всего, отсутствием какой бы то ни было мотивированности, даже хотя бы внешней, антиеврейских эксцессов.

Никакого опыта от соприкосновения с евреями Д. А. в этот период естественно еще накопить не успела. И политически и житейски нельзя было говорить о мотивированности какого-либо специфического отношения к евреям. И все же, с первых же дней, обнаружилось подозрительное, резко враждебное и ожесточенное отношение добровольческих частей к еврейскому населению. Отношение, которое чисто фактически никакими действиями со стороны евреев просто не успело быть вызванным и которое — ясно — было принесено в готовом виде, уже сложившимся, психологически завершенным.

Еврейское население — сплошь большевистское и, во всяком случае, за большевиков ответственное. Такова была априорная политическая максима, из которой и сходили все элементы Добровольческой армии. Въ специальном каждый раз доказательстве максима эта не нуждалась. Принадлежность к еврейской национальности является уже сама по себе необходимым и достаточным признаком «комиссарства».

И, в качестве сплошной большевистской массы, евреи естественно — военная добыча Добровольческой армии, отданная на поток и разграбление ее наступающим частям. Каждый еврей личностью и достоянием своим отвечает за большевиков.

С этой г о т о в о й формулой пришли добровольческие части в первые же пункты с еврейским населением и, не давая себе труда ее проверить, не теряя времени, приступили к осуществлению конкретных выводов, из нее вытекающих.

14-го июля 1919 г. добровольцы заняли г. Валки, Харьковской губ. Начали они с того, что взяли в качестве з а л о ж н и к о в от еврейского населения 12 евреев (Гальперина, Каца, Брандса, Позизовского, Рахлина, Варшавского, Слиозберга, Гликина, Эйбермана, Фидлера, Розенштока и Оренштейна). Заложники эти были взяты, как гарантия за то, что большевики не расстреляют взятых ими с собой при отступлении русских заложников.⁷⁾ С самого начала конструированы были, таким образом: 1. Некая связь между действиями большевиков и судьбой арестованных евреев; 2. Ответственность евреев за действия большевиков.

Это совершенно не скрывалось добровольческими властями. Арест заложников евреев производился исключительно по национальному признаку. Счастливо избежавший зачисления в заложники, содержатель аптеки в Валках Л. М. Кауфман рассказывает: «Арест мой произошел следующим образом: перед вечером ко мне явился адъютант коменданта и обратился ко мне с вопросом: «Вы какой национальности?» Я ответил. Тогда он сказал: «Пожалуйста за мной». Я пошел к коменданту и там был арестован»⁸⁾. Дочери взятого заложником 65-летнего Овсея Гальперина добровольческий комендант так и заявил, что обвинения ее отцу никакого не предъявлено: «единственное обвинение это то, что он еврей, а так как большевики взяли у нас заложников и не выпускают их, — то мы взяли ваших»⁹⁾. Среди арестованных пятеро работали на огороде кооперативного товарищества вегетарианцев, где работали также и русские. Представитель кооператива Григорий Хвостатый обратился к производившему арест офицеру Баркову. Тот заявил, что добровольческая власть «ничего не имеет к группе огородников, но имеет к национальности»¹⁰⁾...

С еврейского погрома н а ч а л и добровольческие части

⁷⁾ Из материалов Харьковской еврейской общины. См. Центральный архив материалов о погромах. (Берлин.)

⁸⁾ Там же, заявление Л. М. Кауфмана.

⁹⁾ Там же.

¹⁰⁾ Там же, протокол опроса Х. Гальперинной.

и в Балашеве, впервые занятом добровольцами 1-го июля 1919 года. Казаки, входя в город, «первым делом осведомлялись: «где проживают евреи?». Уличные мальчишки им это указывали, и начиналась зверская расправа». Командный состав этой расправе не препятствовал и сам, в свою очередь, начал свою «еврейскую политику» с того, что арестовал всех евреев города в числе 65 человек (целыми семьями). Когда привели первую партию арестованных, ротный командир обратился к ним со следующими словами: «Ваши братья-евреи пролили на Дону кровь наших братьев, теперь вы за них платитесь. Вперед к мосту!» . . . «Это было,—сообщают уполномоченные «ОЗЕ» (Общества охранения здоровья еврейского населения) — место пытки и казни. Младший командный состав лично участвовал в погроме. Среди банд громил и убийц были также урядники. Число убитых точно не установлено . . . Спасшиеся вернулись избитыми, окровавленными и раздетыми почти до нага или в одном нижнем белье». Все они были заключены в тюрьму, где над ними жестоко издевались¹¹). Когда же добровольцы вынуждены были, под давлением большевиков, временно оставить Балашев, часть арестованных, заболевшая сыпным тифом, была оставлена в Балашеве и, по сообщению военной власти, расстреляна; остальные эвакуированы были в ст. Урюпинскую, комендантом которой состоял есаул Отдельного Донского Казачьего Корпуса Марков. Здесь арестованных евреев содержали в грязной тюрьме, заставляя, под улюлюканье толпы, чистить помойные ямы¹²).

По сравнению с последующим, этот период характеризуется сравнительной бескровностью. В этот период Добровольческая армия еще сохраняла некоторое подобие дисциплинированного войска и не выродилась в разбойничий загон, обезумевший от крови и убийств. Поэтому погромные эксцессы не носили еще, в общем и целом, организованного и официального характера. Власть, особенно в более крупных пунктах, еще не признавала *de facto* еврейскую жизнь бесхозяйным имуществом и не узаконила массовой бойни. Поэтому убийства в этот период сравнительно редки. В тех случаях, когда они имеют место, их творцы и исполнители все же стараются «делу дать законный вид и толк» и прикры-

¹¹ Погромы в Балашеве (Сообщение уполномоченных «ОЗЕ»); напечатано в «Бюллетене Общества Ремесленного и Земледельческого Труда среди евреев («Орт»), № 3, Петроград, декабрь 1919 г.

¹² Письмо от 13 августа 1919 г. из Царицына И. М. Ротштейну в Ростове н/Дону, содержащее сообщение студ. медика 5-го курса Саратовского университета Мальцева; там же.

вают их обвинением убитых в большевизме, в «комиссарстве»; если убитые не сами «комиссары», то это — их родственники, друзья, квартирохозяева. Во всяком случае, без хотя-бы заведомо лживого и нелепого навета евреев, по общему правилу, не убивают. Если убивают арестованных, то в объяснение и оправдание выставляется традиционная версия о «попытке к побегу при переводе из тюрьмы». Словом, пытаются еще соблюдать аппарансы в отношении еврейской жизни. Правда, при перманентном характере эксцессов (особенно в Харькове, Екатеринославе) число жертв в результате все-же является довольно значительным. Но это не погромные жертвы в непосредственном смысле этого слова. Формально они пали жертвами антибольшевистского террора, избравшего своею мишенью евреев, как заведомых «коммунистов». В этом смысле этот первый период является относительно менее кровавым, нежели последующие¹³⁾.

Центральное место в погромной практике этих первых месяцев занимал грабеж. Но и он носил совершенно иной, сравнительно более легкий характер, нежели в дальнейшем.

Прежде всего, он еще тоже не был узаконен. Власть, правда, смотрела сквозь пальцы. Но это обнаружилось лишь постепенно. Первоначально грабители, так сказать, еще нащупывали почву, не были уверены в безопасности и безнаказанности своих действий. Они сами понимали, что делают нечто недопустимое, непозволительное, зазорное и с точки зрения морали, и с точки зрения правового порядка и государственности. Поэтому, врываясь к евреям в дом, они временами как-то все же еще смущались, действовали неуверенно, торопясь, стараясь скорее «покончить дело» и уйти, пока жертвы не подымут крика и не придет Государственная Стража. Они еще были и сравнительно непритязательны в своих аппетитах и довольствовались относительно немногим, — лишь бы получить его возможно быстрее, без шума, и лишь бы получаемое было возможно более портативным. Поэтому они требовали и отбирали преимущественно наличные деньги, драгоценности, валюту, часы, кольца, портсигары. Искали в общем поверхностно. К пыткам не прибегали. Приставляли револьвер к виску или шашку к горлу и этим путем вымогали деньги. Дальше изобретательность пока не шла. И так как жертвы еще не были дочиста ограблены, то они

¹³⁾ Насколько разрушителен был, однако, этот «тихий» погром, можно усмотреть из следующих красноречивых цифр. Добровольцы заняли гор. Екатеринослав 23-го июня 1919 г., а в июле месяце число евр. смертей, при отсутствии всякой эпидемии, достигло 379, т. е. в три раза больше обыкновенного. Материальные убытки еврейское население за 6 недель погрома имело огромные, не поддающиеся никакому учету.

сравнительно быстро отдавали требуемое и откупались. Это был не столько форменный погром, сколько простой грабеж — по национальному признаку — с вымогательством. Входили добровольческие грабители под предлогом поисков коммунистов, оружия или коммунистической литературы. А в процессе обыска требовали денег, грозили арестовать и расстрелять и заставляли откупаться. Часто выводили во двор всех мужчин дома и раздевали до гола. Грабеж носил обычно многократный, повторный характер. За одной партией грабителей приходила другая, требуя денег, забирая вещи, избивая. Нередко по несколько раз являлись одни и те же офицеры и казаки. Уходя, они предупреждали, что вернутся.

Грабили не только в домах, но и на улице. Подходили, спрашивали документы и, увидев из них, что задержанный — еврей, отнимали деньги или, угрожая арестом, вымогали более или менее крупные суммы. При этом били нещадно. Типичным в этом смысле является следующий случай, зарегистрированный со слов пострадавшего в Екатеринославе. Пострадавший Поздняковский 27-го июля проходил по мосту. Караул остановил его и потребовал денег. Денег у потерпевшего не оказалось. Его завели в будку и подвергли тщательному обыску. Денег не нашли, захотели снять брюки, но Поздняковский оказал сопротивление. Солдаты повели его к дежурному офицеру, и один солдат спросил: «Г. прапорщик, извольте видеть, у меня совсем порваны брюки, я хочу снять с него штаны». Офицер ответил: «Что-же, если нужно, — бери». Просьбы потерпевшего на офицера не повлияли. Офицер вышел из сарая, солдаты раздели Поздняковского до гола и около часу подвергали пыткам.

Избиения в этот период встречаются гораздо чаще. Обычно они сопровождают грабеж. Из зарегистрированных в Екатеринославе 319 случаев ограбления 53 сопровождались избиениями. Но нередко они носят и самостоятельный характер. В материалах Харьковской еврейской общины имеется в высшей степени характерное показание этого рода. Яков Утевский, 58 лет, торговец, грамотный, сообщает: «Вчера в субботу, 6-го июля, часов около 8 вечера я был в синагоге на Мещанской улице. К синагоге подъехали 3 офицера на «ваньке» (извозчике). Они имели погоны, черные, бархатные с белым кантом... Один из них соскочил с «ваньки», подбежал к группе евреев, стоявшей у калитки, схватил одного еврея — слепого, бросил его на землю и стал топтать ногами. Другой офицер нагайкой стал сечь остальных евреев; они разбежались, а офицер гнался за ними и сек

нагайкой. При этом офицера ругались, грозили вырезать всех жидов...¹⁴⁾

Еще чаще имели место избиения при арестах. И здесь установился уже известный трафарет, образцом которого может служить такой, например, безхитростный рассказ поденного рабочего Залмана Генина, 55 лет: «В понедельник, 4-го июля, часа в 4 дня, я шел с работы домой... Немного выпивший неизвестный потребовал у меня документ. Я показал мое удостоверение, выданное мне еще при госпитале. Неизвестный посмотрел документ и сказал: «А, ты жид, пойдем в участок» и повел меня в 1-ый участок. Там он меня ударил нагайкой; меня били нагайками все бывшие там начальники; милиционеры меня не били. Один начальник в эполетах поставил мне револьвер в рот и сказал: «выбирай смерть либо в рот, либо в живот». Он меня страшно мучил; он говорил по немецки. Часа два меня там продержали, все время били, и только вечером арестовавший меня пошел со мной в 3-ий участок для удостоверения моей личности. Он гнал меня перед собой и бил нагайкой. Шагов 50 он меня гнал, потом спросил, есть ли у меня деньги; я сказал, что нет. Он бросил меня и ушел»¹⁵⁾. Не щадили и женщин. Арестованную вместе со своими впоследствии расстрелянными сыновьями и братом Лию Фелициан жестоко высекли в канцелярии Дроздовского полка 12 солдат. Фелициан была унесена в бесчувственном состоянии¹⁶⁾.

Особой формой антисемитского террора были аресты. Арестовывали под различными, самыми нелепыми предлогами, по доносу различных лиц, сводящих личные счеты. В материалах Харьковской еврейской общины зарегистрирован ряд таких случаев. Домовладелец и подрядчик Шифман был арестован добровольческим офицером Ждановым в отместку за то, что тот вел когда-то судебную тяжбу с отцом Жданова по поводу приобретенного дома¹⁷⁾. Пекарь Яков Ошеров был арестован, как «большевик», по доносу дворничихи дома № 25 по Ярославской улице, поссорившейся с ним на той почве, что она не разрешала Ошерову брать воду из их двора.¹⁸⁾ 16-летняя работница на папиросной фабрике Зельда

¹⁴⁾ Из материалов Харьковской еврейской общины; протокол опроса Я. Б. Утевского См. Центральный архив (в дальнейшем мы так будем называть Центр. архив материалов о погромах, нах. в Берлине).

¹⁵⁾ Там же, протокол опроса Э. Л. Генина, 55 лет, поденный рабочий, малограмотный.

¹⁶⁾ Там же, протокол опроса Л. Фелициан, 45 лет.

¹⁷⁾ Там же, протокол опроса Фейги Шифман.

¹⁸⁾ Там же, протокол опроса Хаи Ошеровой, 30 лет.

Каган поссорилась как-то с русским парнем: тот выругал ее «жидовкой», а она его «черносотенцем». Когда пришли добровольцы, обиженный парень встретился с Каган и сказал: «вот погоди, я сообщу, что ты коммунистка». Угрозу он исполнил, и Каган была арестована¹⁹). Лавочник Палевский и его дочь Сарра арестованы были по доносу соседа, шоффера Бирюкова, в свое время, при большевиках, арестованного за погромную агитацию²⁰).

Поводы к арестам были самые разнообразные. Торговец Семен Залгаллер был арестован за то, что был «секретарем» — секретарем чего или кого, неизвестно²¹). Юзефу Литманович пришли арестовать, заведомо ложно обвиняя ее, будто она выдала большевикам сына домохозяина, белогвардейца Н. Зимина²²). Портного Довидовича арестовали и угрожали расстрелять за то, что он якобы «выражался плохо о Деникинской власти»²³). Мыловара Я. Любича обвинили в хранении и несдаче во-время казенных вещей и краденного золота и серебра²⁴). Лесопромышленнику М. Цыпину инкриминировалось, по доносу неизвестного прохожего, что он «был помощником комиссара, катался на автомобиле и служил в продовольственном складе»²⁵). Очень часто все эти обвинения и аресты определенно инсценировались с исключительной целью вымогательства.

Вымогательства вообще играли крупную роль в погромной практике этого периода. Производились они вполне открыто, и целый ряд «обвинений» легко и быстро ликвидировался уплатой соответствующего выкупа. С упомянутого выше портного Довидовича некий поручик контр-разведки потребовал 10.000 руб., чтобы «затушить дело»: покончили на 3000 руб. К комиссионеру Гершу Лейбензону явились двое неизвестных в солдатской форме и потребовали выдачи мобилизованного большевиками и отправленного ими на фронт сына его. Когда того, естественно, не оказалось, пришедшие потребовали от Лейбензона, чтобы он отправился с ними в контр-разведку; при этом они тут же предложили ему откупиться за 1000 руб. У Лейбензона было всего 100 руб., которые он им и предложил, но те заявили, что «командир при-

¹⁹) Там же, заявления Р. Слоним и М. Альтшулера.

²⁰) Там же, протокол опроса С. Палевской.

²¹) Там же, протокол опроса Р. Залгаллер, зубной врач.

²²) Там же, протокол опроса портного Пинхуса Литмановича.

²³) Там же, сообщение об Н. Довидовиче.

²⁴) Там же, протокол сообщения о Я. Любиче.

²⁵) Там же, протокол опроса М. Левина и Л. Цыпина.

казал им меньше тысячи не брать», и ушли, предложив приготовить деньги к субботе.

Сравнительно немногочисленны в этот период изнасилования. Они носят еще случайный и не массовый характер. Но именно их новизна и сравнительная редкость придает им особую мучительную остроту в сознании пострадавших семей. Отец изнасилованной казаками девушки В-кер в Харькове, не вытерпев позора, отравился соляной кислотой²⁶⁾. Но уже и в этот относительно ранний период изнасилования носят исключительно жестокий характер и производятся скопом. Жену Х. П-ка в Екатеринославе изнасиловали трое казаков поочередно²⁷⁾. В квартире Левина 26 казаков и 1 офицер изнасиловали двух девушек и замужнюю женщину²⁸⁾. Еще более многочисленны попытки к изнасилованию. В некоторых случаях приходили со специальной целью «позабавиться». В семье М. Литнера семеро казаков настойчиво искали его дочь, о которой они слыхали, что она — красивая девушка²⁹⁾.

Каково было отношение властей ко всем этим убийствам, грабежам, избиениям, арестам, вымогательствам?

В общем и целом — безучастное. Нельзя еще отметить активной прикосновенности органов власти ко всем перечисленным явлениям, но несомненно — участие в них одних представителей правительственных учреждений и попустительство, окрашенное определенным жидоедством, — со стороны других.

Материалы и показания, собранные Екатеринославской еврейской общиной, особенно изобилуют разительными фактами этого рода. Почти все 319 зарегистрированных случаев содержат традиционное замечание: «участвовали казаки» или — «участвовала Государственная Стража». Вполне понятно, что все попытки найти защиту и управу у военных или гражданских властей встречали лишь оскорбления и насмешки. Когда ограбленный несколько раз Б. Виленский обратился к коменданту Государственной Стражи с просьбой о присылке помощи, тот заявил: «Ты, жид, какое право имеешь ко мне являться», — помощь послана не была. Семья избитой и ограбленной Гени Гальперин явилась в комендантуру за ото-

²⁶⁾ Там же, протокол опроса Я. Вайншенкера.

²⁷⁾ Из материалов Екатеринославской еврейской общины; См. Центральный Архив. По вполне понятным причинам мы здесь, — как и в дальнейшем — не публикуем полностью имен изнасилованных. Но имена эти нам известны, и они могут быть установлены по документам Центрального архива в Берлине.

²⁸⁾ Там же.

²⁹⁾ Там же.

бранными накануне паспортами; к ним вышел комендант и прогнал их, заявив: «Я жидовских заявлений не принимаю». Ц. Капусткина, испытавшая взлом и ограбление магазина, ограбление квартиры и избиение казаками, явилась с заявлением к коменданту Андра и получила в ответ: — «Вон, жидовская морда, всыпать ей 50 шомполов». Ограбленный Г. Галкин, принеся жалобу приставу 2-го участка, не был принят последним; единственное, что ему было заявлено, было следующее: — «Идите жаловаться Троцкому, а на это правительство нечего жаловаться». Жаловавшейся на грабеж К. Эльевой комендант заявил: «А я при чем тут?» Когда в квартире А. Рошиба от неосторожного обращения с огнем грабивших казаков вспыхнул пожар, — проходивший мимо офицер заявил: «Знаем ваши еврейские штуки, сами подожгли, чтобы получить страховку». В тех же редких случаях, когда, по настойчивой просьбе пострадавших, являлась Государственная Стража и виновных арестовывали, это никаких карательных мер в отношении их не вызывало. В Харькове ограбленные казаками братья Брискины добились ареста виновных. Но через несколько часов к ним явился офицер контр-разведки, вернул ограбленный казаками бинокль и предложил «не возбуждать дела, так как казаки — шкуровцы их полк находится в 7 верстах от Харькова, и их расстрел может вызвать волнение и тревогу»³⁰). Ничего удивительного, что, при таком отношении, грабители очень мало опасались возмездия и открыто заявляли о своих подвигах. Когда О. Фишелев опознал участвовавшего в грабеже и избиении офицера, и грабителя арестовали, тот вслух заявил: «Мало грабили, еще будем грабить»³¹).

В Харьков казаки явились в полном убеждении, что евреи — их жизнь и имущество — их бесспорное достояние. Ограбивший Р. Давидова казак откровенно заявил ему, что «им, казакам, разрешено грабить еврейское имущество, это — их военная добыча»³²). Источником этого убеждения явилось крепко привитое представление, что «все жидаы — коммунисты», как заявил С. Штейнбергу избивший его офицер³³). Победив и прогнав большевиков из Харькова, они считали что «жидовское царство уже кончилось» (слова офицера Жданова арестованному Ш. Шифману)³⁴), и все оставшиеся в городе евреи — своего рода заложники в добровольческом ста-

³⁰) Из материалов Харьковской еврейской общины; протокол опроса Айзика и Рувима Брискиных; см. Центральный архив.

³¹) Там же, протокол опроса О. М. Фишелева.

³²) Там же, протокол опроса Р. Давидова, 29 лет, дезинфектор.

³³) Там же, протокол опроса С. В. Штейнберга.

³⁴) Там же, показание Ш. М. Шифмана, 49 лет, домовладелец.

не, люди вне закона. Конвоировавший И. Бурштейна офицер так и сказал ему: «Вы виноваты в том, что вы — еврей»³⁵). Этой вины было достаточно для ограбления, ареста, убийства. В отношении евреев все эти действия почитались даже патриотичными, освобождающими Россию от сплошь коммунистической нечисти, и в обычном погромном лозунге грабивших — «бей жидов, спасай Россию» первая часть рассматривалась, как необходимое условие и предпосылка второй.

В предыдущем речь шла почти исключительно о Харькове и Екатеринославе. Это были первые два крупных центра с значительным еврейским населением, захваченные Добровольческой армией; они — наиболее типичные для этого первого периода «тихих погромов». Обладая хорошо организованной и активной общинной организацией, эти города более и лучше других обследованы и дают богатый и проверенный материал для характеристики погромных эксцессов.

Это не значит, однако, что этими крупными пунктами исчерпывается погромный размах Добровольческой армии за период июнь—июль 1919 г. Погромы в более мелких пунктах за этот период мало обследованы. Но и то многое, что имеется в нашем распоряжении, дает исключительно яркую картину начинающего пьянеть от сознания безнаказанности погромного разгула.

В крупных центрах добровольческие части еще сравнительно сдерживались. Екатеринослав и Харьков — города с многотысячным населением, административные центры, средоточие высших властей, старающихся все еще соблюдать аппарансы, на виду у всех. В мелких-же провинциальных пунктах, ничем и никем не стесняемые, добровольцы распоряжались во всю. Погромы здесь уже постепенно теряют свой «тихий» характер и все более приобретают черты подлинных погромов, предвосхищают картину погромной вакханалии последующего периода — начинающегося августом.

Здесь появляются уже впервые контрибуции, накладываемые специально на еврейское население и являющиеся официальной квалификацией евреев, как враждебного элемента, который должен специальной денежной карой искупить свою вину и купить себе безопасность. При этом контрибуции налагались самые своеобразные. В Михайловке (Таврич. губ.), куда добровольцы вступили 15-го ию-

³⁵) Там же, заявление И. Я. Бурштейна, 46 лет, владелец пекарни. В Богодухове (Харьковской губернии), на вопрос ограбленного М. Тимака, на каком основании все это делается, казаки ответили: «Для жидов никаких оснований не требуется.» Из материалов Харьковской еврейской общины, протокол опроса М. М. Тимака.

ня, комендант города наложил на еврейское население следующую контрибуцию: 250.000 руб. деньгами (при этом часть денег должна быть внесена николаевскими, а часть золотыми из расчета 300 руб. за 10 золотых), 2 заграничных чемодана, золотые часы, 2 пары дамских туфель № 39, 2 пары чулок, 10 фунтов свечей, 5 фунтов перцу, 130 пуд. муки, 1 пуд махорки, 1 пуд табаку лучшего качества и спичек. Кроме того, специальные контрибуции накладывались еще на отдельных евреев. Росписок в приеме денег и вещей не выдавалось³⁶⁾. В еврейской земледельческой колонии Равнополь (Таврической губ.) командир 2-го Кубанского Партизанского полка потребовал от евреев 10.000 руб. деньгами и 10 штук рогатого скота для солдат. Само еврейское население начало смотреть на контрибуцию, как на совершенно неизбежное явление, единственно способное, быть может, предотвратить погром³⁷⁾. На ст. Лозовой (Екатеринославской губ.) евреи сами собрали «для нужд Добровольческой армии» 50.000 руб., которые специальная депутация еврейской общины должна была передать добровольческому коменданту города. Комендант заявил, что «окровавленных жидовских денег» он принимать не желает; однако, дал себя убедить городскому голове (христианину) и 50.000 руб. принял³⁸⁾.

Ошибочным было бы, однако, предположение, будто внесенная евреями и принятая добровольческими военными властями контрибуция действительно спасала от погрома, предотвращала его, к чему-нибудь обязывала взявших. Не было ни одного случая, чтобы внесенная контрибуция предупредила погром. В Михайловке, несмотря на полученную комендантом контрибуцию, добровольцы «начали грабить местное еврейское население, численностью до 100 семей, заходя в отдельные квартиры и забирая все, что в квартире находится: платье, подушки, деньги и проч. Грабежи происходят днем и ночью. Ограблены почти все более или менее зажиточные евреи. Не ограничиваясь грабежами, они также избивают еврейское население, терроризируя и запугивая его»³⁹⁾.

³⁶⁾ Из материалов Харьковской еврейской общины; сообщение Э. Хаславской; см. Центральный архив.

³⁷⁾ Сообщение, полученное сионистской организацией в Ростове н/Дону от своего корреспондента.

³⁸⁾ Из материалов Харьковской еврейской общины; сообщение члена управы ст. Лозовая И. И. Ломберга. Характерно, что, составляя в Лозовой 10% населения, евреи внесли «на нужды Доброй армии» 50 000 руб., а все не-еврейское население — всего 4 500 руб. Этим особенно рельефно оттеняется специфический «контрибуционный» характер этого «доброхотного» даяния.

³⁹⁾ Там же, показание Э. Хаславской и Л. Готтесмана.

В Лозовой, после того, как комендант, по просьбе городского головы, принял 50.000 руб., «солдаты (8-го Кубанского полка и 6-го Терского) занялись грабежами среди еврейского населения», причем, «грабежи производились также среди бедного еврейского населения». Когда же «евреи стали прятать более ценное имущество... грабежи стали носить более насильственный характер; ограбленных заставляли силой извлекать из чемоданов и прочих мест запрятанное имущество». Разгрому подверглась и синагога, переполненная в этот момент молящимися. Казаки разорвали 8 свитков Торы. В качестве традиционного погромного атрибута, стали выпускать перья из перин и подушек. Не обошлось и без жертв: подойдя к отделению Петроградского международного банка, группа солдат 6-го эскадрона осетинского дивизиона стала поджидать выхода служащих и, схватив наугад служащих банка Хенкина и Бару, заявили, что те — большевики. Городской голова вместе с комендантом пошли за осетинами, требуя выдачи арестованных. Но те заявили, что отведут этих «большевиков» к своему начальнику. В 3 часа дня Хенкин и Бару были расстреляны в вагоне эшелона и выброшены на полотно дороги. Обе жертвы никакого отношения к большевизму не имели: Хенкин — сионист, Бару — беспартийный ⁴⁰⁾.

Жестоко пострадал от добровольческих отрядов и Царицын, занятый 17-го июля войсками Кавказской армии. Здесь «почти все еврейские дома (за исключением не больше десяти) были ограблены, причем грабили партии, приходившие одна за другой. Сапожник — беженец Юделевич, 60 лет, был вытащен с юношей сыном из дому за то только, что, по мнению заказчика солдата, просил дорого за починку сапог; во дворе контр-разведки он был убит вместе с сыном, причем трупы были положительно исколоты штыками. Поручик Дубровский (еврей), живущий по Астраханской улице, № 6, был ранен в ногу преследовавшими его казаками во главе с офицером только за то, что какому-то хулигану вздумалось указать на него, как на бывшего комиссара... Есть, конечно, еще много случаев беспричинных и бессмысленных арестов невинных людей, но всех не перечесть»⁴¹⁾. И здесь, как и всюду, добровольческие власти ничего не сделали для борьбы с погромом: «Царицын был взят Добрармией 17 июля, а первый приказ о строгом преследовании грабежей и

⁴⁰⁾ См. цитированное выше сообщение И. Ломберга о Лозовой.

⁴¹⁾ Из материалов Комитета Еврейских Делегаций в Париже. Письмо из Царицына на имя И. М. Ротштейна в Ростове н/Дону от 13 августа 1919 г.

насилий был опубликован 29 июля, когда фактически все уже было сделано»⁴²⁾).

Форменный погром законченного типа разыгрался в упомянутой выше еврейской колонии Равнополь. «4-го июня утром, чуть свет, в колонию со всех сторон нагрянули толпы вооруженных и не вооруженных казаков и не-казаков. Все дома были наводнены солдатами, которые стали грабить все движимое и недвижимое имущество: одежду, обувь, белье, наволоки, домашние вещи и деньги... Солдаты, ища вещей, взламывали печные трубы, стены, копали землю во дворах и домах, лазили по чердакам и погребам. Людей раздевали посреди улицы, снимая одежду и обувь. Со всех сторон неслись вопли избиваемых; в одном дворе казак, наступив на грудь 70-летнего старика, избивал его плетью, требуя денег; в другом дворе избивали палкой другого старика, требуя, чтобы он выдал, кто в колонии комиссар; в третьем доме казаки повесили 80-летнего старика, требуя денег, и старик этот снят был из петли полузадохшимся. Среди белого дня солдаты стали гоняться по улице за женщинами, затаскивали в дома и насиловали на глазах мужей и отцов, беспощадно избивая последних за малейшую попытку защитить насилуемых. Забирали брички, лошадей, упряжь. На просьбы оставить лошадей для уборки хлеба солдаты говорили: «Не беспокойтесь, вы не будете убирать этот хлеб, вы будете уничтожены до последнего». То же продолжалось и на следующий день. «Но так как грабить было уже нечего (все было забрано в первый день), то стали забирать хлеб — зерно, муку и печеный хлеб... В одном доме у вдовы с 4-мя детьми забрали последние 10 фун. муки в кулечке»⁴³⁾).

Погром в Равнополе является уже в значительной мере переломом в погромной практике Добрармии. По своей откровенной и методичной разрушительности он знаменует собою переход к новым погромным формам, нашедшим свое высшее выражение в последующие месяцы (август—сентябрь) на территории Киевской, Херсонской, Подольской и Полтавской губерний.

⁴²⁾ Там же.

⁴³⁾ Сообщение, полученное сионистской организацией в Ростове н/Дону от своего корреспондента из Равнополя; см. Центральный архив.

ГЛАВА II.

Социально-политическая физиономия Добровольческой армии. — Реставрационные стремления. — Восстановление прежних еврейских правоограничений. — Недопущение евреев-офицеров в армию. — Отношение к евреям-врачам и евреям-рядовым. — Ген. Деникин и офицеры-евреи. — Устранение евреев из городских самоуправлений. — Киевская эпопея. — Ограничения в области образования. — Судьба еврейских общин. — Ограничения в правах жительства. — Особое Совецание и помощь погромленным. — Безуспешное ходатайство Киевского Центрального комитета помощи. — Агитация «Освага». — Отдел пропаганды и евреи. — Ген. Деникин и деятельность «Освага». — Антисемитская агитация официальной печати.

Можно спорить о том, была-ли Добровольческая армия уже в момент своего создания реставраторской по своим идеям и стремлениям. Но несомненно, что к тому времени, когда, сложившись и окрепнув, она победоносно вступила летом 1919 года на территорию Украины, она была и по социальному составу своего человеческого материала, и по своей идеологии определенно проникнута стремлением к максимально возможной реставрации всех сторон старого режима: политических, социальных, гражданских. Несмотря на широковещательные обещания, руководящие круги Добровольческой армии неуклонно вели реакционную политику в земельном, рабочем и национальном вопросе. Еврейское население очень скоро почувствовало себя угрожаяемым во всех завоеванных революцией 1917 года элементарных гражданских правах.

Формально еврейское бесправие царских времен восстановлено, правда, не было. Но в целом ряде областей еврейской жизни стали явочным порядком вводиться мелкие и крупные частичные ограничения в правах, постепенно возвращавшие еврейское население к старому дореволюционному положению. Не встречая определенного властного противодействия со стороны центральной власти и ее высших представителей на местах, эти факты административного антисемитизма множились и учащались, знаменуя в своей совокупности вполне

определенный процесс возврата к «добрым старым временам». Особенно остро восприняла еврейская общественность систематически осуществлявшееся недопущение в армию офицеров-евреев.

Офицеры-евреи — явление недавнего происхождения. Они появились лишь после февральской революции 1917 года, при Временном Правительстве, когда целый ряд евреев, частью за боевые заслуги, частью за окончанием военных училищ, был произведен в офицеры. Во время гражданской войны и разложения армии эти офицеры-евреи испытали много тяжелого, страдая как офицеры и как евреи. При национализации воинских частей они, особенно на Украине, часто оказывались «ни в сих, ни в иных». Национальные украинские войсковые образования их исключали из своего состава; в национальные великорусские части они, в обостренной атмосфере национальной вражды, не сочли возможным вступать; многих удерживали от этого и принципиальные соображения. После октябрьского переворота еврей-офицеры, в подавляющем большинстве своем, всячески воздерживались от вступления в Красную армию. Напротив, к Добровольческой армии, шедшей формально под знаменем Учредительного Собрания и объединения России, отношение в некоторых кругах еврейской офицерской среды было более положительно. В первом составе Добровольческой армии, возглавлявшемся ген. Корниловым, участие евреев было очень заметно. Евреи были представлены и среди участников знаменитого Ледяного похода (начало 1918 г.). Сведений о сколько нибудь определившемся враждебном отношении к ним в тот период не имеется. В первом ядре Добровольческой армии антисемитские настроения не были еще господствующими и активными. Но по мере того, как армия эта начала крепнуть и захватывать все более широкие круги офицерства, в ней начинают все больше развиваться антисемитские тенденции. В июне и июле 1918 г., когда в известных еврейских кругах усилилась активная тяга в Добровольческую армию, евреев уже часто перестали принимать и на офицерские должности, и в качестве врачей, и даже в качестве простых добровольцев. И ростовский еврейский общественный деятель А. С. Альперин, посетив 8 сентября 1918 г. в Екатеринодаре ген. Алексева, вынужден был обратить внимание последнего на факты непринятия евреев в армию и другие проявления антисемитизма в Добровольческой армии. Генерал Алексеев в ответ, правда, категорически заявил: «Я и весь высший командный состав стоим твердо на почве равноправия всех граждан и чужды антисемитизма. Пока я буду сто-

ять во главе Добровольческой армии, в ней не будет антисемитизма». Но тотчас же вслед за этим, не оставлявшим как будто места для толкования, заявлением последовала многозначительная дополнительная фраза, фактически сводившая на нет все значения этой программной декларации: «Но, разумеется, история имеет свой вес, и годами сложившиеся настроения не могут быть сразу преодолены». Пока Добровольческая армия оставалась в областях Донской и Кубанской, где еврейское население было количественно ничтожно, подобные «годами сложившиеся настроения» находили свое выражение лишь в отдельных и не типичных случаях. Посетивший в ноябре 1918 г. Екатеринодар и Ставку ген. Деникина М. М. Винавер констатирует в своих записках: «За исключением красовавшихся несколько дней в витрине книжного склада Добровольческой армии еврейских каррикатурных фигур, изображающих Троцкого и его сателлитов*), я тогда ничего агрессивного по отношению к евреям в настроении Добровольческой армии не заметил... Доходили до меня какие-то слухи, будто из армии устраниются офицеры-евреи. Я проверил эти слухи, и в основе их оказался ничтожный случай усердия какого-то невысокого чина, во время оставленного»¹⁾.

Тотчас-же, однако, по проникновении Добровольческой армии, летом 1919 г., в местности с густым еврейским населением, те «годами сложившиеся настроения», о которых так туманно говорил ген. Алексеев, дали себя резко почувствовать.

По приходе добровольцев целый ряд офицеров-евреев пошли волонтерами в армию; многие-же были просто призваны по мобилизации в ряды Добрармии. Но здесь они встретили систематическую травлю и непризнание в среде как офицерского, так и высшего командного состава, повлекшие за собой сначала фактическое, а потом и официальное изгнание евреев-офицеров из армии.

Ранее всего проявилось это отношение к евреям-офицерам в Харьковском районе, первом районе с значительным еврейским населением, занятым Добровольческой армией. Собранный в Харькове офицерский отряд добровольцев, наполовину состоявший из евреев, был направлен в Сводно-Стрелковый батальон. Под Золочевым отряд успешно выполнил возложенные на него боевые задания. Но, несмотря на это, входившие в состав отряда евреи в тот же день были

*) Телохраниителей.

¹⁾ М. М. Винавер, Наше правительство. Париж 1928, стр. 53—54.

откомандированы к воинскому начальнику и там отпущены «впредь до мобилизации»²⁾). Порыв кучки волонтеров был отвергнут. Но не лучшее отношение встретили и мобилизованные офицеры-евреи. Харьковским уездным воинским начальником мобилизованы были 13 офицеров евреев: прапорщики Брук, Шапиро, Пикельный, Финкельштейн, Аренков, Гринер, Лозман, Коган, Вайсборт, Дворкинд, Штейнберг, Абрамович, Фарбштейн и старший портупей-юнкер Левенберг. Офицеры эти направлены были в части. Но оттуда они были возвращены в распоряжение Начальника штаба 1-го Армейского корпуса при отношении Коменданта штаба 10-ой пехотной дивизии от 30 июня 1919 г., в котором сообщалось, что «начальник дивизии не находит возможным принять их к себе в дивизию» и вообще «приказал просить не присылать евреев-офицеров на пополнение частей дивизии»³⁾). Не допускались еврей-офицеры и в специальные части армии. Командир второго железнодорожного батальона откомандировал обратно в распоряжение заведующего передвижением войск еврея-юнкера Шпунта, «как лицо иудейской веры, так как евреи на службу в железнодорожные части не допускаются»...

Не допущены были к исполнению своего офицерского долга даже те офицеры-евреи, которые имели за собою значительный стаж на службе в Добрармии и в частности оказали огромную услугу самому ген. Деникину, охраняя его при препровождении из Бердичева в Выхов, за что им была объявлена специальная благодарность по фронту (напр. прапорщик Шафир⁴⁾). И, обобщая эти отдельные факты, Харьковский воинский начальник уже официально через газеты предложил «всем офицерам иудейского вероисповедания» явиться к нему «для принятия на особый учет», после чего «они будут распущены по домам впредь до особого распоряжения»⁵⁾.

Это исключение офицеров-евреев не носило, однако, местного характера и не ограничилось Харьковом и его районом. Оно вскоре приобрело характер повсеместный.

В Екатеринославе немедленно по освобождении его от большевиков «была открыта запись офицеров-добровольцев;

²⁾ Докладная записка ген. Деникина от представителей еврейских общин Таганрога, Ростова и/Дону, Екатеринослава и Харькова. См. отдел документов в приложении.

³⁾ См. отдел документов.

⁴⁾ Рапорт прапорщика в отставке А. Х. Р. Шафира на имя Главнокомандующего вооруженными силами Юга России от 24 сентября 1919 г. Центральный архив.

⁵⁾ См. отдел документов.

евреев-офицеров не принимали, с них срывали погоны»⁶⁾. После занятия добровольцами Одессы ими была сформирована первая маршевая рота. В ее состав вошло до 80 офицеров и юнкеров-евреев, в том числе до 30 записавшихся добровольно. 7 сентября 1919 года рота эта вышла из Одессы. Но, по прибытии на фронт, еврей-офицеры были с передовых позиций откомандированы сначала в тыл, а потом и вовсе уволены со службы. На вопрос, чем объясняется такой факт, командующий войсками Одесского района ген.-лейтенант Розеншильд-Паулин в беседе с сотрудником газеты «Одесские Новости» открыто заявил: «Дело в том, что нами было получено распоряжение свыше, что офицеры-евреи мобилизации не подлежат, и если таковые имеются в рядах войск, то они должны быть демобилизованы, для чего их надлежит отправить к воинскому начальнику». И действительно, все офицеры-евреи были возвращены в Одессу, где были уволены со службы. На руки каждому выдавалось специальное удостоверение в том, что «он, как еврей, на основании распоряжения дежурного генерала войск Новороссийской области от 6 сентября 1919 г. за № 21 322, призыву по мобилизации не подлежит и увольняется со службы».

Не всегда, впрочем, одним увольнением ограничивалось дело. Еще более тяжелая судьба постигла евреев-военных чиновников и чиновников военного времени. В то время, как еврей-офицеры, по крайней мере, не дисквалифицировались, и, не желая иметь их в своей среде в офицерском чине, добровольческие военные власти просто исключали их из рядов войск⁷⁾, еврей-военные чиновники и чиновники военного времени, согласно распоряжения мобилизационной части при Ставке, зачислялись на службу, как простые солдаты в строй.

Но и в качестве рядовых солдат евреи встречали в добровольческих частях беспощадное отталкивание. В качестве вольноопределяющихся, добровольно идущих в армию, их совершенно не принимали. Но по мобилизации они обязаны были идти. О том, в какую атмосферу травли и издевательства они попадали, выразительно свидетельствует докладная записка, представленная 20 октября 1919 г. Главноначальст-

⁶⁾ Из доклада председ. Екатериносл. общины инж. М. С. Брука на сионистской конференции в Балаклаве 18—22 сентября 1919 г. Архив Комитета Евр. Делегаций в Париже.

⁷⁾ Имели место, впрочем, случаи сознательно оскорбительной дисквалификации и в отношении офицеров-евреев. «Никогда не забуду, — рассказывает в своей книге Д. С. Пасманик, — картину страданий 11 прапорщиков-евреев, пришедших ко мне в Симферополе жаловаться, что их вывелили из строевых частей и откомандировали... кашеварами в тыл». Д. С. Пасманик. Русская революция и еврейство. Париж 1923 года, стр. 183.

вующему и командующему войсками Новороссийской области ген.-лейтенанту Шиндигу не назвавшим своего имени христианином, прапорщиком старой русской армии и Георгиевским кавалером. По его рассказу, на сборном пункте Одесского Уездного Военного Начальника по Дегтярной улице № 24 солдат-евреев, мобилизованных 10—13 сентября, «определенно подвергают незаслуженным издевательствам и травле со стороны товарищей-христиан. Это делается командным офицерским составом по его собственной инициативе и под поощрением штабс-капитана, помощника военного начальника и ставленников его — караульных... С утра до вечера несчастные евреи, имеющие гражданское мужество, при таком положении вещей, своевременно явятся по мобилизации, забрасываются нашими русскими хулиганами, под благосклонным надзором штабс-капитана и начальства, корками от арбузов и подвергаются также более чувствительным издевательствам: имеет место избивание, выбивание зубов и всякое другое мародерство и гнусности... Выстраивают без цели и надобности евреев и русских отдельно: евреев на лужах; причем их отправляют стоять по целым часам под градом корок и камней нашей русской хулиганствующей братии на глазах начальства, что доводит несчастных до возмущения и протеста, до самовольного выхода из строя^{а)}».

Сам ген. Деникин признает в своих «Очерках русской смуты», что «из тех батальонов, где евреи скопились в более значительном числе, начали поступать донесения о резкой вражде к ним со стороны русских солдат и даже о нарушении на этой почве дисциплины; евреи подвергались постоянному глумлению, с ними не хотели жить в одном помещении и есть из одного котла». Ген. Деникин утверждает при этом, что «начальство запасных батальонов принимало меры противодействия этому явлению». Каковы были эти меры — он не сообщает; в других источниках тоже нет никаких указаний на то, чтобы подобные меры принимались и чтобы в какой либо степени охранялась жизнь и честь еврейских солдат. Во всяком случае и ген. Деникин признает, что начальство добровольческое в этом направлении «не преуспело» и, идя по линии наименьшего сопротивления, «обыкновенно изолировало евреев в отдельные роты». «Вместе с этим, — сообщает ген. Деникин, — оно (начальство) входило с представлениями о прекращении призыва евреев, как элемента в боевом отношении мало удовлетворительного, а в бытовом — представляющего большую обузу». Но на эту меру, перед

^{а)} Центральный Архив, отдел документов Д. А.

^{б)} А. И. Деникин. «Очерки русской смуты», т. V, стр. 145-146.

проведением которой остановились даже царский режим и реакционная Государственная Дума 4-го созыва (на исключении евреев из армии настаивали лишь крайние правые, во главе с Замысловским), ген. Деникин не решился. Он аргументирует этот свой образ действий следующим образом: «Если в отношении офицеров освобождение их от службы было только правоограничением, то подобная общая мера была бы уже правонарушением. Отбывание воинской повинности, будучи не малою тяготою, вместе с тем юридически является правом граждан. Лишение этого права целой национальностью, прежде всего, поражало бы морально ее правосознание, являлось бы официальным ее осуждением и давало бы лишний серьезный повод для юдофобских настроений».

В какой степени именно эти безусловно-правильные соображения принципиально-гражданского порядка, а не соображения другого рода удержали ген. Деникина от того, чтобы официально «освободить» евреев солдат от призыва в армию, сейчас судить трудно. Во всяком случае, не-официально он эту цель несомненно преследовал. Идеалом его было видеть «Вооруженные силы юга России» judenrein.

Он ничего не сделал для того, чтобы оградить еврейских рекрутов от насилий и издевательств. И он с сдержанным удовлетворением констатирует, что фактически господствовала политика систематического недопущения евреев в воинские части и выживание их оттуда. «Жизнь — пишет он, — сама вносила известные коррективы: частью от дезертирства, частью, вероятно, от умышленно строгих требований при приеме, еврейские контингенты не были многочисленны, и, выйдя из запасных батальонов, рассасывались по частям. Назревавшее бытовое явление становилось эпизодическим, теряя значительно свою остроту и болезненность. О гонениях на отдельных солдат-евреев в частях мне слышать не приходилось».

Частью доведя преследованиями и издевательствами уже принятых евреев солдат до дезертирства, частью бракуя их при призывах, добровольческое начальство сделало евреев солдат в воинских частях «эпизодическим явлением». Неудивительно, что ген. Деникину «не приходилось слышать» о судьбе этих немногих мучеников.

То же отношение проявилось и к евреям-врачам, мобилизованным приказами: они упорно не допускались в действующую армию. В материалах Харьковской еврейской общины имеется характерный протокол опроса мелитопольских врачей Толчинского и Кирзнера. Мобилизованные 27-го

июня 1919 г., они получили первоначально назначение в части 2-ой Терской Пластунской Бригады⁹⁾. Однако, по прибытии на место назначения, им задали предварительно настойчивый вопрос о национальности, в продолжении 25 дней гоняли от одной инстанции к другой и, в конце концов, без объявления причин, откомандировали обратно в Мелитополь для зачисления на учет. Д-р Толчинский, имевший за боевые заслуги в последней войне ордены Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость», Станислава 3-ей степени и Анны 3-ей степени и лично в свое время представленный ген. Май-Маевскому, подал рапорт последнему. Ген. Май-Маевский заявил тогда д-ру Толчинскому, что «врачи-евреи не будут назначены в части в интересах самих евреев, так как момент очень острый и в армии враждебное отношение к евреям». Начальник же Санитарного отдела Добровольческой армии статский советник Беляков в беседе с д-ром Толчинским с полной откровенностью объяснил, что причина, почему евреев-врачей не допускают в армию, ясная: «Потому что вы — еврей. Нам известно, на чьей стороне симпатии евреев. Целые полки еврейские сражались под Екатеринославом против Добрармии»^{9а)}...

Первоначально все эти факты рассматривались, как самовольные и случайные действия начальников отдельных воинских частей Добрармии, действующих исключительно за свой страх и риск, без ведома высшего командования. В этой уверенности, посетившая ген. Деникина 26-го июля 1919 г. делегация представителей еврейских общин Екатеринослава, Харькова, Ростова н/Дону и Таганрога просила его специальным приказом по армии подтвердить неизбежность права евреев на занятие офицерских должностей и потребовать от командиров частей неуклонного выполнения этого приказа. В ответ на это ген. Деникин заявил: «Командный состав на свой страх и риск, по собственному почину, отдавал распоряжение об отправке евреев-офицеров в отдельные батальоны. Я сделал даже замечание ген. Май-Маевскому. Формально он на это не имел права, но внутренне я сознавал, что иначе он поступить не мог. В конце концов, я лично отдал приказ об отчислении евреев-офицеров в резерв». Бесправие евреев-офицеров было, таким образом, подтверждено свыше высшим официальным лицом Добрармии¹⁰⁾.

⁹⁾ Прославившейся впоследствии погромами в Смеле, Фастове, Белой Церкви и т. д.

^{9а)} Центральный архив, отдел документов Д. А.

¹⁰⁾ Сам ген. Деникин в своих «Очерках русской смуты» именует всю эту мучительную эпопею «эпизодом», — хотя и более серьезным по-

Этот возврат к временам царского режима ген. Деникин мотивировал стремлением избежать «крупных неприятностей для самих евреев, для которых жизнь в офицерской среде была бы нестерпима». Еврейская делегация естественно заявила категорический протест против такой аргументации, заявив: — «Если на первых порах еврей-офицеры и страдают от неприязни своих товарищей, то это нам не страшно. Но мы не можем допустить оскорбления». Тогда ген. Деникин счел нужным привести другой довод: «Я боюсь серьезных волнений среди офицерства и не могу поэтому принять Вашу точку зрения»¹¹). Эта капитуляция перед антисемитскими настроениями реакционного офицерства, приносящая им в жертву интересы и достоинство еврейского населения, вынудила членов еврейской делегации ребром поставить ген. Деникину вопрос: — «Не следует-ли считаться и с настроениями еврейских масс, уязвленных в своем национальном достоинстве? Можно-ли от них требовать, чтобы они отдавали свои головы, идя в армию, из которой выбрасывают их братьев? . . . » «Ген. Деникин молчал», — отмечает записанный делегацией протокол беседы.

Сам ген. Деникин еще сильнее передает эту часть своей беседы с делегацией:

«Еврейские представители просили еще вернуть евреев-офицеров в полки. Я описал им бывшие на этой почве инциденты и указал на тяжкие последствия для этих офице-

свщает ей ровно 12 строк и излагает ее следующим образом:

«Со времен Керенского в рядах армии находилось несколько десятков офицеров-евреев; часть их попала и в Добровольческую армию, а несколько человек совершили с ней первый поход. При последующих мобилизациях эти офицеры явились в полки, но офицерское общество отказалось их принять; устранены были также из частей те офицеры-евреи, которые состояли в них раньше. По жалобе одного из них — первоходника, дважды раненного в боях, я потребовал от командующего Добровольческой армией ген. Май-Маевского принять решительные меры против самочинных действий частей. Но меры эти разбились о пассивное сопротивление офицерской среды. Чтобы не подвергать закон заведомому попранию и людей безвинных нравственным страданиям, я вынужден был отдать приказ об оставлении офицеров-евреев в запасе». См. его книгу т. V, стр. 145.

¹¹) Фактов активно враждебного отношения добровольческого офицерства к немногочисленным уцелевшим в сосаве армии офицерам-евреям зарегистрировано мало. Из них опубликован харьковской газетой «Заря» следующий: В Ростове н/Дону к участнику одного из Корниловских походов и операций под Царицыным (где он был и контужен) еврей-хорунжему К. подошли на главной улице города 3 офицера, двое из которых были в нетрезвом состоянии. Один из последних крикнул: «Поручик, ты жид» — и схватил хорунжего за пояс; другой схватил К. за полупортугею и разорвал ее. Благодаря вмешательству третьего трезвого офицера, инцидент обошелся без последствий.

ров в случае принудительного зачисления их в части. Один из представителей взволнованно и горячо заявил:

«Пусть. Пусть они подвергнутся моральным мукам, даже смерти. Мы идем на это, мы жертвуем своими детьми...» («Очерки русской смуты», ч. V, стр. 150). Ген. Деникин *post factum* дополняет этот аргумент следующими рассуждениями: «Власть не могла стать на эту точку зрения: за самосудами — чтобы не капитулировать явно перед произволом — должны были последовать репрессии, а за репрессиями — прилив новой волны ненависти». (Там-же).

Небезинтересным комментарием к этим словам может служить беседа, которую имели 20 октября 1919 г. представители Еврейской Политической Коллегии в Ростове н/Дону прис. пов. А. Л. Черников, д-р Г. Я. Брук и д-р Ф. Е. Ландер с одним из идеологов Добровольческой армии и политическим представителем ген. Деникина в Париже, В. А. Маклаковым. Когда ему был передан этот диалог с ген. Деникиным, В. А. Маклаков заявил: «Вы можете идти на такой шаг, но не Деникин. Раз Деникин берет офицеров в свою армию, он должен им обеспечить возможность правильно функционировать. Если-бы кто либо из офицеров-евреев был убит, то нужно было-бы нарядить следствие и расстрелять всех виновных. Все это чрезвычайно бы осложнило положение дел армии»¹²⁾.

Офицеры-евреи так и остались выброшенными из рядов Добровольческой армии.

* * *

Реставрация старых порядков в еврейском вопросе не ограничилась, однако, одной военной средой. Она нашла свое выражение и в целом ряде областей общегражданской жизни.

Одним из наиболее ярких проявлений этой новой правительственной политики было систематическое и открытое устранение евреев из городских самоуправлений. Единственным из завоеваний революции 1917 г., которое — в первое время, по крайней мере, — признавала добровольческая власть, были городские самоуправления, избранные на основе демократического избирательного закона Временного Правительства. Распущенные большевиками, они всюду почти автоматически в старом составе восстанавливались добровольцами; лишь кое-где (напр., в Одессе, Николаеве и друг.) происходили выборы. Восстановленным органам гор. самоуправления придавалось этим большое значение, как единст-

¹²⁾ Из материалов Обединенного Совета Сионистских организаций в Одессе; см. Центральный архив.

венным демократическим представительством местного населения. И добровольческие власти не могли потерпеть участия в них евреев.

В Кременчуге, на второй же день после вступления в город добровольческих частей, начальник гарнизона ген.-майор Шифнер-Маркевич издал приказ № 1, п. 3, которого гласит: «Приказываю немедленно собраться Городской Думе и Городской Управе последнего до-большевистского состава с изъятием из нее всех большевиков и, в видах успокоения населения, всех евреев»¹³⁾. То же имело место и в Черкассах (Киевской губ.), где приказом № 1 от 4-го августа того же ген.-майора Шифнер-Маркевича созвана была бывшая демократическая Городская Управа, — но «с изъятием членов большевиков и евреев»¹⁴⁾. Впоследствии эта Управа была заменена Управой по назначению; в ее составе не было ни одного еврея (Черкассы — город с значительным еврейским населением), во главе Управы поставлен был в качестве городского головы известный монархист П. Т. Королевич, а со службы в городском самоуправлении удалена была последняя оставшаяся еще еврейка. Тот же модус — «кроме евреев» — переброшен был добровольческими властями и в уезд. Специальным приказом коменданта г. Черкас и уезда полк. Христофорова предложено было¹⁵⁾ собраться всем волостным земским управам в составе до большевистского переворота, — но опять таки «кроме большевиков и евреев»¹⁶⁾.

Еще откровеннее и бесцеремоннее действовали добровольческие власти в Не ж и н е, занятом ими 28 августа. Здесь немедленно после перемены власти начались грабежи. Было созвано заседание Городской Думы в старом составе для рассмотрения вопроса об организации охраны города из местных отставных офицеров. В заседании участвовали все гласные Думы, евреи и христиане. Городским головою был избран вместо убитого большевиками Мельникова М. Е. Талпа, и Дума собиралась приступить к занятиям. Вдруг к городскому голове подошел солдат и заявил, что его просит к себе начальник передового добровольческого отряда. Вернувшись, городской голова заявил: «К сожалению, должен вам передать неприятное требование, только что предъявленное представителем Добрармии, чтобы евреев не было на сегод-

¹³⁾ Из материалов Центрального архива; сообщение М. Рекиса.

¹⁴⁾ Центральный архив, отдел документов Д. А. См. также в приложении к книге.

¹⁵⁾ Приказ № 8 по Черкасскому уезду.

¹⁶⁾ Центральный архив, отд. документов, где хранится печатн. экз. приказа.

няшнем заседании»¹⁷⁾. Это требование относилось как к гласным, так и к зрителям. И евреи гласные, только что принимавшие участие на равных правах в выборах городского головы, вынуждены были покинуть зал заседания. У дверей была поставлена стража, не впускавшая евреев в зал¹⁸⁾.

Не везде, однако, добровольческие власти находили возможным и удобным официально отстранить всех евреев от участия в городском самоуправлении. Особенно в больших городах это представлялось затруднительным и связано было бы с неприятной оглаской. В этих случаях добровольческая военная администрация действовала обходным путем, но не менее настойчиво и категорически. В высшей степени характерным в этом отношении является инцидент в Киеве в связи с неутверждением гласного-еврея Ладыженского членом Киевской Городской Управы.

Через несколько дней после вступления добровольцев в Киев состоялось 22 августа 1919 года частное совещание гласных демократической Киевской Городской Думы для выбора состава Городской Управы. Намечен был список из 3-х социалистов-революционеров, 2-х социал-демократов, 7 кадетов, 1-го — от польского коло и 1-го (д-р И. А. Ладыженский) от еврейского блока. Среди намеченных д-р Ладыженский был единственным евреем. Другие партии дали исключительно русских кандидатов¹⁹⁾. На следующий день этот список представлен был на утверждение военного губернатора ген. Бредова. Последний заявил, что со стороны военных властей препятствий к утверждению не встречается и предложил сформировавшейся управе приступить пока к несению всех обязанностей, предупредив, однако, что окончательную санкцию список может получить лишь после приезда в Киев гражданских властей. В тот же день, 23 августа, новые члены Городской Управы распределили между собою обязанности, причем д-р Ладыженский никакого самостоятельного и ответственного портфеля не получил и намечен был лишь одним из трех членов чисто академической «комиссии по выработке схемы управления крупными и мелкими городскими предприятиями»²⁰⁾. Однако, уже на следующий день газеты сообщили, что от Ладыженского поступило заявление о том, что он «не может исполнять обязанности члена управы в виду сильного нездоровья» и просит освободить его от этого

¹⁷⁾ Из материалов Росс. Красного Креста. Сообщение христианина Х. о Нежине. Центральный архив.

¹⁸⁾ Из материалов Центрального архива; сообщение Х. Гофмана и Нежине.

¹⁹⁾ «Киевлянин», от 23-го августа 1919 г.

²⁰⁾ Там же, от 24-го августа 1919 г.

звания ²¹⁾). Датированный же 24-го августа и опубликованный 27-го августа приказ № 6 военного губернатора г. Киева ген. Бредова объявил «утвержденный временный состав Городской Управы», в котором перечислены были и трое с-р-ов, и двое с.-д., и 7 к.-д., и представитель польского коло; только еврей Ладыженский оказался неутвержденным ²²⁾). Приписать это неутверждение его политическим воззрениям невозможно. Еврейский блок, в состав которого входил д-р Ладыженский, стоял на весьма умеренной демократической платформе и в своем радикализме далеко отставал от с.-р. и с.-д., представители которых были без затруднений утверждены властью. Единственным объяснением его остракизму могла служить лишь его принадлежность к еврейской национальности. Городская Управа не нашла, однако, удобным принять бой в этой плоскости. Она забаррикадировалась за моменты формального свойства, заявив, что факта неутверждения не было, так как д-р Ладыженский вследствие болезни не вошел пока в состав Управы и на утверждение представлен не был ²³⁾. При этом Управа постановила «принять все меры к включению в число членов Управы представителя еврейского блока д-ра И. А. Ладыженского» ²⁴⁾, и действительно постановлением от 13-го сентября включила его в состав Управы, поручив ему заведывание городскими предприятиями.

Власть этого потерпеть не могла. 12-го октября городской голова Е. П. Рябцов вызван был к помощнику Главного начальствующего Киевской областью бар. Гревеницу, который заявил ему, что когда стало известно, что гласный Ладыженский вошел в Управу, то ген. Драгомиров рассердился и положил следующую резкую резолюцию: «Кто посмел это сделать?» Далее бар. Гревениц заявил, что гл. Ладыженский выдал при утверждении, а потому «все дальнейшие действия управы незаконны, являются насмешкой над властью, и Управу следовало бы отдать под суд за превышение власти». «Как городской голова, — заявил бар. Гревениц Е. П. Рябцову, — вы должны предложить гл. Ладыженскому выйти из Управы». На предложение городского головы предать весь инцидент забвению, так как он может вызвать управский кризис, бар. Гревениц ответил, что ген. Драгомирова «это будет мало волновать» ²⁵⁾. И действительно, в газетах появился датированный 15-го августа приказ за № 27 Главного-

²¹⁾ Там же, от 25 августа 1919 г.

²²⁾ Там же, от 27 августа 1919 г.

²³⁾ Там же, от 8 сентября 1919 г.

²⁴⁾ Там же, от 11 сентября 1919 г.

²⁵⁾ Там же, от 15 октября 1919 г.

чальствующего Киевской областью ген. Драгомирова об устранении Ладыженского из состава Управы, как вошедшего в нее в явное нарушение действующего закона²⁶⁾.

Кризис разразился. Из-за наличия одного еврея в 14-членном составе управы власть сочла возможным пойти на конфликт со всей Управой, которая в результате коллективно подала в отставку.

Из области городского самоуправления та же тенденция решительно отстранить евреев от всякого участия в органах, осуществляющих государственные и общественные функции, равно как и от пользования государственными учреждениями перекинулась в целый ряд других областей. В Севастополе торгово-промышленный Комитет, используя представленное ему приказом коменданта Севастопольской крепости право, делегировал в состав междуведомственной ревизионной комиссии еврея Е. А. Безаковича. 2-го октября в Комитет поступило отношение означенной комиссии с предложением делегировать представителя только православного вероисповедания. Добровольческие власти на местах стали давать распространительное и анти-еврейское толкование разного рода ненормальным явлениям, порожденным смутным временем. Черноморский военный губернатор, еще до вступления Д. А. на территорию Украины донес ген. А. И. Деникину «об усиленной скупке евреями земли на побережьи в спекулятивных целях». Ген. Деникин положил резолюцию: «воспретить». В ведомственном исполнении эта резолюция вылилась в официальное распоряжение нотариусам через Екатеринодарскую судебную палату: «воспретить евреям приобретение земли в собственность и аренду на всем пространстве Черноморской губернии». Естественно, что «это распоряжение привлекло внимание печати, вызвало волнение среди еврейства и усиленную агитацию против командования». Из этих слов ген. Деникина неясно, было ли такое распоряжение отменено. Он сообщает лишь, что «вскоре последовало разъяснение, что борьбу против частной спекуляции надлежит вести «независимо от того, лицами какой национальности таковая спекуляция производится»²⁷⁾. Стали воскресать и старые ограничения в области образования — среднего, высшего и специального. Приказом Терского Войскового Правительства было объявлено, что дети евреев будут приниматься в Ессентукскую гимназию лишь на оставшиеся после приема христиан места. В Новочеркасском политехникуме приказом Донского Правительства введена была для евреев при

²⁶⁾ «Киевлянин», от 17 октября 1919 г.

²⁷⁾ А. И. Деникин, Очерки русской смуты т. V, стр. 145.

приеме 5% норма²⁸). В объявлении о приеме в Севастопольский морской корпус от лиц, желающих поступить в корпус, требовалось предоставление, в ряду прочих бумаг, метрического свидетельства о крещении.

Возродились также прежние административные ущемления. Хотя приказом ген. Деникина разрешен было функционирование еврейских общин на всей территории, занятой Добровольческой армией²⁹), однако, представитель добровольческой администрации в Одессе запретил в заседании еврейской общины употребление еврейского языка; заседание вынуждено было закрыться. В Киеве поставлена была под сомнение и самая законность существования еврейской общины. Городской юрисконсульт П. В. Малютин дал заключение в том смысле, что так как еврейская община в Киеве существовала на основании закона Центральной Рады от 2 декабря 1917 г., отмененного со вступлением Добровольческой армии, то «сомнению подлежит самое существование совета еврейской общины, как органа, действующего по нормам закона». Для заведывания же коробочным сбором, достаточно будет, если Городская Управа выделит из своей среды одного из членов, которому поручается дело еврейской благотворительности за счет этого сбора³⁰). В том же Киеве евр. обществ. училища, в которых получало образование свыше 700 детей, были исключены из общегородской школьной сети³¹). Начальник Славяно-Сербского уезда гр. Коновницын предложил представителям Луганской еврейской общины вносить на содержание городской стражи 150.000 руб. в месяц, иначе он не ручается за спокойствие города³²). На евреев, несущих, наряду с прочим населением, все податные тяготы, возложена была, таким образом, по дореволюционному образцу, еще какая-то особенная обязанность — содержать полицию.

Начали возрождаться местами и старые ограничения в праве жительства или даже временного пребывания для евреев в отдельных пунктах казачьих территорий. В Ейске, Кубанской области, содержателям гостинниц строжайше за-

²⁸) «Еврейская Жизнь» (Харьков), № 3, от 11 сентября 1919 г. В беседе с М. С. Маргулисом (родом из евреев) А. И. Гучков, мечтая войти с Добров. армией в Петроград, говорил, подсмеиваясь: «А, ведь, будет еще черта оседлости и процент при приеме евреев в учебные заведения», М. С. Маргулиес, Год интервенции, кн. I, Берлин, 1923 г., стр. 293.

²⁹) «Русь», от 25 сентября (8 окт.) 1919 г., № 37.

³⁰) Там же, от 18 ноября (1 декабря) 1919 г. № 78.

³¹) Там же, 13 (26) сентября 1919 г. № 28.

³²) «Заря», № 10, от 18 сентября 1919 г.

прещено было сдавать номера приезжающим евреям; на территории-ж Ейского порта достаточно было появиться еврею, чтобы быть сейчас же задержанным и подвергнутым строгому допросу, после чего «виновные» немедленно усаживались на пароход и водворялись за пределы края. Внесший по этому поводу запрос член Кубанской Краевой Рады Д. Н. Гудзь многозначительно указывает, что «бывали случаи и больших мытарств»³³).

Весьма ярко сказалось отношение высших властей Добровольческой армии, — не только военных, но и гражданских к еврейскому населению, — в характерном инциденте с ассигнованием Особым Совещанием 10 миллионов рублей в пользу пострадавших от погрома.

Созданная в Киеве центральная еврейская организация помощи с огромными усилиями собрала значительные суммы на помощь пострадавшим. Но эти средства были ничтожны по сравнению с размерами погромного бедствия. Сколько-нибудь достаточная и действительная помощь жертвам погромов и гражданской войны могла быть организована лишь на широких государственных началах, на общегосударственные средства. Даже оставляя в стороне вопрос об ответственности добровольческой власти за погромы, элементарно ясно, что в обязанности государства входит помощь гражданам, пострадавшим от насилий и разгрома во время гражданской войны.

Руководствуясь этими соображениями, Центральный Комитет помощи евреям пострадавшим от погрома обратился к Особому Совещанию при Главнокомандующем (некто вроде Совета Министров) с ходатайством об ассигновании 50 миллионов рублей на оказание помощи погромленным. Особое Совещание в частном заседании постановило это ходатайство удовлетворить только частично: вместо 50 миллионов отпустить только 10 миллионов. «Осваг» поспешил оповестить Европу об этом великодушном акте, демонстрируя перед кем следует справедливое и великодушное отношение власти ко всем гражданам. Однако, когда эта цель была достигнута и дело дошло до выплаты денег, то состоялось уже не частное, а формальное заседание Особого Совещания, которое постановило: указанной суммы в 10 милл. не отпускать и предложить Комитету помощи погромленным обратиться за средствами к общественным организациям и частным лицам.

Отношение высшего законосовещательного органа Добровольческой армии к евреям было этим решением зафиксировано вполне определенно. В таком элементарном вопросе,

³³) «Заря», № 10 от 18 сентября 1919 г.

как помощь жертвам погромов, власть не сумела удержаться на высоте хотя бы минимального внимания к разгромленным и отказала в ассигновке такой ничтожной, сравнительно с размерами бедствия и потребными средствами, суммы, как 10 милл. рублей. Для всех ясно было, что ассигновка эта имела бы не столько материальное, сколько, по преимуществу, принципиальное значение, демонстрируя справедливое отношение власти ко всем гражданам. Отказав в ней, Особое Совещение продемонстрировало противоположное.

Не многим лучше обстояло положение на местах, в частности в Киевской области, ставшей центром погромных событий. Закрытый советской властью, как организация буржуазная, Центральный Комитет помощи погромленным продолжал к моменту прихода Добровольческой армии в Киев свое существование, как отдел помощи при Российском Обществе Красного Креста. От имени этого отдела и представлена была 6/19 сентября докладная записка Киевскому Губернатору, ходатайствующая, в ряду других пунктов, об обмене имеющихся у Комитета аннулированных советских знаков на сумму в 6 миллионов или о выдаче ему соответствующей субсидии или ссуды; в ответ на это ходатайство Комитету был Особоуполномоченным по финансовым делам выдан заимообразно 1 миллион рублей «впредь до получения средств от казны». Эта сумма оказалась, конечно, ничтожной. В докладной записке на имя Главноначальствующего Киевской Областью ген. Драгомирова от 15/28 сентября Комитет устанавливает, что на питание в Киеве только 300 взрослых беженцев, наиболее жалких и истощенных, на питание 1000 еврейских детей в очагах и на содержание 100 коек для тифозных больных требуется более 1 милл. в месяц; на оказание же помощи одному Фастову нужно на ближайший месяц 1.400.000 рублей. Поэтому Комитет возбудил ходатайство об ассигновке добавочной ссуды в 1½ милл. рублей. Ходатайство это было удовлетворено. Но с весьма своеобразными последствиями: одновременно «обрушилось запрещение на текущий счет Комитета, мотивированное тем, что для Комитета уже наступил момент погашения первоначальной ссуды в 1 миллион рублей.»³⁴⁾ Таким образом власть, «давая пособие одной рукой, другой это самое пособие отнимала», как справедливо говорится в докладной записке Комитета помощи Особоуполномоченному по финансовым делам.

³⁴⁾ Докладная записка Комитета помощи Кр. Кр. Особоуполномоченному по финансовым делам; см. Центральный архив. — Следует еще отметить факт нападения добровольцев на склад Комитета помощи и разгромы вещей, предназначенных для погромленных и вообще нуждающихся евреев.

Еще меньший успех имели ходатайства возродившегося Центрального Еврейского Комитета Помощи пострадавшим от погромов. 30-го сентября Комитет тоже ходатайствовал перед Главным начальствующим Киевской областью об отпуске «на первое время» из средств Государственного Казначейства аванса в 10 миллионов рублей, предупреждая, что «о постоянной и систематической помощи со стороны Государственного Казначейства одновременно с этим возбуждается ходатайство перед верховным командованием Добр. Армии.» 15 октября Цент. Комитет, несмотря на рост числа погромленных и увеличение расходов, становится уже скромнее и просит об ассигновке хотя бы 5 миллионов рублей. Все эти ходатайства остались без удовлетворения.

Безрезультатными оказались и все представления о том, чтобы государственные органы переняли заботу и попечение о беженцах и погромленных. Комитет помощи Российского Общества Красного Креста еще 6-го (19-го) сентября ходатайствовал перед Главным начальствующим Киевской областью о том, чтобы «на формирующиеся ныне государственные органы для регистрации беженцев возложить обязанность регистрации беженцев из погромленных мест, с выдачей им удостоверения личности.» Несколько позже, когда в Киеве уже сформировался такой правительственный орган, ведающий беженские дела, Комитет Кр. Кр. в докладной записке от 15/28 сентября просил «возложить на этот орган обязанность по удовлетворению на одинаковых началах и нужд еврейских беженцев из погромленных мест: по регистрации, эвакуации, реэвакуации и материальной помощи, и включить в его состав уполномоченного Комитета Помощи для представительства в нем интересов еврейских беженцев.» 30-го сентября Центр. Комитет Помощи тоже ходатайствовал перед Главным начальствующим Киевской областью о создании специального правительственного органа, в задачи коего входило бы рассмотрение смет и ассигнование необходимых государственных средств на правильную систематическую организацию всех видов помощи пострадавшим от погромов и гражданской войны, — тоже с надлежащим представительством еврейского населения. Все эти ходатайства и пожелания не возымели никакого результата. Ни одно из них не было удовлетворено, ни в целом, ни хотя бы частично. Государственная власть решительно отказывалась взять на себя какое бы то ни было попечение о жертвах погромов. Помощь погромленным признавалась чисто внутренним и частным делом самих евреев. Добровольческая власть не признавала

никаких обязательств в отношении своих еврейских граждан, разгромленных ее же войсками.

* * *

Насквозь антисемитская законодательная практика добровольческой военной и гражданской администрации не ограничивалась мерами одного лишь, так сказать, «законного» ущемления еврейского населения путем различного рода больших и малых правоограничений, постепенно реставрировавших старые, дореволюционные порядки в еврейском вопросе. Она отравляла сознание армии и общества не только косвенным путем возвращения евреев на положение «граждан второго разряда», но и через непосредственную антисемитскую и провокационную агитацию, осуществлявшуюся через правительственные органы и приобретавшую этим сугубо авторитетный и губительный характер. Особенно роковую роль в подготовке и сгущении погромной атмосферы сыграло официальное информационное агентство Добрармии — «Осваг» (Осведомительное Агентство), занимавшее исключительное и монопольное положение в смысле возможности воздействия на армию и на командный состав. В своих публикациях и телеграммах «Осваг» вел определенно-провокационную антиеврейскую пропаганду, огульно обвиняя все еврейское население в большевизме и натравливая темную солдатскую и мещанскую массу на евреев сообщениями, будто евреи стреляли в спину добровольцам, помогали большевикам и т. д.

В докладной записке, поданной ген. Деникину представителями 4-х еврейских общин, деятельность «Освага» характеризуется следующим образом: «В первый же день прихода добровольцев (в какойнибудь пункт) на видном месте, рядом с официальными приказами, вывешиваются листки, натравливающие против евреев. Таковы листки под заглавием: «Рабочие, красноармейцы», «Всем — всем — всем» и проч. Даже в официальных своих бюллетенях «Осваг» ведет недопустимую антиеврейскую пропаганду. Характерны в этом отношении сообщения из Херсона в № 7 и из Киева в № 2»³⁵).

Наибольшее распространение в ряду многочисленных подобного рода сообщений «Освага» получила обстоятельная

³⁵ Струдник «Освага» Александр Дроздов так живописует агитационные плакаты «Освага»: «В соседней витрине висят аляповатые, как полотно ярмарочных паноптикумов, бесстыдные, как русская пошлость, скудоумные, лишённые всякой остроты лубки. Здесь Троцкий изображен не человеком и не евреем даже, а жидом, горбоносым жидом, с окровавленными губами, как у кладбищенского вурдалака, и карающий штык добровольца протыкает его». А. Дроздов, Интеллигенция на Дону, «Архив русской революции», изд. П. В. Гессеном, т. II, стр. 50, Берлин 1921 г.

циркулярная телеграмма, разосланная им 6 октября 1919 в ряд городов, напечатанная во многих газетах, а в некоторых пунктах расклеенная даже на столбах и стенах домов. Сообщая о вынужденном неожиданном налетом большевиков временном оставлении Киева добровольцами, телеграмма повествует:

«Занятию Богунским Красным полком частей Киева содействовало местное еврейское население, открывшее беспорядочную стрельбу по отходившим добровольцам. Особенно активное участие при вступлении большевиков принимали выпущенные последними из тюрьмы св. 1000 коммунистов, Боевые организации еврейских партий, стрелявшие из пулеметов и винтовок, бросавшие ручные гранаты и обливавшие добровольцев кипятком.» Сообщая далее об отобрании добровольцами Киева, телеграмма многозначительно добавляет: «Благодаря массовому участию евреев в наступлении на Киев, также деятельной поддержке красных со стороны части еврейского населения, зарегистрированным возмутительным случаем стрельбы из засад, разным видам шпионажа, — среди христианского населения царит с трудом сдерживаемое властями негодование.»³⁶⁾

Этот определенно рассчитанный на возбуждение антисемитских настроений документ не являлся исключением. Даже в официальных бюллетенях с театра военных действий «Осваг» не брезгал измышлениями, долженствующими подчеркнуть еврейский характер большевистских частей. Так, например, опубликованная им оперативная сводка штаба войск Новороссийской области от 15-го января 1920 г. заканчивается сообщением: «Елисаветград, после боя с значительными силами красных, подкрепленных еврейским полком и бандами, нами оставлен»³⁷⁾. В Белгороде (Курск. губ.) по городу расклеивались бюллетени «Освага», в которых сообщалось: «В городе Обояни, при вступлении добровольцев евреи встречали их огнем. В Конотопе тоже самое»³⁸⁾. В бюллетенях же о занятии Голой Пристанки «Осваг» с торжеством сообщал: «Нами перебито много коммунистов и евреев». В Киевских газетах, в официальном сообщении с фронта от 27-го сентября находим следующий пассаж, касающийся Черниговского направления: «С особым ожесто-

³⁶⁾ См. отдел документов, где приводится полный текст и фотогр. снимок телеграммы.

³⁷⁾ «Еврейская Мысль» от 24 января 1920 г., № 38.

³⁸⁾ Из материалов юридической консультации при совете Харьковской еврейской общины. Показание учителя В. Г. Гринберга.

чением дрался в этом районе 532 советский полк, пополненный исключительно евреями-добровольцами»³⁹).

Такой характер деятельности «Освага» являлся, впрочем, вполне естественным. Власть назначала руководителями его людей с вполне определенным антисемитским прошлым и естественно не могла ожидать от них другой политики. Во главе всего отдела пропаганды при Добровольческой армии в Киеве («Осваг» — часть отдела пропаганды), был поставлен известный реакционный антисемитский деятель, бывший сотрудник «Киевлянина» А. И. Савенко⁴⁰). Сотрудников себе он, разумеется, также подбирал из людей ему идейно близких. Заведующим всей литературно-издательской частью отдела пропаганды назначен был И. Калинин, редактор известного погромного листка «Вечерние Огни», распустившего накануне погрома в Киеве слух об обстреле евреями из окон отступающих добровольцев и тем много способствовавшего погрому. На организованных отделом пропаганды в Киеве специальных агитаторских курсах список лекторов носил вполне определенный характер. Не был приглашен почти никто из прогрессивных и в еврейском вопросе благожелательно настроенных сторонников Добрармии. Лекторами состояли столпы зоологического национализма на Украине, сторонники и сотрудники В. В. Шульгина и его газеты «Киевлянин»: г. г. Арданев, Богоевский, С. Г. Грушевский, проф. Цитович, Стороженко и друг. Вполне понятно, какое антисемитское воспитание должны были получить слушатели этих агитаторских курсов и какой характер должна была носить их последующая агитационная деятельность.

Да и вообще личный состав Отдела пропаганды, особенно на местах, — а именно местные отделения его, входившие в непосредственное общение с населением и частями войск, представляются наиболее существенными в своей агитационной практике. — был ниже всякой критики. Жалуясь на «невозможность подобрать подходящий персонал», К. Н. Соколов, управляющий центром Отдела пропаганды в наиболее ответственный период с 11-го марта по 22 декабря 1919 г., дает уничтожающую характеристику своим сотрудникам: «Отдел Пропаганды по необходимости «импровизировал» своих служащих. Он импровизировал их очень часто неудачно... У нас были, главным образом, на местах, невежественные лодыри и «пристроившиеся» паразиты, были люди с пониженным чувством ответственности и склонностью к злоупотреблени-

³⁹) «Киевская Жизнь», от 27 сентября 1919 г.

⁴⁰) После отставки А. Савенко его место занял молодой журналист, принадлежащий к той-же группе Шульгин-Савенко.

ям». О том, что «Осваг» и весь Отдел пропаганды были по своему составу *judenrein* — не приходится и говорить. К. Н. Соколов пишет об этом совершенно откровенно: «Для нас существовали еще два «неписанных» ограничения. Мы должны были работать без социалистов и евреев. Люди, знавшие расовый и партийный состав нашей умеющей говорить, писать и, по настоящему, агитировать интеллигенции, поймут, что это означает на практике... Формального запрещения принимать евреев на службу не существовало. На практике евреев у нас не было — за единичными исключениями, которые можно было бы пересчитать по пальцам — просто потому, что при повально антисемитском настроении массы, особенно военной, еврей в роли агитатора-пропагандиста был просто «невозможен». Мы были таким образом «асемитичны»⁴¹⁾.

При таком составе и характере деятельности «Освага» неудивительно, что погромно-антисемитская печать пользовалась полной «свободой мнений». В том же Ростове, где находился центр «Освага», на виду у центральных властей Добрармии невозбранно выходила погромная газетка «В Москву», с подзаголовком: «Возьми хворостину, гони жида в Палестину»⁴²⁾. Газетка эта пользовалась «громадной, воистину чудовищной популярностью. Ген. Деникин был прекрасно осведомлен о действительном характере этой газетки и в своих «Очерках русской смуты» (т. V, стр. 161) сам именует ее «погромным листком». Правда, в конце концов власти закрыли ее. Но лишь тогда, когда еврейский погром «уже закипал на рынках, на сумятиливых ростовских толкучках»⁴³⁾. Свободно выходил и антисемитский листок Пуришкевича «Благовест»⁴⁴⁾.

Все попытки обратить внимание высших властей Добрармии на антисемитскую деятельность «Освага» и добиться ее прекращения наталкивались на глухую стену. Когда посетившая 26 июля (ст. ст.) 1919 ген. Деникина упомянутая выше делегация четырех еврейских общин указала на эту печатную пропаганду «Освага», ген. Деникин заявил, что он «затрудняется сказать с уверенностью, какого происхождения эти прокламации и действительно ли они исходят от «Освага».

— «Вы, — сказал он, обращаясь к еврейской делегации, — могли бы лучше всех расследовать это обстоятельство».

⁴¹⁾ К. Н. Соколов, Правление генерала Деникина; София, 1921 г. стр. 103, 105.

⁴²⁾ Александр Дроздов, Интеллигенция на Дону. «Архив русской революции», изд. И. В. Гессеном, т. II, Берлин, 1921 г. стр. 57.

⁴³⁾ Там же.

⁴⁴⁾ Там же, стр. 56.

Делегация, естественно, выразила крайнее удивление, как может она сделать это более успешно, чем Главнокомандующий вооруженными силами Юга России, и предложила:

— «Для Вас есть очень простой путь: пошлите, Ваше Высокопревосходительство, Вашего курьера или адъютанта в отделение «Освага», и он принесет Вам всю его литературу, среди которой, конечно, окажутся и эти листки».

Ген. Деникин этим «простым путем», однако, не счел нужным воспользоваться. Вместо этого он обещал «расследовать истинное положение дела и в этом отношении принять соответствующие меры». Вряд ли нужно добавитъ, что никакого «расследования» и никаких «мер» предпринято не было. Ибо ген. Деникин склонен был, повидимому, скорее упрекнуть «Осваг» не столько в антисемитизме, сколько в чрезмерном послаблении евреям. По крайней мере, он счел нужным бросить делегации следующую фразу:

— «Не странно-ли то, что одновременно с вашими заявлениями я получаю почти ежедневно письма, в которых обвиняют «Осваг» в том, что он проданся жиддам»⁴⁵).

При таком настроении трудно было, конечно, ожидать какого-либо воздействия свыше на «Осваг» в смысле прекра-

⁴⁵) О наличии такого представления в высших кругах Добрармии свидетельствует в своей книге «Правление ген. Деникина» (София 1921 г.) и управляющий Отделом пропаганды при Добрармии К. Н. Соколов: «В очень влиятельных кругах Отдел Пропаганды всегда считался «жидовским» учреждением и... розыск евреев среди наших сослуживцев и сообщение о них высшему начальству были любимым занятием официальных соглядатаев и добровольных доносчиков по Отделу Пропаганды. Первая резолюция Главнокомандующего (ген. Деникина), переданная мне в качестве управляющего отделом, гласила, что, как говорят, в Ростове все евреи, уклоняющиеся от воинской повинности, поступили в Отдел Пропаганды, и что надо назначить комиссию из генералов резерва для проверки состава этого «преступного учреждения». Последней бумагой, которую я передал Б. А. Энгельгардту при сдаче должности, был запрос от председателя правительства генерала Лукомского по поводу напечатанного в журнале покойного В. М. Пурншкевича «Благовест» списка евреев, служащих в Отделе Пропаганды» (стр. 104). Того же факта, что «Осваг» вел антисемитскую пропаганду К. Н. Соколов и не пытается отрицать. Констатируя, что «евреи ставили ему (Отделу Пропаганды) в вину антисемитскую или даже «погромную» пропаганду» (стр. 104), К. Н. Соколов, вообще говоря, очень подробно опровергающий все нападки на руководимое им учреждение и, в частности, весьма обстоятельно доказывавший неправильность утверждения об «ожидовении» Отдела пропаганды, — ни одним словом не обмолвился для доказательства непричастности своего отдела к юдофобской пропаганде. Он довольствуется лишь своего рода доказательством от противного»: на него нападали справа за «жидовский состав работников отдела», так какая же может быть речь об антисемитской агитации?

щения им погромной агитации, хотя делегация несомненно была права, категорически заявив ген. Деникину:

— «Если Вы прикажете «Освагу» прекратить свою травлю, — она будет прекращена».

Травля прекращена не была; несомненно, что приказа о ее прекращении не последовало.

В своих «Очерках русской смуты», ген. Деникин открыто признает, что «лично считал нецелесообразным и при создавшихся условиях борьбы вредным участие евреев в органе правительственной пропаганды и ставил начальнику отдела соответствующее требование» (т. V, стр. 145).

Официальную антисемитскую агитацию вел, впрочем, не один «Осваг». Ее не чужды были и органы, специально издававшиеся для распространения в армии, и к ней причастны были ответственные руководители армии. В официальном органе Всевеликого Войска Донского, в «Донских Ведомостях» опубликован был для распространения в частях действующей армии приказ донского атамана ген.-лейт. Богаевского от 18-го ноября 1919 г., за № 1912, в котором атаман, бичуя расхищение казаками казенного обмундирования, пишет:

«Пора понять, что (казачество Дона) воюет с совдепским царем Лейбой Бронштейном... Пора понять, что с победой Лейбы Бронштейна от Дона не останется ни казака, ни крестьянина, ни рабочего, ни их потом и слезами нажитого добра. Все пойдет в ненасытную утробу китайцев, латышей, евреев и коммунистов»⁴⁶). В тех же «Донских Ведомостях» напечатан и отчет об объезде фронта ген. Богаевским. Делая смотр Тульской дивизии, пришедшей вместе с ген. Мамонтовым из центра России, ген. Богаевский заявил: «Теперь вместе будем бороться против жидовских комиссаров, насильно заставляющих идти в бой русских людей против своих братьев-казаков». В другой газете «Заря», издававшейся в Ростове н/Дону при действующей армии, напечатана была заметка о положении в Польше. Констатируя дешевизну жизни, газета считает необходимым, со слов прибывшего недавно из Польши лица, прибавить, что достичь этого «удалось благодаря борьбе по преимуществу с еврейской спекуляцией, в чем правительство поддерживалось в большинстве своем социалистически настроенным населением. Во всех городах — в центрах — торговля евреям воспрещена; евреи

⁴⁶) «Донские Ведомости, № 265 от 20 ноября 1919 г. № 274 и 276 от 1 и 4 дек 1919.

пользуются правом торговли только на окраинах. В результате цены на все товары в центре города приблизительно в 10 раз ниже, чем на окраинах»⁴⁷⁾.

Не трудно представить себе, какие настроения рождали в армии эти печатаемые в официальных военных органах приказы и заметки.

---

⁴⁷⁾ «Заря», от 20-го августа 1919 г.

ГЛАВА III.

Общественный антисемитизм. — В. Пуришкевич и В. Шульгин. — Агитация «Киевлянина». — Православная церковь и погромы. — Позиция партии Народной Свободы; — Харьковская резолюция. — Впечатление в еврейских кругах. — Харьковские общественные деятели и погромы. — «Свободная Речь» и еврейский вопрос. — Выступление И. Наживина. — Выборы в городские самоуправления и евреи. — Рабочий антисемитизм. — Прогрессивная русская общественность и борьба с погромами. — Лига борьбы с антисемитизмом. — Выступление Союза Возрождения России, Национального Объединения и Национ. Центра. — Протест раб. профессиональных союзов, кооперации, врачей и педагогов. — Резолюция народно-социалистической партии. — Евреи и Д. А. — Еврейский Комитет помощи возрождению России. — Надежды провинциального еврейства на Д. А. — Еврейские делегации и их судьба.

Антиеврейской политике и агитации власти соответствовало, часто обгоняя ее, ярко выраженное антисемитское течение в определенных кругах русского общества. Прежде всего вновь вышли на сцену старые деятели до-революционного антисемитизма. Вновь выплыл пресловутый В. М. Пуришкевич, объезжавший юг России с лекциями, посвященными беспощадной вражде к еврейству. Им создана была «Народно-Государственная Партия», программа которой предусматривала объявление всех евреев иностранцами и всемирную борьбу с ними. Партия эта получила «солидную субсидию» от «Освага»¹⁾. Появились определенно погромного типа листки, вроде газетки «В Москву», — с подзаголовком: «Бери хворостину и гони жида в Палестину». Не менее известный священник Востоков основал «Братство Животворящего Креста», которое, по свидетельству А. И. Деникина, ставило своей целью, наряду с восстановлением абсолютной монархии, также «борьбу с жидомассонством»²⁾. По свидетельству того же А. И. Деникина лозунг всех крайне-правых группировок

¹⁾ См. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 160.

²⁾ Там же, стр. 157—158.

(«самодержавие, православие и народность») «не осложнялся необычайно трудными вопросами положительного государственного и социального строительства, а сводился к простейшему и доступному массе, оголенному от внешних туманных покровов, императиву: — «Бей жидов, спасай Россию»³⁾. «Императив» этот был тем более практически опасен, что, по сообщению информационной части «Освага» (в августе 1919 г.), эти крайние правые партии главное свое внимание обратили на армию, где «сосредоточена вся их активная агитационная работа»⁴⁾. Ген. А. И. Деникин добавляет, что эта «их подпольная агитация оказывала несомненное влияние, в особенности среди неуравновешенной и мало разбиравшейся в политическом отношении части офицерства»⁵⁾.

Старый матерой антисемит В. В. Шульгин в своей газете «Киевлянин» открыл систематическую кампанию против евреев, огульно обвиняя их в большевизме, в том, что все комиссары — евреи, и подчеркивая, что евреи должны «выпить до дна искупительную чашу» за свои грехи. Откровенно угрожая еврейству погромами, В. В. Шульгин писал: «После всего, что было и чего вычеркнуть нельзя, для еврейства есть только один путь — это путь немедленного добровольного отказа евреев от участия в политической жизни России. За все, что сделано длинным списком евреев от Фрумина (киевского с.-р.) до Бронштейна-Троцкого... За это надо расплатиться. Мы предлагаем еврейству минимальную расплату; конечно, евреи нас не послушают и, конечно, заплатят гораздо дороже». И, в качестве практической программы обезвреживания еврейского влияния, В. В. Шульгин предлагает власти целую систему мероприятий, которую та частью выполнила уже сама, часть начала выполнять по рецепту Шульгина: «Надо заставить евреев уйти от мест, которые они могут использовать во вред возрождающемуся русскому государству. Не должно быть евреев-офицеров, чиновников, судей. Надо стараться, чтобы не было евреев земских и городских гласных, а также служащих городу и земству»⁶⁾. Благодаря тому, что «Киевлянин» пользовался особыми привилегиями по воинским частям, агитация эта естественно имела значительное влияние и сыграла немалую роль в киевском и других погромах.

Открыто и недвусмысленно антисемитским был построенный на основе церковных приходов «Союз русских нацио-

³⁾ Там же, стр. 159.

⁴⁾ Там же, стр. 158.

⁵⁾ Там же, стр. 158—159.

⁶⁾ «Киевлянин», от 25 октября (7 ноября) 1919 г., № 41.

нальных общин», провозглашавший в числе прочих лозунгов — «национальную, свободную от «инородческого» каштала и участия кооперацию»⁷⁾. В этой, по свидетельству ген. А. И. Деникина, «наиболее деятельной и, пожалуй, наиболее распространенной организации»⁸⁾, сошлись видные антисемитски-погромные деятели: бывший редактор пресловутого «Колокола» В. М. Скворцов «своим единомыслием и соучастием тесно переплетал его с «Братством Животворящего Креста» (см. выше); прис. пов. Измайлов, мрачно правый, протягивал от Союза крепкие нити к Русскому Собранию (крайне правая партия, во главе с бывшим членом Государственной Думы Замысловским, ген. Комиссаровым и др.) и погромному листку «В Москву»⁹⁾. Эта откровенная антисемитская организация пользовалась всемерным покровительством добровольческих властей, и еще в мае (1919 г.) Отдел пропаганды официально «признал Русские национальные общины, как образования желательные для совместных работ и сотрудничества»¹⁰⁾; а в конце октября ген. Батюшин «представил уже в Отдел Пропаганды обширный доклад с планом покрытия всей южной России, Сибири и даже Европы (эмиграция) «русскими национальными общинами», взяв за образец организации всемирный еврейский кагал»¹¹⁾.

Традиционное недоброжелательство к евреям обнаружила и официальная православная церковь. Когда к митрополиту Антонию обратились некоторые представители еврейского общества с просьбой выпустить воззвание с осуждением погромов, митрополит, по его собственному сообщению, «предложил им предварительно обратиться к своим единоверцам, чтобы они немедленно вышли из всех большевистских учреждений»¹²⁾. Вместо подсказываемого «религией любви» осуждения убийств и насилий, православный пастырь косвенно оправдал погромы явно провокационным указанием на евреев, служащих в большевистских учреждениях.

Наряду с этими традиционно антисемитскими кругами, враждебное отношение к евреям стали обнаруживать круги, до сих пор ему чуждые и по своему прошлому к нему совершенно не склонные. Наиболее разительный пример тому дала партия Народной Свободы.

Партия Народной Свободы («Кадеты»), имела установив-

⁷⁾ А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 160.

⁸⁾ Там же.

⁹⁾ Там же, стр. 161.

¹⁰⁾ Там же, стр. 162.

¹¹⁾ Там же.

¹²⁾ Интервью митрополита Антония с сотрудником газеты «Киевское Эхо», № 42—47 от 28 октября (10 ноября) 1919 г.

шуюся репутацию либерально-юдофильской. В ее состав входили и занимали в ней видное положение многие евреи. Не отличаясь особой решительностью и последовательностью в отстаивании прав и интересов еврейских граждан России, партия, однако, всегда сохраняла полную лояльность в отношении еврейского населения и вела активную идейную борьбу с воинствующим антисемитизмом. Тем острее воспринят был еврейской общественностью неожиданный полуантисемитский крен партии, резко проявившийся в разгар успехов Д. А. и погромных эксцессов.

В начале ноября 1919 года состоялось в Харькове совещание партии Народной Свободы. Не являясь общепартийным съездом и даже заседанием полномочного центрального комитета партии, Харьковское совещание, однако, представляло собою харьковскую и другие провинциальные кадетские группы; на нем присутствовали также 5 членов центрального комитета (всего 28 делегатов). Во всяком случае, никакого другого более авторитетного кадетского совещания ни до, ни после этого созвано не было, и Харьковская конференция, говоря от имени партии, никем не была дезавуирована¹³⁾; раскола на почве ее решений тоже в партии не произошло. «Формального раскола не произошло», — заявил приехавший из Харькова председатель Киевского областного комитета к.-д. Л. Э. Чолганский. «Но обеспечение этого единства далось партии дорогой ценой: полной капитуляцией ее левого крыла и даже ее центра перед политикой тех ультра-«реалистических» течений, которые в Харькове пошли на блок с правыми, а в Ростове выступили в печати со статьями, вызвавшими столь резкий протест со стороны ветерана партии, человека определено-демократических убеждений, И. И. Петрункевича»¹⁴⁾.

Этот крен направо нашел свое яркое выражение в резолюции, принятой Харьковским совещанием по еврейскому вопросу. Резолюция не содержит ни слова морального и политического возмущения или негодования по поводу разлившейся погромной волны. Заведомо умаляя размер и захват

¹³⁾ По сообщению видного члена партии к.-д., бывш. члена Госуд. Думы проф. П. П. Гронского, на совместном заседании краевого Юго-Восточного Комитета и членов Центрального Комитета в Ростове во второй половине декабря 1919 г. эта резолюция признана была не выражающей мнения всей партии («Еврейская Трибуна», 1920 г., № 7). Однако, это постановление опубликовано нигде не было, распространения не получило и в широких общественных кругах единственным официальным документом, определяющим отношение партии к. д. к погромам, осталась все же Харьковская резолюция.

¹⁴⁾ «Киевская Жизнь», 14 ноября 1919 г.

погромного шквала, говорит она просто о «происходящих еврейских погромах», не давая этими словами даже отдаленной характеристики угрожающе взметнувшейся погромной вакханалии и рождая представление об отдельных, случайных и местных «происходящих» погромах. Единственным эпитетом, какой нашла кадетская конференция для квалификации и оценки этих погромов, является краткое и холодное заявление об их «недопустимости», и при этом «не только по соображениям человечности, но и с точки зрения великого дела, которому сейчас служит Добровольческая армия». Ограничив выражение своего отрицательного отношения к погромам этой «недопустимостью», кадетская конференция, вопреки установленным фактам, поспешила снять всякую ответственность за погромы с добровольческих властей: «Совещание отклоняет всякие подозрения в том, что эти насилия совершаются без достаточного противодействия со стороны полномочных властей, и первейшим долгом считает свидетельствовать о ряде актов и мер, принятых и принимаемых властью для предотвращения погромов и для защиты неповинного населения во имя христианской морали, во имя государственных интересов»¹⁵⁾. Считая, таким образом, своим «первейшим долгом» не негодующий протест против виновников и попустителей погромов, а их обеление и защиту, — кадетская резолюция сочла нужным перейти от обороны к нападению и обратить ряд требований к разгромленному еврейству: «Сознательные и руководящие круги еврейства должны объявить беспощадную войну тем элементам еврейства, которые, активно участвуя в большевистском движении, творят преступное и злое дело... Русское еврейство должно понять, что вне безусловного и безоговорочного признания и поддержки национальной диктатуры и Добровольческой армии нет спасения» (см. отдел документов).

Эта резолюция, косвенно перелагавшая ответственность за погромы с добровольческих властей на прогромленное еврейское население¹⁶⁾, произвела самое угнетающее впечатление во всей еврейской общественности. Даже в тех еврейских кругах, которые отождествляли себя с кадетской партией и поддерживали Добровольческую армию, эта резолюция вы-

¹⁵⁾ Стремясь во что бы то ни стало снять вину за погромы с Добр. армии, резолюция взваливает вину за них на «порожденное большевизмом моральное одичание» и, по обычному трафарету, сваливает все на «большевистских агентов», чье «подстрекательство к погромам в ряде случаев установлено».

¹⁶⁾ Не удивительно, поэтому, что лидер воинствующего антисемизма В. В. Шульгин счел нужным «поздравить» кадетов с этой резолюцией. См. «Киевлянин», от 16 ноября 1919 г., № 70.

звала глубокое смущение и негодование. В России эти настроения не могли найти своего гласного выражения, за границей же они прозвучали, хотя и запоздало, но вполне недвусмысленно. В выходящей в Париже газете «Еврейская Трибуна» член кадетской партии Д. Меерович от имени тех, кто «привыкли видеть в традициях и социально-политической программе партии Народной Свободы единственное спасение великой родины», открыто заявил, что «Харьковское совещание находилось под давлением всеобщего антисемитского гипноза», а участники его «поддались внушению массовых настроений, отравленных жестоким антисемитизмом». Касаясь обращенной к «сознательным и руководящим кругам еврейства» призыва к борьбе с еврейскими большевиками, Д. Меерович пишет: «Этот призыв, рядом с холодным анализом причин погромов, придает всей резолюции специфический — глубоко отвратительный — привкус. Смысл этого призыва таков: «Если евреи хотят, чтобы не было погромов, они должны доказать, что они против большевиков». Ведь это, в сущности, косвенное оправдание погромов. Но разве представители русской интеллигенции, всегда борющейся за человечность, культурность и справедливость, смеют подходить к погромам, как к теоретической проблеме? . . .»¹⁷⁾.

Это «осторожное» и «спокойное» отношение к кровавой проблеме погромов прочно утвердилось среди значительной части прогрессивной русской интеллигенции. Характерным документом такого отношения может служить переписка группы харьковских русских общественных деятелей в лице Н. Н. Салтыкова, А. И. Фенина и М. И. Игнатищева с харьковской еврейской общиной по вопросу о совместной делегации по поводу погромов к командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому¹⁸⁾. Русские общественные деятели выражали свое согласие принять участие в делегации, но они ставили условием, чтобы «беседа велась в тонах спокойных». «Центр тяжести нашей аргументации, — писали они — должен лежать не в подчеркивании, — это было бы нецелесообразно, так как не нужны для дела укоры, которые всегда оставляют неприятный осадок». Одновременно ставилось требование, чтобы представители общины заявили, что «очень сожалеют о том участии, которое принимают евреи в большевистском движении», «подтвердили готовность евреев активно содействовать Добрармии» и т. д.

¹⁷⁾ «Еврейская Трибуна», 1920 г., № 5—6 (Париж).

¹⁸⁾ Из материалов Объединенного Совета Сионистских Организаций в Одессе («ОССО»); см. Центральный архив.

Это обилие оговорок и условий вынудило Харьковскую еврейскую общину поставить точку на *i*. В ответном письме совет общины пишет: «Конечно, политический обмен мнений обязывает к сдержанности и спокойствию, без лишнего подчеркивания неправильных шагов отдельных частей армии; но отсюда не вытекает необходимость скрывать от власти истинное положение дел из опасений оставить «неприятный осадок»; напротив, мы питаем уверенность, что только полная, исчерпывающая картина народного бедствия побудит вполне осведомленную власть принять меры в государственном масштабе к прекращению творимых ужасов». Что же касается политических условий (отношение к евреям-большевикам, к Добрармии и т. д.), то они по содержанию своему «не стоят в противоречии с убеждениями членов совета общины, но последние не усматривают необходимости вновь подчеркивать их в предполагаемой беседе, где предстоит доклад о насилиях над евреями на Юге России. Совет полагает, что одного факта массового истребления людей достаточно, чтобы побудить русских общественных деятелей, — без оговорок и условий, — возвысить свой негодующий голос против уродливых явлений русской жизни, тормозящих созидательную работу и унижающих нашу родину за рубежом»¹⁹).

Нам неизвестно, что ответили русские общественные деятели на это письмо. Но посетившая ген. Май-Маевского 23-го июля делегация состояла исключительно из членов Совета Харьковской еврейской общины.

Резолюция кадетской конференции и позиция харьковских общественных деятелей не остались единственным выражением крепнущих антиеврейских настроений в русской либеральной среде. Наиболее красноречивым выразителем «нового курса» в еврейском вопросе явился выходящий в Ростове н/Дону орган кадетской партии «Свободная Речь». Созданная 30-го ноября 1918 г. в Екатеринодаре при содействии местного кадетского комитета, она не была газетой местного типа и, в хвосте армии, перенесла свое издание в Ростов. Ее первым редактором был (до марта 1919 г.) член центрального комитета партии К. Н. Соколов. Газета, таким образом, являлась несомненно призванным проводником мнений руководящих кадетских кругов.

Один из ближайших сотрудников «Свободной Речи» И. Наживин, когда-то социалист и, по его собственному признанию, «интернационалист», выступил на столбцах газеты со статьей «К еврейской интеллигенции»²⁰), в которой он с

¹⁹) Там же.

²⁰) «Свободная Речь», от 9 (22) октября 1919 г., № 217.

удовлетворением констатирует «несомненную наличность антисемитизма в русской интеллигенции. Этот антисемитизм был всегда. Но при царском режиме он парализовался нежеланием «бить лежачего». Тогда считали, что погромы «устраивает исключительно через своих агентов правительство». Но это была ошибка. Когда пала царская власть, погромы вспыхнули «с особой яростью». В чем причина этого факта? Найти их, по мнению Наживина, «очень легко, они у всех на виду». Это — «то горячее участие, которое приняла еврейская интеллигенция — я настаиваю на этом: не широкие еврейские массы, а интеллигенция и полуинтеллигенция — в нашей все разрушившей революции... Это бесконечное обилие еврейских имен среди разрушителей России, надругавшихся над ней, это обилие евреев, или, точнее, отбросов еврейства в застенках разных чрезвычайек, во всех этих безобразных убийствах, начиная с омерзительного убийства несчастного государя и его семьи, все это режет глаз, все это приводит в бешенство русского человека, больно почувствовавшего позор родной земли». И Наживин ультимативно требует от евреев ухода от всяких «подлых выдумок социалистической мысли, убивающих жизнь». «Уходите, — требует он, — отовсюду, где вас видно, молчите, спрячьтесь».

Не довольствуясь, однако, этой идейно-политической чертой оседлости, под угрозой еще большего роста антисемитизма, устанавливаемой им для еврейского населения, — И. Наживин идет еще дальше и, в качестве единственного радикального метода решения еврейского вопроса, выдвигает весьма примитивную меру: «Признание евреев подданными иностранной державы (Палестины), и поэтому освобождение их от всяких обязанностей к России, а, с другой стороны, — ограничение их прав на вторжение в русскую жизнь». Эта «радикальная» мера, по старо-румынскому образцу объявляющая евреев политически бесправными иностранцами, оказалась единственным пунктом расхождения между И. Наживиным и редакцией кадетского органа. В следующем же номере напечатана была редакционная статья²¹⁾, выражающая уже не личное мнение отдельного — хотя и близкого — сотрудника, а коллективное мнение редакции. В характеристике отношения русского народа к евреям и в объяснении причин этого отношения редакция полностью согласна со своим сотрудником. Она считает, что после революции евреи больше — не «лежачие», что «долг русской совести по отношению к еврейству погашен отменой вероисповедных ограничений» и что, поэтому, об еврейском вопросе можно гово-

²¹⁾ «Свободная Речь», 10 октября 1919 г., № 218.

рять без «прежней щепетильности, чуткости», можно говорить правду. А правда эта сводится: 1) к констатированию «неудержимого и быстрого роста антисемитизма, свидетелями которого мы являемся», и 2) к объяснению этого факта тем, что «евреи приняли исключительно выдающееся, качественно и количественно, участие в разрушении русского государства». Ответственность за антисемитизм, таким образом, по мнению кадетского органа, несут сами евреи. В чем выход? — И. Наживин предлагает объявить евреев иностранцами. Редакция «Свободной Речи» отвергает этот путь, хотя признает, что эта мысль «завоевывает популярность». Она выдвигает другую систему мероприятий: «Энергичная самодеятельность русского общества, основанная на безбоязненном утверждении верховенства национальной культуры. Церковно-приходское объединение, создание русских банков, русской кооперации, русской печати — вот те средства, при помощи которых можно не только обороняться от вредных для русской государственности инородческих влияний, но и положительно развивать ее». Газета выдвигает, иначе говоря, лозунг национализации кредита, кооперации, печати, вытеснение евреев из всех отраслей, вплоть до бойкота, по польскому образцу, еврейских торговцев («предпочтение Иванову перед Зильбершатцем при покупке шапки»).

Следует, однако, указать, что таково было настроение не всей кадетской партии. Такие видные ее лидеры, как П. Н. Милюков, упомянутый И. Петрункевичем, Ф. Родичев и, конечно, М. М. Винавер, сам еврей и видный еврейский деятель, решительно высказались бы против таких антисемитских взглядов, а отчасти это и было сделано. Но партия находилась тогда в дезорганизованном состоянии, фактически она почти распалась; старые лидеры ее были рассеяны в разных углах России и даже за границей. К тому же, — что особенно важно — к этому времени относится фактический раскол этой партии на два крыла и намечается явное реакционное «линяние» правого крыла и его приближение к умеренно-монархическим течениям. Это обстоятельство, однако, ничуть не умаляет неоспоримости того факта, что в среде русского либерализма появился к этому времени органический порок известного оправдания антиеврейских выступлений и «мягкого» отношения к погромам, что было немыслимо в до-революционную эпоху.

Нарастающие с разных сторон антисемитские настроения выразительно сказались при выборах в городские самоуправления, произведенные в некоторых пунктах по новому избирательному закону, утвержденному ген. Деникиным в марте

1919 г.²²⁾ Во всех таких пунктах вся избирательная кампания проходила под знаком борьбы с евреями. В Одессе, например (городе с 300-тысячным еврейским населением), организовался специальный «христианский блок», руководимый старыми антисемитами и черносотенцами. Вся кампания блока велась под лозунгами самого откровенного жидоедства, и это обеспечило ему блестящую победу: он провел в Городскую Думу более $\frac{2}{3}$ общего числа гласных. То же имело место в Николаеве и других пунктах южного побережья.

Результаты такой «победы» не замедлили сказаться. Новые Городские Управы стали открыто проводить антиеврейскую политику, увольняя с городской службы служащих евреев, отказывая в ассигновках еврейским учреждениям и т. д. В Одессе новый заведующий продовольственным отделом, гласный Багура, начал свою деятельность с увольнения около 200 евреев служащих отдела²³⁾. Что здесь имелось в виду не обычное сокращение штатов, а специфически антиеврейская мера, явствует из того, что в то время, как среди служащих евреи составляли всего 4,3%, процент евреев среди уволенных достиг 85%. Воскрешен был старый дореволюционный «еврейский стол» и во главе его поставлен известный еврейский черносотенец Масюков, в свое время уволенный демократической Городской Управой²⁴⁾. Стали настойчиво говорить о роспуске демократической еврейской общины и о реставрации всех дореволюционных еврейских учреждений: совета духовных правлений, института зажиточных и оседлых евреев. Вместо общинного хозяйственного управления коробочным сбором выдвинуто было предположение восстановить комиссию из деятелей дореволюционного времени²⁵⁾.

Трибуна Городской Думы стала местом самых низкопробных и демагогических антисемитских выпадов. В чрезвычайном заседании Городской Думы от 25-го декабря 1919 г. один из главарей «Христианского блока» митрополит Платон в своем слове между прочим сказал: «Пройдет 3—4 года, и Ленин и Троцкий исчезнут. Наступит момент, когда потребуютсяпломбированный поезд, чтобы увести коммунистов, если только к этому времени поезда и рельсы не будут истреблены еврейским Величеством Троцким». Гласный Багура выразился еще лапидарнее: «В Москве на троне, где прежде сидел монарх, теперь сидит парх»²⁶⁾. «В униссон с этими ре-

²²⁾ К. Н. Соколов, Правление генерала Деникина, София 1921 г. стр. 120.

²³⁾ «Еврейская Мысль», от 24 января (6 февраля) 1920 г., № 38.

²⁴⁾ Там же, от 19 января (1 февраля) 1920 г., № 37.

²⁵⁾ Там же, от 24 января (6 февраля) 1920 г., № 38.

²⁶⁾ Там же, от 5 (18) января 1920 г., № 35.

чами Городская Управа от имени Городской Думы выпустила прокламацию к населению города, где, повторяя уже сказанное в праздничном заседании, посылает недвусмысленные угрозы нехристианскому населению»²⁷).

Несвободными от антисемитских настроений оказались также и некоторые рабочие круги, входившие в правые группировки. В Нежине (Черниговской губ.), в первом же после занятия города Добровольческой армией заседании Городской Думы потребовал слова из публики представитель рабочих профессиональных союзов Моляревский и заявил, что он уполномочен рабочими требовать, чтобы в организуемую городскую охрану не входили евреи; в противном случае рабочие откажутся от охраны города²⁸). В Киеве среди рабочих водного транспорта, варшавских верфей и главных мастерских Киевского ж. д. узла выявилось определенно реакционное течение, возглавляемое инженером Кирстой, который в одной из своих речей заявил: «Рабочим чужд коммунизм; комиссары — 15-летние мальчишки и представители одной нации»²⁹). В том же Киеве часть рабочих городских предприятий, руководимая инженером Кирстой, обратилась к губернатору с докладной запиской о своем тяжелом положении. В записке подчеркивается, что в городских предприятиях набраны несоразмерно большие штаты ненужных служащих, в большинстве «евреев, коммунистов и вредных деятелей». «Евреи и коммунисты, — заявляют эти рабочие, — все имеют, их всех наградила советская власть, у нас же полное разорение»³⁰). Эта группа явно реакционно-настроенных рабочих, конечно, не выражала собой мнения всей рабочей массы, но самое это явление характерно для того антисемитского психоза, который охватил тогда различные круги нееврейского населения.

Однако, в среде русской прогрессивной общественности нашлось не мало элементов, решительно высказавшихся против этой политики. Волна правительственного и общественного антисемитизма не осталась без противодействия с их стороны. Наиболее чуткие и честные элементы русского общества не могли остаться равнодушными перед лицом нарушения элементарных гражданских прав, кровавых погромов и того озверения, какое несло с собою торжество человеконенавистнической юдофобии. Целый ряд рус-

²⁷) И. Фишер (гласный Гор. Думы). «Думский натиск», «Евр. Мысль», № 38.

²⁸) Из материалов Красного Креста. Сообщение бывш. гласного Нежинской Гор. Думы Л. Л. Симкина; см. Центральный архив.

²⁹) «Еврейская Мысль», 5 (18) января 1920 г., № 35.

³⁰) «Вечерние Огни» (Киев), 11 (24) сентября 1919 г., № 21.

ских общественных и профессиональных организаций и политических партий решительно выступил в защиту разгромленного еврейства Украины.

На первом месте должна быть упомянута созданная группой русских общественных деятелей специальная Лига борьбы с антисемитизмом. В Киеве во главе ее стали бывший директор департамента министерства по великорусским делам на Украине, видный правый с.-р. А. Н. Зарубин, протоиерей Аггеев, общественная деятельница Н. К. Кронковская и друг. В состав Лиги вошел ряд крупнейших русских общественных организаций, как-то: Всероссийский Земский Союз, Киевский Областной Комитет Всероссийского Союза городов, Национальное Объединение, Национальный Центр, Союз Возрождения России, Киевский Совет Профессиональных Союзов, Союз учителей, школьных и домашних, Союзы врачей, техников, журналистов, Международный Красный Крест, Комитет помощи пострадавшим от погромов при Российском Красном Кресте, Общество истинной свободы имени Л. Толстого, Центральное Бюро кооперативных объединений и Общество «Разума и Совести».

Лига борьбы с антисемитизмом развернула в Киеве широкую деятельность. Ею производились систематические расследования целого ряда случаев грабежей и насилий против евреев и направлялись в прокуратуру для производства предварительного следствия. При Лиге создано было бюро для оказания юридической помощи пострадавшим от погромов, приглашавшее всех, кто знает о случаях насилия и грабежа, сообщить в бюро. Точно также приглашались приезжие из провинции для информирования Лиги о положении дел на местах. Организована была и педагогическая секция для воздействия на учащуюся молодежь через преподавателей и родительские комитеты в целях противодействия ведшейся среди учащихся антисемитской агитации. Когда газеты «Вечерние Огни» и «Киевлянин» опубликовали ряд «фактов» о еврейской стрельбе по добровольцам, Лига в спешном порядке организовала проверку всех этих случаев чрез посредство специальных комиссий и, установив опросом на месте их абсолютную лживость, спешно отпечатала воззвание к населению с изложением всех данных, опровергающих измышления правых газет. Воззвание это, под которым подписаны были все входившие в состав Лиги влиятельные общественные организации, было расклеено по всему городу и несомненно произвело благотворное влияние (его, между прочим усиленно срывали лица, одетые в военную форму). Попытка Лиги издавать специальный Бюллетень для борьбы

с антисемитизмом была в корне парализована Киевским градоначальником, отказавшим в разрешении на издание*).

При таком враждебном отношении администрации Лиге естественно трудно было широко раскинуть свою деятельность в провинции. Только в Одессе создана была аналогичная организация, во главе которой стали прис. пов. В. Н. Малянтович, П. М. Толстой, проф. Покровский, проф. В. Н. Твердохлебов, д-р Б. М. Богуцкий, бывш. гор. голова А. А. Ярошевич. Развернуть широкую деятельность одесской Лиге, однако, не удалось.

Очень энергично выступили против погромов и некоторые крупные общественные организации, которые стояли на платформе Добровольческой армии. Немедленно после вступления Добровольческой армии в Киев, 1-го сентября 1919 г., главный комитет Союза Возрождения России (вокруг него группировались более радикально настроенные элементы, народные социалисты, некоторые правые с.-р., отдельные деятели соц.-демократии и др.)³¹⁾ опубликовал декларацию, в которой мужественно констатировал, что «дни освобождения от большевистского ига были омрачены действиями темных и безответственных элементов, призывающих к погромам и ведущим дикую травлю еврейства. В отдельных случаях эти действия успели принести зловещие и кровавые плоды». На следующий день, 2-го сентября, представители Союза совместно с Комитетами Национального Объединения (умеренно правые круги) и Национального Центра (умеренные элементы) посетили ген. Бредова, представили ему имеющиеся в их распоряжении материалы о погромах и указали ряд мер для борьбы с ними. Такое же представление сделано было ген. Бредову делегацией главного комитета партии к.-д. 13-го сентября Союз Возрождения отправил в Ставку ген. Деникина особую делегацию, во главе с проф. Д. М. Одинцом, который повез с собой обстоятельную докладную записку о погромах и представил ее ген. Деникину. Ярko и выпукло рисуя картину погромного шквала и вскрывая всю гибельность погромов для дела Добровольческой армии, докладная записка выставила и ряд конкретных требований в деле борьбы с погромами. Она требовала немедленного издания ген. Деникиным приказа по войскам о недопущении антиеврейских эксцессов и о том, что виновные будут наказаны по законам военного времени; назначения особой следственной ко-

*) См. отдел документов в приложении.

³¹⁾ Социал-демократическая партия, как таковая, не входила в Союз Возрождения; участвовали лишь отдельные лица, независимо от партии (группа «Единство»).

миссии для выяснения причин и виновников погромов, а также немедленного отстранения от должностей начальников, виновных в попустительстве; для обеспечения еврейскому населению возможности безопасного передвижения по железным дорогам выдвигалось требование создания особых надежных воинских охранных отрядов; подчеркивалась необходимость распространения среди армии антипогромных воззваний и устройства в ее среде соответственных собеседований, — особенно непосредственно перед вступлением данной воинской части в пункты с еврейским населением. Несколько позже, 3-го октября, в разгар киевского погрома, все три упомянутые организации (Союз Возрождения России, Национальное Объединение и Национальный Центр) за общей подписью отправили в Таганрог на имя ген. Деникина телеграмму, подчеркивающую, что угрожающе растущая волна антиеврейских погромов наносит жестокий удар интересам Добровольческой армии: «Растет недовольство, озлобление. Боязнь передвижения расстроила хозяйственный аппарат, сократила подвоз продуктов. Посеяна смутная тревога среди широких кругов населения, ждавших упрочения законности и порядка. В некоторых пунктах начавшиеся против евреев погромы направляются и против местного русского населения. Подробности разыгравшихся эксцессов проникли в среду находящихся в Киеве представителей Американской Миссии и европейских органов печати, нанося тяжелый удар нашему делу в общественном мнении союзных стран. Всесторонне обсудив вопрос, наши три организации пришли к единодушному заключению, что непрерывно продолжающиеся погромы возможно пресечь единственно властным словом верховного вождя армии. Необходимо немедленно исходящий от Вас лично приказ по войскам с решительным осуждением свершившегося, с авторитетным призывом к уважению равенства граждан, личной неприкосновенности, со строгим восприятием погромной агитации, напоминанием о суровых карах военного времени. Нужно назначение верховной следственной комиссии, предание суду виновных.» Все эти пожелания и предложения остались без ответа и удовлетворения, хотя исходили от тех организаций, которые, в значительной мере, объединяли именно элементы, близкие к Особому Совещанию при ген. Деникине и безусловно поддерживающие Добровольческую армию.

С решительным и негодующим протестом против погромов выступил и ряд профессиональных и кооперативных объединений. Собрание учителей и домашних воспитателей в Киеве вынесло резолюцию, в которой «во имя человечности и

справедливости, во имя возрождения родины призывает широкие круги населения к сплоченной борьбе с позорным и пагубным для России явлением — еврейскими погромами.» «Долой погромы!» — заканчивает воззвание. «К позорному столбу их вдохновителей! Да здравствует мирное сожительство народов на лоне их общей матери России!» Горячо и негодующе откликнулось на приказ харьковского уездного воинского начальника о призыве на военную службу всех врачей, кроме евреев, Харьковское Медицинское Общество. В принятой резолюции Общество, «высказывая глубокое сожаление по поводу издания подобных приказов, протестует против разделения врачей на эллинов и иудеев.» Киевский Совет рабочих профессиональных союзов тоже выразил «свой единодушный и горячий протест против новых погромов, против неслыханного истребления еврейского населения.» Совет призывал «всех рабочих не поддаваться погромной агитации» и «войти немедленно в сношения с общественными демократическими организациями в целях оказания помощи пострадавшим и объединения борьбы с развитием погромного движения.» «Глубоко взволнованное происходящими на Юге России еврейскими погромами, громко поднимает свой голос протеста и возмущения» и правление Одесского областного совета кооперативных съездов. «Объединенная кооперация», — говорится в воззвании, обращенном к населению, — «тесно связанная с народными массами, не может оставаться пассивной к творящемуся злему делу; она не может также ограничиться одними резолюциями протеста: она заявляет о своей готовности сделать все от нее зависящее, чтобы приостановить разгул насилия и помочь морально и материально пострадавшему населению.» Советом открыта была также подписка в пользу обездоленных вдов и сирот разоренного населения. Деятельное участие во всех этих организациях, особенно профессиональных, принимали евреи, но они были далеко, конечно, не в большинстве.

Из действовавших легально на территории Добровольческой армии политических партий откликнулась на погромы (кроме кадетов, принявших двусмысленную и лицемерную резолюцию, см. выше) партия «народных социалистов». Состоявшаяся 20 ноября 1919г. в Ростове на Дону областная конференция трудовой народно-социалистической партии приняла резолюцию, в которой между прочим говорится: «Ген. Деникиным неоднократно было объявлено о полном равноправии национальностей, между тем начальники отдельных военных частей порою закрывают евреям доступ в армию или ставят их в армии в особое положение. Далее,

иногда при занятии отдельными воинскими частями тех или иных местностей некоторые воинские чины позволяют себе разного рода насилия над населением, принимающие массовый характер, причем в большинстве случаев такие насилия начинаются с евреев, а затем переходят и на другие группы населения. Такого рода явления вносят глубокую смуту в умы населения, а в рядах самой армии могут поселить опасную анархию.» Что касается пролетарских социалистических партий, то отношение их к Добровольческой армии было вообще отрицательное, что выразалось в целом ряде резолюций и в их политической борьбе против Добровольческой власти.

Далеко неравноценные в своей решительности, определенности и значительности, все эти представления, телеграммы, протесты, резолюции несомненно знаменовали собой наличие активного сочувствия разгромленному еврейству и глубокого негодования по поводу погромов у определенной части русской общественности. Все эти факты естественно скрапывали общий безотрадный фон еврейской жизни, создаваемый торжествующим правительственным и общественным антисемитизмом и погромами. Но сколько нибудь существенно изменить его они были бессильны. Господствовали на политической улице и определяли настроения общества и власти другие элементы, попустительствующие погромам и сами проникнутые антисемитизмом.

* * *

Эта нескрываемая официальная и неофициальная, правительственная и общественная враждебность Добровольческой армии и наиболее влиятельных, поддерживающих ее общественных кругов особенно ярко выделяется на фоне того дружелюбного, часто восторженного отношения к Добровольческой армии, с которым известные круги еврейского населения первоначально встретили добровольческие части на Украине.

Докладная записка, поданная 26 июля (8 августа) 1919 г. Деникину делегацией четырех еврейских общин, начинается так: «По мере продвижения на Юго-Запад, Добровольческая Армия, освобождая в победном шествии города и уезды от ига советской власти, занимала места, населенные евреями. Истерзанное и измученное пытками красного террора, еврейское население, в подавляющем большинстве своем аполитичное, жаждет порядка, законности и покоя. Принадлежит по экономической своей структуре к классу мелкой буржуазии (около 90% ремесленников и мелких торговцев, приблизительно 5% крупных торговцев и около 5% рабочих), ев-

рейство с затаенным нетерпением ждало в лице Добровольческой Армии избавителей от гнета пролетарской диктатуры. С восторгом встречало оно приходившие войска, готовое помочь им средствами и людьми.»

Официальный характер записки, ее адресат и поставленные ею себе цели заставляют в первый момент отнестись с некоторым естественным недоверием к стопроцентной точности ее утверждений об отношении еврейских масс к Добровольческой армии. Но при более тщательном изучении имеющегося в нашем распоряжении весьма обширного материала все отчетливее вырисовывается несомненное соответствие в тот момент общего духа записки с действительными настроениями широких обывательских и интеллигентских кругов еврейского населения. Об этом свидетельствует целый ряд показаний различных еврейских общественных деятелей, писем частных лиц, опросов пострадавших и т. д. Все эти документы составлялись в большинстве своем без всякой предвзятой цели, без «политики» или расчета воздействовать тем или иным путем на добровольческие власти и продемонстрировать еврейскую лояльность. В значительной своей части они писались уже после разгрома и ухода добровольцев, в большевистские времена, когда не было никаких оснований ретроспективно проявлять про-добровольческие чувства. И все же значительная часть имеющегося в нашем распоряжении материала красноречиво свидетельствует, что, за вычетом сравнительно небольшой группы убежденных коммунистов, рабочих кругов и революционной интеллигенции, вся остальная еврейская мелкобуржуазная и интеллигентская масса городов и местечек, руководясь своими экономическими интересами, с нетерпением ожидала прихода добровольцев, которых она не знала. С их приходом связывались надежды на установление гражданского правопорядка, свободы торговли, денежного обращения и т. д.

Несомненно симптоматическим для отношения части еврейской интеллигенции к идеям Добровольческой армии является создание в Киеве «Еврейского комитета содействия возрождению России». В его состав вошли — правда, как частные лица — деятели различных политических группировок в еврействе, — от ортодоксов до отдельных социалистов.

Было бы, конечно, неправильно делать из этого вывод, будто все политические партии, к которым они принадлежали, солидаризовались с задачами новообразованного Комитета. Кроме «еврейских кадетов» (Еврейской Народной Группы), ни одна из еврейских партий не ангажировалась, как таковая, в отношении Добровольческой армии. Но уже тот

факт, что видные деятели этих партий сочли возможным, хотя-бы персонально, войти в состав такого Комитета, свидетельствует о том, что про-добровольческие настроения были широко распространены в еврейской общественности. В опубликованном воззвании «Еврейск. комит. содействия возрождению России» писал: «Еврейское население России кровно заинтересовано в победе начал государственности и свободы над диким разгулом классового и национального террора... Государственное единство и полнота национального существования всех народов России — это необходимые условия и для национальной жизни евреев. Это стремление живет в нас и ничем не может быть убито, ничем — даже погромами и насилиями, пятнающими великую борьбу за освобождение России от большевиков. Через преследование и пытки, сквозь клевету и гнусную ложь пронесем мы это стремление возродить страну, в которой права гражданства мы приобрели веками труда, страданий и горя»³²).

Однако, не только в крупных центрах и среди отдельных интеллигентов-политических деятелей были в наличности несомненные симпатии к Добровольческой армии и надежды на нее. Во всей еврейской провинции добровольцев первоначально встречали, как носителей идеи государственного порядка и «освободителей от большевиков». На закрытой сионистской конференции в Балаклаве (18—22 сентября 1919 г.), где все участники имели возможность высказываться с полной откровенностью, председатель Екатеринославской еврейской общины инж. М. С. Брук заявил: «Когда в июне, после 7-месячного господства большевиков, связанного в последнее время с жестоким антисемитизмом (окопные работы с издевательствами, фактически только для евреев), Екатеринослав был занят Добрармией, 95% населения было счастливо». В докладе Могилев — Под. районного комитета помощи пострадавшим на имя Кишиневского центрального комитета констатируется господствовавшая до прихода добровольцев «общая уверенность, что армия Деникина, действующая в полном контакте со всеми цивилизованными странами, пользующаяся огромной поддержкой свободнейших культурных правительств Запада, армия, насчитывающая в своем составе огромный процент интеллигентных лиц, разумеется, вполне гарантирует все население и, в частности, еврейское от каких бы то ни было тревог за спокойствие и порядок». Автор написанных уже при большевиках, в высшей

³²) «Киевская Жизнь», от 12 (25) октября 1919. см. также «Евр. Трибуна», Париж, № 2, 1920.

степени интересных и показательных записок о «Фастовской резне», учитель по профессии и местный общественный деятель И. Я. Берлянд, характеризуя еврейские настроения перед приходом добровольцев, пишет: «Только известная часть еврейского пролетариата была настроена коммунистически, остальные слои еврейства, состоявшие, главным образом, из мелких торговцев, ремесленников и людей либеральных профессий, были скорее буржуазно настроены и ждали прихода деникинцев с большим нетерпением, будучи уверены, что те принесут с собой принципы собственности, свободной торговли, свободы слова и вообще тот порядок, который составляет отличительную черту буржуазной республики»³³). В частном письме из Фастова на имя Л. Г. в Киеве фастовский еврейский общественный деятель Э. Г. писал тогда: «Вступили Деникинцы. Вы понимаете, конечно, с каким нетерпением их ждали после повстанческих частей, как огромному большинству еврейского населения казало сь, что вот она грядет, наконец, настоящая власть, что пришел конец ужасам и испытаниям»³⁴). Студент Б. так характеризовал настроения евреев в Чернигове перед занятием его добровольческими частями: «Политика советской власти, приводящая к обеднению еврейских масс, вызвала в широких еврейских кругах большое недовольство советской властью, и в еврейской среде с нетерпением ожидали добровольцев. Верили, что они приносят с собой истинное избавление. Правда, большевистская пресса сообщала о нехорошем поведении деникинцев в отношении евреев, — но это считали за один из обычных большевистских обманов. Вера в либерализм Деникина была так велика, что не верили даже отдельным лицам, случайно прорывавшимся сквозь фронт и рисовавшим положение в нежелательных красках... Не хотели верить даже письмам, приходившим «с той стороны», в которых жаловались на добровольцев»³⁵). В гор. Остер (Черниговской губ.), как сообщает в заявлении на имя центрального еврейского комитета помощи местный житель М. А. Г., большевики «за время своего пребывания сильно разорили местное население, особенно еврейское торговое, налагая непосильные контрибуции, организуя повальное лишение населения белья, платья и всего необходимого. Все население, и еврейское в том числе, ждало Добровольческую армию с крайним нетерпением и видело в

³³) Из материалов Центрального архива (Берлин).

³⁴) Там же.

³⁵) Там же, «Деникинцы в Чернигове».

ней избавительницу от ужасного большевистского режима»³⁶). В маленьком Кагарлыке (Киевской губ.) — свидетельствует местный житель Ц. К. — «местное еврейское население радовалось прибытию новой власти, видя в добровольцах своих избавителей и надеясь, что рассеется страх перед погромами»³⁷). Автор обстоятельного и интересного доклада о погроме в Нежине Х. Гофман вполне определенно характеризует настроение местного еврейства перед приходом денкинцев: «В период власти большевиков Нежин очутился под гнетом Чека. Особенно страдало от этого гнета еврейское население. Ни один еврейский дом не избежал обыска. Много еврейского добра было забрано и распродано. Можно сказать, что всю наложенную контрибуцию уплатили евреи. Много евреев томилось в тюрьмах в качестве заложников; среди них был также нежинский раввин Хейн, пользовавшийся симпатиями всего населения»³⁸)... Одним словом, еврейское население сильно страдало от большевистского режима и нетерпеливо ожидало освобождения Нежина от большевиков. После занятия добровольцами Харькова еврейское население следило за их быстрым продвижением вперед и ждало с нетерпением вступления добровольцев в Нежин»³⁹). То же настроение господствовало и в маленьком местечке Кобище под Нежиным: «При большевистской власти они (евреи) страдали наравне с прочим населением. Нельзя было свободно заниматься торговлей, и евреи с нетерпением ждали момента, когда каждый сможет заняться своим делом. Когда Добровольческая армия стала приближаться к местечку, евреи обрадовались предстоящему избавлению от большевиков. Появилась надежда на новую жизнь, на возможность свободной торговли, когда не надо будет прятаться и бояться, чтобы не обвинили в принадлежности к буржуям»⁴⁰). В весьма откровенной и не стесняющейся в резких выражениях по адресу добровольцев докладной записке на имя начальника Каневского уезда исполняющий обязанности Богуславского общественного раввина, рисуя мытарства еврейского населения гор. Богуслава (Киевск. губ.) при советской власти, писал: «Стоном стонало еврейское население и страдало от них (большевиков) вдвойне: и как евреи, и как буржуазия. Причем каждый мелкий ткач-кустарь считался фабрикантом, а каждый мешечник — купцом». Неудивительно, что евреи

³⁶) Из материалов Юрид. Бюро при Центр. комитете помощи (также в Центральном архиве).

³⁷) Из материалов Центрального архива.

³⁸) Впоследствии убитый во время погрома добровольцами.

³⁹) Из материалов Центрального архива.

⁴⁰) Там-же.

«ожидали прихода деникинцев» и «были уверены, что новая власть принесет им, наконец, спокойствие и порядок»⁴¹⁾. В Борзне (Черниг. губ.), как свидетельствует председатель еврейской общины, «вступление добровольцев было встречено евреями с большим ликованием»⁴²⁾.

Таких совершенно бесспорных по искренности и достоверности показаний можно было бы перечислить еще много. В целом ряде городов еврейское население, движимое частью искренними чувствами, частью рожденным сведениями об антиеврейских погромах стремлением расположить к себе новую власть, встречало даже вступающие добровольческие части специальными приветственными депутациями, хлебом-солью и т. д.

Результаты от этих депутатий и приветствий получались, однако, неизменно, самые печальные.

В Екатеринославе местная еврейская община постановила специальной делегацией участвовать в торжественной встрече новой власти. О том, что из этого вышло, красноречиво рассказал на сионистской конференции в Балаклаве инж. М. С. Брук: «В качестве председателя еврейской общины я отправился на Соборную площадь вместе с духовным и казенным раввином. В толпе необычайное волнение и брань по адресу жидов. Один из распорядителей посоветовал нам уйти. Но было поздно. Через 10 минут нас вызвал офицер и предложил уйти: «Не надо ваших приветствий». По дороге нас перехватили казаки и повели в сторону, где находился большой отряд казаков во главе с офицером, и началась жестокая травля и угрозы по нашему адресу. Нас повели к пулемету, офицеры ушли: «Нужно их пустить в расход, расступись». Нас избили пагайками и повели меж конных рядов. В это время явился офицер, который нас увел с площади и которому казаки сказали: «Эти жидаы стреляли по нас из пулеметов». Офицер освободил нас и сказал: «Ступайте домой и не шляйтесь по улицам»⁴³⁾.

Гораздо более печальная судьба постигла подобные попытки в других местах, особенно в местечках. Здесь еврейские делегации, вместо того, чтобы смягчить новую власть, являлись для нее лишь удобным поводом к погрому. С самих «делегатов» грабеж и насилия обычно и начинались.

В Кагарлыке (Киевск. губ.) «депутация от еврейского населения была благосклонно встречена начальником отряда.

⁴¹⁾ Из материалов Центрального архива.

⁴²⁾ Там же, доклад предс. общины в Борзне.

⁴³⁾ Из протоколов сионистской конференции, состоявшейся 18-22 сентября 1919 г. в Балаклаве (Центр. архив).

Однако, не успел начальник отряда отвернуться, как солдаты его тут же ограбили всех членов делегации»⁴⁴). В местечке Юзефполь (Подольск. губ.) евреи выслали навстречу добровольческим частям делегацию с хлебом-солью, золотыми часами и 50.000 руб. Командовавший добровольцами генерал все принял и обещал, что убивать не будут. Но самую делегацию тут же ограбили до чиста, одежду и даже брюки сняли; вслед затем начался трехдневный грабеж⁴⁵). В селе Кальниболот (Херсонской губ.) евреи, наученные горьким опытом, попрятались при приходе добровольцев. Лишь один известный в селе богатый еврей И. С., уверенный, повидимому, что его социальное положение гарантирует его от подозрений в большевизме, вышел с хлебом-солью навстречу входившему отряду. «В ответ на приветствие последовали удары по голове саблей в ножнах. Пострадавший еле спасся»⁴⁶). В местечке Кобище (Черниговск. губ.) евреи, испытав много тяжелого во время господства большевиков и в переходный период безвластия после ухода советских войск, «будучи уверенными в благожелательном отношении добровольцев, отправили к вокзалу двух лиц Э. К. и Н. К., чтобы ознакомить прибывших с положением евреев и просить принять меры к возвращению награбленного. Этих двух евреев задержали, раздели до-нага и жестоко избили»⁴⁷). В местечке Макарове (Киевск. губ.) «при вступлении разведочного отряда Доброй армии навстречу вышли делегации с хлебом-солью, как от христианского населения, так и от остатка еврейского населения местечка (уцелевшего после погромов банд Мордалевича, Матвеевко и местных крестьян), причем еврейская делегация состояла исключительно из стариков 60 и 70-летнего возраста. К христианской делегации подъехал офицер. Заметив стоящую поотдаля еврейскую делегацию, он спросил: «А что там за чучела стоят?» Старики евреи были в длинных кафтанах. Узнав, что это делегация от евреев, он откомандировал к ним двух-трех из бывших с ним солдат, которые стали избивать членов еврейской делегации палками сначала в ножнах, а потом наголо. В результате почти все члены делегации (17) были изрублены до смерти»⁴⁸). В Остре (Черниговской губ.) вступивший в город Якутский полк

⁴⁴) Центральный архив. Прошение по адресу Киевского губернского жителя Кагарлыка.

⁴⁵) Из материалов Одесской еврейской общины (Центр. архив).

⁴⁶) Из материалов Центр. архива. Передано лицом, жившим в селе во время погрома.

⁴⁷) Из материалов Центр. архива. Сообщение Х. Гофмана.

⁴⁸) Из материалов Росс. Красного Креста. Показание О. Ш. Крушевского (Центр. архив).

отнесся к евреям крайне враждебно. Когда явилась делегация от евреев, то комендант города прогнал ее ⁴⁹⁾. Печально окончилась и радушная встреча, устроенная добровольческому отряду евреями местечки Паволочь (Киевск. губернии). После устроенного на квартире местного еврея Н. обеда для солдат и офицеров, начались обыски и грабежи ⁵⁰⁾. В Хороле (Полт. губ.) вступавший добровольческий отряд приветствовали местный казенный раввин и старик 70 лет, купец М. М. В ответ на приветствие последний был жестоко избит нагайками ⁵¹⁾. В Борисполе (Полт. губ.), когда местные евреи, желая поднести хлеб-соль, спрашивали у вступивших казаков, где полковник, те отвечали, что он едет сюда, прибавляя при этом: «Хлеб-соль вам не поможет, жидовские морды» ⁵²⁾.

И действительно, не помогали. Ни одна, самая радушная встреча Добровольческой армии ни разу не оберегла ни одно еврейское местечко от погрома или даже хотя бы отчасти не смягчила погромного разгула.

---

⁴⁹⁾ Заявление в Центральный еврейский комитет помощи пострадавшим от погромов жителя г. Остра А. А. Голубова.

⁵⁰⁾ Сообщение начальника почтово-телеграфной конторы в м. Паволочь Н. Л. Сулковского (христианин).

⁵¹⁾ Сообщение частного поверенного Я. Д. Из материалов Харьковской еврейской общины (Центр. архив).

⁵²⁾ Из материалов Центр. архива.

ГЛАВА IV.

Период массовых и кровавых погромов: август-сентябрь 1919. — Поводы к погромам. — Общий характер обвинений. — Белая Церковь, Конотоп, Фастов, Нежин, Нов. Млины — Киев. — Агитация «Вечерних Огней» и «Киевлянина». — Расследование обвинений в стрельбе из окон. — Свидетельство В. Шульгина. — Образцы погромных приемов. — Убийства; их количественный захват; возрастной и половой состав жертв; массовый и публичный характер убийств. — Случаи особой жестокости. — Ранения. — Изнасилования, как специфическая черта добровольческих погромов. — Групповые изнасилования. — Насилия над старухами, малолетними, больными, беременными. — Нарочитое глумление. — Случаи самоубийств и безумия изнасилованных. — Героическая защита и самозащита насилуемых. — Пытки, избиения и издевательства. — Изощренное мучительство.

Месяцы июнь-июль были своего рода подготовительным периодом добровольческих погромов. Добровольцы словно пробовали, нащупывали погромные возможности. Эта своеобразная «погромная разведка» дала вполне удовлетворительные результаты. Она прочно утвердила сознание дозволенности и безнаказанности грабежей и насилий, разожгла жажду наживы и звериные инстинкты, приучила к виду еврейской крови и внушила вкус к еврейскому имуществу. Непрерывающиеся военные успехи Добровольческой армии укрепили чувство самоуверенности и уверенность в конечной победе и позволили пренебречь настроениями населения и мнением «Европы». И когда победоносная армия вступила, в августе 1919 года, в западную часть Полтавской губернии, южную часть Черниговской и восточную часть Киевской губ., а в сентябре заняла последние две губернии целиком, погромы приняли небывало-массовый и кровавый характер. Начинается новый, основной и по количественному захвату, по продолжительности и качественной напряженности, самый разрушительный период добровольческой погромной волны.

При всем бесконечном арифметическом разнообразии погромной практики этого периода, материалы дают картину

изумительной повторяемости основных черт добровольческих погромов, наводят на ряд почти алгебраических обобщений. Рассказывать один погром за другим — значило бы бесконечно варьировать один и тот же основной типический мотив, в разных комбинациях слагающийся из одних и тех же составных частей. Картина погрома была, в существенных чертах, почти повсеместно одна и та же.

Вообще говоря, зачинщики погромов даже не искали особенного повода. Войска приходили в еврейские поселения с готовым намерением убивать и грабить и не нуждались в каких-либо специальных поводах к погрому. Лишь изредка те или иные добровольческие власти пытались «делу дать законный вид и толк», создать, по крайней мере, видимость объяснения и оправдания погрому, переложить непосредственную вину за его возникновение на самое еврейское население. Для этого замышлялись, подтасовывались или фабриковались «факты» о якобы активном враждебном отношении местных евреев к добровольческим частям, о стрельбе по ним и т. д. Делалось это, впрочем, крайне редко. Из общего числа известных нам случаев еврейских погромов, учиненных добровольцами, едва лишь в шести пунктах власти и анти-еврейские круги дали себе труд сфабриковать такие «факты».

Производилось это, однако, обычно крайне неумело. Разоблачить ложность этих наветов не представляло труда. Но эта разоблачительная работа была в значительной мере бесполезна. Официально пущенный навет успевал сделать свое дело, сгущал погромную атмосферу, и опровержение его — задним числом и из частных источников — естественно не могло возыметь должного действия. К услугам распространителей навета были все возможности; опровержения же либо игнорировались властью, либо просто подавлялись.

Обычно обвинения в стрельбе евреев по добровольцам приурочивались к моментам вынужденного временного оставления добровольческими частями города под давлением Красной армии. В такой смутный переходный момент очень легко было возложить на любую часть населения ответственность за чьи-либо действия.

Известны следующие 6 случаев обвинения евреев в активных враждебных действиях против добровольцев: Киев, Новые Млины, Фастов, Нежин, Конотоп, Белая Церковь. В большинстве из этих пунктов, собственно, трудно даже говорить об «обвинениях» в точном смысле этого слова. Они никем не были заявлены, нигде не зафиксированы сколько-нибудь определенно и точно, ни против кого конкретно не бы-

ли направлены. Они носили самый общий характер слухов, шедших из уст в уста, сообщавшихся при личных разговорах. И указания на эти «обвинения» по данным Центрального архива материалов о погромах носят, в большинстве случаев, характер совершенно анонимных и общих поклепов.

В Белой Церкви (Киевск. губ.) «громили для своего оправдания распроставляли слухи, будто евреи разъезжали по городу с пулеметами, будто были расставлены пулеметы на здании синагоги, будто евреи стреляли из своих домов по казакам и т. п.»¹⁾. В Конотопе (Черниг. губ.) добровольцы, выбитые из города большевиками 10-го сентября и вернувшиеся 18-го, «обвинили евреев, будто те при вступлении большевиков стреляли по отступающим добровольцам»²⁾. Такой же анонимный и общий характер носили и обвинения против евреев в Фастове. Формально никто ничего не заявлял. Но обследовавшему Фастов после погрома журналисту Ив. Деревенскому поручик Илюшкин рассказывает, что «среди казаков кто-то распространил явно провокационный слух, будто евреи радостно встретили большевиков, когда они ворвались в Фастов, что евреи кричали «ура» на вокзале большевикам и, наконец, что они стреляли в добровольцев, когда те отходили из Фастова»³⁾. Откуда родились эти слухи, — установить трудно. Во всяком случае, свидетельствует Ив. Деревенский (не-еврей), «никто из опрошенных мною лиц не подтвердил правильности этих слухов. Наоборот, все, — в том числе и лица, настроенные явно враждебно к еврейству, — отрицали даже возможность таких фактов. Крики «ура», действительно, были слышны в местечке со стороны вокзала в момент, когда туда ворвались большевики, но евреев, да и вообще местечковых обывателей в тот момент на вокзале не было, ибо все боялись боя и попрятались. Вернее всего, кричали сами красноармейцы». Всякая попытка конкретизировать обвинение евреев в стрельбе по добровольцам оканчивалась фиаско. В самый разгар боя с большевиками в Фастове, 12-го сентября, рассказывает христианка-фельдшерница А. О. Николаиди, «у мельницы Заверухи я натолкнулась на группу казаков, которым две крестьянки рассказывали про убийство евреями двух казаков. Мы все напра-

¹⁾ Из материалов Красного Креста; сообщение уполн. Отделом Помощи Г. И. Рабиновича (Центр. архив).

²⁾ Там-же; показание Р. А. Слоним.

³⁾ Такие же сведения сообщил Х. Лихтману фастовский житель Иван Геневич, который, будучи случайно на вокзале, слышал, как офицеры говорили между собою, что погром неизбежен, потому что евреи стреляли в отступающих добровольцев, встретили большевиков с криками «ура» и т. д. Доклад Х. Гофмана.

вились к тому месту, где, по словам крестьянок, лежали трупы убитых. Мы, действительно, нашли эти трупы, но тщательно забинтованные огнестрельные раны убитых нас убедили, что рассказ крестьянок не более как выдумка, ибо ясно было, что тяжелые ранения получены ими в бою, откуда они были вынесены и доставлены в защищенный двор мельницы, но после перевязки скончались». Ложность обвинения выяснилась с совершенной неоспоримостью. Это, однако, не помешало той же группе казаков тут же рассказывать А. О. Николаиди, что, «по словам участников первоначального оккупационного отряда, при их отступлении из местечка в них стреляли евреи. Они также слышали, что у евреев найдены полевые телефоны, посредством которых евреи информировали большевиков о положении в местечке».

Немногом обоснованнее был случай «еврейской стрельбы» в Нежине (Черниг. губ.). 18-го августа город, занятый добровольцами, испытал налет большевистского отряда Кропивянского, продолжавшийся всего несколько часов. Налет был быстро ликвидирован. «Но защищавшие город добровольческие войска — рассказывает газета «Объединение», — во время движения по улицам подверглись обстрелу из домов и засад, — по всей вероятности скрывшимися в городе большевиками. Немедленно родился провокационный слух, что стреляли евреи⁴⁾, и разразился жестокий погром.

Во всех этих случаях неизвестны авторы обвинений, не указано ни одного факта. И в этом было, быть может, самое страшное, самое злое. Потому что не перед кем и не в чем было оправдываться, доказывать, опровергать. Кто-то безымянный пускал провокационный слух. Эта провокация делала свое злое дело, возбуждала умы, давала тень оправдания насилиям. Бороться же с ней было немислимо, ибо она была неуловима и неосязаема, обща и расплывчата,

Сравнительно более определенный характер носило обвинение в местечке Новые Млины (Черниг. губ.). За местечко шла упорная борьба с пытавшимися отобрать его большевиками. По окончании сражения начался погром. Когда же к добровольческому коменданту явилась 20-членная депутация из христиан, мужчин и женщин, с просьбой не допустить убийств, комендант заявил, что бессилен что-либо сделать, так как «евреи стреляли в добровольцев из домов». Это весьма обще формулированное обвинение имело, однако, то преимущество, что оно сделано было конкретным лицом, представителем добровольческой власти. И христианская делегация имела возможность доказать ему всю несправедли-

⁴⁾ Газета «Объединение», (Киев) № 7, 1919.

вость этого навета на евреев. Как выяснилось, сражение с большевиками происходило в районе, населенном евреями. Последние оставили свои дома и пошли укрыться в более отдаленные кварталы. Большевики же засели в пустых еврейских домах и оттуда обстреливали добровольцев. Отсюда и родилась версия, будто «евреи из домов стреляли в добровольцев». Делегация доказывала, поэтому, с фактами в руках, что «стреляли лишь из еврейских домов, но стреляли не евреи»⁵⁾.

Единственным, насколько нам известно, городом, где обвинение в еврейской стрельбе по добровольческим частям было выдвинуто открыто и публично, в конкретной форме, допускающей проверку, был Киев. 1-го октября 1919 г., добровольцы под давлением большевиков оказались вынужденными очистить город. 5-го октября они выбили большевиков из города и вновь заняли Киев. Тогда началась газетная и официальная травля евреев за обстрел из окон отступающих добровольцев. Первый пустил эту легенду в публичный оборот уличный листок «Вечерние Огни», орган какого-то таинственного «Союза Освобождения России», вышедший под редакцией Калининкова. В номерах от 5-го, 6-го и 7-го октября газета напечатала ряд списков, с указанием улиц и номеров домов, откуда стрельба производилась, — «преимущественно евреями». Перечислен был и ряд случаев расстрела евреев за такую стрельбу. При этом газета уверенно ссылалась на то, что сведения эти получены ею из «официальных источников» — от ген. Пестича, чинов уголовного розыска и Государственной Стражи, батареи артиллерийской бригады, частей с...го полка и т. д. Одновременно с «Вечерними Огнями» организовал аналогичную травлю и орган В. Шульгина «Киевлянин». В первом-же номере, вышедшем по обратном занятии Киева Добровольческой армией, газета опубликовала информационную статью: «1—4 октября в Киеве»⁶⁾, в которой сообщалось, что большевикам «усердно содействовало местное еврейское население, открывшее беспорядочную стрельбу по отходящим добровольческим частям», причем «особенно активное участие принимали боевые организации еврейских партий, так называемая самооборона, имевшая в своем распоряжении пулеметы и ручные гранаты». Далее указывается ряд «зарегистрированных возмутительных случаев

⁵⁾ Сообщение М. Хотимской. Из материалов Центрального архива.

В приложении, в отделе документов, мы приводим полный текст заявления христ. населения м. Новые Млины по поводу ложного обвинения евреев в стрельбе.

⁶⁾ «Киевлянин», № 35, от 6/19 октября 1919 г.

стрельбы из засад и разных видов шпионажа» и сообщается, что пойманы и расстреляны «евреи, стрелявшие из пулемета с Никольской церкви и убившие 15 офицеров, врач-венеролог Грубер, стрелявший из дома по Лютеранской улице, две еврейки, сообщавшие по тайному телефону, установленному на крыше дома, сведения о передвижении добровольческих частей, и десятки других евреев и евреек, пойманных с пулеметами и ручными бомбами».

Этот навет нашел себе, наконец, убежище и в бюллетенях правительственного «Освага», который в разосланной циркулярной телеграмме во многом почти дословно (только в общей форме, без указания имен и конкретных случаев) повторил сообщение «Киевлянина» о роли «боевых организаций еврейских партий», о «деятельной поддержке красных со стороны части еврейского населения», о «зарегистрированных случаях стрельбы из засад» и о «разных видах шпионажа».

На сей раз обвинение носило вполне конкретный характер. Этим оно, с одной стороны, конечно, много выиграло, в первый момент, во внешней убедительности, и действительно сыграло роковую роль в киевском погроме. С другой стороны, именно в этой конкретности и крылась его уязвимая сторона: оно поддавалось проверке. И эта проверка была произведена. «Лига борьбы с антисемитизмом», совместно с представителями ряда русских общественных организаций, произвела тщательное расследование всех перечисленных «Вечерними Огнями» случаев и с неопровержимой убедительностью установила абсолютную неосновательность, а порой заведомую вздорность этих фактов⁷⁾. Ни один из них не оказался хотя бы отдаленно соответствующим действительности.

Результаты своего обследования «Лига борьбы с антисемитизмом», в виде специального плаката, расклеила по всему городу⁸⁾. «Вечерние Огни» вынуждены были промолчать в ответ на это публичное обличение их во лжи. «Официальность» их источников оказалась мнимой, и власти сочли себя, в конце концов, вынужденными запретить газете печатание дальнейших списков и «доказательств правильности прежних сообщений»⁸⁾. Более того, именно самой власти суждено было, против своего желания, продемонстрировать всю безосно-

⁷⁾ Самостоятельное расследование ряда случаев, приведшее к тем же результатам, произвел по поручению редакции газеты «Киевская Жизнь» ее сотрудник Ив. Лукаш.

⁸⁾ См. в отделе документов, где приводятся ст. «Веч. Огней», телеграмма «Освага» и текст обследования Лиги.

⁸⁾ «Вечерние Огни», № 44, от 9 октября 1919 г.

вательность всяких обвинений еврейского населения в стрельбе из окон. Приказом Главного начальствующего Киевской области образована была, под председательством ген. Гуляева, специальная «комиссия для расследования случаев враждебного отношения к Добровольческой армии в дни 1—5 октября». Казалось бы, те лица, которые снабдили материалом редакцию «Вечерних Огней» (ген. Пестич, чины уголовного розыска, Государственной Стражи, батареи... артиллерийской бригады, частей с... полка и т. д.), должны были бы поспешить дать соответствующие уличающие показания этой комиссии ген. Гуляева. Этого именно и не случилось. «Официальные источники», на которые ссылались «Вечерние Огни», предпочли молчать, и в комиссию поступали одни лишь обывательские доносы. Этого не могла скрыть сама власть, и спустя 3 недели командующий войсками Киевской области ген. Драгомиров в специальном приказе от 26-го октября, за № 80, горько жалуется, что «в то время, когда в эту комиссию начал поступать значительный материал от лиц, не принадлежащих к составу армии, офицеры войсковых частей и управлений продолжают высказывать недоверие означенной комиссии, и до сего времени по вызову сенатора Гуляева ни один из офицеров не прибыл в комиссию для снятия с него показаний»⁹⁾.

О том, как легко возникают легенды о «стрельбе из окон», рассказывает, в минуту запоздалого просветления, идеолог безудержного антисемитизма В. Шульгин, сам в своей газете много содействовавший распространению этого навета против евреев. Во время отхода добровольцев из Одессы 25-го января 1920 г. в его отряде поднялись крики:

— «Из окон стреляют!»

«Я приказал укрыться и стал присматриваться. У окон, действительно, появлялись какие-то дымки в верхних этажах. Я начал соображать, почему дымки при бездымном порохе? И почему дымки там, где окна закрыты? И скоро понял, в чем дело. Эти дымки производили пули, ударявшиеся о штукатурку. По Дерибасовской улице из-за горки кто-то палил. Попадая в дом под острыми углами, пули рикошетировали, рождая эти желто-серые дымочки из пыли известкового камня, Ларчик отрывался просто, а меж тем сколько раз в гражданской войне оба противника обвиняли мирное население в стрельбе из окон. Это в некоторых случаях, конечно, бывало, но по большей части это были, вероятно, только «штукатурные дымки»¹⁰⁾.

⁹⁾ «Киевлянин», № 55, от 30 октября 1919 г.

¹⁰⁾ В. Шульгин. «1920 год». София 1921, стр. 48.

Совершенно независимо, однако, от истинности или ложности всех обвинений евреев в стрельбе и прочих враждебных действиях по отношению к Добровольческой армии, глубоко ошибочным было бы видеть в этих обвинениях действительные причины или хотя бы поводы к погрому. Всюду погром был предрешен и начинался до того, как пускался в оборот провокационный слух, и даже до того, как вообще могли иметь место те «факты», в которых обвиняли еврейское население. В Фастове погром шел, начиная с 15-го августа по 8-ое сентября, без всякого повода. Лишь 9-го сентября утром большевики на несколько часов заняли город, — причем казаки, возвращаясь в Фастов, начали погром еще до того, как могли узнать что-нибудь о поведении еврейского населения при большевиках: уже у самого вокзала подожгли они первый еврейский дом Ребчинского¹¹⁾. В Киеве погром висел в воздухе еще до прихода большевиков и изобретения версии о «еврейской стрельбе из окон». «Уже 1-го октября, в первый день внезапного приближения большевиков к городу, стали распространяться слухи, что перед своим уходом Добровольческая армия расправится с евреями»¹²⁾.

Поводов не требовалось. Еврейское население было наперед обречено на поток и разграбление. При этом на добровольческих погромах этого периода лежал ярко выраженный специфический отпечаток, присущий им одним и ярко выделяющий их из общей массы погромов этих кровавых годов. Почти трехлетняя погромная практика выработала к тому времени на Украине определенные типы погромных приемов. С значительным приближением к точности можно говорить о том, что одни методы и формы погрома присущи по преимуществу петлюровцам, другие — добровольцам, еще другие — повстанческим бандам. Убийства, ранения, пытки и издевательства, изнасилования, грабеж, пожары, контрибуции, кощунства — все эти элементы совершенно своеобразно комбинируются в погромах этого периода.

По количеству жертв добровольческие погромы являются одними из самых кровавых. Почти каждый погром, учиненный добровольческими частями, отмечен десятками или сотнями убитых или замученных на смерть. Имеющиеся материалы особо выделяют и подчеркивают те несколько считанных случаев, когда погром обошелся без убийств. Во всех остальных пунктах убийства неизменно сопровождали погромную практику Добровольческой армии, принимая в ря-

¹¹⁾ Из материалов Центр. Архива; доклад Х. Гофмана.

¹²⁾ Из материалов ЕКУПО; Погром в Киеве 1-5 октября (Центр. архив).

де городов и местечек небывало огромный масштаб и жестокий характер.

По числу жертв на первом месте стоит многострадальный Фастов. «До вечера 12-го сентября нашим пунктом Красного Креста было зарегистрировано 690 убитых», — сообщает христианка-фельдшерица А. И. Николаиди. «В субботу, 14-го, к вечеру было зарегистрировано 1036 убитых»¹³⁾. До 13-го сентября было предано земле 312 жертв¹⁴⁾, а до 18-го было на еврейском кладбище похоронено уже 550 трупов¹⁵⁾. Но этим, конечно, число жертв далеко не ограничивается. Масса трупов сгорело, многие были рассечены на части. «Каждая раскопка пожарища дает обгорелые кости, детские черепа и следы погибших»¹⁶⁾. «Около некоторых погоревших домов чувствуется трупный запах. Часто на месте пожара находят кости, неизвестно чьи. Многих лиц родственники не находят ни в числе живых, ни мертвых. Несколько трупов в овраге за молитвенным домом поели свиньи и собаки»¹⁷⁾. Общее число погибших здесь оценивается в 1300—1500 человек. В Смеле (Киевск. губ.) два добровольческих погрома (августовский и декабрьский) дали 129 убитых¹⁸⁾. В Монастырище (Киевск. губ.) убитых насчитывалось св. 120¹⁹⁾. В Кривом Озере (Под. губ.) с точностью выяснено 400 похороненных трупов; кроме того «похоронено отдельных черепов 36, затем отдельных костей несколько мешков, останков съеденных собаками около 100»²⁰⁾. В Макарове (Киевск. губ.) было убито около 100 человек²¹⁾. В Боярке (Киевск. губ.) из 250—300 душ еврейского населения вырезано 60 человек²²⁾. В местечке Сарны-Охримова (Киевск. губ.) было за 2 дня убито 150 человек²³⁾. В Черкассах (Киевск. губ.) зарегистрировано 129 убитых во время одного только первого погрома 6-го августа 1919 г. (осталось 70 сирот); второй (в декабре) был

¹³⁾ Показание Ионы Лейченко.

¹⁴⁾ Доклад уполномоченного Российского Красного Креста Г. И. Рабиновича.

¹⁵⁾ Доклад Ив. Деревенского.

¹⁶⁾ Доклад Г. И. Рабиновича.

¹⁷⁾ Доклад Ив. Деревенского.

¹⁸⁾ Показание И. Гальперина.

¹⁹⁾ Из материалов Центр. архива: сообщение Басина.

²⁰⁾ Доклад комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от погрома в м. Кривое Озеро. См. отдел документов в приложении.

²¹⁾ Сообщение Хаима Фримгара; по некоторым сведениям лишь св. 50.

²²⁾ Доклад Ив. Деревенского.

²³⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщения Г. Клеймана, И. Винокура, И. Фултограда; по некоторым сведениям — св. 70, остальные тяжело раненые.

еще кровавее²⁴⁾. В Козлове (Тамбовск. губ.) из 800 душ еврейского населения вырезано 100²⁵⁾. В Хащеватом (Подольской губ.) убито тоже до 70 человек²⁶⁾. В Белой Церкви погибло от погрома только в августе 60 чел.²⁷⁾ и т. д.

Несоразмерно большой процент среди убитых составляют старики, женщины и дети. Молодежи, взрослым, здоровым удавалось в большинстве случаев все же скрыться, спрятаться, бежать. Оставались дома «старый да малый», наименее подвижной элемент. Многих успокаивала уверенность, что стариков и детей не тронут. За эту уверенность заплатились жизнью сотни людей.

Вот пример: 37 убитых в Богуславе (Киевск. губ.) были преимущественно женщины и старики²⁸⁾. Из списка 24 убитых в Борзне (Черн. губ.) 9 старше 50 лет²⁹⁾. В Ивангороде (Киевск. губ.) повешены 7 евреев — все в возрасте от 60 до 85 лет³⁰⁾. Из имеющегося списка 66 убитых в м. Хащеватом 14 старше 50 лет³¹⁾. В еврейской земледельческой колонии Кадлубицкой, близ Фастова, где были вырезаны все оставшиеся в колонии еврей-колонисты в количестве 23 человек, — большинство убитых составляли старики и калеки (трое 80-летних, двое — 75-летних, двое — 60-летних, пятеро в возрасте от 50 до 60 лет и т. д.³²⁾. Из 41 убитого в Россаве (Киевской губ.) 12 женщин; 14 были старше 50 лет³³⁾. В Киеве среди убитых 1—5 октября 294 евреев много женщин и стариков³⁴⁾. В Боярке (Киевск. губ.) «убито больше всего стариков и взрослых женщин, так как молодежь успела скрыться»³⁵⁾. В Макарове (Киевск. губ.) убиты были даже содержавшиеся в местной богадельне 8 стариков-евреев³⁶⁾.

Не щадили и детей. Из убитых в Гришином пер. в Черкассах 23 человек было 8 детей³⁷⁾. Обследовавший фастовский погром прис. пов. И. Деревенский видел у письмоводителя пристава список похороненных, содержащий фамилии двух

²⁴⁾ Сведения, данные членом общины Кипнисом.

²⁵⁾ Из «Бюллетеня О-ва Земл. и Рем. Труда», № 3, декабрь 1919 г.

²⁶⁾ «Вагкой» (еженед. на др. евр. яз., Одесса), № 17 от 17 января 1920 г.

²⁷⁾ Сообщение уполномоченного Российского Общества Красного Креста, Г. И. Рабиновича.

²⁸⁾ Из материалов Поалей-Цион; показание Л. Н. Круглякова.

²⁹⁾ Доклад Я. М. Расновского.

³⁰⁾ Там же.

³¹⁾ Ежен. «Вагкой», № 17, 1920 г.

³²⁾ Доклад прис. пов. Ив. Деревенского.

³³⁾ Газета «Ди Вельт» (Киев) № 8 от 30 сент. (13 окт.) 1919 г., также материалы Центр. архива.

³⁴⁾ Отчет «ЕКОПО».

³⁵⁾ Доклад Ив. Деревенского.

³⁶⁾ Сообщение Хайма Фримгара.

³⁷⁾ Сведения, данные членом общины г. Кипнисом.

6-месячных детей — Аврума Слободского и Рувина Коники. В списке убитых в м. Александровке (Киевск. губ.) числится 7 малолетних³⁸). В Россаве 15-летний мальчик Меер Гольдберг был задушен руками, а другой — Рогачевский — застрелен на глазах родителей³⁹). В Джурине (Под. губ.) «дроздовцы» саблей снесли череп годовалому ребенку⁴⁰).

Убийства происходили открыто и часто организовано, по определенному плану. Вот типичное описание этой «охоты за людьми» в м. Россаве (Киевск. губ.)⁴¹): «Казаки рыскали по всем квартирам с диким криком, беспрерывно стреляли, рубили и убивали мужчин, женщин и детей, как спрятавшихся в некоторых квартирах, так и бегавших по улицам, раздетых до-гола и полуумных. Очевидцы, чудом спасшиеся в этот кошмарный вечер (15-го августа), рисуют следующую картину: Какая-нибудь толпа казаков выгоняет прикладами и штыками прячущихся стариков, женщин и детей на улицу (те, кто помоложе и посмелее, еще днем разбежались в поле и в другие места); навстречу уже бежит другая волна казаков, которая расстреливает, убивает и рубит шашками и штыками голых, обезумевших евреев, стариков и детей»... Другую картину рисует обследовавший погром в местечке Боярке (Киевск. губ.) Ив. Деревенский: В первый день (25-го августа) с утра грабили, но еще не убивали. «Однако, достаточно было произойти где-то на улице первому случаю убийства еврея, как громилы пошли с определенным лозунгом — убивать евреев, всех до одного, кто бы ни встретился. Но и эта система была вскоре изменена: по улицам Боярки проскакал какой-то растрепанный солдат, приказавший евреям не убивать на улице и в домах, а ловить и обязательно вести в «штаб». Началась ловля живых людей, в то время, как погром не прекращался. Пойманным связывали руки назад — а иногда и без связывания — и вели к вокзалу. Тут на пригорке, около вокзала, за кустами, сидел какой-то «штаб», состоявший из тех же громил-солдат. Что там делали в этом «штабе» — никому в точности неизвестно, потому что ни один еврей живым из штаба не вышел. Некоторых расстреливали тут же, а большинство отводилось за вокзал, в поле, и расстреливалось на поляне». Таким образом, убиты были в «штабе» в воскресенье 25-го — 22 человека, а в поле — около 20. Убивали просто на улице, без всякого

³⁸) Сообщение М. Я Цыганова.

³⁹) Из материалов Центр. архива.

⁴⁰) Сообщение Джуринского комитета помощи.

⁴¹) Центральный архив; сообщение из Россавы, поступило в марте 1920 года.

особенного повода. В Фастове, — рассказывает Ив. Деревенский — «по местечку открыто ходили группы казаков, оставившие евреев на улице. Иногда просто спрашивали: «ты жид?» и пускали пулю в лоб; но чаще предварительно обыскивали, даже раздевали до-гола и в таком виде тут же на улице расстреливали».

Орудием убийства обыкновенно служила шашка и вообще холодное оружие. «Все убийства произведены были преимущественно холодным оружием — снимались черепа шашками», — сообщает бывш. председатель совета Борзненской еврейской общины Я. М. Расновский. В Александровке (Киевской губ.) «деникинцы устроили варварскую резню евреев холодным оружием»⁴²). Даже тогда, когда убийцы пользовались винтовкой, они не удаивали своих жертв более, чем одной пули. Бывший очевидцем убийства еврея Соловина в Смеле Г. Дубинский рассказывает: «Соловин бежал по улице. За ним раздался выстрел. Он упал раненный. Подбежало два чеченца. Раздался сухой удар; это был удар прикладом по голове раненного. Храп. «Бей еще раз» — слышался голос. Еще раз раздался удар приклада и за ним голос: «Вот и довольно», — и все стихло»⁴³).

Убийства производились с неопишуемой жестокостью. Убийцы не довольствовались обычными способами; они калечили и уродовали свои жертвы, рубили их на части, изрезывали. В Ельце «почти все трупы были зверски изуродованы, черепа снесены, ноги и руки переломаны, груди у девушек срезаны. Узнаны они были своими близкими лишь по особым приметам в одежде»⁴⁴). «Над жертвами раньше издевались, а потом их убивали самым зверским образом. Одна женщина оказалась изрубленной», — читаем в сообщении из Александровки (Киевск. губ.)⁴⁵). В Яблонове (Полт. губ.) торговца Белкина привязали за шею к лошадиному хвосту и тащили через все местечко к предместью — Загребенью, нанося ему сабельные удары⁴⁶). В Бирюче (Воронежск. губ.) добровольцы, выбив вторично большевиков, арестовали ряд евреев: Лозмана (50 л.), Гейтнера (50 л.), Кагана (40 л.), Корницкого (60 л.), брата Корницкого с сыном и Тайгера. Все

⁴²) Сообщение М. Я. Цыганова.

⁴³) «Деникинщина в Смеле». Показание Г. Дубинского; записано М. Рекисом (Центр. архив).

⁴⁴) «Бюллетень Об-ва Ремеслен. и Земл. Труда», № 3, Петроград, декабрь 1919 г.

⁴⁵) Сообщение М. Я. Цыганова.

⁴⁶) Из данных Следственной Комиссии, отправленной в м. Яблоново Лубенским начальником гарнизона полк. Рожаневичем. Из материалов ЕКОПО.

они обвинялись — кто в выдаче добровольца большевикам, кто просто в сношениях с ними, кто в том, что сын его служит в Красной армии. В результате все они были выведены в поле и убиты. При этом Гейтнеру предварительно вспороли живот и сняли череп, Корницкому сперва отрезали ноги, труп же Тайгера был настолько обезображен, что его с трудом можно было опознать⁴⁷⁾. В Смеле несколько казаков ворвались в дом к старику Раму, схватили его за бороду, шашкой отрубили ему голову и положили ее у его ног⁴⁸⁾. С утонченной жестокостью расправились добровольцы волчанского отряда с группой в 5 захваченных евреев и в Монастырище (Киевск. губ.). Они втащили свои жертвы на балкон высокого дома, охватили одной веревкой и сбросили с балкона. Несчастные пытались ухватиться за доски балкона, но казаки отрубили им руки шашками. Один из пятерых во время падения был удушен веревкой, второй сорвался с нее и на коленях умолял казаков о пощаде. Но казаки зарубили его шашками. Трое остальных притворились мертвыми, и это их спасло.⁴⁹⁾

Спасения жертвам не было. Когда в Боярках один из повешенных добровольцами на дереве близ вокзала сорвался с петли, — он был пристрелен солдатами.⁵⁰⁾ Часто убийство было, повидимому, самоцелью. В Смеле (Киевск. губ.), рассказывает Г. Дубинский, в доме Партерского «деникинцы повесили молодого человека. Они не желали никаких денег и повесили его просто так, для «удовольствия», из кровавого сладострастия и зверского садизма.»⁵¹⁾

Убирать трупы было некому. Добровольцы об этом не заботились. Христианское население частью избегало брать на себя эту тяжелую обязанность, частью просто боялось. Терроризованное же еврейское население во все время погрома пряталось по всем мыслимым закоулкам; показаться на улице значило идти на верную смерть, и многие действительно заплатили жизнью за попытку предать убитых погребению. Обычные трупы лежали неубранными в течение всего погрома, придавая местечку безконечно жуткий вид сплошного кладбища, заражая воздух и являясь добычей свиней и собак. Фельдшерница А. И. Николаиди рисует такую картину уже сравнительно «спокойного» дня в Фастове: «Всюду валялись неподобными трупы убитых евреев. На двух площадях

⁴⁷⁾ Из материалов Харьковской еврейской общины; опрос преподавателя еврейского училища И. О. Шурайца.

⁴⁸⁾ Показание И. Гальперина.

⁴⁹⁾ Из материалов Центр. архива; сообщение Басина.

⁵⁰⁾ Доклад Ив. Деревенского.

⁵¹⁾ Показание Г. Дубинского; доставлено М. Рекисом.

—около костела и между базаром и Земской больницей — было до 100 трупов (исключительно мужчины). Несмотря на непрерывно шнырявшие по улицам носилки, на которых старики-евреи уносили убитых по направлению к синагоге, многочисленные жертвы погрома продолжали оставаться неубранными. Возле костела на моих глазах свинья терзала труп одного из убитых евреев. Из окна одного подвала торчали окровавленные лохмотья. Я подошла и посмотрела в окно: в пустой комнате, на полу, лежал окровавленный труп еврея с простреленной головой». То же имело место в Макарове (Киевск. губ.): «трупы убитых евреев валялись неубранными на улицах, собаки и свиньи грызли им головы,» — рассказывает очевидец.⁵²⁾ В Кривом Озере (Подольск. губ.) было похоронено около 100 «останков съеденных собаками».⁵³⁾

Как это ни покажется, на первый взгляд, странным, — но количество раненных было при добровольческих погромах обычно меньшим или всего лишь немного большим, чем количество убитых. Погром производился добровольческими частями с такой безграничной озлобленной жестокостью, что их не удовлетворяло простое ранение своих жертв: кто попадался им в руки, того обычно убивали. Так, в Фастове, где убитых было до 1300 — 1500, число раненных не превышало 300 — 400.⁵⁴⁾ В Черкассах при 129 убитых было 202 раненных. Лишь в отдельных пунктах число раненных вырастает до трехзначных чисел: в Монастырище — 1000⁵⁵⁾, в Кривом Озере — до 1000,⁵⁶⁾ в Смеле (оба погрома) — до 1000⁵⁷⁾ и т. д.

Все эти цифры относятся к более или менее серьезно раненным. «Избитые в счет не идут», — пишет автор сообщения из Монастырища.⁵⁸⁾ Если же присчитать всех, так или иначе физически пострадавших при погроме, то число их оказывается в целом ряде пунктов равным числу всех евреев — жителей местечка. «В городе нет ни одного еврея, который не был бы ранен в голову, лицо, или какую-нибудь часть тела», — пишут из Каменки (Киевск. губ.) центральному бюро сионистской организации в Киеве.⁵⁹⁾ «Избитых очень мно-

⁵²⁾ Сообщение Х. Фримгара.

⁵³⁾ Доклад Комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от погрома в м. Кривое Озеро, при Губсобеде (См. доклад в отделе приложений; там-же указание о полной правдивости этого источника).

⁵⁴⁾ Доклад Ив. Деревенского.

⁵⁵⁾ Сообщение Басина.

⁵⁶⁾ Доклад Комиссии для оказания помощи при Губсобеде.

⁵⁷⁾ Показание И. Гальперина.

⁵⁸⁾ Сообщение Басина.

⁵⁹⁾ Письмо от 5-го ноября 1919 г. (перев. с др.-еврейского).

го.» — докладывает посланная Лубенским воинским начальником в Яблоново (Полт. губ.) следственная комиссия: «очень редки лица, на которых не было бы кровоподтеков и рубцов».

В условиях погромного быта ранения почти всегда оканчивались смертью пострадавших. Они были обычно тяжелые, опасные для жизни. Из 1000 раненных в Монастырище — «большинство были тяжело раненные.»⁶⁰⁾ До 20% ран были смертельны, — констатирует на основании своей практики д-р Гандлевский в Смеле. Из 210 раненных в Томашполе 60 ранений были тяжелыми⁶¹⁾. Смертность среди пострадавших была огромная. Многие умирали от ран еще в течение самого погрома, так как помощи не было ни откуда. Даже в тех местностях, где имелись перевязочные пункты (Фастов), ими могли воспользоваться только легко раненные. За 10 сентября, рассказывает фельдшерка А. И. Николаиди, «через наш пункт (перевязочный пункт Красного Креста) прошло 27 — 30 пострадавших, почти исключительно женщин и детей. Явившиеся на пункт все были легко раненные, которым было под силу добраться до пункта без посторонней помощи. Ранения были от огнестрельного оружия — простреленные головы, руки, ноги; были также изрубленные шашками.» Но и по окончании самого погрома смертность не уменьшалась. Лишения, голод, отсутствие медицинской помощи, эпидемии делали свое дело. В Кривом Озере (Подольской губ.) 50% раненных умерло; ежедневно умирало от 6 до 10 человек. В м. Сарны-Охримова почти все 200 раненных погибли, так как в местечке свирепствовал тиф.⁶²⁾ «Каждый день среди раненных наблюдаются смертные случаи», — констатирует обследовавший Фастов Ив. Деревенский. Реально, в погромной обстановке, ранения были лишь отсрочкой смерти.

Самой характерной и жуткой чертой добровольческих погромов являются принявшие совершенно небывалый, массовой и жестокий характер изнасилования. В качестве сопутствующего явления, изнасилования были свойственны в большей или меньшей степени всем погромам на Украине, начиная с 1919 года. Погромная волна 1917 — 1918 г.г. их почти не знала. Но погромный взрыв 1919 г. принес с собою, в качестве одной из форм, и изнасилования. В сравнительно незначительном размере характеризуются ими

⁶⁰⁾ Сообщение Басина.

⁶¹⁾ Доклад Томашпольского Комитета помощи Красному Кресту в Киеве.

⁶²⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщение Г. Клеймана, И. Винокура, Н. Фултограда.

«петлюровские погромы», — устроенные регулярными частями украинской армии. Чаще сопровождают они налеты многочисленных повстанческих банд. Но во всех этих погромах изнасилования играли все же случайную, второстепенную роль. В самостоятельную и значительную по объему и напряженности отрасль погромной практики выросли изнасилования лишь при добровольческих погромах. Добровольческая армия имеет все основания считать эту область погромного дела своим специфическим, специальным изобретением и достоянием. В кошмарной летописи добровольческих погромов изнасилования, быть может, — самая жуткая страница.

Бросается в глаза, прежде всего, совершенно исключительный количественный размах изнасилований. Конечно, получить сколько-нибудь исчерпывающие и достоверные цифры о количестве изнасилованных совершенно невозможно. Сами пострадавшие, их родные, близкие, знакомые, естественно, тщательнейшим образом скрывали происшедшее несчастье. При опросах и обследованиях об этом всячески умалчивали. К врачам и в лечебницы старались до последней возможности не обращаться. Сколько-нибудь точных цифр поэтому не имеется. Те же, которые имеются, несомненно преуменьшены. Так, в Кременчуге женской лечебницей зарегистрировано всего 14 случаев медицинской подачи помощи изнасилованным. Но это, по свидетельству бывш. кременчугского городского головы А. Санина, лишь потому, что многие обращались к частным врачам, огромное же большинство ни за какой медицинской помощью вообще ни к кому не обращалось. Действительное число изнасилованных А. Санин «по поверхностному подсчету», определяет в 600⁶³). В Черкасах (Киевск. губ.), где произведен был опрос ряда врачей, тоже выяснилось, что подавляющее большинство пострадавших скрывали свое несчастье, совершенно не обращались за врачебной помощью, и врачи часто совершенно случайно и по другому поводу узнавали об изнасиловании. Эпидемический врач 1-го района Шендаревский рассказывает, что, лечя своих пациенток от сыпняка и других болезней, он по течению болезни узнавал про их несчастье. «Некоторые как будто случайно с тревогой выражали подозренье, не беременны ли они. Доктор на это отвечал вопросом: «А казачки не трогали?» И обыкновенно оказывалось, что это пострадавшие». И по оценке того же д-ра Шендаревского, при

⁶³) Из материалов Центр. архива; ответ городского головы А. Санина на опросный лист Комиссии при Кременчугской еврейской общине.

вступлении деникинцев ими было произведено до 600 изнасилований, а при уходе — не менее 200⁶⁴).

При выяснении количественного объема изнасилований приходится, поэтому, неизбежно считаться с неполнотой и недостаточностью приводимых данных. Имена пострадавших вообще лишь в исключительных случаях упоминаются в материалах — лишь в тех случаях, когда пострадавшая была затем убита, или когда изнасилование произошло настолько открыто и всенародно, что скрытность представлялась уже излишней. Но почти во всех погромленных пунктах изнасилования занимают одно из центральных мест в отчетах, опросах, показаниях. Они носят массовый характер.

В м. Гостомеле (Киев. губ.) отступившие 12 сентября чеченские части «захватили с собою всех молодых женщин и, изнасиловав их, отпустили обратно».⁶⁵) В Россаве (Киев. губ.) в вечер и ночь 15 августа «были изнасилованы более половины находившихся в местечке женщин»⁶⁶). О шестистах изнасилованных в Кременчуге и восьмистах в Черкассах⁶⁷) мы уже упоминали. В Борзне (Черн. губ.) проходившая конная часть, имевшая черное знамя с белым черепом на нем, в одну ночь с 9 (22) на 10 (23) сентября изнасиловала более 100 женщин.⁶⁸) В Смеле (Киев. губ.) одна только женщина-врач С. Поляк зарегистрировала 50 обратившихся к ней изнасилованных женщин, д-ром Добровольским зарегистрировано 34 случая изнасилования, другими врачами — еще 11 случаев.⁶⁹) В Корсуни (Киев. губ.) следствие установило цифру в 30 изнасилованных во время погрома в августе 1919 г. и 20 — во время декабрьского отступления добровольцев⁷⁰). В Александровке (Киев. губ.) изнасиловано около 50 женщин⁷¹), в Животове (Киев. губ.) — около 20,⁷²) в Прилуках (Полтав. губ.) — до 40⁷³), в Ракитно (Киев. губ.) — до 100⁷⁴), в Бо-

⁶⁴) Из материалов Центр. архива. Доставлено уполномочен. М. Рекисом.

⁶⁵) Показание Л. Финкельберга.

⁶⁶) Из материалов Центр. архива; сообщение из Россавы.

⁶⁷) Черкасской евр. общиной официально зарегистрировано было в один только первый период вступления добровольцев 84 случая изнасилования. Сообщение члена общины Кишиня.

⁶⁸) Доклад председ. совета Борзненской евр. общ. Я. М. Расновского.

⁶⁹) Из материалов Центр. архива; доставлено уполн. М. Рекисом.

⁷⁰) Следствие, произведенное местной организацией Поалей-Цион.

⁷¹) Сообщение М. Я. Цыганова.

⁷²) Сообщение И. Зона.

⁷³) Из материалов Красн. Креста.

⁷⁴) Там-же; показание 5 свидетелей.

гуславе — до 100,⁷⁵⁾ в Городище — более 40,⁷⁶⁾ в Джурине (Подольск. губ.) — до 60% всех женщин.⁷⁷⁾

Изнасилования эти совершались совершенно открыто, часто среди белого дня, часто на улицах, на глазах у людей. Жуткую характерную картину рисует в своем сообщении корреспондент сионистской организации в Ростове н. Д. из колонии Равнополь (Мариупольского у.), занятой вторым Кубанским Партизанским полком: «Среди белого дня солдаты стали гоняться по улицам за женщинами, затаскивали в дома и насиловали на глазах мужей и отцов, беспощадно избивая последних за малейшую попытку защитить насилуемых»... К ночи в колонию наехали другие казаки для «охоты на жидовочек», как они сами выражались. Настала темная ночь. Избитое население, особенно женщины, попряталось в ямах, убежало и скрылось в хлебах. Начинался ночной кошмар. Каждые 15 — 20 минут в колонии поднимались раздирающие крики женщин и детей — то ночные охотники находили спрятавшуюся дичь». И Равнополь — не исключение в этом отношении. В Ракитно (Киев. губ.) девушку П. остановили днем на улице, вблизи волостного правления, раздели до гола и, не взирая на мольбы и истерические крики, здесь же изнасиловали.⁷⁸⁾ В Россаве (Киев. губ.) казаки, убив на сходе старика Я.-Э. К., 50-ти лет, и его жену Лею, 45-ти лет, принялись за дочь убитых Розу, — еще вчера изнасилованную толпой казаков. Несчастливая стала умолять прикончить и ее, но казаки, издеваясь, ответили ей: «Ты еще молода, тебе еще надо жить». При этом затащили ее в ближайший сарай и поочередно долго насиловали ее, а потом выпустили с гиком и улюлюканием на глазах крестьян».⁷⁹⁾ В Смеле (Киев. губ.), по показанию И. Гальперина, «особая энергия проявлялась казаками в погоне за еврейскими девушками и женщинами, которых тут же на улице, на глазах у всех позорили». Два шурина Гальперина (Б. и А. З-с) «были очевидцами того, как целая группа пьяных казаков, человек в двадцать, совершила в погребке дикое насилие над еврейской девушкой. Изнасилование сопровождалось ужаснейшими пытками. Каждый из насильников придумывал, как бы по сильнее надругаться над своей жертвой. «Несчастливая девушка, как передавали, после этой истории покончила жизнь самоубийством».

⁷⁵⁾ Из материалов Поалей-Цион; показание Арона Кругляка.

⁷⁶⁾ Из материалов Ц. К. помощи.

⁷⁷⁾ Из материалов Комитета Помощи в Джурине.

⁷⁸⁾ Из материалов Красн. Креста; показание 5 свидетелей.

⁷⁹⁾ Из материалов Центр. архива; сообщение из Россавы.

Особенно зловещий характер придает добровольческим изнасилованиям почти стереотипно повторяющаяся во всех показаниях и отчетах фраза: было изнасиловано столько-то — между ними 8-летние девочки и 70-летние старухи. Никакой возраст не спасал от изнасилования. Раствлевались полудети и позорились старухи. В Калниболоте (Херсонск. губ.) «слепую 70-летнюю старуху изнасиловали рядом с девочкой Ф. 11 лет».⁸⁰ В Кременчуге «были случаи изнасилования и 12-летних девочек и 55-летних старух; одну женщину 50 лет изнасиловали 10 казаков».⁸¹ В Корсуни (Киев. губ.) изнасилованы были две 70-летние старухи: П-ая и А-вая.⁸² В Кривом Озере (Под. губ.) добровольцы в одном доме застали четырех девушек от 12 — 15 лет. Велели хозяйке дома, матери одной из девушек, никуда не выходить с детьми из дому и в течение всего погрома они по несколько человек приходили насилловать девушек.⁸³ В Борзне «не пощажены были ни глубокие старухи, ни 12 — 13-летние дети».⁸⁴ В присутствии деда и отца растлили 13-летнюю девочку И.⁸⁵ В Черкассах (Киев. губ.) среди 120 зарегистрированных д-ром Гольдманом случаев изнасилования 6 — 7 случаев относились к малолетним (13 — 14 л.).⁸⁶ В Томашполе (Под. губ.) доклад местного комитета помощи Красному Кресту в Киеве выразительно отмечает: «есть изнасилованные по пять, по шесть раз девочки 10 лет и 70-летние старухи»...

Не спасали от изнасилования ни болезнь, ни беременность, ни святость места. В том же докладе из Томашполя комитет помощи прибавляет: «даже больных сыпным тифом девушек насилывали». В Корсуни большую воспалением легких дочь местного богача П. изнасиловали при температуре 40°, задушили, а потом надругались над трупом.⁸⁷ В Кременчуге шестеро казаков изнасиловали больную возвратным тифом.⁸⁸ В Кривом Озере изнасилована и избита была беременная женщина Т. (22 лет).⁸⁹ В Россаве (Киев. губ.) не была поща-

⁸⁰ Из материалов Одесской Евр. Общины; заявление И. Теплицкого.

⁸¹ Показание бывш. Кременчугского Гор. Головы А. Санина.

⁸² «Корсунь за 1919 г.»; доклад А. Юдицкого (Центр. архив).

⁸³ Доклад Комиссии по оказан. помощи постр. от погрома населению м. Кривое Озеро при Губсобеде.

⁸⁴ Доклад предс. Борзенской Евр. Общины Я. М. Расновского.

⁸⁵ Из матер. Юрид. Бюро при Комитете Помощи; сообщение Р. М. Расновской.

⁸⁶ Сообщение М. Рекиса.

⁸⁷ «Еврейская Мысль», № 28 от 17-го ноября 1919 г.

⁸⁸ Из материалов Харьковской Еврейской Общины. Сообщение журналиста Г. Соболева.

⁸⁹ Доклад Комиссии по оказанию помощи населению постр. от погрома в м. Кривое Озеро при Губсобеде.

жена родильница Р-н, лежавшая еще в постели (она впоследствии умерла в Богуславе).⁹⁰⁾ В Прилуках среди изнасилованных 40 женщин тоже оказалось несколько беременных.⁹¹⁾ В Бобровицах (Черн. губ.) казаки во время похорон расстрелянных евреев напали на провожающих и на глазах родителей тут же на кладбище изнасиловали 15-летнюю дочь шамеса⁹²⁾. В Фастове в Иом-Кипур группа казаков ворвалась в женское отделение синагоги, находящееся в верхнем этаже. «Женщины, особенно молодые, в безумном страхе бросаются с верхней галлерей, ломая себе руки, ноги, ребра. Среди воплей, стонов и плача казаки овладевают несколькими женщинами и девушками и совершают над ними гнусное насилие».⁹³⁾ В Волчанске (Харьк. губ.) девушка Г. спряталась в синагоге. Казаки вытащили ее оттуда и изнасиловали.⁹⁴⁾

В своем докладе о событиях в Борзне (Черн. губ.) председатель борзненской еврейской общины Я. М. Расновский отмечает: «не были пощажены самые святые чувства, и много изнасилований произведено нарочно в присутствии родителей, детей и мужей». Эта черта нарочитого глумления ярко выделяет добровольческие изнасилования. В той же Борзне «некоторым отцам пришлось светить свечей при изнасиловании их дочерей».⁹⁵⁾ В своем обращении в Совет Киевской еврейской общины общинный Совет м. Паволочи (Киев. губ.) пишет: «девушки были изнасилованы на глазах родителей, бессильных спасти их». В Россаве старуха Р. Л. 75 лет была изнасилована на глазах мужа и дочерей.⁹⁶⁾ В Ракитно (Киев. губ.) трех дочерей Р. изнасиловали на глазах родителей.⁹⁷⁾ В Смеле в одном доме хозяйку изнасиловало 12 человек, после чего насильники принудили мужа пострадавшей в свою очередь, проделать то же самое⁹⁸⁾.

Вообще изнасилования носили нередко чудовищно-извращенный и жестокий характер. С особенным сладострастием стремились добровольческие насильники ко всему противоестественному, извращенному. Доклад комиссии по оказанию помощи разгромленному населению Кривого Озера приводит ряд фактов этого рода: В доме К. принуждали бра-

⁹⁰⁾ Из матер. Центр. архива.

⁹¹⁾ Из матер. Красн. Креста.

⁹²⁾ Следствие о действиях деникинцев в Бобровицах, произвед. мест. организацией Поалей-Цион.

⁹³⁾ И. Берлянд, Фастовская резня; записки очевидца (Центр. архив).

⁹⁴⁾ Из материалов Харьковск. Евр. Общинъ.

⁹⁵⁾ Из материалов Центр. архива; доклад о Борзне.

⁹⁶⁾ Из матер. Центр. архива.

⁹⁷⁾ Из матер. Красн. Креста; показания 5 свидетелей.

⁹⁸⁾ Из матер. Центр. архива; доставлено уполномоч. М. Рекисом.

та изнасиловать свою сестру; за отказ тяжело ранили. Там же заставляли дедушку изнасиловать внучку; за отказ тяжело ранили. Беременную женщину в том же Кривом Озере изнасиловали, разрезали ей живот и выбросили плод на улицу собакам, которые затем загрызли мать. В Смеле одну девушку 17 лет, работницу конфектной фабрики, противоестественно изнасиловали; девушка продолжительное время после этого страдала страшными рвотами при одном воспоминании о пережитом⁹⁹⁾. В Борзне «были случаи, когда несчастных жертв раздевали до-нога под открытым небом в осеннюю ночь, предварительно пороли, а потом насиловали: некоторые женщины изнасиловались десятками солдат»¹⁰⁰⁾.

Этот массовый характер изнасилования одной жертвы целыми группами добровольцев отмечают все источники. Опрошенные в Черкассах врачи Шендаревский, Гольдман, Шендаревская и акушерки Рувинская и Липкова—все указывают, что в зарегистрированных ими около 210 случаях изнасилованные подвергались насилию целых групп казаков. Часто число насильников доходило до 10—12 человек на женщину (д-р Гольдман). В Ракитно в растлении одной малолетней участвовало 8—10 человек¹⁰¹⁾. В Кременчуге 50-летнюю женщину изнасиловало 10 казаков¹⁰²⁾. В материалах Кременчугской еврейской общины сохранился трагический человеческий документ — рассказ изнасилованной Х. Г., 42 лет. К ней на квартиру ворвались человек 10 военных, избили ее; потом, — рассказывает пострадавшая — «новалили меня на землю, причем один меня держал за руки, другой сел коленями на ноги, другой еще предложил заткнуть рот, но остальные возражали против этого, сказав: «она все равно кричать не будет и сопротивляться не станет» — и принялись за исполнение адского плана изнасилования, чередуясь без перерыва, один за другим, четыре человека подряд».

При моральном состоянии Добровольческой армии совершенно естественно, что значительная часть изнасилованных оказалась зараженной венерическими болезнями. Точные данные на этот предмет, конечно, в еще большей мере немислимо собрать, чем в отношении изнасилований вообще. Относительное исключение составляют Смела и Черкасы, где путем опроса местных врачей и акушерок удалось выяснить потрясающую картину. В Смеле из 50 зарегистрированных д-ром С. Поляк случаев 25 изнасилованных оказа-

⁹⁹⁾ Опрос акушерки Рувинской.

¹⁰⁰⁾ Доклад Я. М. Расновского.

¹⁰¹⁾ Из матер. Красн. Креста; показание 5 свидетелей.

¹⁰²⁾ Показание бывш. Городского Головы А. Санина.

лись зараженными различными венерическими болезнями вплоть до сифилиса. Некоторые из зараженных чрезвычайно молодые, 14-летние. Ряд случаев заражения гонореей отмечает и д-р Гандлевский. То же имело место и в Черкассах. Из 50 зарегистрированных д-ром Шендаревским случаев изнасилования в 20 случаях оказались зараженные различными формами венерических заболеваний, некоторые тяжело. То же отмечает акушерка Рувинская и д-р Гольдман (см. их отчеты в Центр. архиве). Бывали случаи, когда заражение переносилось потом на мужа и детей (сообщение д-ра Шендаревского и др. в Центр. архиве, Берлин).

Ряд жертв изнасилования оказывался впоследствии беременными. Это несчастье острее и горше всего воспринималось пострадавшими и их близкими. От этой беременности всячески старались избавиться. Врачи обычно помогали в этом. Но многие обращались к врачебной помощи слишком поздно или производили аборт домашними средствами, с помощью бабок, знахарок. В этих случаях бывали роковые исходы. Так погибли в Черкассах две пациентки д-ра Шендаревского — П. (19 л.) и М. (18 л.), обе — редкие красавицы.

Вообще смертные случаи были нередки. В Черкассах девочка 10 л., подвергшаяся групповому изнасилованию, скончалась от кровоизлияния (д-р Шендаревский). Естественно, что испытанные изнасилования отозвались и на психике и всей нервной системе пострадавших. Д-р С. Поляк (Смела) отмечает, что «некоторые жертвы страдают теперь сильным нервным расстройством, подергиваниями, судорогами и т. п. Одна из жертв отправлена в Киев в Кирилловскую больницу» (для умалишенных). Д-р Гандлевский (Смела) тоже констатирует, что «некоторые случаи сопровождались страшными нервными потрясениями. Жертвы хотели наложить на себя руки, и врачу приходилось воздействовать и влиять на них морально. Один такой случай произошел с интеллигентной девушкой, курсисткой-медичкой». В Ставице (Киев. губ.) несколько изнасилованных девушек сошли с ума¹⁰³). О Фастове уполномоченный Российского Красного Креста Г. И. Рабинович сообщает: «Наблюдавшийся у многих нервный психоз, особенно у значительного числа изнасилованных девушек, начинает выявляться в буйном помешательстве». В большинстве случаев, однако, отмечает д-р Гандлевский, «жертвы перенесли свое горе стойко; их страдания затеривались в массе других. Горе переносилось с тупой покорностью судьбе» (Смела).

¹⁰³ Из матер. Красн. Креста; сообщение Г. И. Рабиновича.

Материалы сохранили также ряд потрясающих рассказов о героической защите еврейскими девушками своей чести и о целом ряде родителей, заплативших жизнью или увечьями за попытку спасти своих дочерей от изнасилования.

В м. Монастырище (Киев. губ.) одна из красивейших девушек местечка, гимназистка 6-го класса, Песя Фридман, спаслась от насилия тем, что легла посреди улицы, притворившись мертвой; автор сообщения прибавляет: «не один казак, проходя, толкал ее ногой и говорил: «жалко, хорошая жидовочка». Другая гимназистка Ида Магид 14-15 лет спаслась героической защитой своей чести. Напавшие на нее казаки грозили убить ее за сопротивление. Девушка заявила, что готова умереть. Насильник в течение двух часов подвергал ее жесточайшим пыткам, которые девушка стойко выносила. Бандита это так поразило, что он не решился ее изнасиловать и ушел, заявив: «В первый раз вижу такую героическую жидовку»¹⁰⁴). В поселке при ст. Попельня была расстреляна за отчаянное сопротивление насильниками Берта Бендерская¹⁰⁵). В Кременчуге Э. Н., 18 лет, уже брошенная двумя насильниками на кровать, спаслась тем, что крикнула: «Уйдите от меня, я заражена григорьевцами сифилисом»¹⁰⁶). «В м. Оратово (Киев. губ.), — сообщает уполномоченный И. Зон — некоторые матери проявили большое самопожертвование, защищая честь своих дочерей, особенно малолетних. Были случаи, когда мать своим телом прикрывала дочь и не двигалась с места под ударами обнаженной шапки, рубившей ее беспощадно. Таких случаев было несколько. Как пример, приведем Голду Гуревич, защищавшую 16-летнюю дочь; жену Вельвеля Кубрика, отстоявшую свою младшую дочь, и т. д.» В Фастове отец, брат и жених девушки Гуртовой — все заплатили жизнью за сопротивление изнасилованию; девушка спаслась¹⁰⁷). М. Дубович в поселке при ст. Попельня (Киев. губ.) был расстрелян за то, что не дал изнасиловать сестру¹⁰⁸). В Ракитно (Киев. губ.) чеченцы расстреляли Хану Очаковскую за сопротивление увозу на вокзал для надругательства трех ее дочерей в возрасте от 12 до 19 лет¹⁰⁹). Имела своих мучеников и Россава: там был убит, спасая от насилия свою дочь, Мордко Гершгорн, 46 лет, и замучены Я.-Л. В., 75 лет, и его жена Ента, 70 лет, за попытку защитить честь своей 24-летней дочери Рухли, изна-

¹⁰⁴) Показание Басина.

¹⁰⁵) Из архива Ц. К. Помощи.

¹⁰⁶) Из матер. Кременчугской Еврейской Общины; показание А. Гуревича.

¹⁰⁷) События в Фастове; доклад Х. Гофмана.

¹⁰⁸) Из архива Ц. К. Помощи.

¹⁰⁹) Из матер. Красн. Креста; показания 5 свидетелей.

силованной и замученной казаками. В Ромнах (Полт. губ.) убиты были содержатель гостиницы «Виктория» Фрейдин и его жена за попытки спасти от изнасилования свою 18-летнюю дочь Ревекку; несчастная была изнасилована и потом убита¹¹¹).

При этом изнасилования далеко не всюду приходились исключительно на острые моменты апогея погромного разгула. В некоторых местах они вошли в обиход повседневной жизни, превратившись в регулярную «подачу натурой». Об этом показания пострадавших и свидетелей предпочитают естественно молчать. Только в отношении Животова (Киев. губ.) один из докладов глухо и многозначительно отмечает, что комендант «каждую ночь посылал солдат привести к нему еврейскую девушку; не помогали просьбы, рыдания — забирали силой»¹¹²).

Одна из специфических черт добровольческих погромов — изнасилования — обстоятельно отмечалась выше. Но есть и другая: пытки и издевательства. Она тоже является специфическим достоянием «белых» армий. Как один из второстепенных атрибутов погрома, мучительство и издевательство встречаются, конечно, у всех сменявших друг друга погромных банд. Но в самостоятельную крупную величину они вырастают только у добровольцев.

Речь здесь идет не о пытках и мучительстве, применяемых при грабеже, как средство для того, чтобы выжать из жертвы возможно больше денег или драгоценностей, заставить выдать спрятанные вещи. Пытки этого рода выделены особо, о них говорится в другом месте, ибо они по типу представляют собою явление совершенно иного порядка. Они носят служебный, прикладной характер, являются лишь средством для достижения другой, утилитарной цели и имеют, так сказать, свой — хотя и жестокий, разбойничий — смысл. Издевательства же и пытки, о которых идет речь сейчас, — совершенно иного рода: они бесцельны и бескорыстны. Они совершаются не для чего-нибудь, не как средство, а как сама оцель, — из беспримерной жестокости, из жажды мучительства, стремления видеть страдания жертвы¹¹³), слышать

¹¹¹) Из матер. Юрид. консультации при Совете Харьк. Евр. Общины; показан. студ. М. А. Абелева.

¹¹²) Из материалов КОПЕ, сообщение X. Гофмана.

¹¹³) «Нельзя сказать, что только жадность к деньгам руководила ими. Кровавожадность их выявлялась и в таких случаях, где они не могли ждать ни одной копейки. Они, например, встретили на улице полунагого, босого, психически-больного яврея Гедалия, который одним своим видом мог бы внушить, что денег и ценностей у него нет, и они все-таки его повесили. Таких примеров было несколько», — пишет в своем «Дневнике» казен. раввин м. Богуслава Д. В. Лучинский (Из материалов ЕКОПО).

стоны, видеть кровь, насладиться унижением. И именно этот «бескорыстный» характер сладострастного мучительства придает этой черте добровольческих погромов особенно жуткий и зловещий отпечаток.

Наименее острая форма этого мучительства — издевательство над погромными жертвами, которых побоями и угрозами заставляли выкрикивать антисемитские лозунги, танцевать, петь похабные песни. В Кагарлыке (Киевск. губ.) отряд солдат, с прапорщиком во главе, схватил 28-го августа 1919 20 евреев, увел их за местечко в помещичью экономию, где, по рассказам крестьян, заставил их танцевать и кричать при этом: «бей жидов, спасай Россию!¹¹⁴» В Михайловке (Тавр. губ.) председателя еврейской общины Зельбета и его жену избили до полусмерти, а затем солдаты окружили их, заставили взяться за руки и бежать от квартиры до церкви и кричать: «бей жидов, спасай Россию!» Старика Коренблита, 80 лет, заставили танцевать и петь популярную песенку «яблочко». Младшего Аршинова заставили целовать кобылицу под хвост и пить из под нее молоко¹¹⁵). В м. Монастырище (Киевской губернии) группа солдат из Волчанского отряда схватила 28 декабря на улице меламеда Алтера Животовского, 55—60 лет. Избив жестоко старика, волчанцы захватили его с собой «на гастроли», заставляя его носить награбленные вещи из еврейских квартир на казацкие подводы и одновременно кричать «бей жидов, спасай Россию!» Поймав на улице молодого музыканта Мельника, заставили его распевать «яблочко», а Лазаря Викера, 40 лет, и Товию Винарского, 30 лет, заставили голыми и босыми плясать под эту музыку на снегу¹¹⁶). В м. Городище (Киевск. губ.) добровольческие офицеры придумали для себя еще одно развлечение. 25-го декабря два офицера притащили семерых евреев к содержателю почты Мошинскому и взяли у него барские сани. У саней не доставало «прентков» около дышла. Тогда офицер уселся в сани и сказал: «ну, жида, везите к кузнецу.» И шестеро евреев повезли его к кузнецу. Когда сани были исправлены, офицеры приказали отвезти себя к полковнику. Прибыв к полковнику, они доложили: «Вот, г. полковник, мы привезли вам барские сани с шестью жидами.» «Хорошо, хорошо», ответил полковник; однако евреев освободили¹¹⁷). В Борисполе (Полт. губ.) казак заставил старика еврея 65 л. почистить белой бородой свои

¹¹⁴) Сообщение И. Коростышевского.

¹¹⁵) Из материалов Харьковской еврейской общины.

¹¹⁶) Сообщение Басина.

¹¹⁷) Из материалов следственной комиссии при Киевском Губревкоме

грязные сапоги¹¹⁸). У старика-нищего С. Шалита в Борзне (Черн. губ.) шашкой отрезали бороду¹¹⁹). В Александровке (Киевск. губ.) целый ряд евреев был выстроен на улице и принужден был идти шагом, крича: «раз, два, три,» после каждого третьего шага они избивались нагайками¹²⁰).

Но этими «цветами невинного юмора» дело не ограничивалось. Гораздо чаще издевательства приобретали кровавый и изощренно жестокий характер сладострастного мучительства, соперничающего с пытками инквизиции. В Борзне (Черн. губ.) у 25-летнего Симона Липника отрезали половой орган, а потом убили¹²¹). Там же Э. Квалвассера заставили лизать кровь его убитого брата Юды. Г. Левина и Ш. Аршавского схватили за бороды и так долго сталкивали их головами, пока они, окровавленные, не упали¹²²). В Боярке (Киевск. губ.) Якову Абатиескому натерли лицо солью, а потом убили; Хаим-Товию Хомчевскому разрежали живот и наполнили его солью¹²³). В Фастове у некоего Киксмана отрезан язык и обнаружена рана разрывной пулей¹²⁴) (умер); у раненного Маркмана отрезаны уши; у одного из Маркманов обнаружено 12 ранений шашкой, у другого — 8¹²⁵). В Кривом Озере (Под. губ.) доклад отправленной Одесским Губсособезом комиссии по оказанию помощи отмечает ряд чудовищных пыток и мучительств: у М. Фельдмана отрубили нос и уши, выбили зубы, отрезали половой орган; найдя ночью на чердаке 87-летнего старика Берковича, добровольцы заставили двух других евреев — Ш. Хирика и П. Барнацкого — держать его за руки, а сами избивали его шашкой. Беркович умолял о пуле: «Пули не дадим, мы мучить желаем,» — был ответ. Несчастного пытали гвоздями, тупыми ножами — Беркович умер под руками мучителей. Та же участь постигла М. Клеймана. Захватив его вместе с сыном и Ш. Бланком, добровольцы всех избili, нашли веревку, привязали ее к шее Клеймана и заставили сына и другого еврея тащить два конца веревки в разные стороны. Если те плохо это делали, — избивали их шашками. Подождгли бороду Клейману и сказали: «Вот теперь тебе по-

¹¹⁸) Показание Б. Райскина и Хорощанского.

¹¹⁹) Доклад Я. М. Расновского.

¹²⁰) Сообщение М. Я. Цыганова.

¹²¹) Доклад Я. М. Расновского.

¹²²) Там же.

¹²³) Сообщение М. Гринберга и А. Теплицкого.

¹²⁴) Применение разрывных пуль при погромах было, повидимому, довольно частым явлением. В Фастове Ив. Деревенскому рассказывали об этом «все, в том числе и лица медицинского персонала земской больницы». В Боярке (Киевск. губ.) Ривке Абатиеской разрывной пулей была оторвана голова (Сообщение М. Гринберга и А. Теплицкого).

¹²⁵) Доклад Ив. Деревенского.

добает быть комиссаром, а то что за комиссар с бородой.» Затем отрубили кисти рук, изрубили ноги. Клейман тут же умер. Изощренным мучительствам подвергся 78-летний кладбищенский староста Гольдентулер. Надев талес и филактерии, он надеялся найти убежище у кладбищенского сторожа. Но добровольцы его поймали, смазали ему бороду маслом, подожгли ее и рубили его по рукам шашками, чтобы он не тушил. Потом раздели голым, подвели к речке, на ремнях спустили на лед и некоторое время тащили его голым по льду. Вытащили обратно, били, заставили петь «яблочко.»

Подобные сцены происходили не только в провинции, но и в Киеве, центре добровольческих военных и гражданских властей. Наблюдавшая господство добровольцев в Киеве видный член партии левых социалистов-революционеров Каховская, рисует жуткую картину неторопливого сладострастного мучительства. Проезжая на Шулявку (район с густым еврейским населением), Каховская и ее товарищ заметили, что улица, по которой они едут, странно пуста. «Впереди, как раз на фоне вечерней зари, несколько резко выделяющихся силуэтов конных казаков. Они рубят что-то лежащее на земле. Нам надо проехать мимо. При нашем приближении, с земли поднимается человеческая фигура и быстро направляется, шатаясь, к нам навстречу. Это — старый еврей, в длинном одеянии, с пейсами. Глаза с мольбой и надеждой смотрят на нас. Может быть, люди, может быть, защитим и поможем. Мы отворачиваемся, извозчик проезжает мимо. Еврей идет в том же направлении к городу — очевидно, домой. Казаки шагом, издеваясь, идут за ним, играя как кошка с мышью; у них в углах губ пена и глаза красные и пьяные. Еврей, повидимому, уже несколько успокоенный, идет уже по тротуару. Через десять минут, оставив вещи, мы едем на том же извозчике обратно, той же дорогой. У маленькой, в три окна лачужки, где болтается на одном гвозде сбита на бок вывеска саложника, полукругом стоят те же конные казаки. Один из них нагайкой выбивает стекла в окнах избушки. Толпа на противоположной стороне смотрит с жутким и жадным любопытством. Еврей, очевидно, зашел, спасаясь от казаков, в свой домик, и теперь этот домик осажден, как берлога зверя. Простившись с товарищами, я слезаю у остановки трамвая с извозчика и на паровичке возвращаюсь в Святошино. Мне приходится в третий раз проезжать мимо того же самого места. Перед глазами мелькает, как в панораме, картина. Улицы ниже, чем насыпь, на которой проложены рельсы паровичка, и из окон вагона мне видна очень близко внутренность домика. Чистенькая комната, по-

середине стол, покрытый скатертью; двое детей, лет пяти-шести очевидно, плача, нервно перебирают скатерть. В углу женщина, заломив руки, прижалась к стене. На полу лежит тот самый старик и казак что-то ковыряет ему шашкой в горле, наступив коленом на грудь»¹²⁶)...

Способы пыток и издевательств были буквально неистощимы у добровольцев. В Корсуни (Киевск. губ.) заживо сожгли Давида Подольского¹²⁷). В Белой Церкви (Киевск. губ.) применяли иголки, булавки, горящие лампы, даже костры. «Жертву колют по большей части в ступни ног иголками и булавками, подносят к лицу горящую лампу»¹²⁸). Беженца Гроссмана из Володарки бросили на горящий костер, и он скончался от ожогов¹²⁹). Бенциона Еваленко в м. Обухово (Киевск. губ.) сначала бросили в яму и стали закапывать живьем. Потом его заперли в шкаф, обложили сеном и подожгли (его вытащили полуживого и облили водой¹³⁰). В Кременчуге (Полт. губ.) Якова Рубина, заставили произнести какую-то клятву, после этого его схватили за волосы и поволокли по комнате; из головы вырваны целые ключья волос¹³¹). В Ельце (Орловск. губ.) захваченных евреев секли нагайками так, что тела их «представляли ключья растерзанного человеческого мяса.¹³²)» В Борзне (Черн. губ.) подростка Тригера предварительно заставили есть человеческие испражнения, а потом зверски убили.¹³³)

---

¹²⁶) Каховская; В Деникинской оккупации. Сборник «Пути революции». Изд. «Скифы», Берлин, 1923 г.

¹²⁷) Из материалов Поалей-Цион. Опрос И. Д. Майстерового.

¹²⁸) Показание Э. Ц. Каганова.

¹²⁹) Там же.

¹³⁰) Из материалов Красного Креста; показание Б. Еваленко.

¹³¹) Из материалов Кременчугской евр. общины; показание Суры Рубин.

¹³²) «Бюллетень Об-ва Рем. и Земл. Труда», № 3, декабрь 1919 г. Петроград.

¹³³) Доклад бывш. председателя Борзненской евр. общины Я. Расновского.

ГЛАВА V.

Грабёж и его место в системе добровольческих погромов. — Неторопливый и методический характер грабёжа. — Его количественный размах. — Повторный грабёж. — пытки, как способ вымогательства. — Разрушительный и беспощадный характер грабёжа. — Раздача еврейского добра местному христианскому населению. — Участие крестьян в грабёже. — После грабёжа. — Разрушение, как самоцель. — Размер убытков. — Конtribusiции. — Их роль в добровольческих погромах. — Формы контрибуции. — Конtribusiции маскированные и официальные. — Расписки в получении. — Пожары. — Запрещение тушить еврейские дома. — Опустошительный характер пожаров. — Кошунства. — Синагоги, как место грабёжа. — Осквернение свитков Торы. — Глуумление над религией. — Осквернение кладбищ — Когда начались кошунства?

Трудно ответить на вопрос, какой из двух главных составных элементов всякого погрома: грабёжа и убийства, характеризует по преимуществу добровольческие погромы. Убийства были многочисленны и жестоки. Но таким-же центральным моментом в добровольческих погромах был грабёж, нажива, обогащение. В подавляющем большинстве случаев убийства и пытки имели место лишь как орудие грабёжа. Убивали либо уклонявшихся выдать деньги и драгоценности, либо не имевших достаточно средств для выкупа своей жизни; убивали и для устрашения прочих. Нередко, правда (см. выше), убийства носили самоудовлетворяющий, самостоятельный характер. В этих случаях убивали бескорыстно, из чистой вражды и ненависти. Но основной целью погрома был все же грабёж. И он принял при добровольцах совершенно не имеющий себе аналогии объём и характер.

Во все предшествовавшие погромы грабёж неизбежно носил несколько поверхностный характер. Громилы всегда торопились. Будь то местные охотники до чужой собственности, налетевшая банда повстанцев Зеленого, Соколовского, Заболотного, или регулярные петлюровские войска, — все они по необходимости спешили со своим делом. Местные громилы каждую минуту могли ожидать вмешательства властей. Бан-

ды обычно налетали на день-другой, часто на несколько часов, брали контрибуцию, грабили несколько заметных богачей и исчезали. Погромы петлюровских частей все же встречали иногда противодействие со стороны командного состава. В недобровольческих погромах грабеж был, поэтому, сравнительно ограничен в своем захвате и интенсивности и носил скоропреходящий характер.

Погромы добровольческие были совершенно иного типа. Элемент торопливости в них совершенно отсутствовал. Никакого противодействия или наказания со стороны командного состава громилам опасаться не приходилось. Напротив, грабежи совершались с полного одобрения, а в большинстве случаев и при участии самих офицеров. Бояться сопротивления со стороны евреев тоже не приходилось: еврейская самооборона была всюду предусмотрительно разоружена заранее. И погром шел не спеша, методично, основательно. «Странный был это погром, — пишет в своих «Киевских воспоминаниях» прис. пов. Гольденвейзер,¹⁾ — спокойный, деловитый, по моему даже как бы компрометирующий идею еврейского погрому. При всем желании в том, что делалось в эти дни в Киеве, нельзя было видеть и тени стихийного проявления народного гнева... В прежние времена расхищение еврейского имущества происходило хоть в облаках пуха из распоротых перин и под звон разбитых стекол. Теперешние погромщики стали несравненно деловитее и практичнее». Грабежу подвергались уже не только наиболее видные и богатые еврейские семьи. Громилы шли буквально из дома в дом, систематически и неторопливо очищая все еврейские дома. «Из 450 семейств нельзя насчитать несколько десятков не ограбленных», — сообщает из Каменского (Екатер. губ.) сотрудник ЕКОПО²⁾. В Черкассах (Киев. губ.) подверглось разгрому 2 178 семейств, — 9 862 душ³⁾. В Яблонице (Полт. губ.) из 60 семейств «не осталось ни одной семьи, не обобранной до нитки»⁴⁾. В Томашполе (Под. губ.), где имеется около 1000 еврейских домов и свыше 5 000 еврейского населения, «остались нетронутыми 10—15 дворов и неразгромленными до 50 евреев»⁵⁾. В Ельце (Орлов. губ.) из 400 еврейских домов уцелело всего 5⁶⁾. В Козлове

¹⁾ Архив русской революции, т. VI, стр. 267.

²⁾ Из материала ЕКОПО: сообщение М. Аспиза.

³⁾ Сообщение члена общины и деятеля Комитета Помощи — Кипниса.

⁴⁾ Из данных следственной комиссии, отправленной Лубенским Начальником Гарнизона, полк. Рожаневичем.

⁵⁾ Доклад Томашпольского Комитета помощи погромленным Красному Кресту в Киеве.

⁶⁾ «Бюллетень о-ва ремесленного и земледельческого труда», № 3, Петроград, декабрь 1919 г.

(Тамбов. губ.) «из 180 еврейских квартир уцелело четыре»⁷). В Хороле (Полт. губ.) «из свыше 550 еврейских домов уцелела едва одна десятая»⁸). В Кременчуге разграблено до 4000 квартир⁹) и т. д.

«Особого партийного и политического характера погром не носил, — пишет в своем показании бывший Кременчугский городской голова А. Санин; — хотя грабежи производились часто под предлогом отыскания коммунистов и оружия, но главная цель заключалась в наживе; поэтому, больше всего внимание громил было обращено на магазины, которые в центре города разграблены почти все, и на частные квартиры. Учреждения же различного характера, вообще говоря, особым вниманием не пользовались»¹⁰). Грабили не евреев-коммунистов и не евреев-буржуев, а всех вообще евреев. При этом, так как более состоятельные элементы еврейского населения местечек в значительном большинстве своем были частью уже дочиستا ограблены предыдущими погромами петлюровских, григорьевских и повстанческих частей, «снявших сливки» с еврейского местечка, а частью выбрались в более безопасные крупные центры, то добровольцам поневоле приходилось спускаться в «низы», не брезгать домом самого бедного лавочника, ремесленника. Вся тяжесть погрома обрушилась на еврейскую бедноту. «Пострадали малоимущие классы населения», — докладывает посланная Одесским Губсобрением в м. Кривое Озеро комиссия. «У мелких торговцев разгромлены все лавочки. Пострадал также сильно класс ремесленников. У большинства из них, помимо того, что был ограблен весь домашний скарб, были отобраны также и инструменты, что лишает их возможности заработка, а отсутствие средств лишает их возможности приобрести новые». Из 350 ремесленников и рабочих пострадали инструментами 75%¹¹). В Смеле (Киев. губ.) добровольцы тоже «свирепствовали, главным образом, в беднейших кварталах местечка, например, на «Ковалевке» и т. п. улицах»¹²). В Полтаве обследованные, по занятию главы семьи, 240 семей делились следующим образом: ремесленников — 78, торговцев, — 63, служащих и приказчиков — 32, лиц свободных профессий (учителя, раввины, фармацевты,

⁷) Из материалов ЕКОПО; сообщение И. Рудого.

⁸) Из материалов Центр. Комитета помощи; сообщение евр. общины Хорола.

⁹) Из материалов Кременчугской еврейской общины; показание А. Санина.

¹⁰) Там же.

¹¹) Доклад Комиссии по оказанию помощи пострадавшему от погрома населению м. Кривое Озеро при Губсобрении.

¹²) Из материалов Центр. Архива. Показание И. Гальперина.

музыканты и т. д.) — 25, более состоятельные элементы (фабриканты, землевладельцы, ювелиры, скотопромышленники — 12¹³). В Ольвиополе (Херсонск. губ.) «особенно пострадала беднейшая часть населения, возле вокзала и у Синюхи»¹⁴). В Павлолочи (Киев. губ.) «забраны были швейные машины у портных, все инструменты у столяров, шорников и кузнецов»¹⁵).

Размах добровольческого грабежа захватил все слои еврейского населения. При этом не только вширь, но и вглубь. В каждый дом приходили по несколько раз. Чего не успевала ограбить первая группа, заканчивали последующие. Эти многократные повторные посещения в высшей степени характерны для добровольческих погромов. — В своей корреспонденции из Полтавы в газету «Утро Юга», выходящую в Екатеринодаре под редакцией В. Мякотина, — В. Г. Короленко так передавал погромные будни Добрармии в Полтаве: «Врывались в квартиры, населенные евреями, обирали даже семьи последних бедняков, уходили одни, приходили другие, забирали, что оставалось от прежних посетителей, и уходили... А на смену опять шли новые. В совещании, которое происходило в Думе на второй день, было заявлено, что в некоторых семьях грабеж повторялся по семи и более раз»¹⁶). Это не было преувеличением, — скорее даже наоборот. В материалах ЕКОПО имеется статистика по Полтаве, дающая по 277 семьям такие данные:¹⁷)

В 80 семьях громили 1 раз; в 37 семьях громили 2 раза; в 32 семьях громили 3 раза; в 11 семьях громили 4 раза; в 10 семьях громили 5 раз; в 3 семьях громили 6 раз; в 2 семьях громили 7 раз; в 7 семьях громили 3 раз; в 3 семьях громили 10 раз; в 92 семьях громили больше 10 раз.

В Черкассах в 2178 пострадавших домах грабители были 14133 раза, — почти 7 раз в каждом доме¹⁸). В Томашполе (Под. губ.) «один и тот же дом подвергался разгрому по 3—4 раза в одну ночь»¹⁹). «Каждый дом они (добровольцы) посетили десятки раз, — пишут из Хорола (Полт. губ.); одна группа грабителей сменялась другой»²⁰) Каждая квартира подвер-

¹³) Из материалов ЕКОПО.

¹⁴) Из материалов Объединен. совета сионистск. организаций в Одессе (ОССО).

¹⁵) Из матер. Ком. Пом. Обращение Сов. Павлолоч. Евр. Общ. в Совет Киевской евр. общины.

¹⁶) В. Короленко, Новая Страница. «Утро Юга» от 10 сент. 1919 г.

¹⁷) Из материалов ЕКОПО.

¹⁸) Сообщение Кипниса, члена общины и Комитета помощи.

¹⁹) Доклад Томашпольского Комитета помощи погромленным в Киевский Красный Крест.

²⁰) Сообщение евр. общины г. Хорола.

галась многократному грабежу, — сообщают из м. Оратово (Таврич. губ.)²¹⁾. Типичную картину такого рода рисует лично испытанный такой повторный грабеж Ш. Я. Лившиц из Борисполя (Полт. губ.): «Около 8 ч. к моему дому направилась группа солдат около 10 человек и, ворвавшись, начала ломать мебель, а платье, обувь, все ценное из домашней обстановки забирали и увозили на подводах. Вслед за этой группой солдат, спустя 3 часа после ухода их, явилась другая группа и продолжала уничтожать и увозить то, что осталось после бесчинств первой группы. К утру явилось еще несколько человек и продолжали хищения»²²⁾.

В первую очередь грабители искали денег, золота, драгоценностей, — самого ценного и портативного. С этого они начинали. «Грабители входили в дом уверенно и спокойно», рассказывает бывший Городской голова г. Кременчуга А. Санин; «если двери квартиры были заперты, они ломали их или сбивали замок винтовочными выстрелами. Затем требовали от хозяев денег, ценностей, вещей»²³⁾. Почти стереотипно звучат показания из других городов. «Входя в квартиру, казаки-громилы требовали прежде всего денег и притом «романовских» предпочтительно, — рассказывает о Фастове Ив. Деревенский. Если им давали денег, то иногда они уходили, но вскоре приходила новая ватага и вновь требовала денег». «Особенно настойчиво они (казаки) требовали драгоценностей и денег» — сообщают из Россавы (Киев. губ.)²⁴⁾.

Попытка отказать грабителям в выдаче денег и драгоценностей и ссылка на отсутствие таковых влекли за собою жестокие и утонченные мучительства с целью вынудить жертву отдать все. Трудно перечислить все виды пыток, применявшихся добровольцами при выколачивании денег. Самым популярным и употребительным способом, изобретенным добровольцами и до них никем в погромной практике почти не употреблявшимся, было *подвешивание*. «Когда хозяева квартиры позволяли себе ответить, что денег или других ценностей нет, то немедленно применялись жесточайшие способы вымогательства. На шею хозяина квартиры набрасывали веревку и подвешивали его к крючку, на котором висела лампа; потом жертву снимали, не дав ей задохнуться, и начинали истязать прикладами, шомполами и железными палками, приговаривая при этом: «Иди, покажи, где закопал деньги и зо-

²¹⁾ Из сообщения И. Зона.

²²⁾ Из материалов Центр. Комитета Помощи. Сообщение Ш. Я. Лившица.

²³⁾ Из материалов Кременчугской еврейской общины.

²⁴⁾ Из материалов Центр. архива.

лото». О применении подвешивания в Фастове обстоятельно рассказывает Ив. Деревенский в своем докладе:

«Особенно часто практиковалось погромщиками подвешивание жертвы, как форма угрозы. — Укажи деньги, а то сейчас будешь повешен, — говорили обыкновенно погромщики и начинали приготовления к повешению. Отыскивалась веревка, ремень, надевались на шею. Обыкновенно жертва не выносила такой пытки и отдавала деньги. Иногда вешали, но ставили под ноги повешенного стул, угрожая оттолкнуть его, если жертва не укажет, где деньги. Есть и повешенные на смерть, как, напр., Мошко Ременик (в саду, на дереве). Меер и Борис Забарские (отец и сын-гимназист) оба подвешивались, причем мальчика заставили затянуть петлю на шее своего отца (оба все-таки остались живы). В числе сородичей и знакомых семьи Полонских есть двое, жены которых подвешивались, но остались живы (с мужьями я разговаривал лично)»... В Белой Церкви (Киев. губ.) подвешиванию подвергся председатель еврейской общины Меер Зайденберг²⁵⁾. Подвешивали и в Россаве, и в Томашполе, и в Тетиеве, и в Попельном и т. д.

Но подвешиванием не ограничивалась инквизиционная изобретательность добровольцев. Способы пытки при их вымогательствах были неистощимы. Об одной Белой Церкви материалы рассказывают о том, как рвали язык клещами (торговцу галантерейными товарами Черняховскому), жгли женщинам волосы на голове, поджаривали на разложенном костре, накидывали веревку на шею, стягивая оба конца, пока жертва не смолкнет навеки²⁶⁾. В Кагарлыке (Киев. губ.) ограбленного до рубашки старика-еврея завернули в старый талес, повесили на крюк от потолка, на котором висела лампа, и горящими свечами жгли ему ноги, чтобы он рассказал, где спрятано серебро и золото²⁷⁾.

Но и выдача денег и драгоценностей ни от чего не спасала. Грабителям всегда было мало. Они всегда были убеждены что их «обманывают», что им дают только малую часть действительного богатства. Они были незыблемо убеждены, что в каждой еврейской семье должны храниться неисчислимые богатства²⁸⁾. Если их не оказывалось в достаточном количестве,

²⁵⁾ Сообщение бывш. членов Белоцерковской Городской Управы И. Настаскина и Х. Ломберга.

²⁶⁾ Сообщение уполномоченного отдела помощи Российского Красного Креста Г. И. Рабиновича.

²⁷⁾ Сообщение М. Пиевского.

²⁸⁾ От своих жертв добровольцы пытками добывались, чтобы они «указали места где скрыты сокровищницы серебра и золото, которые имеются у евреев в несметном количестве». Обращение Павлочской еврейской общины в совет Киевск. евр. общины.

добровольческие громилы не сомневались, что их сознательно и злобно припрятали. И опять начинались либо попытки, либо разрушительные поиски «сокровищ».

В Ракитно (Киев. губ.) 78-летнего старика Хаим-Янкеля Бендерского убивают за то, что он отдал казакам «всего» 100 000 рублей, причем «покойный Бендерский увел своих убийц в амбар, где выкопал для них спрятанные деньги»²⁹⁾. «Чаще всего, — рассказывает Ив. Деревенский о Фастове, — независимо от того, давались деньги или нет, громилы принимались их искать. Ломали все хранилища, мебель, стены, печки, полы, кладовые, сарай, расбрасывали дрова в сараях — все в поисках денег. Я побывал в нескольких особенно разгромленных квартирах. Впечатление такое, что несколько десятков человек работали в них довольно продолжительное время: все изломано, все перевернуто, — одним словом, квартиры превращены в груды щепок. Я видел, кроме того, вырытые в садах, сараях и дворах ямы — здесь искали зарытых в землю денег. Вспарывали подушки, одеяла, перины, верхнюю одежду. Из вещей брали только наиболее ценное — остальное оставалось на поток и разграбление «мирного» населения, которое, как стая воронов, слеталось в пустые квартиры евреев».

В этих поисках запрятанных «сокровищ» добровольческие громилы проявляли изумительную тщательность и изобретательность. «Каждая квартира подвергалась многократному грабежу. Искали золота, серебра в дымовых трубах, под полами и т. д. Дома были ими так разрушены, что многие из них уже не могли служить зимою приютом для своих хозяев», — сообщают из м. Оратово (Киев. губ.)³⁰⁾. «Солдаты, ища вещей, выламывали печные трубы, стены, копали землю во дворах и домах, лазали по чердакам и погребам», — пишут сионистской организации в Ростове н/Д. из колонии Равнополь (Мариупольский у.). «Не только брали вещи, но и разбивали обстановку, били зеркала, взрывали полы, ища секретов» (Томашполь, Подольск. губ.)³¹⁾.

Громилы предпочитали деньги и драгоценности. Но не брезгали ничем. Забирали абсолютно все, что имело или могло иметь какую-нибудь ценность. Грабеж носил не обычный в таких случаях поверхностный характер, при котором поспешно забирались лишь наиболее ценные и портативные вещи, причем потерпевшим оставялась по крайней мере, домашняя обстановка, утварь, минимум вещей; жертвы буквально обира-

²⁹⁾ Из материалов Российск. Красн. Креста, показание 5 свидетелей.

³⁰⁾ Сообщение И. Зона.

³¹⁾ Доклад комитета помощи в Томашполе Киевскому Красн. Кресту.

лись до нитки. «Забирали не только до последней копейки, но также и весь домашний скраб, накопленный годами тяжелого труда и лишений. Оставляли только очень уж громоздкие вещи, как шкафы, столы и т. п., но ничего более или менее портативного. С многих снимали одежду, оставляя в одном нижнем белье, и то если оно оказывалось достаточно изношенным»³²). «Грабежи носят опустошающий характер», — сообщают из Ражитно (Киев. губ.). «Забирают все ценное и не ценное, складывают на подводы и вывозят из местечка. Не оставляют ни горшка, ни стакана, рамы из окон вынимают и двери разбивают, а впоследствии поджигают и самые дома»³³). «Забирали все: белье, платье, посуду, продукты» (Животов, Киев, губ.)³⁴). «Казачи забирали из квартир все, что находили: платье, продовольственные запасы, ложки, белье, дамские платья, деньги и пр. Разграблены также еврейские магазины, из которых забраны все товары» (Орехово, Таврич. губ.)³⁵). В своем сообщении из Василькова (Киев. губ.) М. И. Местечкин рисует характерную картину ухода пресловутого Волчанского отряда из местечка после всего двухчасового пребывания и грабежа: «И потянулись целые вереницы солдат, нагруженных трофеями. Несли мешки различного хлама и тряпья, кастрюли, юбки, ботинки, туфли (большей частью порванные), одеяла и т. п.; зачастую целые тюки таскали офицеры»³⁶).

Для громил не было ничего святого. Отнимали буквально последнюю рубашку у последнего бедняка. В Белой Церкви (Киев. губ.) «у беженцев, которые от всех окрестных погромов ютились в Б. Церкви, отнимали последнее — нательное белье, сапоги, ботинки; при обыске в люльке 7-месячного ребенка кричавшего малютку избивали. У женщины, чтобы снять кольцо, были попытки отрубить палец»³⁷). Там-же «у некоторых тифозных больных снимали простыни с кровати и заворачивали в них награбленное»³⁸), «сбрасывали тифозных больных евреев с постелей, забирали постельное белье, одежду больных и другие вещи»³⁹). В колонии Равнополь (Мариупольск. уезда), где после неурожайного года еврейское население

³²) Доклад О. Брагинского из Фастова.

³³) Из материалов Красного Креста: показания 5 свидетелей.

³⁴) Из донесения И. Зона.

³⁵) Из материалов Харьковской еврейской общины — протокол опроса студента О. И. Абугова.

³⁶) Из материалов Центрального Комитета Помощи.

³⁷) Сообщение уполномоченного Российск. Красного Креста Г. И. Рабиновича.

³⁸) Сообщение бывш. членов Белоцерковской Городск. Управы И. Настаскина и Х. Ломберга.

³⁹) Из материалов юридическ. бюро при Комитете Помощи; показание Э. Ц. Каганова.

вынуждено побираться по окрестным селам, забирались эти выпрошенные куски⁴⁰). «Не щадили ни вдов, ни больных. В одном доме у вдовы с 4-мя детьми забрали последние 10 фунтов муки в кулечке. Не был пощажён и учитель земской школы, еврей, находящийся 18 лет на земской службе, т. е. уцелевший даже в мрачные времена фон-Плеве. Из школы забраны были книги, бумага, даже печати, учитель с семьей раздеты почти до-нага — забраны одежда, обувь, белье»⁴¹). В той же колонии казаки, лишая еврейских земледельцев всякой надежды на восстановление своих разрушенных хозяйств, расстреливали овец в табунах, кур по дворам, забирали брички, лошадей, упряжь. На просьбы оставить лошадей для уборки хлеба, солдаты говорили: «Не беспокойтесь, не вы будете убирать этот хлеб, вы будете уничтожены до последнего»⁴²). Такая же судьба постигла и еврейскую колонию Кодлубицкую-Образцовую близ Фастова (Киев. губ.). Здесь казаки 5-го Терского Пластунского полка забрали у еврейских колонистов около 200 голов племенного породистого скота⁴³). Когда же некоторые узнали своих коров в вагонах воинского поезда при станции Фастов и обратились к офицеру, нельзя ли получить обратно коров, незаконно-забранных казаками, офицер заявил: «Можно, — если вы заплатите за каждую корову по 10 тысяч рублей»⁴⁴).

Добровольцы были очень щедры с еврейским добром. Все, что возможно было унести, они забирали сами. Остальное они широким жестом делили среди сбежавшихся на погром крестьян и местных мещан, делая их, таким образом, участниками расхищения еврейского имущества. «Деньги и самые ценные вещи они (добровольцы) забирали себе, а все остальное — одежду, белье, продукты раздавали местному христианскому населению», — сообщают из Кубища (Киев. губ.)⁴⁵). То же имело место и в Боярке (Киев. губ.): «солдаты входили в еврейские дома и квартиры и начинали беспощадно все бить, ломать, выбрасывать из окон, прятать в карманы и раздавать ожидавшей тут же на улице толпе»⁴⁶). «Все, что они не могли забрать, раздавалось тут же толпе или уничтожалось», — со-

⁴⁰) Письмо, полученное сионист. организ. в Ростове н/Дону от своего корреспондента.

⁴¹) Там же.

⁴²) Там же.

⁴³) Из материалов юрид. бюро при Комитете Помощи; сообщение И. Винницкого и X. Любомирского.

⁴⁴) Доклад Ив. Деревенского.

⁴⁵) Сообщение X. Гофмана.

⁴⁶) Доклад Ив. Деревенского, ездившего в Боярку для обследования погрома (Центр. архив).

общает из Балашова уполномоченный ОЗЕ⁴⁷). В других местах с еврейским имуществом поступали более «хозяйственно»: все, что трудно было унести с собой, за бесценок продавалось местному крестьянскому населению или окрестным крестьянам. «Награбленное добро укладывалось в мешки, грузилось на подводы и целыми обозами отправлялось на вокзал, где на площади шла бойкая продажа награбленного», — сообщают из Белой Церкви (Киев. губ.). Почти так же звучат сообщения и из других пунктов. «Казачи увозили все награбленное с обозом. После они продавали все это крестьянам по дешевым ценам» (Конотоп, Черн. губ.)⁴⁸. «Награбленное погружалось на подводы и увозилось на станцию, часть за бесценок тут же продавалось крестьянам» (Фастов)⁴⁹.

Этим, однако, не исчерпывалось приобщение крестьян к добровольческому грабежу. Крестьянство, как таковое, в подавляющем большинстве в добровольч. погромах не участвовало. Но, соблазняемые зрелищем беспрепятственно расхищаемого бесхозяйного еврейского добра, поощряемые примером офицеров и казаков и уверенностью в безнаказанности, крестьяне окрестных деревень в отдельных пунктах приняли активное участие в расхищении еврейского имущества, довершая разорение десятков тысяч еврейских семейств. Картина была обычно такая. Добровольцы устраивали погром — убивали, грабили, насиловали, забирали все наиболее портативные, ценные вещи. Терроризованное еврейское население оставляло свои дома на произвол судьбы, прячась во всех мыслимых закоулках. Тогда наступала очередь крестьян. Они появлялись из окрестных деревень целыми армиями, с подводами, телегами, возами. Насилии они не чинили: да и не над кем было. Они входили в оставленные дома и спокойно, без тени злобы, неторопливо, с типично крестьянской основательностью нагружали к себе на возы абсолютно все, что могло представить какую либо ценность в хозяйстве. Забирали громоздкую мебель, всю оставшуюся утварь, оконные рамы, стекла, собранное на зиму топливо; вытаскивали гвозди из стен, сдирали половицы с полов, увозили валявшуюся бутылочку, веревочку. Это своеобразное «разделение труда», между добровольческими громилами и крестьянским мародерами рисует целый ряд показаний.

В Корсуни (Киев. губ.) очевидцы рисуют такую картину: «Солдаты забирали наиболее ценные и удобоносимые вещи,

⁴⁷) «Бюллетень общества Ремесленного и Земледельческого Труда» № 3, декабрь 1919 г.

⁴⁸) Из материалов Красного Креста; показ Р. А. Слоним.

⁴⁹) Доклад Ив. Деревенского о Фастове.

крестьяне же подводами вывозили все — мебель, зеркала и даже ваннные котлы вымуровывали и вывозили»⁵⁰). «В большинстве случаев сняты даже крыши с домов, вынуты оконные и дверные рамы. Но все это было уже проделано крестьянами. Казаки брали, главным образом, деньги и ценности»⁵¹). Такое же «разделение труда» имело место и в Борисполе (Полт. губ.). «Казаки искали только деньги и драгоценности. Крестьяне — все почтенные хозяйственные мужички, присоединившиеся к погрому, интересовались наиболее ценными домашними вещами: вывозили столы, кровати, шкафы и т. п. отрывали даже дверные замки, выворачивали крюки с потолков и т. д.»⁵²) В Кривом Озере (Под. губ.) «в течение последних двух недель погрома приняли участие и крестьяне, поощряемые к этому денюжниками и по собственной инициативе. Были дни, когда в местечко съезжались тысячи подвод, забиравших поголовно во всех домах все, что только попадалось под руку. Среди этих крестьян были заведомо профессиональные воры. Были случаи, когда крестьяне, укрывавшие у себя евреев, ездил в то же время грабить»⁵³). В Гостомеле (Киев. губ.), по сообщению местного жителя, «крестьяне особенно активного участия в погроме и грабежах не принимали; они покупали у чеченцев награбленное и только изредка сами уносили имущество из квартир, куда ворвались чеченцы»⁵⁴). В Игнатовке (Киев. губ.) «солдаты более легкое и ценное сами забирали, а более громоздкое крестьяне, шедшие за солдатами, увозили на подводах»⁵⁵). Не отставали от крестьян и городские мещане.

После такого комбинированного добровольчески-крестьянского грабежа разгромленные города и местечки являли собою картину совершенного разрушения, а еврейское население оказывалось обнищавшим до последней степени. Все деньги, имущество, платье, белье, было отобрано, дома разрушены, целые улицы сметены. Все сообщения с мест полны жутких описаний этого небылого разгрома: «В настоящее время Борзна, некогда представлявшая собою тихое уютное местечко, превратилось в место страха и жути. Еврейское население

⁵⁰) Из материалов Особой Следствен. Комиссии по расследованию действий Добр. армии; показание С. И. Шейнблум.

⁵¹) Из материалов Красного Креста.

⁵²) Из материалов показания Б. Райскина и Хорощанского.

⁵³) Доклад комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от погромов в м. Кривое Озеро при Губсобеде.

⁵⁴) Показание Л. Финкельберга.

⁵⁵) Из материалов юрид. бюро при комитете помощи; прошение Киевскому губернатору жителей м. Игнатовки И. Вайля, Д. Фая и Н. Куницкого.

поголовно разорено... пепелища бывших пожаров зияют и производят самое гнетущее впечатление; из 350 еврейских семейств большая половина осталась без всяких средств к существованию», — пишет после первого (сентябрьского) погрома председатель общины Я. М. Расновский. «Люди остались совершенно без белья, без обуви, без постели. Не в чем сварить картофель, похлебку, нечем осветить комнаты; спят на голом полу, нет смены белья, ходят босиком», — сообщают из Козлова (Тамбовск. губ.) после знаменитого «Мамонтовского налета»⁵⁶). В Смеле (Киев. губ.) «70% еврейских жителей осталось даже без печей и дымовых труб. Полы всюду взломаны и испорчены, земля в погребах разрыта, часто до двух саженей в глубину»⁵⁷). Описывая в донесении на имя начальника Каневского уезда мартиролог Богуслава (Киев. губ.), Богуславский общественный раввин Д. А. Лучинский заканчивает свою докладную записку такой правдивой картиной: «В результате всех этих бедствий местечко представляет собой вид, как после нашествия иноземного врага. Выжженные кварталы, которые, с уверенностью можно сказать, никогда не будут отстроены, так как для этого требуются десятки миллионов рублей. Сотни домов без стекол, в некоторых рамы и двери выломаны и печи разрушены, а другие заколочены за отсутствием обитателей». Не могла скрыть всего ужаса разрушения и официальная следственная комиссия, отправленная в м. Яблоново (Полтавск. губ.) лубенским начальником гарнизона, полк. Рожаневичем. В ее отчете читаем: «Из общего количества еврейского населения Яблонова, насчитывающего около 60 семейств, не осталось ни одной семьи, не обобранной до нитки. Внешний вид разгромленных квартир и лавок ужасающий; груды мусора, битого стекла и посуды, кучи перьев, остатки разбитой в щепки мебели, развороченные печи и проломленные стены, где, вероятно, искали припрятанных денег, раскопанные в сараях и дворах с той же целью ямы — вот все, что осталось от материального благополучия относительно зажиточного еврейского населения местечка. Мужчины, женщины, старики и дети босые (обувь забрана), в жалких отрепьях».

Степень разрушения на много превышала размер грабежа. Ибо помимо «утилитарного» стремления к обогащению, грабители часто были проникнуты чисто бескорыстной жадной «разрушения ради разрушения», которую они осуществляли, как самоцель, с каким-то болезненным сладострастием. «Были дома, в которых ничего не брали, но все порвали и поломали»,

⁵⁶) Докладная записка Тамбовской евр. комиссии по оказанию помощи жертвам казачьего набега Тамбовскому Губсобранию.

⁵⁷) Сообщение И. Гальперина.

— сообщает в Киевский Центральный Комитет помощи М. И. Местечкин из Василькова (Киев. губ.). Ту же черту отмечает в своем показании А.-Х. Польский в Бобровицах (Черниг. губ.): «Не довольствуясь грабежами, солдаты разужали с диким вандализмом все, что имело какое-либо отношение к евреям»⁵⁸). В Голте (Херс. губ.) все в еврейских домах, «что не могло быть унесено, было разбито, растоптано, разорвано, а местами предано огню»⁵⁹). В Черкассах (Киев. губ.) «то, чего не могли или не хотели забрать, предавали тут же на месте уничтожению»⁶⁰). Грабили не только в закрытых помещениях, в домах, но и на улице, на виду у всех. «На улицах насильно забирались кошельки, сапоги, шубы и пр., пострадавшие отпускалились нагими при всякой погоде»⁶¹). «Еврею и среди белого дня нельзя показаться», — рассказывает о первом погроме в Смеле И. Гальперин. «Систематически останавливали шаблонным окриком: «Скидай сапоги» или «иди, покажи, куда закопал деньги, серебро и золото»⁶²). Все это делалось под охраной «государственной стражи» и комендатуры.

Трудно, конечно, хотя бы приблизительно оценить сумму убытков, понесенных еврейским населением Украины от добровольческого грабежа и разрушения. Специальных сколько-нибудь точных обследований повсеместного характера на сей счет произведено не было; да они вряд-ли и были возможны. Только в отношении некоторых отдельных пунктов имеются приблизительно верные данные, оценивавшие размер понесенных убытков. «Общие материальные убытки от погрома и пожаров выражаются в Борзне суммой до 25 миллионов руб.», — сообщает председатель Борзненской еврейской общины. Убытки, понесенные еврейским населением Черкасс во время одного лишь первого (августовского) погрома, исчислены специальной комиссией в 92 937 986 рублей — «не по спекулятивным ценам», — прибавляет комиссия⁶³). В Полтаве размер убытков по оценке 1919 г. составлял: для 85 семейств — до 8 000 рублей; для 64 семейств — до 8—10 000 рублей; для 80 семейств — до 10—12 000 рублей; для 30 семейств — до 25—50 000 рублей; для 59 семейств — свыше 50 000, а всего на 931 000 рублей⁶⁴). В Хороле сумма убытков достигала

⁵⁸) Из материалов Поалей-Цион; опрос А. Х. Польского.

⁵⁹) Из материалов Объединен. Совета Сион. Организаций в Одессе (ОССО).

⁶⁰) Сообщение С. Л. Беккер.

⁶¹) Сообщение М. Я. Цыганова из м. Александровки (Киевск. губ.).

⁶²) Показание И. Гальперина.

⁶³) Сообщение члена общины и Комитета Помощи Кипниса.

⁶⁴) Из материалов ЕКОПО.

30 миллионов рублей по оценке того времени⁶⁵). В Фастове «размер суммы ограблений, считая деньгами и вещами, достигает 100 миллионов»⁶⁶). То же и в Киеве («ЕКОПО»).

Контрибуции, являвшиеся при петлюровских и бандитских погромах одной из наиболее употребительных форм организованного грабежа еврейского населения, при добровольцах такой крупной и самостоятельной роли не играли. По идее своей, контрибуция есть как бы выкуп от погрома, предотвращение его ценою предварительной единовременной уплаты. Украинские войска часто и охотно прибегали к этому легкому, нехлопотливому способу. Для многочисленных же повстанческих отрядов такой путь обогащения был даже наиболее удобен и выгоден. Ибо долго оставаться на месте и самим выкачивать из еврейского населения деньги, вещи и ценности было для них в целом ряде случаев не безопасно. Они всегда торопились, переходили с места на место, и для них имело смысл быстро покончить дело, сорвав с евреев крупную сумму в виде выкупа. Добровольцам же опасаться и торопиться было нечего. Они имели полную возможность действовать не спеша, методически. И считая, что «собственными средствами» они больше возьмут с еврейского населения, они имели все основания не давать евреям возможности откупиться от погрома; они хотели иметь «свободные руки». Поэтому требования контрибуции имели место сравнительно редко, и при том почти всегда не взамен погрома, а в дополнение к нему, как одно из средств грабежа еврейского населения.

Трудно даже с приблизительной полнотою исчерпать все бесконечно разнообразные виды и формы, в которых терроризованное еврейское население городов и местечек Украины платило контрибуцию добровольческим отрядам. Чаще всего требовали, конечно, денег. В Борзне (Черн. губ.) ротмистр конно-гвардейского отряда Будда-Жемчужников потребовал 350 000 рублей⁶⁷); в Кривом Озере (Под. губ.) поручик волчанского отряда Деконский — 200 000 руб.⁶⁸), в Кагарлыке (Киев. губ.) местные евреи, доведенные до отчаяния непрерывным грабежом и насилиями, попробовали было «взяться за старое испытанное средство — подкуп»; они собрали 40 000 руб. и упросили одного христианина — доктора Бельского, чтобы он «перепросил» офицера. Но это ни к чему не привело. Офицер заявил, что они имеют в виду не только коммунистов, но ев-

⁶⁵) Из материалов Ц. К. Помощи. Сообщение общины гор. Хорола.

⁶⁶) Доклад О. Брагинского.

⁶⁷) Доклад Я. М. Расновского.

⁶⁸) Доклад комиссии по оказанию помощи евр. населению в м. Кривое Озеро при Губсобеде.

реев, как таковых, и им ничего не поможет⁶⁹). В Борисполе (Полт. губ.) капитан Люблинский потребовал 100 000 руб.⁷⁰); в Фастове полк. Белогорцев — 200 000 руб.⁷¹) и т. д. Но при этом не всякими деньгами можно было откупиться. Вкусы на сей счет были самые разнообразные. В Богуславе (Киевск. губ.) требовали обязательно керенские деньги⁷²). В Животове (Киевск. губ.) было поставлено условием, чтобы из 120 000 р. десять тысяч были николаевскими деньгами⁷³). В Тальном (Киевск. губ.) требовали все 250 000 руб. романовскими деньгами⁷⁴). В Фастове полк. Белогорцев сначала не ставил никаких условий и получил даже часть контрибуции (110 тысяч) в советских деньгах, но на завтра передумал, заявив, что советские деньги аннулированы, а потому он требует, чтобы ему обменяли уже данные советские деньги на другие и вообще не собирали больше советских денег; на следующий день все деньги были вручены ему «в надлежащей валюте»⁷⁵).

Деньгами, однако, дело не ограничивалось. В Конотопе (Черн. губ.) командир 6-го конного полка потребовал 200 комплектов белья для солдат⁷⁶), в Кривом Озере пор. Деконский пожелал получить 40 пудов хлеба, 25 пар сапог и фуража на 500 лошадей⁷⁷), в Томашполе (Под. губ.) потребовали 50 пуд. овса⁷⁸), в Тальном (Киевск. губ.) — сапог и белья⁷⁹) и т. д. Были и замаскированные, но не менее тягостные формы контрибуции. В Фастове добровольческие власти потребовали, чтобы евреи выставили 100 рабочих и оплачивали их; требовали доставить им мебель и т. д.⁸⁰). В Остре (Черн. губ.) уездный начальник обещал принять меры против дальнейших эксцессов, с тем, однако, чтобы евреи взяли на себя обязательство: открыть лавки, начать торговлю, принять решительные меры против спекулятивной торговли и продавать товары по ценам, нормированным Городским головой; для покупки таких товаров евреи должны собрать пол миллиона рублей⁸¹).

⁶⁹) Из материалов Центр. архива: «Деникинцы в Кагарликке», рассказано М. Пневским.

⁷⁰) Сообщение Б. Райскина и Хорощанского.

⁷¹) Сообщение раввина Р. М. Клинмана.

⁷²) Из материалов Поалей-Цион; показание А. Ш. Кругляка.

⁷³) Сообщение И. Зона.

⁷⁴) Из материалов Одесской евр. общины; заявление Б. Зельдича и Склера.

⁷⁵) Сообщение раввина Р. М. Клинмана.

⁷⁶) Из материалов Красного Креста; заявление Р. А. Слоним.

⁷⁷) Доклад комиссии при Губсобеде.

⁷⁸) Из материалов КОПЕ; заявление Левина и Гохселертера.

⁷⁹) Там-же.

⁸⁰) Доклад Х. Гофмана.

⁸¹) Из материалов Юрид. бюро при Ц.К. помощи; сообщение М. А. Годубова.

На покрытие этой своеобразной формы контрибуции остерские евреи собрали 106 000 рублей. Солидным источником дохода для добровольцев было также естественное стремление евреев заполучить к себе на квартиру добровольческих офицеров в надежде охранить этим свою жизнь и имущество. «Многие — рассказывает в своем докладе о Фастове Х. Гофман, — поместили у себя офицеров (обходилось это довольно дорого: помимо платы офицеру, его приходилось содержать на всем готовом; однако, каждый, заполучивший к себе на квартиру офицера, считал это большим счастьем). Некоторые нанимали офицеров для охраны целых кварталов. За одну ночь охраны платили не менее 10 000 рублей. Есаул Важаев, напр., взял за 3 ночи 30 000 рублей». В Золотоноше (Полт. губ.) евреи платили офицерам комендантской роты по 15—20 тысяч рублей в ночь за охрану еврейских лавок и квартир.

«Контрибуцию» требовал и взимал всякий, кому не лень, по своему собственному усмотрению, причем определялась она не «виной» еврейского населения данного местечка и не потребностями армии, а исключительно степенью жадности соответствующего начальника. Вопросы о праве взимать контрибуцию никто не подымал. И евреи платили всякому, кто требовал, платили дважды, трижды и больше. В Прилуках (Полт. губ.) командир конной части лейб-гвардии Измайловского полка после двухдневного грабежа потребовал от еврейского населения 200 000 руб. во избежание дальнейшего грабежа. Ему дали 205 000 рублей. Независимо от него 50 000 руб. требовал вахмистр, а через несколько времени потребовал 205 000 руб. и начальник контр-разведки офицер Палеха, угрожая, в противном случае, погромом. Завершил круг бывший предводитель шайки партизан офицер Ленец, который взял при отходе большевиков 17 000 руб., чтобы не устроить погрома, и получал деньги и после этого⁸²⁾. Почти то же имело место и в Животове (Киевск. губ.). Здесь офицер добровольческой разведки взял с евреев 120 000 руб. и выдал им официальную бумагу, в которой было сказано, что животовские евреи с радостью встретили Добр. армию и пожертвовали в пользу этой армии 120 000 р. Бумагу эту офицер оставил в волости. На следующий день в Животов прибыл другой деникинский отряд человек в 10. Они забрали вышеупомянутую бумагу и разорвали ее, заявив, что напрасно евреи вчерашнему отряду дали такую большую сумму денег, что, в сущности, взыскивать деньги в пользу государства имеют право лишь они... Свое право они тут же подкрепили требованием 60 тысяч руб. С большим трудом евреи собрали и внесли им

⁸²⁾ Из материалов Красного Креста.

эту сумму⁸³). В Тальном (Киевск. губ.) еврейское население 25 августа заплатило контрибуцию вещами командиру первого добровольческого бронепоезда, через 3 дня — 150 000 командиру второго бронепоезда, и 5-го сентября опять вещами — полковнику Новачинского полка⁸⁴).

Требование об уплате «контрибуции» выставлялось совершенно открыто и без всякого стеснения. В некоторых случаях соблюдались, правда, аппарансы, и вымогательство происходило либо намеками, либо через третьих лиц. В Хороле (Полт. губ.) представителям еврейского населения был комендантом города «сделан намек», в результате которого евреи внесли 100 000⁸⁵) руб. В Богуславе (Киевск. губ.) требование было предъявлено через еврея-аптекаря Спиваковского⁸⁶), в Смеле (Киевск. губ.) через местного жителя Ярославского, сообщившего раввину, что полковник Преображенского полка Романов «выразил свое удивление и возмущение по поводу того, что к нему еще не явилась еврейская депутация и раввин. Евреи наспех собрали 25 000 руб. и поспешили к Романову. Последний принял деньги и обещал оберегать спокойствие»⁸⁷)...

Но обычно эти аппарансы не соблюдались. Все делалось открыто, даже официально. В Кривом Озере поруч. Деконский прислал представителям еврейского населения за своей подписью и печатью Волчанского отряда такой документ: «В борьбе Добрармии с большевиками евреи ничем не помогли: ни живой силой, ни деньгами. Посему, нуждаясь в деньгах для расплаты с крестьянами, я предлагаю вручить командируемому при сем офицеру не позже 12 час. дня 24-го с. м. 350 000 руб. и 25 пар сапог». В Фастове раввин Р. Клигман был вызван к коменданту местечка полк. Пахомову официальным отношением от 27-го августа за № 4, в котором ему предлагалось явиться в комендатуру «по делам службы». «Когда я явился в комендатуру, — рассказывает Р. М. Клигман, — полковник Пахомов никаких распоряжений служебного характера мне не отдавал и сказал, что мне нужно повидаться с начальником Фастовского гарнизона, полковником Белогорцевым, так как полк. Белогорцев желает, чтобы местное еврейское население внесло бы некоторую сумму денег, будто на вознаграждение караульных, и предупредил меня, что сумма довольно крупная.»

⁸³) Сообщение И. Зона.

⁸⁴) Из материалов Одесской евр. общины; заявление Б. Зельдича и Б. Скляра.

⁸⁵) Заявление общины г. Хорола в Ц.К. помощи жертвам погромов.

⁸⁶) Из материалов Поалей-Цион; сообщ. А. П. Кругляка.

⁸⁷) Опрос обществ. раввина Смелы г. Меня.

Все эти вымогательства обычно прикрывались легальным титулом «доброхотных пожертвований в пользу Добровольческой армии,» в чем выдавались даже и соответствующие росписки и, в свою очередь, брались от евреев росписки в том, что деньги внесены «добровольно.» Так, в Борзне (Черн. губ.) «по требованию ротмистра Будды-Жемчужникова внесенными контрибуцию была дана подписка, что деньги эти жертвуются еврейским населением в пользу Добрармии за избавление от большевизма»⁸⁸). То же было в Животове⁸⁹) и других пунктах. Нередко, впрочем, никаких росписок в получении даже и не выдавалось, и деньги без всяких околичностей шли прямо в карман соответствующего начальства или делились между солдатами. Не дать денег или вещей нельзя было. Вымогательство откровенно подкреплялось самыми реальными угрозами. «Иначе будет плохо, — заявил в Кривом Озере пор. Деконский: в Саврани, где еврейское общество не выполнило его требований, половина местечка вырезана, а половина разграблена»⁹⁰). В Животове (Киев. губ.) офицер разведки «в случае невнесения денег грозил сделать с Животовым то, что было сделано с другими городками т. е. съечь до тла»⁹¹). Сознавая свою силу, добровольцы играли с еврейским населением, как кошка с мышью. В Борзне ротмистр Будда-Жемчужников потребовал у евреев 350.000 руб.: «как бы для подкрепления, начались насилия над евреями. Когда же гласные-евреи обратились к нему с просьбой о защите, Будда-Жемчужников заявил — «погром мною пока приостановлен», — делая этим намек на необходимость внесения потребованной контрибуции. Несмотря на крайнюю значительность потребованной суммы, таковая во имя спасения жизни была внесена»⁹²).

А вместе с тем, именно «спасение жизни» и имущества внесением контрибуции почти никогда не достигалось. Исключения можно перечислить по пальцам. Как правило же, контрибуция никогда не спасала от погрома. Исключительные по своей кровавости погромы в Фастове и Кривом Озере произошли после уплаты денег и происходили под руководством тех же офицеров, которые деньги получили. В Конотопе командир 6-го конного полка заявил общественному раввину, д-ру Маршову, что «его солдаты совершенно без белья, и что если еврейское население доставит им 200 комплектов

⁸⁸) Доклад Я. М. Расновского.

⁸⁹) Сообщения И. Зона.

⁹⁰) Доклад Комиссии при Губсобезе.

⁹¹) Сообщение И. Зона.

⁹²) Доклад Я. М. Расновского.

белья, тогда он ручается за своих ребят, что они не будут грабить». Маршов сейчас же «мобилизовал еврейскую молодежь, собравшую 100 смен белья. Но командир не сдержал своего слова: солдаты продолжали грабить»⁹³). Когда в Томашполе (Под губ.) уплатили за час до вступления Лабинского полка 17.000 «коменданту», то, отмечает сообщение, — «через короткое время вошел полк и немедленно начал грабить»⁹⁴). В Черкассах «некоторые офицеры брали деньги, обещая принять меры к прекращению насилий, но, забрав деньги, ничего не делали»⁹⁵). В Тальном (Киевск. губ.) д-р Билинкис «приготовил обед для офицеров, на который они явились, а солдаты громили. Полковник требовал сапог и белья для армии. Несмотря на то, что требование было в тот же день выполнено, полк продолжал грабить весь день 5-го и всю ночь на 6-ое сентября»⁹⁶).

Особенно истребительный характер придавали добровольческим погромам сопровождавшие их пожары.

Описывая погром в Смеле (Киевск. губ.), очевидец И. Гальперин рассказывает: «Пьяные казаки первым делом подожгли еврейский кооператив в центре местечка: отсюда огонь быстро распространился на соседние здания, уничтожив их до тла. В то время, когда огонь бушевал во всю, казаки весело напевали приобретшую большую известность во всей погромной черте песенку: «жидов побили, побили комму-ну».

Этот рассказ типичен для всех почти пунктов, где имели место пожары: с пожаров часто и начинались погромы. В Корсуни (Киевск. губ.) казаки подожгли находящийся в центре местечка дом Подольского: «этот пожар послужил сигналом к погрому. В ту же ночь был подожжен ряд еврейских лавок, сгоревших до тла»⁹⁷). То же имело место в Фастове, где «в первую ночь пожары начались оттого, что казаки бросали зажигательные бомбы»⁹⁸). Иногда, напротив, пожар замыкал собою цепь погромных событий. Так было в Богуславе (Киевск. губ.), где отступавшие части 42 якутского полка подожгли целый корпус лавок, уцелевший после пожара, устроен-

⁹³) Из материалов Красного Креста; сообщение Р. М. Слоним.

⁹⁴) Из материалов КЮПЕ; сообщение Левина и Гохгелеритера.

⁹⁵) Из материалов Харьковской евр. общины; сообщение инженера И. Резина.

⁹⁶) Из материалов Одесской евр. общины; заявление инж. и бывш. директора евр. гимназии в Тальном Б. Зельдича.

⁹⁷) Из материалов Красного Креста.

⁹⁸) Показание Ионы Лейченко.

ного повстанцами 13-го мая⁹⁹). Так было и в деревне Кодлу-бицкой, где казаки сожгли все 65 еврейских дворов¹⁰⁰).

Во всех зарегистрированных случаях пожары не были плодом простой неосторожности или военных действий при переходе города из рук в руки. Правда, в отношении Фастова добровольцы пытались было распространять версию, будто пожары возникли от большевистских снарядов. Но версия эта, как устанавливает журналист И. Деревенский, «явно неверна, хотя бы потому, что пожары возникали и тогда, когда никакого обстрела не было». Но еще примечательнее, что «большевистские снаряды попадали и зажигали только еврейские дома и лавки — ни один христианский дом не сгорел. Кроме того, целый ряд потерпевших лиц рассказывали, как они были свидетелями поджогов». В действительности все пожары сознательно устраивались добровольческими частями с целью окончательного уничтожения еврейского — и только еврейского — имущества¹⁰¹). Лучшим доказательством тому служит тот факт, что добровольцы не позволяли тушить горевшие еврейские дома, и лишь тогда позволяли принимать какие-нибудь меры, когда огонь начинал угрожать и домам христиан. Когда в Корсуни евреи бросились было тушить горящий дом Подольского, казаки запретили им это под угрозой расстрела¹⁰²). В Александровке (Киевск. губ.) евреи, пытавшиеся вместе с заводской милицией тушить подожженную синагогу, были разогнаны выстрелами из винтовок¹⁰³). В Монастырище (Киевск. губ.) Волчанский отряд поджег почти все еврейские дома, причем не позволяя тушить. Когда же «хозяева одного из подожженных домов за тысячу рублей выторговали себе разрешение тушить пожар» и некий Лейб Волинский по их просьбе попытался было начать тушить, — «волчанцы схватили его и повесили на столбе горящего дома»¹⁰⁴). Наблюдавшая в Фастове погром фельдшерица-христи-

⁹⁹) Докладная записка Богуславского общественного раввина Д. В. Лучинского начальнику Каневского уезда.

¹⁰⁰) Сообщение уполномоченного Российского Красного Креста Г. И. Рабиновича.

¹⁰¹) Иногда поджог диктовался желанием скрыть следы своих особенно ужасных преступлений. Журналисту Ив. Деревенскому рассказывал в Фастове местный житель Гуральник, что «в одном доме на углу Торговой площади было 15 трупов, в том числе много изнасилованных, а затем убитых девушек. С целью скрыть следы этого преступления погромщики подожгли дом».

¹⁰²) Из материалов Красного Креста.

¹⁰³) Сообщение М. Я. Цыганова.

¹⁰⁴) Показание А. Басина: «В Монастырище (Киевск. губ.) в дом к Шефгелю ворвались несколько волчанцев, убили его и сына; когда убийцы ушли, жена убитого зажгла свечи и стала оплакивать своих покойников.

анка А. О. Николаиди рассказывает об отношении добровольцев к пожарам следующий характерный эпизод: «Мой брат, вместе с другими, пытался было спасти от огня один из горевших домов, особенно выделявшийся своим красивым видом. Подошедший офицер приказал «не тушить жидовского имущества». На замечание тушивших, что огонь угрожает перебраться на соседние христианские дома, он заявил, что, в случае угрозы нееврейским домам, им приняты будут надлежащие меры, чтобы локализовать огонь»¹⁰⁵). То же имело место и в Борисполе (Полт. губ.); и здесь добровольцы «не давали тушить пожар». «Но так как огонь стал угрожать христианским домам, — пришлось пожар тушить»¹⁰⁶).

При этих условиях неудивительно, что пожары, никем не останавливаемые, приобрели опустошительный характер. В Фастове, сообщает обследовавший погром Ив. Деревенский¹⁰⁷), «выгорело в общей сложности около 200 строений, из них половина жилых домов. Выгорела целиком Торговая площадь (своего рода пассаж) и почти целиком выгорели улицы Воскресенская, Костельная и Житомирская. Во всем местечке, кроме того, то там, то здесь погорели группы домов и отдельные дома. Тысяча семейств осталась буквально без приюта». В Тальном сгорело 96 магазинов и 86 домов¹⁰⁸), в Монастырище — 51 дом, среди них синагога¹⁰⁹), в Хашчеватом выгорела половина местечка¹¹⁰), в кол. Кодлубицкой сгорели все 65 дворов: «о них свидетельствовали лишь обгорелые стены и остатки пожараиц»¹¹¹). В Белозерье (Киевск. губ.) сожжена была половина местечка и питательный пункт¹¹²). В м. Юстинград-Соколовка сожжено было 68 домов¹¹³).

Башибузики заметили огонь в доме, направились туда и подожгли дом. Хозяйки они из дому не выпускали, и она заживо сгорела вместе со своими покойниками».

¹⁰⁵) Показание А. О. Николаиди.

¹⁰⁶) Показание Б. Райскина и Хорощанского. Тот факт, что огонь не делает разницы между еврейскими и не-еврейскими домами, неоднократно предотвращал и самый поджог. В Бобровицах (Черниг. губ.) начальник Добровольческого отряда, которому уплатили вместо 100.000 контрибуции 62.000 руб., угрожал согнать всех евреев в синагогу и поджечь ее. «Против этого выступило христианское население, опасаясь за участь своих домов». Из материалов Центрального архива; сообщение пострадавших.

¹⁰⁷) Доклад Ив. Деревенского в Центр. архиве.

¹⁰⁸) Из материалов Одесск. евр. общины; заявление инж. Б. Зельдича.

¹⁰⁹) Показание А. Басина.

¹¹⁰) Еженедельник «Варкой» (Одесса), от 17 января 1920 г.

¹¹¹) Сообщение уполномоченного Росс. Общества Красного Креста Г. И. Рабиновича.

¹¹²) Из материалов Харьк. евр. общины; сообщение И. Розина.

¹¹³) Сообщение М. Житомирского и Л. Гольденберга.

Добровольцы шли под лозунгом борьбы за поруганные большевиками права религии, защиты оскверненных ими храмов, нарушенных религиозных чувств верующих. И одновременно с этим с изумительным кощунством издевались они над религией, синагогой и святынями еврейского населения.

Словно нарочно, добровольцы с особой охотой избирали синагоги, где в молитве искало утешение измученное еврейское население, местом для массового грабежа. Святость храма не удерживала их от самых жестоких насилий. В своих записках о «Фастовской резне» И. Берлянд рисует такую картину: «Иом-Кипур. Все наличное еврейское население местечка в синагоге и других молитвенных домах... Вдруг в синагогу врывается толпа вооруженных казаков: «деньги» — раздаётся их грозный окрик среди всеобщей тишины (это было во время так. наз. «тихой молитвы» — «Шмоне Эсре»). Само собой разумеется, что денег ни у кого не оказывается; даже дотрагиваться до них в этот день поста, молитвы и раскаяния считается большим преступлением. Казакам это объясняют и умоляют их ждать до вечера. Но казаки ждать не хотят, и начинается жестокое избивание молящихся, сопровождаемое отвратительным сквернословием и ругательствами». В это же время другая банда казаков насилует несколько молодых женщин и девушек. «Налеты на синагогу и другие молитвенные дома с подобными целями повторялись неоднократно», — прибавляет автор записок. То же имело место в м. Кобище (Черн. губ.): 6-го августа, в субботу, в 9 часов утра, когда евреи собрались в синагогу для утренней молитвы, в местечко вошел отряд казаков. Подъехав прямо к синагоге, они бросили бомбу и стали швырять в синагогу тряпки, пропитанные нефтью. Синагога начала гореть. Евреи в панике, не взирая на то, что синагога была оцеплена казаками, стали выскакивать в окна; некоторые пытались убежать в двери. Бежали, облаченные в талесы. Казаки выстрелами заставили остановиться, отвели в волость, где их страшно избивали¹⁴⁴).

Ограбление самих синагог и поругание находящихся в них свитков Торы и других священных предметов было обычным явлением в Добровольческой погромной практике. В Кременчуге (Полт. губ.) два офицера и казак ворвались в главную хоральную синагогу и заставили заведующего синагогой Збарского открыть им Кивот Завета, где хранятся свитки Торы, ища якобы «подвал с мануфактурой». Когда Збарский стал бережно вынимать свитки Торы, казачий офицер крикнул ему: «Бросай на землю». Збарский ответил: «Бросать на землю священные свитки Торы не буду, хотя бы мне угро-

¹⁴⁴) Сообщение Х. Гофмана.

жала смерть». Затем офицеры стали рыскать по ящикам в молитвенных столах и вынимать и бросать на пол талесы, молитвенники, подсвечники, серебряные короны, одеваемые при богослужении на свитки Торы, и другие священные предметы. Часть этих вещей они взяли с собой¹¹⁵).

Ограблением, однако, дело не ограничивалось. Оно сознательно и злобно сопровождалось уничтожением и осквернением свитков Торы, издевательствами, концунством. В Макарове (Киевск. губ.) добровольцы уничтожили до 80 свитков Торы¹¹⁶). В Гостомеле (Киевск. губ.) со свитков Торы в модельнях содрали чехлы, а свитки разбросали по земле¹¹⁷). В Козлове (Тамб. губ.) — «разгромлена синагога, свитки Торы изорваны»¹¹⁸). В Борзне (Черн. губ.), «казаки разгромили совершенно синагогу, выбросили свитки Торы, порвали талесы и тефилин (филактрии), а часть забрали с собой». В синагоге найдено было 7 трупов¹¹⁹). В Фастове (Киевск. губ.), рассказывает обследовавший фастовский погром Ив. Деревенский, — «мне показывали в Холодной синагоге 15 свитков Торы, которые были выброшены погромщиками из кивота на землю и сильно истрепаны. В той же синагоге все поломано, разбито, выворочено, как во всякой обыкновенной квартире»¹²⁰). В Ротмистровке (Киевск. губ.), рассказывает ротмистровский беженец Г. Бродинский, где все еврейское население собралось в синагоге, «деникинцы страшно издевались над собравшимися и глумились над обрядами и религией. Они заставили читать «ми шеберах», велели читать Тору, сами облачались в талесы и совершали над ними непристойности и т. д.»¹²¹). В м. Сарны-Охримова (Под. губ.) добровольцы в Иом-Кипур во время чтения молитвы «N'ile» ворвались в синагогу и потребовали овса для своих лошадей. Евреи не в состоянии были выполнить этого требования; тогда добровольцы велели всем евреям лечь в синагоге на землю и проехали по ним на лошадях¹²²). В м. Новые-Млины (Черн. губ.) «синагога превращена

¹¹⁵) Из материалов Кременчугской еврейской общины; протокол опроса М. Н. Збарского.

¹¹⁶) Из материалов Юрид. бюро при Центр. Комитете помощи; показания Х. Фримгара.

¹¹⁷) Из материалов Центрального архива.

¹¹⁸) Из «Бюллетеня Общества Земл. и Ремесл. Труда», № 3, Петроград 1919 г.

¹¹⁹) Из материалов Харьковской евр. общины. Показание Я. Д. Фабриканта.

¹²⁰) Доклад Ив. Деревенского.

¹²¹) Показание Бродинского.

¹²²) Показание М. Хейфеца.

была в коношню. Все свитки Торы были разорваны. Раввина одели в женское платье и жестоко над ним издевались»¹²³).

Не останавливала добровольческих кощунств и святость смерти. В Лубнах (Полт. губ.) были ими на еврейском кладбище разрыты могилы и опрокинуты памятники¹²⁴). В Севериновке (Херс. губ.) были в ночь на 27 августа извлечены из могил на еврейском кладбище 8 трупов; с них сняли одежду и, надругавшись, оставили на месте¹²⁵).

Следует при этом особенно отметить, что эти откровенные кощунства производились не только в угарной атмосфере уже широко развернувшегося погромного шквала, когда до конца разнуздалось опьяневшее от крови добровольческое офицерство. Зародыш этих явлений был положен еще до вступления Д. А. в губернии массового еврейского поселения и до широкого разгула погромной волны. Один из немногих активных евреев-деятелей белого движения Д. С. Пасманик рассказывает в своей книге: «Весной 1919 г. я жил в Новороссийске, который тогда считался близким тылом. И вот среди белого дня, на второй день еврейской пасхи, три офицера на лошадях въехали в синагогу, произвели панику среди молящихся и разрубили шашками «скинию завета», в которой сохраняются свитки Торы. Комендант города немедленно навестил председателя еврейской общины и представил свои извинения, но офицеры не были наказаны»¹²⁶). Почти бок-о-бок с Ставкой Главнокомандующего, в атмосфере полного мира оставались безнаказанными акты хулиганского кощунства. Неудивительно, что таким пышным цветом расцвели они на Украине, густо населенной евреями.

---

¹²³) Газета «Заря» (Харьков), № 19, от 10-го ноября 1919 г.

¹²⁴) Из материалов ЕКОПО.

¹²⁵) Из материалов Одесской евр. общины; сообщение Л. Менделевича.

¹²⁶) Д. С. П а с м а н и к, Русская Революция и еврейство. Париж, 1923 года, стр. 187.

ГЛАВА VI.

Чисто военный характер добровольческих погромов. — Отношение христианского населения. — Случаи активного участия местного населения в грабежах и погромах. — Случаи укрывательства евреев и заступничества за них. — Мирный характер крестьянского грабежа. — Преобладающее отрицательное отношение населения к погромам. — Поведение интеллигенции, духовенства, мещанства; отношение крестьян. — Многочисленные случаи заступничества за евреев. — Репрессии добровольцев за укрывательство евреев. — Человеческий материал Добровольческой армии. — Добровольцы первого призыва. — Изменение состава и характера армии. — Ее реакционные настроения. — «Южная Армия». — Дух ненависти и озлобления. — Произвол и насилие. — Мародерство и грабеж в военном быту Добровольческой армии. — «Реалдоб». — Узаконенный грабеж. — Казачьи части. — Жажда добычи. — Самоснабжение. — Участие офицерства в грабежах. — Отдельные случаи заступничества офицеров за громимое еврейское население. — «Право на погром» — Атаманщина и Добровольческая армия. — Атаман Струк, его политическая карьера. — Струк в Добровольческой армии. — «К братьям-селянам». — Струк в Киеве. — Погромы Струка в провинции. — Струк в Одессе. — Уваровцы. — Атаман Зеленый.

Еврейские погромы периода Добровольческой армии носили чисто военный характер. Устраивали их исключительно регулярные части Добровольческой армии.

Это положение следует установить со всей категоричностью. Все попытки выставить погромную волну добровольческого периода, как стихийное общенародное движение против евреев, «захватившее» между прочим и армию, не отвечают действительности. Нет сомнения, что в христианских массах и значительной части интеллигенции (особенно в городах) сильны были интенсивные антисемитские настроения, рожденные сложным комплексом причин политического, экономического и психологического порядка. На этом общественном антисемитизме мы подробно останавливаемся в другом месте. Но от этих антисемитских настроений до устройства

еврейских погромов оказалась в жизни дистанция огромного размера, и в большинстве случаев эта дистанция оказалась непройденной.

Несомненно, что в целом ряде пунктов можно зарегистрировать активное участие местного христианского населения в грабежах и погромах, иногда даже в убийствах. Но эти пункты можно перечислить с почти исчерпывающей полнотой.

В м. К о б и щ е (Черниговск. губ.) местные хулиганы в переходный период между уходом большевиков и приходом добровольцев терроризировали и грабили еврейское население. Некоторые христиане указывали казакам, где укрываются евреи¹). В К о з л о в е (Тамбовск. губ.) после взятия города отрядом ген. Мамонтова «крестьяне из ближайших деревень грабили вместе с городской чернью. Участвовали также некоторые из интеллигентов и купечество, но не все»²). Активную враждебность выявили крестьяне и в Б о я р к е (Киевск. губ.): «местные крестьяне составили список всех евреев и ходили из дома в дом для убийства евреев. Убийства совершались с неопишуемой жестокостью»³). В Е л ь ц е местное население, «в громадном своем большинстве черносотенное, охотно указывало (казакам ген. Мамонтова) квартиры евреев, вместе врывалось в дома, в которых совершались грабежи и насилия»⁴).

Активную враждебность, определенным образом воздействовавшую и на вступившие в город добровольческие части, выявила и значительная часть христианского населения К и е в а. В «Архиве Русской Революции» Л. Л-ая так характеризует приход добровольцев в Киев⁵). На улицах оживленно и радостно: знакомые целуются и поздравляют друг друга. «Но уже есть тень на картине, уже ползет откуда-то и раздается все громче и громче грозное для жителей города и гибельное для добровольцев слово «жид». В толпе уже один только разговор, одна общая для всех тема: «жид». Ненависть к ним объединила всех, и какая ненависть: «жиды, жидовка, комиссар, комиссарша». «Бить, резать, грабить». Некоторые, более мягкие, вспоминают варшавский бойкот. Но все без исключения отождествляют евреев с большевиками, и все, без исключения, требуют для них наказания». Но даже и здесь, в

¹) Центральный архив; сообщение Х. Гофмана.

²) Из материалов ЕКОПО; доклад И. Рудого.

³) Центр. архив; показание студента С. Розенкранца.

⁴) Бюллетень О-ва ремесленного и земледельческого труда (ОРТ'а), Петроград, 1919 г. декабрь, № 3.

⁵) Л. Л-ая. Очерки жизни в Киеве в 1919-1920 г. «Архив Русской Революции», Берлин, т. III. стр. 217.

Киеве, христианское население в погроме Добров. армии непосредственного участия не приняло.

В м. Б о б р о в и ц а х (Черниговск. губ.) представители местной христианской интеллигенции тотчас же по прибытии добровольческого отряда подали начальнику его, кн. Урусову, донос, в котором «указывались семьи, члены которых служили в красной армии или подозревались в сочувствии советской власти». Донос, впрочем, не был направлен исключительно против евреев; в нем назывались и русские имена (вдова священника Андриевская и ее зять Хачко). Но вообще, говорится в обследовании, «интеллигенция относилась в лучших случаях безучастно, в большинстве же случаев активно помогала грабителям, посылая доносы, указывала местонахождение скрывавшихся евреев, распространяла погромную прессу»⁶⁾. В Б о г у с л а в е (Киевск. губ.) «русская интеллигенция активно участвовала в грабеже. Можно было видеть учителей гимназии, судью и т. д. с тюками награбленного в руках». В убийствах интеллигенция не участвовала⁷⁾.

В Б о р и с п о л е (Полтавск. губ.) «крестьяне натравливали солдат на грабеж и насилия, сами участвовали в хищениях, а на просьбы о защите отвечали категорическим отказом»⁸⁾. В О л ь ш а н и ц е (Киевск. губ.) «в грабеже казакам помогало местное население — крестьяне»⁹⁾. В м. С а р н ы - О х р и м о в о (Киевск. губ.) «местное христианское население приняло открытое участие в грабежах»¹⁰⁾. В м. Р а к и т н о (Киевск. губ.) группа окрестных крестьян, и раньше делавшая бандитские набеги на местечко, вместе с чеченцами грабила и убивала евреев¹¹⁾. Присоединилась к казакам при грабежах часть местных крестьян и в Р о с с а в е (Киевск. губ.). В Т о м а ш п о л е (Подольск. губ.) «окрестные крестьяне приняли самое деятельное участие в погроме, сопровождая громил по еврейским квартирам»¹²⁾. «Гимназисты и барышни» в Чернигове указывали добровольцам еврейские кварти-

⁶⁾ Следствие о действиях деникинцев в м. Бобровицы за период времени от 2-го сентября до 15 ноября 1919 г. Следствие производила местная организация Поалей-Цион.

⁷⁾ Из материалов Поалей-Цион, показание А. П. Кругляка (Центр. архив).

⁸⁾ Из материалов Юридического Бюро при Комитете Помощи в Киеве. Показание Ш. Я. Лившица.

⁹⁾ Из материалов Красного Креста; сообщение Г. И. Рабиновича.

¹⁰⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщение Г. Клеймана, И. Випокура и Фултограда.

¹¹⁾ Из материалов Красного Креста; показание 5 свидетелей.

¹²⁾ Доклад Томашпольского Комитета Помощи пострадавшим от погрома.

ры¹³). В Хороле (Полтавск. губ.) христианское население города и окрестностей приняло участие в разгроме еврейских лавок¹⁴). В Монастырище (Киевск. губ.) в погроме приняли участие крестьяне ближайших деревень, и в особенности жители окраин Летичевки и Абрамовки¹⁵). В Черкассах часть местного мещанства несомненно способствовала распространению погромных настроений среди казаков. Входящую в город вслед за батгареей казачью часть «окружила целая толпа баб-мещанок, громко голосивших и завывавших по своим родным и близким, замученным «жидовской чрезвычайкой». Казаки прониклись страшным озлоблением»¹⁶). Приняла участие в грабеже часть крестьян и в Кривом Озере (Подольской губ.)¹⁷) и в Корсуни (Киевской губ.)¹⁸).

Этим, согласно нашим материалам, почти исчерпываются случаи активного участия местного христианского населения в добровольческих погромах. Их не следует недооценивать. Они свидетельствуют о несомненной наличности значительных и интенсивных антисемитских настроений в среде самых разнообразных слоев христианского общества, о том, что во многих пунктах местное население делило с добровольцами ответственность за грабежи и насилия. Но и в этих пунктах необходимо учесть следующие весьма существенные обстоятельства:

1. В целом ряде отмеченных выше пунктов не приходится огульно говорить о поголовном участии всего христианского населения в погроме. Наряду с актами грабежа, антисемитской пропаганды и насилия, зарегистрированы явления совершенно противоположного характера. В том же Козлове депутация священников умоляла ген. Мамонтова о прекращении погрома¹⁹). В том же Кобище «многие крестьяне укрывали евреев»²⁰). В тех же Бобровицах следствие с удовлетворением отмечает «отношение местных крестьян, которые нередко скрывали у себя целые семьи евреев»²¹). В том же Богуславе «было много случаев, когда христиане принима-

¹³) Центральный архив; сообщение о Чернигове студента Г. Беленького.

¹⁴) Из материалов Центрального Комитета помощи погромленным; обращение религиозной общины г. Хоролы.

¹⁵) Центр. архив; сообщение А. Басина.

¹⁶) Центр. архив; сообщение С. Л. Беккер.

¹⁷) Доклад Комиссии Губсособеза.

¹⁸) Из материалов Особой следственной Комиссии по расследованию действий Добр. армии в Корсуни; показание С. Шейнблум.

¹⁹) Центр. архив; доклад И. Рудого.

²⁰) Центр. архив; сообщение Х. Гофмана.

²¹) Следствие, произведенное Поалей-Цион.

ли у себя знакомых евреев, кто за деньги, а кто безвозмездно; кормили даже гостей бесплатно. Особенно отличался в этом отношении местный земский госпиталь, где находилось в эти дни около 1200 человек, которых кормили и поили»²²). В том же Кривом Озере, где многие крестьяне принимали участие в грабежах, доклад комиссии по оказанию помощи отмечает и ряд фактов противоположного характера: «Вообще отношение крестьян к погрому выразилось в следующем: если 50% из ближайших сел грабило, то очень много также и укрывало у себя и кормило по несколько еврейских семейств. Были также случаи, когда крестьяне ездили за имуществом скрывающихся, для того, чтобы его спасти. Известен только один случай в селе Адае (небольшой хуторок), где крестьяне убили укрывавшихся там евреев. Что касается отдельных представителей крестьянского общества, то их отношение к погрому было вполне отрицательное. Больше того. Два раза представители крестьян — Григорий Дунский, Борусевич и друг. участвовали в делегации в целях прекращения погрома; крестьянин Рогачевский, открыто выразивший свое презрение погромщикам, был разграблен денкинцами... Между прочим, в окружных селах во время погрома готовилось вооруженное противодействие среди крестьян, организованное прятавшимся в окружных селах партизаном Шуманом (крестьянин, русский) и представителем Кривоозерского еврейского общества Биберганом». Вполне определенным было также отрицательное отношение к погрому немногочисленной местной христианской интеллигенции. Начальник почты, мировой судья и учитель гимназии Мейер участвовали вместе с крестьянами в делегации к начальству добровольческого отряда и просили о прекращении погрома. Врач Соколов, под угрозой быть самому расстрелянным, оказывал во время погрома медицинскую помощь пострадавшим и участвовал в снабжении их хлебом. Исключение в Кривом Озере составлял лишь директор гимназии Двукраев, выдавший свою сестру за добровольческого офицера и устроивший в разгар погрома блестящий бал, на который было снесено из ограбленных еврейских магазинов и домов все самое лучшее, дорогое и изысканное: десятки ящиков вина, сотни пудов конфект, утки, гуси десятками и т. д.

Не едино было отношение к погрому и в Черкассах. Наряду с несомненной враждебностью части мещанства, ряд показаний отмечает, что местное христианское население относилось, в общем, хорошо к евреям и давало им у себя приют. «Можно с уверенностью сказать, что три четверти еврейского

²²) Из материалов Красного Креста; показание М. Мауэра.

населения находилось у соседей-христиан»²³). Несмотря на то, что «священники в церквях призывали к прекращению этого «позора», угрожая разными бедами», случаи укрывания евреев насчитывались десятками²⁴). То же имело место и в Монастырище (Киевск. губ.), где, хотя в погроме и участвовали также крестьяне ближайших деревень и жители окраин, но «русская интеллигенция и полуинтеллигенция, наоборот, прятала у себя многих евреев. Были и такие случаи, когда евреи прятались у знакомых крестьян. Интересно, что раввин местечка, Борух Чарный, скрывался у священника окраины Новое Место»²⁵). В той же Корсуни, где крестьяне, идя по следам добровольцев, так беспощадно грабили еврейские дома, часть местной христианской интеллигенции проявила к евреям весьма хорошее отношение. Начальник Корсунской почты В. Н. Малюков укрыл у себя во время погрома до 50 евреев, защищал и кормил их, а сам ютился где-то в углу. Учитель местной гимназии Милько и мировой посредник всячески старались повлиять на крестьян и удержать их от грабежей²⁶). В Белой-Церкви (Киевск. губ.) часть крестьян Зарича (пригород Белой Церкви) решила было использовать погром и принялась уже грабить, но местная русская интеллигенция воспрепятствовала этому, отбирая награбленное; в других частях города со стороны крестьян и не было попыток к погрому²⁷).

Даже в тех пунктах, где враждебность к евреям выражалась наиболее активно и остро, нельзя, таким образом, говорить о сплошном участии мирного населения в погромах. В тем большей мере это относится ко всем остальным городам и местечкам погромного района.

2. Почти всюду погром начинается и проводится добровольческими воинскими частями по собственной инициативе и собственными силами. В тех немногих, сравнительно, случаях, когда местное население принимало участие в погромах, оно делало это исключительно вдохновляясь примером и идя по следам военных частей Доброй армии.

В м. Козин (Киевск. губ.) крестьяне первоначально охотно давали евреям у себя убежище, но потом «осмелели, увидев, что сама Добровольческая армия устраивает погромы и что это происходит вполне безнаказанно», и «эти же самые

²³) Из материалов Красного Креста; показание Н. Х. Эйдельштейна.

²⁴) Центр. архив; сообщение С. Л. Беккер.

²⁵) Центр. архив; сообщение А. Басина.

²⁶) Из материалов Особой следственной комиссии для расследования действий Доброй армии; показание С. Шейнблум.

²⁷) Центр. архив; сообщение бывш. членов Белоцерковской Гор. Управы И. Настаскина и Х. Ломберга.

крестьяне стали их (евреев) убивать»²⁸). В Паволочи (Киевск. губ.) «темные элементы из местных крестьян» приняли участие в погроме, «будучи подстрекаемы казаками»²⁹). В Степанцах (Киевск. губ.) лишь «со вступлением добровольцев и выяснением их отношения к еврейской жизни и имуществу крестьяне стали валом валить в местечко и дружно работать в сторону лишения евреев всего имущества»³⁰).

Это участие крестьян в добровольческих погромах там, где оно имело место, носило совершенно своеобразный мирно-разрушительный характер. В погроме, как таковом, крестьяне участия не принимали: не громили, не убивали, не насиловали. Они приходили после добровольцев, по их следам, и подбирали все оставшиеся после военного грабежа вещи, мебель, утварь; они были скорее мародерами, чем погромщиками, скорее спутниками, чем участниками погромов. Все, что можно было, даже самые громоздкие вещи, они увозили на подводах с собой, довершая этим картину разгрома. Это крестьянское «мирное нашествие» было, само собой разумеется, крайне разрушительным по своим материальным последствиям. Но политически оно, по существу своему, в большинстве случаев не было погромом: оно лишь сопутствовало ему, как неизбежное следствие, но не как причина, на которую могли бы ссылаться добровольцы в объяснение своих погромных деяний. Причинная зависимость была иная, прямо противоположная: добровольцы невозбранно расхищением еврейского имущества невольно рождали в примитивном и жадном крестьянском сознании представление о дозволенности этого расхищения для всех, кому не лень, и крестьяне этой возможностью пользовались.

К этому выводу приходит, на основании виденного и пережитого, автор интересных и вдумчивых записок о «Фастовской резне» И. Я. Берлянд. Констатируя, что «многие крестьяне (в Фастове) таскали вещи из оставленных на производ еврейских квартир», он справедливо и метко замечает: «Это не вследствие каких-либо враждебных чувств; они точно также таскали вещи и из русских квартир, когда хозяева уходили с денкиинцами от большевиков — это мне досконально известно (пристав Рунцов, доктор Татаров, доктор Савенко)—просто по общему свойству некультурных людей прикарманивать

²⁸) Из материалов Красного Креста; показание д-ра Слепака из Степанцев.

²⁹) Прощение Киевскому Губернатору представителей еврейского населения м. Паволочь и ст. Попелюхи от 20 сент. 1919 г.

³⁰) Центр. архив; показание И. С. Слепака.

все, что плохо лежит, без хозяина. В те еврейские квартиры, где хозяева оставались жить, крестьяне, за чрезвычайно редкими исключениями, грабить не ходили». К тому же выводу приходит и наблюдатель корсунской погромной трагедии А. Юдицкий («Корсунь в 1919 г.»). Рассказывая, как на третий день погрома, когда как будто ослабели аппетиты у казаков, «разгорелся погромный пыл у корсунских христиан, жителей города и окрестностей», А. Юдицкий объясняет: «— Шутка-ли. Целый город с массой еврейского добра, с богатыми хозяйствами, накопленными поколениями, стоит совершенно открыто и свободно. Иди и бери... И подобно саранче, набросилось на это христианское население, стар и млад, крестьяне и мещане, гимназисты и студенты».

Случаи участия христианского населения в грабежах были, как видно из предыдущего, нередки. Но они не были правилом. Наоборот, материалы рисуют, в общем, картину определенно отрицательного отношения самых различных слоев мирного населения к этим чисто военным погромам. Во многих пунктах это отношение находило и свое реальное выражение в укрывании евреев, в предстательстве перед властями, во всяческой помощи. Даже элементы, обычно неблагоприятно к евреям настроенные, не выдерживали ужасов погрома и делали все для спасения несчастных.

В Нежине (Черниг. губ.), несмотря на наличность довольно интенсивных антисемитских настроений в некоторой части христианского населения (в частности среди рабочих), последнее «укрывало евреев в церквях, домах, послало делегацию во главе с духовенством с просьбой остановить убийство и грабежи»³¹⁾. Очевидец погрома, не пожелавший, из понятных соображений назвать свое имя, христианин Х. в показаниях, сделанных им обследователю Российского Красного Креста, отмечает, что «местное население не принимало участия в погроме, наоборот, всячески помогало евреям, оказывая им приют в своих домах. Знаю даже некоторых крайне правых священников и т. п., которые скрывали у себя евреев... Во время грабежей солдаты выбрасывали товары в толпу, но их подхватывали преимущественно дети и зарекомендованные хулиганы»³²⁾. Когда в м. Новые Млины (Черн. губ.) на евреев взведен был навет, будто они стреляли в добровольцев, местное христианское население решительно вступилось за них. В наших руках³³⁾ имеется подлинное заявление с несколькими де-

³¹⁾ Центр. архив; сообщение Х. Гофмана.

³²⁾ Из материалов Красного Креста.

³³⁾ См. Центральный архив материалов о погромах на Украине; см. также отдел документов в приложении

сятками подписей, категорически отрицающее правильность обвинения. Специальная делегация христиан в количестве 20 душ, мужчин и женщин, отправилась к добровольческому коменданту просить, чтобы не было человеческих жертв, так как евреи ни в чем неповинны. Когда же погром разразился, «христиане, где только могли, укрывали евреев: в стогах сена, в погребях, в садах. Даже священники укрывали евреев... Только таким энергичным заступничеством христиан объясняется небольшое число еврейских жертв»³⁴). В Борзне (Черн. губ.), по свидетельству председателя еврейской общины, «местное коренное население было крайне возмущено происшедшим и не только не принимало участия в грабежах, а, наоборот, способствовало спасению имущества от разграбления и охотно давало у себя приют затравленным евреям.»³⁵). В Тамбове, как телеграфирует уполномоченный ЕКОПО Тейтельбаум, хотя и были случаи участия местного населения в разгроме еврейских квартир, но «христианское население в массовом характере укрывало у себя евреев, были случаи выкупа от казаков евреев христианами»³⁶). В Конотопе (Черн. губ.) местная городская Дума энергично протестовала против погрома, посылала делегации к властям. «Крестьяне участия в погроме не принимали. То же следует сказать о городской христианской интеллигенции, часто дававшей приют прячущимся евреям». Помогали казакам грабить магазины только «городское мещанство, особенно мальчики»³⁷). В Белгороде (Курской губ.) русское население в грабежах участия не принимало, хотя и держалось пассивно³⁸).

Особенно показательно было отношение крестьян.

Жители еврейской земледельческой колонии Кодлубицкая (Киевск. губ.), попавшей под перекрестный артиллерийский огонь, вынуждены были бежать в соседнее село Веприк. Прибывшая туда казачья разведка обвинила их в бегстве за большевиками и в шпионстве в пользу красных и, выстроив всех 200 душ евреев в ряды, заявила, что они подлежат расстрелу. «Тогда, — рассказывают пострадавшие, — в нашу защиту выступили волостной старшина Купасевич и сельский староста Дарчук и много других селян, которые засвидетельствовали перед казаками, что мы мирные селяне и хлеборобы одной с ними волости, ничего общего с большевиками не

³⁴) Центр. архив; сообщение М. Хотимской.

³⁵) Центр. архив; доклад председателя Совета Борзненской еврейской общины Я. М. Расновского.

³⁶) Телеграмма уполномоченного ЕКОПО Тейтельбаума.

³⁷) Из материалов Красного Креста; показание Р. А. Слоним.

³⁸) Из материалов Юридической консультации при Совете Харьковской Еврейской общины; показание учителя В. Г. Гринберга.

имеем, что мы всегда подчинялись всем распоряжениям волостных властей, а пришли мы в Веприк с единственной целью — уйти подальше от позиций и снарядов. Волостной старшина просил нас не трогать»³⁹). В Остапье (Полтавск. губ.) «местные крестьяне никакого участия в грабежах не принимали; были случаи, когда евреи во время деникинских погромов прятались у соседей»⁴⁰). В Игнатовке (Киевск. губ.) крестьяне «с риском для себя (ибо пущен был слух, что строго-на-строго запрещено прятать евреев) укрывали несчастных в своих гумнах»⁴¹). В м. Насточки (Киевск. губ.) погром только потому прошел бескровно, что «местные крестьяне прятали евреев у себя»⁴²).

В тех же сравнительно редких случаях, когда крестьяне отказывали евреям в убежище, они делали это под давлением добровольцев, запугивавших их угрозами жестоко покарать каждого, кто укроет у себя еврея или его имущество. Эта угроза почти стереотипно повторялась в ряде пунктов.

В Германовке (Киевск. губ.) по местечку пущен был слух, что «деникинцы строго наказывают христиан, которые скрывают у себя евреев». Крестьяне вынуждены были отказывать евреям в приюте⁴³). В Кагарлыке (Киевск. губ.) добровольцы 29-го августа собрали сход и «приказали крестьянам, чтобы всякого еврея крестьяне закалывали вилами и убивали. Крестьян, укрывавших евреев, строго наказывали вплоть до разграбления. У некоторых крестьян, заподозренных в укрывательстве евреев и их имущества, произведены обыски. У одного из таких крестьян спрятанное имущество отобрано, а жена его была избита»⁴⁴). В Богуславе (Киевск. губ.) соседи-христиане отказывали евреям в приюте, ссылаясь именно на приказ не впускать евреев к себе на квартиру: кто ослушается — будет за это убит⁴⁵). В Дымере (Киевск. губ.) «попытки крестьян защитить евреев встречали решительное противодействие со стороны солдат; они отдали приказ, чтобы все крестьяне оставили местечко и не мешали грабежу и насилиям»⁴⁶). «Местные христиане, желавшие придти на помощь

³⁹) Доклад Ив. Деревенского о колонии Кодлубицкой (Центр. архив).

⁴⁰) Из материалов ЕКОПО; сообщение И. Я. Ляховицкого.

⁴¹) Из материалов Юридического Бюро при Комитете Помощи; прошение на имя Киевского губернатора жителей Игнатовки И. Вайля, Д. Фая и Н. Куницкого.

⁴²) Центр. архив; сообщение Г. И. Рабиновича.

⁴³) Из материалов Красного Креста; сообщение Ионы Бергенко.

⁴⁴) Показание И. Коростышевского.

⁴⁵) Из материалов Красного Креста; показание М. Мауэра.

⁴⁶) Из материалов Юрид. Бюро при К-те помощи; показание Ш. Зазузного.

евреям, укрыть у себя некоторых или спрятать их вещи, не были к этому допущены, им грозили за это самой строгой карой. Тех, которые уже успели спрятать у себя кое-что из еврейских вещей, принудили эти вещи вернуть»⁴⁷). «Все же крестьянам удалось приостановить начавшийся поджог еврейских домов»⁴⁸). В Богуславе (Киевск. губ.) добровольцы при самом своем вступлении предупредили крестьян, чтобы те не укрывали евреев, угрожая за неисполнение расстрелом. «Крестьяне не придавали этому, однако, значения и не трогали спрятанных евреев. Но, увидев со временем, на что солдаты способны, они стали энергично гнать укрывающихся»⁴⁹). В деревне Головенко (Черн. губ.) «евреи спрятались у крестьян. Но денкиинцы грозили последним, что, в случае обнаружения у них евреев, они будут убиты вместе с ними. Крестьяне, испугавшись угрозы, отказались скрывать у себя евреев. Последним (5 семейств) пришлось оставить свои дома на произвол судьбы и уехать из деревни»⁵⁰). В Белоцерковке (Полт. губ.) соседние крестьяне «в продолжение трехдневного погрома охраняли евреев, кормили их. Большая часть еврейского населения находилась в клуне священника Семена Волкова, принимавшего все меры к прекращению погрома. Когда, терроризованные погромами, евреи 10-го сентября всей общиной пешком ушли в Полтаву, «крестьяне специально приезжали в город, прося евреев вернуться, предлагая им помощь и деньги на обзаведение, и обещали принять меры к охране безопасности евреев»⁵¹). В Яблонове (Полт. губ.) даже официальная добровольческая следственная комиссия вынуждена была прийти к следующему выводу: «что касается местного крестьянского населения, то установлена его полная непричастность к погрому; наоборот, с этой стороны были даже отдельные попытки оказать помощь еврейскому населению, но они были ликвидированы в самом начале погрома путем угрозы со стороны солдат кровавой расправы над теми крестьянами, в домах которых будет обнаружено припрятанное еврейское имущество, или будут укрыты евреи. Если у местных крестьян и оказываются некоторые вещи, принадлежащие погромленным, то эти вещи или оставлены у них непосредственными участниками погрома — солдатами, или же подобраны крестьянами после того, как они оказались разбросан-

⁴⁷) Центр. архив; сообщение В. Полонского о Дымере.

⁴⁸) См. прим. 46.

⁴⁹) Из материалов Поалей Цион (Центр. архив).

⁵⁰) Из материалов Красного Креста.

⁵¹) Из материалов ЕКОПО; показание жителей м. Белоцерковки Мазуровского, Библина, Тарновского.

ными по дворам и улицам в качестве вещей безхозяйных»⁵²). В Городище (Киевск. губ.) крестьяне окружных деревень и местные хулиганы приняли, правда, участие в грабежах, но, в общем, «местное нееврейское население относилось к грабёжам отрицательно»⁵³). В защиту евреев активно выступил даже бывший местный бандит Грицай, во времена Гетманщины спасенный от смертной казни благодаря заступничеству местных евреев. Он сказал казакам: «если вы убьете невинных евреев — убейте и меня»⁵⁴). В Монастырище (Киев. губ.) местные крестьяне пытались было вступить за евреев и умоляли «волчанцев» прекратить погром. Но те ответили, чтобы крестьяне «не вмешивались не в свои дела, иначе покончат и с ними»⁵⁵). В Цыбулеве (Киев. губ.) местные крестьяне спрятали у себя многих евреев и этим спасли их⁵⁶).

Все эти факты с несомненностью устанавливают, что в погромах добровольческого периода организаторами и исполнителями являются почти исключительно регулярные части Добровольческой армии. Некоторые элементы городского мещанства и часть крестьян присоединились к ним в отдельных пунктах; интеллигенция кое-где сочувствовала им. Не больше. Всюду роль населения была сопутствующая. Носителем погромной волны была армия.

* * *

Ярко выраженный антисемитизм и укоренившаяся погромная практика Добровольческой армии определялись прежде всего родом и качеством ее человеческого материала.

Так называемые «Вооруженные силы Юга России», во главе которых стоял ген. Деникин, состояли из двух далеко неодинаковых и по количеству и по составу частей: добровольцев в собственном смысле этого слова и казаков. Первые были значительным меньшинством. К концу 1918 года добровольцев было всего 7 500, кубанских казаков — 35 500 и донских казаков — 32 500 на фронте, кроме еще 20 000 т. н. «молодой армии» в тылу⁵⁷).

Оба эти элемента, — добровольческий и казачий — в своем составе, в стремлениях, в быту резко различались друг от друга.

⁵²) Из данных Следственной Комиссии, отправленной в м. Яблоново Лубенским Начальником Гарнизона полк. Рожаневичем.

⁵³) Из материалов ЕКОПО.

⁵⁴) Из материалов Красного Креста; показание Зейдеса.

⁵⁵) Показание Э. Харамова; сообщено рав. Конторщиком из Умани.

⁵⁶) Показание раввина в Цыбулеве И. Шехтмана.

⁵⁷) П. Н. Краснов, Всевалянее войско Донское, «Архив русской революции», т. V, стр. 230, 257.

Первые добровольцы, сгруппировавшиеся вокруг ген. Корнилова и Алексеева, в основной массе своей несомненно руководствовались мотивами идейного порядка — благом России, как они это благо понимали. «В армии не было ни одного человека, который попал бы в ее ряды по набору или по принуждению», — пишет бывший начальник штаба Корнилова ген. Лукомский⁵⁸⁾; это были преимущественно офицеры, студенты, гимназисты — интеллигенция, одушевленная «ненавистью к большевикам и патриотическими чувствами». Ген. Лукомский, восторженно характеризует этих добровольцев первого призыва: «Надо было видеть все это юношество, составлявшее армию, юношество, горевшее любовью к родине, мечтавшее положить свою жизнь за ее возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли»⁵⁹⁾. Реакционно-грабительские элементы представляли в этот период еще ничтожное меньшинство в Добровольческой армии. Но постепенно состав и характер армии резко изменяются. Первые энтузиасты либо погибли в беспрестанных боях, либо усвоили новые взгляды и нравы. По мере того, как Добровольческая армия из кучки пионеров развертывается в крупную силу и привлекает все более широкие круги, она начинает обростать совершенно иного типа элементами.

Убежденный сторонник и апологет Добровольческой армии С. Штерн выпукло рисует этот процесс перерождения ее человеческого состава: «Первоначально, в героический период борьбы, в легендарную эпоху кубанских походов в армии были сильны освободительные и демократические идеалы. С течением времени эти традиции, привитые рыцарями долга, каковыми были ген. Алексеев, Корнилов и Деникин, стали выветриваться. Комплектование армии сперва по добровольческому принципу, а впоследствии по мобилизации, не давало возможности в какой бы то ни было степени «процеживать» состав армии. Люди добровольно шли часто на верную смерть, соглашаясь, не взирая на чины и боевой стаж, идти в поход в качестве простых рядовых — можно ли было при подобных условиях даже помышлять о каком бы то ни было «филтре»? Когда же принцип добровольчества был заменен призывом по мобилизации, — отпала всякая возможность «подбора» состава армии. Постепенно качественный состав

⁵⁸⁾ Ген. А. Лукомский, Воспоминания. Там же, стр. 151.

⁵⁹⁾ Там же.

освободительной антибольшевистской армии стал ухудшаться»⁶⁰).

Прежде всего — по своей политической физиономии. Вокруг Добрармии стали концентрироваться все ярко-выраженные реакционные элементы, мечтавшие о реставрации, реставрации полной, *sans phrases* — политической, социальной, бытовой. Тот же С. Штерн вынужден признать, что «одной из трагедий армий Деникина и Врангеля явилось рекрутирование офицерских кадров из слоев реакционно настроенного дворянства. Прогрессивных элементов было очень мало в этих армиях, в особенности в их командных составах. В итоге — старорежимные навыки, органическое неумение освоиться с демократическим духом эпохи, самодурство, произвол, насилия»⁶¹). Как ни мало «революционно» настроен был ген. Деникин, но и он был для своей армии чрезмерно «левым», и даже крайне снисходительный и осторожный бывший член Особого Сопещения, правейший и умереннейший К. Н. Соколов, вынужден был в своей книге признать наличие политического расхождения между Главнокомандующим и его армией. «Было бы несправедливо, — осторожно формулирует он, — огулом называть все это (добровольческое) офицерство «реакционным» и «помещичьим»; среди него было очень много совершенно демократических элементов. Но наиболее активной его части был несомненно чужд тот формальный «либерализм», который отчасти по убеждению, отчасти по расчету культивировался в Ростове и Таганроге, и в этом смысле правы были люди, замечавшие, что ген. Деникин оказался левее своей Армии»⁶²). Сам ген. Деникин в своих воспоминаниях признает, что «громадное большинство командного состава и офицеров было монархистами»⁶³). Многие состояли в монархических организациях; на ген. Деникина они смотрели с опаской, недоверчиво, видя в нем тайного либерала, а начальника его штаба ген. И. П. Романовского открыто именовали «социалистом». Многие офицеры так далеко шли в этом своем расхождении с главой Добрармии, что считали одно время для себя совершенно невозможным служить под начальством ген. Деникина, недостаточно ярко прокламировавшего монархические и реставрационные цели своей армии. Эти элементы начали под руководством монархического союза «Наша Родина», организации крупных земельных

⁶⁰) Сергей Штерн, В огне гражданской войны, стр. 124.

⁶¹) Там же, стр. 24-25.

⁶²) К. Н. Соколов, Правление генерала Деникина; стр. 195.

⁶³) Очерки русской смуты, т. III, стр. 130 и дальше

собственников, и герцога Лейхтенбергского формировать в Киеве, под эгидой немецких оккупационных властей, особую монархическую «Южную Армию»⁶⁴). Ее социальный состав и морально-политическую физиономию ярко характеризует один из ее создателей и покровителей, донской атаман П. Н. Краснов, которого трудно заподозрить в пристрастии: — «К формируемому корпусу, который неизвестно еще когда попадет на фронт, выгодно было приписаться героям тыла, любителям воевать на Крещатике и на Подоле. Во всем «корпусе» едва насчитывалось 2000 человек. Из них не более половины было боеспособных, остальные были священники, сестры милосердия, просто дамы и девицы, офицеры контрразведки, полиция (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности командиров несуществующих полков, артиллерийских дивизионов и эскадронов и, наконец, разные личности, жаждущие должностей губернаторов, вице-губернаторов и градоначальников, с более или менее ярким прошлым. Вся эта публика наполнила Кантемировку (село Воронежской губ., где расквартирована была эта «армия») шумом и скандалами. Семенов начал водворять по уездам Воронежской губернии, только что очищенным казаками, земскую полицию старого режима со всеми ее недостатками — взятками и лихоимством»⁶⁵). Впоследствии во главе этой армии, ярко антисемитской, конечно, по своим настроениям и выпустившей самую резкую антиеврейскую прокламацию, стал генерал Н. Г. Иванов, после чего она, по указанию ген. Деникина, переформировалась в особый Воронежский корпус, вошедший в состав Добровольческой армии и легко ассимилировавшийся с ее общей массой.

Масса эта, особенно в своей наиболее активной и влиятельной части, определенно отрицала и ненавидела революцию со всеми ее завоеваниями. Все, что прямо или косвенно было связано с революцией, было ей ненавистно и враждебно. Вся она была проникнута чувствами лютой вражды и мести за сорванные погоны, за пережитые унижения, материальное разорение, часто за смерть близких. В высоко-характерном и ценном «человеческом документе» — «Дневнике» ген. М. Г. Дроздовского, одного из наиболее идеалистически настроенных пионеров Добровольческой армии, предельного с малым отрядом тяжелый 1200-верстный поход от Ясс на Дон, находим потрясающие строки об этой ненависти

⁶⁴) Герцог Лейхтенбергский, Воспоминания о Южной Армии; «Архив русской революции», т. VIII.

⁶⁵) П. Н. Краснов, Всеволодское Войско Донское; «Архив русской революции», т. V, стр. 244-245.

и озлоблении. «Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; над всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения... Расправа должна быть беспощадной: «два око за око». Пусть знают цену офицерской крови»⁶⁶). И Добровольческая армия действительно несла с собой «не мир, но меч», сеяла вокруг себя гибель и разрушение

Традиции жестокого произвола, насилия и мародерства прочно укоренились в Добровольческой армии еще задолго до вступления ее на территорию с значительным еврейским населением. На самой Кубани, в процессе освобождения ее от большевиков, добровольцы проявили величайшую жестокость в расправе со всеми инакомыслящими или заподозренными в симпатиях к большевикам. При этом расправа чинилась над правыми и над виноватыми безразлично, не щадя ни казаков, ни «иностранцев», ни женщин. В докладе Хорунжего 1-го Кубанского Пластунского батальона В. Ф. Близняка на имя председателя юридической комиссии Кубанской Чрезвычайной Рады от 6-го ноября 1918 г. за № 22, нарисована картина, изумительно, даже в деталях, напоминающая хозяйничанье добровольцев в еврейских местечках: «Когда войсками Добровольческой армии была очищена от большевиков станица Абинская, — пишет Близняк, — казалось прошел кошмарный ужас жизни, настали дни всеобщего ликования и благоденствия для населения станицы. Радость по случаю прихода носителей закона и порядка, восторженные приветы войскам Добровольческой армии были искренни и беспредельны. Люди друг друга встречали пасхальными приветствиями: «Христос Воскресе», станичный сбор вынес постановление о недопустимости самосудов. Но это только казалось. Появились чины Добровольческой армии, и началась дикая расправа и мародерство. Уже не отличали ни иностранцев ни казаков. Обычно жертв экзекуции заставляли обнажаться, иногда среди площади, в присутствии взрослых и детей, приказывали ложиться, становились сапогами на голову или шею и пороли сапогами или плетью, пока не летели во все стороны брызги крови и куски изорванного мяса. Подъесаулу Новаку генералом Покровским был отдан приказ пороть плетью всех без разбора, а арестованных доставлять ему в Афинскую, в штаб, для повешения;

⁶⁶) Ген. М. Г. Дроздовский, Дневник; Изд. Отто Кирхнер, Берлин 1923 г., стр. 71 и 65.

фельдфебелю Науму З-нко, добровольцу и георгиевскому кавалеру, дано шестьдесят плетей. Масса изнасилованных девушек и даже детей. На одном хуторе восемь казаков изнасиловали женщину, три дня назад разрешившуюся от бремени. Были случаи, когда восстановители «законности и порядка» даровали жизнь женщинам после obligations последних провести с ними несколько ночей»⁶⁷⁾. И это были не единичные случаи. 26-го апреля 1919 г. группа членов Кубанской Законодательной Рады внесла правительству запрос о том, что в станциях Таманского отдела производятся расстрелы и повешения без суда и следствия, истязания и изнасилования женщин, аресты и содержание в заключении без предъявления обвинения⁶⁸⁾. Отказываясь от сотрудничества с Особым Совещанием при Добровольческой армии, рабочая делегация 2-го сентября 1919 года заявила в своей декларации: «Смертная казнь стала обычным явлением. Часто практикуется расстрел без суда под предлогом «попытки к побегу». Нередки факты арестов и даже расстрелов из политической и даже личной мести, зачастую из корыстных побуждений»⁶⁹⁾.

Все эти нравы вошли в плоть и кровь Добровольческой армии. Но на чисто русских территориях они сохраняли еще некоторую видимость, хотя и грубой, жестокой, но все же борьбы с большевиками или большевистствующими, и естественно были ограничены в масштабе своего применения. Предел разгулу самосудов и насилий клало и сопротивление самого русского населения, и борьба с ним высшего командного состава. С вступлением же на территорию с значительным еврейским населением, эти усвоенные еще в «героические» времена нравы нашли себе исключительно благодарное применение. Еврейское население было беззащитно, сопротивления с его стороны опасаться не приходилось; привычная антисемитская традиция естественно натравливала на евреев; сознание полнейшей безнаказанности («за жида в ответе не будешь!») разнуздывало дикие инстинкты. И все накопленные за полтора года гражданской войны навыки озверения, «упоения убийством» и мародерства полностью и целиком обрушились на евреев. Объект был найден. Не было больше нужды нападать на «братьев-христиан». Те представляли собою и психологически, и реально линию наибольшего сопротивления. Гораздо легче и удобнее было свирепство-

⁶⁷⁾ Г. Покровский, Деникинщина. Изд. Э. Гржебина, 1923 г., стр. 50-51.

⁶⁸⁾ Там же, стр. 117.

⁶⁹⁾ Там же, стр. 91.

вать, убивать, насилловать на еврейской улице. И на ней сосредоточился весь погромный пафос Добровольческой армии.

В процессе затянувшейся, обратившейся в профессию, гражданской войны постепенно изменился и определился моральный уровень Добровольческой армии. Она вся оказалась проникнутой духом безудержного грабежа и наживы.

Корни этого явления с неизбежностью уходили в самую основу военного быта Добровольческой армии. Самой логикой гражданской войны Добровольческая армия, не имевшая ни запасов военного снаряжения, амуниции, одежды, ни налаженного аппарата продовольственного снабжения, вынуждена была в первый период своего существования жить по образцу армии Валленштейна — самоснабжением. Все необходимое для армии добывалось либо в бою с большевиками⁷⁰), либо путем реквизиции у мирного населения. Если первый путь — использование военной добычи — вообще свойственен военной практике, то второй естественно воспитывал в рядах армии пренебрежение к праву и собственности мирных граждан. Пока Добровольческая армия состояла из кучки энтузиастов, это «самоснабжение», за редкими исключениями, не переходило границ безусловно необходимого для существования самой армии. Но по мере того, как в ее состав вливались новые, деморализованные элементы, по мере того, как в результате двух лет гражданской войны развращались и огрубевали уцелевшие добровольцы первого призыва, — эта граница была далеко перейдена. От самоснабжения армия перешла к самоснабжению личному, к безудержному грабежу в целях обогащения. С полной откровенностью рисует этот процесс член Особого Совещания при ген. Деникине К. Н. Соколов: «Реалдоб» (реализация военной добычи) вошел в нравы наших войск еще в то время, когда «реализация военной добычи» была главным, если не единственным, источником средств Добровольческой армии. Рядом с «реалдобом» закономерным и даже подотчетным укоренился групповой или индивидуальный «реалдоб», который представлял собою ни что иное, как самый откровенный грабеж. При случае можно было «реквизнуть» те или иные соблазнительные вещи, и «бесплатные реквизиции» тоже стали в армии «бытовым явлением». Сознание безнаказанности

⁷⁰) Управляющий отделом финансов Добровольческой армии проф. Бернацкий откровенно заявил в Одессе 27 февраля 1919 г., в заседании Совета Государственного Объединения, что «мародерство — серьезный источник доходов Добровольческой армии и на Кубани, при чем добровольцы обычно честно сдают найденное в карманах убитых красноармейцев». См. М. С. Маргулис, Год интервенции; кн. I, Берлин 1923 г., стр. 272-273.

разнуздывало зверя, воспитанного часто и в очень мирном и благодушном человеке месяцами кровавой войны, а кричащие недостатки снабжения помогали отделяться от последних укоров совести». «В тыл все чаще и чаще приходили сведения о громадных денежных капиталах, скопляющихся и в отдельных руках, и у целых воинских частей. Рассказывали об имуществе войсковых частей, которое загромождало целые подвижные составы и затрудняло движение. В минуты неудач на фронте части думали, прежде всего, о спасении своего добра, и поезда с войсковым имуществом тормозили и нарушали всякую планомерную эвакуацию. Как то зимою нам пришлось наблюдать в Ростове поезд одного популярного (военачальника⁷¹), следовавшего на отдых со своими «ребятами». Это был поезд-гигант из многих десятков вагонов, груженных мануфактурой, сахаром и разными другими припасами. На время ими были забиты все пути ростовского вокзала»⁷²). Смененный в ноябре 1919 года ген. Врангелем, командующий Добровольческой Армией ген. Май-Маевский несомненно выражал господствующее в армии убеждение, когда доказывал ген. Врангелю: «Помилуйте, на войне начальник для достижения успеха должен использовать все, не только одни положительные, но и отрицательные побуждения подчиненных... Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они и воевать не будут»⁷³).

Этот поголовный, почти узаконенный грабеж стал «бытовым явлением» в рядах Добровольческой армии. Прорвавшийся вместе с добровольцами всю кампанию журналист Г. Раковский беспощадно характеризует в своей книге тот «безудержный грабительский разгул, которому предавались воинские части во время своего победоносного продвижения на север. Грабежи были возведены в систему. На них до по-

⁷¹) Речь идет о ген. Мамонтове, возвращавшемся из своего приобретенного громкую известность кавалерийского «рейда» в глубокий тыл противника. Ген. А. И. Деникин отмечает в своих воспоминаниях, что «аполотеты генерала Мамонтова исчисляли обоз корпуса протяжением в 60 верст» (Очерки русской смуты, т. V, стр. 122).

⁷²) К. Н. Соколов. Правление ген. Деникина. Стр. 193-194.

11 декабря состоялась на ст. Ясиноватая встреча ген. Врангеля с командующим Донской армией ген. Сидориним. Со слов последнего, Г. Н. Раковский передает такую характеристику, данную ген. Врангелем состоянию Добр. Армии: «Отдельные полки имели по двести вагонов различного имущества... Военная добыча отправлялась в тыл, ее сопровождали в большом количестве офицеры, масса различных воинских чинов, для ликвидации этого имущества, для разного рода спекулятивных операций». Г. Раковский. В стане белых. Константинополь 1920, стр. 39.

⁷³) Ген. П. А. Врангель. Записки, ч. I, ж. «Белое дело», V, стр. 190.

следнего времени никто не обращал внимания. Грабили солдаты, грабили офицеры, грабили многие генералы, получившие, благодаря услужливой «осважной» печати, даже репутацию народных вождей и героев. Приезжали потом в тыл, предавались дикому разгулу, швыряя миллионами, а там снова отправлялись на фронт, руководимые не столько идейными соображениями, сколько жадной наживы»⁷⁴). И, уже предвидя близкий развал, будущий главнокомандующий ген. Врангель писал ген. Деникину: «Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, имея начальников, которые примером своим развращали войска, — такая армия не могла создать Россию»⁷⁵).

Однако, тот-же ген. Врангель и сам сознательно не брезгал ставкой на грабительские инстинкты своей армии. Когда понадобилось вдохновить войска на штурм Царицына, он в приказе от 8 мая 1919 года недвусмысленно написал о «несметных богатствах» Царицына⁷⁶) — и откровенно признал впоследствии в своих «Записках», что делал это совершенно сознательно. «Разоренные и разграбленные большевиками казаки справедливо хотели вернуть свое добро. Этот стимул несомненно приходилось учитывать. В приказе моем войскам, говоря о накопленном противником несметном добре в Царицыне, я и сам это учитывал»⁷⁷). Да и сам ген. Деникин, повидимому, мало заблуждался насчет истинного характера возглавляемой им армии. Еще 26 июля 1919 года, в самый разгар победоносного продвижения Добровольческой армии по Украине, ген. Деникин, принимая депутацию четырех еврейских общин, дал уничтожающую характеристику своей армии». «Трудно ожидать чего-либо хорошего от людей совершенно оподлившихся, чрезвычайно падших в моральном смысле. Ведь тот факт, что этот люд попал в армию не по мобилизации, не делает его лучше; это, ведь, не добровольцы, идейно шедшие в армию, за каждого из которых я мог поручиться, это ведь — сброд»^{*}).

В неменьшей мере укоренилась традиция грабежа и в другой составной части Д. А. — среди казаков, кубанских, донских, терских, — составлявших ее наиболее сильное количественно ядро. Традиция эта полностью отвечала всему привычному военному быту казачества, его вожделениям и

⁷⁴) Г. Раковский. В стане белых. Константинополь, 1920 г., стр. 113.

⁷⁵) Г. Раковский, В стане белых. Константинополь, 1920 г., стр. 23.

⁷⁶) Ген. П. А. Врангель, Записки, т. I, стр. 143.

⁷⁷) Там же, стр. 156.

^{*}) См. в отделе документов (приложение) запись беседы ген. Деникина с евр. делегацией.

навыкам. Прекрасно знающий дух и нравы казачьей среды, сам донской казак, влюбленный в казачество, бывший донской атаман ген. П. Н. Краснов, с полной откровенностью характеризует эти казачьи свойства: «Жадный до наживы кубанский казак боготворил тех вождей, которые добычей считали не только оружие и снаряды, но и имущество магазинов и кооперативных лавок занятых городов и сел, которые налагали на жителей контрибуции, взыскивали их и делились полученными деньгами с казаками. Такими вождями были генералы Покровский и Шкуро... Пока в его (Покровского) отряд входили Донские части, между кубанцами и донцами были постоянные споры из-за добычи... Покровский и Шкуро нравились кубанцам. Они отвечали и духу Добровольческой армии — духу партизанскому»⁷⁸). Эти свойства были, впрочем, присущи не одним только кубанским казакам⁷⁹). Описывая любовно свою же Донскую армию, тот же ген. Краснов, несколько раньше, пишет: «Добыча, из чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчас же шла — одежда и оружие на пополнение отряда, а остальное отправлялось в станицу к себе, в дома или в общую станичную казну»⁸⁰). В полном соответствии с этой характеристикой находится следующая телеграмма героя знаменитого кавалерийского «рейда» вглубь России, ген. Мамонтова, датированная — Ст. Грязи, 25-го августа и с торжеством напечатанная добровольческой прессой: «Посылаем привет, возем родным и друзьям богатые подарки, войсковой казне 60 миллионов рублей»⁸¹).

Эта укоренившаяся в Добровольческой армии традиция почти узаконенного грабежа сыграла роковую роль в еврейских погромах. Представление о допустимости и нормальности самоснабжения «по способу Валленштейна» получило в еврейских городах и местечках самое широкое развитие и стало незыблемым достоянием не только рядовых добровольцев и казаков, но и подавляющего большинства офицерского состава, принявшего самое активное участие в погромах. По общему правилу, офицеры добровольческих и казачьих частей не только не удерживали своих подчиненных от грабежей и насилий, но показывали им пример, являлись их вдох-

⁷⁸) П. Н. Краснов, Всевеликое Войско Донское; «Архив русской революции». Т. V, Берлин 1922, стр. 256-257.

⁷⁹) Бсевой офицер Добровольческой армии рассказывал Андре де-Ланжерону: «Лучшие атаки против большевиков у нас бывают 15-го числа; казаки знают, что утром к 15 каждого месяца большевики получают жалованье». М. С. Маргулис, Год интервенции; кн. I, стр. 249.

⁸⁰) П. Н. Краснов, назв. ст., стр. 225.

⁸¹) Газ. «Русь» (Киев) № 18, от 2/15 сентября 1919 г.

новителями. Почти все сообщения из погромленных мест содержат указания на руководящую роль, какую играл командный состав в добровольческих погромах⁸²⁾.

В Борзне (Черниговск. губ.), вторично занятой добровольцами, офицеры Ингерманландского и 2-го Конного Гусарского полка совершали невероятные насилия и издевательства над еврейским населением. «Во всех этих зверствах, наравне с озверелыми солдатами, принимали участие и «аристократы»-офицеры, и когда не вытерпевшая этого кошмара женщина-врач Леба (христианка), на глазах которой офицер избивал Д. Иоффе, а впоследствии изнасиловал его 13-летнюю дочь, обратилась к нему крайне возмущенно: «Что вы делаете!» — последовал ответ, что она, очевидно, не знакома с программой Добрармии, которая гласит, что «жидовские защитники расстреливаются на месте»⁸³⁾. В Борисполе (Полтавской губ.) «офицеры участвовали в погроме наравне с солдатами. Группа офицеров с одной из «сестер милосердия» разгуливала по местечку, приговаривая: «Так им и надо, по заслугам»⁸⁴⁾. «Офицерский состав всех расквартированных в Борисполе частей (Литовский полк, Кексгольмский батальон, Петроградский полк и Волчанский отряд) подавали пример нижним чинам, которые грабили евреев на «законном основании», ссылаясь на командный состав»⁸⁵⁾. В Городище (Киевской губ.) штабс-капитан Светский, дав «честное слово русского офицера», что погрома не будет, «сам начал грабить богатые еврейские дома и вывозить вещи»⁸⁶⁾. В Кривом Озере (Под. губ.) «офицеры руководили солдатами при большинстве убийств. Они же совершили первое убийство семьи Теплицкого — по показанию главы семьи»⁸⁷⁾. В Тетиеве (Киевской губернии) офицеры, принадлежавшие к высшей аристократии (кн. Голицын, Львов и друг.) в декабре 1919 г., при отступлении, «вместе с простыми солдатами принимали участие в самых диких грабежах и насилиях»⁸⁸⁾. Во время пребывания в Смеле знаменитого конного Дроздовского полка,

⁸²⁾ Небезызвестный по погромным подвигам своих частей ген. Шкуро свидетельствует, что «волна погромов объясняется отчасти и тем, что часть офицерства, переменявшаяся в своем составе, также склонна теперь к погромам»; «Евр. Трибуна», 5/IV 1920 г., № 15

⁸³⁾ Центр. архив; сообщение председ. Борзненской еврейской общины Я. Расновского.

⁸⁴⁾ Центр. архив; показание Б. Райскина и Хорощанского о Борисполе.

⁸⁵⁾ Центр. архив; показание пом. пров. З. Райскина.

⁸⁶⁾ Из материалов Красного Креста; показание Зейдеса.

⁸⁷⁾ Доклад Комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от погрома в м. Кривое Озеро (Центр. Архив).

⁸⁸⁾ Центр. архив; сообщение курсистки Б. Каштелян «Тетиев в 1919 г.».

в погроме «главное участие принимали офицеры, солдаты были уже наиболее милостивые». Особенно выделялся помощник коменданта полка Ульянов, «человек, необыкновенной жестокости и порочности», который к тому же потребовал от общественного раввина Смелы: «отправьтесь сейчас на ст. Смела к генералу, квартирующему там в отдельном вагоне, и реабилитируйте нас, офицеров. Сообщите, что дроздовцы себя идеально ведут, держат охрану и что в местечке полное спокойствие»⁸⁹). Женщина-врач С. Марголин из Смелы рассказывает жуткие подробности о пребывании в ее доме, в течение нескольких часов, группы казаков во главе с двумя офицерами⁹⁰). «У одного из офицеров было очень интеллигентное лицо á la Чернышевский, другой имел бритую, сытую физиономию артиста». Последний, на вопрос, куда они едут, ответил, что «направляются в Москву против разжиревших евреев-спекулянтов и против всех комиссаров». После того, как весь отряд накормили, офицер «встал из-за стола и вместо слова «спасибо» сказал: «организуйте». Сейчас же несколько человек подбежало к лежащему в кровати шурина, стащили его с постели, раздели сапоги и при громком хохоте кругом заставили его плясать казачка, ударяя его нагайками по босым ногам». Сам же офицер, в свою очередь, «принялся за грабеж самым добросовестным образом. Увидев меня, он показал мне, что в кармане у него много золота и серебра, и в это время клал много безделушек и разных вещей из шкафа в карман. Вдруг он обратился ко мне и заявил, что он много людей уже зарезал, что он прекрасный хирург по ровному отрезыванию голов и делает это лучше доктора и что он верный кандидат на Камчатку. Забрал он все докторские инструменты, медикаменты, бинты». В Прилуках (Полт. губ.) командир лейб-гвардии Семеновского полка, по свидетельству солдат этого полка, при виде солдата в рваных сапогах, заявил ему: «Что, ты не можешь зайти к какому-нибудь жиду и снять с него сапоги?»⁹¹).

О поведении офицеров в Белой Церкви сообщает ряд фактов доктор Б. В присутствии д-ра Б. прародник Кузьмичев рассказывал своим товарищам-офицерам со всеми подробностями о том, как он изнасиловал 10-летнюю еврейскую девочку, как она его целовала, прося пощадить ее жизнь. Грабежи же были самым обыкновенным явлением. Когда офицер Яковлев обратился к полковнику 2-го батальона 2-ой

⁸⁹) Центр. архив; показание общественного раввина г. Смелы г. Мена.

⁹⁰) Центр. архив; «Деникинщина в Смеле», показание женщины врача С. Марголин.

⁹¹) Из материалов Красного Креста.

Пластунской бригады с просьбой дать материю на костюм, тот ответил: «Таци у жида, за это не наказывают». Этот совет свято выполнялся офицерами всех частей. Не брезгали ничем. Подъесаул Кундо награбил и имел у себя в вагоне 6 лисьих шуб и золотые часы, взятые у евреев. Подъесаул 4-ой сотни Подшивалов притащил к себе в вагон из еврейской квартиры пианино. Прапорщик Инжуаров, показывавший докторский значек, грабил, так сказать, по специальности: у евреев-врачей. В присутствии фельдшера Салтия и д-ра Б. он хвастал, что у него зубоврачебных инструментов на 40.000 рубл. Сотник Живодеров забрал у еврея корову и продал ее за 22.000 рублей романовскими деньгами⁹²⁾. И так без конца. В Конотопе (Черниг. губ.) 7 офицеров ворвались в квартиру Моисея Сироткина, избили всю семью, старухе Сироткиной отрубили руку, изнасиловали девушек-дочерей и стали рубить их пашками. Затем они заперли всех в комнату и начали стрелять в окна и двери. При стрельбе были убиты дочери Сироткина: Соня 28 лет и Эстер 26 лет⁹³⁾. В Кременчуге (Полт. губ.), по свидетельству городского головы А. Санина, офицеры 1-ой Кубанской Казачьей дивизии грабили вместе с казаками. Лишь «в отдельных случаях некоторые казачьи офицеры урезонивали казаков»⁹⁴⁾. В Фастове офицеры Терской бригады сами заходили в квартиры и тоже грабили⁹⁵⁾. К раввину Фастова Клигману, содержавшему аптекарский склад, вошли 3 офицера и потребовали, чтобы им дали одеколон. Когда им ответили, что одеколону нет, они стали обыскивать квартиру, причем забирали, что попадало им в руки: белье, одежду, наличные деньги, папиросы и проч.⁹⁶⁾. Обследовавший Фастов после погрома русский журналист Ив. Деревенский приводит, со слов потерпевших, ряд фактов об участии офицеров в грабежах. У еврея Гуральника два офицера, один прапорщик и другой поручик, потребовали, под угрозой расстрела, 10.000 руб. (получили 6000). У Гейерман офицер лично забрал столовое серебро. У Потиевского офицер снял с руки золотое кольцо. В погрузке на подводы пианино, забранных из квартиры Гуртовых, Годика

⁹²⁾ Из материалов ЕКОПО.

⁹³⁾ Центр. архив; материалы о Конотопе при добровольцах.

⁹⁴⁾ Из материалов Кременчугской еврейской общины. В Томашполе (Под. губ.) еврейская депутация, прорвавшаяся в офицерское собрание, чтобы умолять о защите, застала офицеров обсуждающими, как лучше убивать евреев, саблём или веревкой; см. материалы ЕКОПО; показание Левина и Гохгелернтера.

⁹⁵⁾ Центр. архив; сообщение равв. Р. М. Клигмана.

⁹⁶⁾ Там-же.

и Червинского, принимали участие лица в офицерской форме. «В общем, все потерпевшие утверждают, что офицеры также принимали участие в погроме, не отставая от солдат»⁹⁷⁾.

В Тульчине (Под. губ.), по свидетельству украинского хорунжего Шероцкого, грабежи «чинили вместе с солдатами и офицеры 42-го Донского Казачьего полка»⁹⁸⁾. В м. Яблонуво (Полт. губ.) официальное расследование погрома, произведенное по распоряжению лубенского начальника гарнизона полк. Рожаневича специальной комиссией, точно установило, что погром происходил при «полном бездействии начальствующих лиц, а в некоторых случаях и при преступном содействии последних. Удалось выяснить даже фамилии некоторых офицеров, принимавших участие в этом кровавом деле».

Конечно, не все офицерство вело себя таким образом. Материалы благодарно сохранили отдельные случаи — редкие исключения — заступничества добровольческих офицеров за евреев.

В Фастове «нашлись 2 офицера, которые по собственному почину вели упорную борьбу с бесчинствами. Они часто ночью появлялись на крик истязаемых, верхом и разгоняли громил. Во дворах, где находились их квартиры, ютилось немало еврейских семейств». Начальник пулеметной команды поручик Илюшкин убедил казаков своей сотни защитить от погрома целый участок, где были расположены мельницы, и тушить пожары. Тот же Илюшкин после погрома «очень много сделал в смысле распределения пострадавшего населения по пунктам, питания голодных, распоряжался уборкой трупов и т. п.»⁹⁹⁾. В Кременчуге начальник 5-ой пех. дивизии и комендант ген. Оссовский сам с револьвером в руках ездил разгонять громил¹⁰⁰⁾. В Ельце «среди офицерства некоторые заступались за евреев»¹⁰¹⁾. В Могилев-Подольске офицеры «выступали с увещеванием громил»¹⁰²⁾. В Белгороде (Курск. губ.) офицеры полка имени полк. Маркова, которых было в городе несколько десятков, «заступались за евреев, когда до них доходили крики о помощи»¹⁰³⁾. В Ва-

⁹⁷⁾ Там-же; доклад Ив. Деревенского о погроме в Фастове.

⁹⁸⁾ «Витяги з документів, які в оригіналах хороняться в Головному Військово-Історичному Музею-Архіві»; изд. Украинск. Генер. Штаба (в дальнейшем для краткости именуется «Витяги»).

⁹⁹⁾ Доклад Ив. Деревенского.

¹⁰⁰⁾ Сообщение бывш. Гор. Головы г. Кременчуга А. Санина.

¹⁰¹⁾ Из бюллетеня «Об-ва Ремесленного и Земледельческого Труда», № 3, Петроград, декабрь 1919 г.

¹⁰²⁾ «Еврейская Мысль», 1920 г., № 29.

¹⁰³⁾ Из материалов Юридической Консультации при Совете Харьковской еврейской общины; показание В. Г. Гринберга.

силькове (Киевск. губ.) командир 3-го Осетинского полка безрезультатно протестовал против грабежей Волчанского отряда; между осетинами и волчанцами возникла даже перестрелка, в результате которой волчанцы на той улице, где стояли осетины, были прогнаны и даже были арестованы 5 солдат-волчанцев, один вольноопределяющийся и один офицер; вскоре они, впрочем, были, по просьбе командира Волчанского отряда, отпущены ¹⁰⁴⁾.

Этими 5—6 случаями исчерпываются все факты исполнения офицерами Добровольческой армии своего офицерского и человеческого долга. Во всех остальных случаях офицеры ничем не отличались от рядовых, часто превосходя их в утонченной жестокости.

На всех своих иерархических ступенях, от рядового и до начальников частей, Добровольческая армия была участницей погромов. Одни убивали и грабили сами, другие — только грабили, третьи — принимали участие в дележе добычи, четвертые попустительствовали громилам или покрывали их. В результате создалась своеобразная круговая порука в погромном деле, превратившемся в естественное и привычное «бытовое явление». В представлении добровольческих частей прочно укоренилось сознание права на погром в течение первых 24 или 48 и больше часов после занятия любого города с еврейским населением. Это «право», конечно, неписанное, и его нельзя найти ни в каком официальном приказе или документе. Но ссылка на него до того часта и трафаретна, до того систематически повторяется во всех почти разгромленных пунктах не только казаками и солдатами, но и лицами командного состава, что, при самом осторожном и критическом отношении к этому «гласу народа», следует с уверенностью признать наличие некоего о б ы ч н о г о п р а в а этого рода. Родилось ли это «право», как бытовое обобщение неизбежных фактов, или эти факты были, в свою очередь, порождены и упрочены сознанием «законности» погрома в первые после занятия города дни, — это вопрос трудно разрешимый. Но совершенно несомненным представляется самое существование этого узаконенного практикой обычая. О нем неизменно говорится во всех почти сообщениях и докладах о погромах.

«Позже было установлено, что был приказ свыше «погублять» в течение 24 часов», — сообщают из Корсуни (Киевск. губ.)¹⁰⁸⁾. В Кременчуге комендант города ген. Оссовский (лич-

¹⁰⁴⁾ Из материалов Центрального Комитета Помощи; сообщение М. Г. Местечкина.

¹⁰⁵⁾ Центр. архив; сообщение зубного врача Хинчина.

но, между прочим, боровшийся с погромщиками и с револьвером в руках ездивший их разгонять) открыто сказал посетившей его депутации, что казакам город отдан начальством на три дня¹⁰⁶). Генерал Ирманов же прибавил, что, по его мнению, «происходящие события совершенно соответствуют порядку вещей, так как город завоеван»¹⁰⁷). В Могилев-Подольске комендант города открыто заявлял, что «вступивший первым в город отряд, как не получающий жалованья и рискующий жизнью, должен сам себя вознаграждать»¹⁰⁸). Вообще командный состав вполне откровенно прокламировал это «право на погром». Когда в м. Городище (Киевск. губ.) Комитет общественной безопасности обратился к коменданту Светскому с залпросом, когда будет положен конец погромам, тот ответил, что казакам дана воля в течение 48 часов «для наших целей»; срок этот истек в воскресенье 10 августа в 4 часа пополудни¹⁰⁹). Относительно Фастова же врач 2-ой Терской Пластунской бригады д-р Снисаренко передавал Х. Гофману, что начальник бригады полк. Белогорцев издал приказ, по которому Фастов (т. е. добро еврейского населения Фастова) отдается, как военная добыча, тем казакам, которые его возьмут¹¹⁰). Это подтверждает в частном письме и местный общественный деятель А. Годик: «Интересно, — пишет он, — что среди целого ряда мотивов погрома указывается на следующий «законный повод»: местечко взято с боем от неприятеля, и потому все, что оставлено было неприятелем в местечке, составляет военную добычу, которую и разделили между собою казаки. При таком юридически законном обосновании самого акта понятно, почему у Шкуревича совершенно свободно перешиваются еврейские шубы, почему в последних расхаживают казаки с винтовками через плечо, почему полные вагоны с вещами, мебелью и др. были увезены неизвестно куда»¹¹¹). В Белой Церкви (Киевск. губ.) фельдфебель объявил, что разрешает казакам 3 дня хозяйничать в еврей-

¹⁰⁶) Из материалов Харьковской евр. общины; показание журналиста Г. С. Соболева.

¹⁰⁷) Показание бывш. Городского Головы г. Кременчуга А. Санина.

¹⁰⁸) Доклад Могилев-Под. районного комитета помощи постр. от погромов Кишиневскому центральному комитету.

¹⁰⁹) Из материалов Красного Креста; показание Зейдеса.

¹¹⁰) Центр. архив; доклад Х. Гофмана. Украинец Д. Гогмонів сообщает также, что при взятии Фастова партизанская сотня получила от своего командира корнета Кирилова разрешение грабить местечко в течение двух часов, «такое-же разрешение получили и другие части» (см. «Витяги», стр. 48).

¹¹¹) Центр. архив; письмо А. Годика к Э. Гуртовскому от 24 сентября 1919 г.

ских квартирах¹¹²). В Черкассах (Киевск. губ.) «казаки говорили, что им разрешено грабить до приезда Главного Штаба и высшего начальства», и в присутствии черкасской жительницы С. Л. Беккер один казак заявил в четверг 21-го августа, что «больше этих эксцессов не будет, так как прошел уже срок»¹¹³). «Казаки открыто говорили, что им разрешено грабить евреев три дня»¹¹⁴).

Добровольческая военная среда насквозь была пропитана этим сознанием «права на погром» и слагалась из опытных мастеров погромного дела. Вскоре, однако, в нее влился новый элемент, далеко превосходящий ее в этом отношении и имеющий за собою несравнимо больший и более длительный погромный стаж.

В истории погромов последних годов на Украине одна из наиболее кровавых страниц вписана многочисленными так называемыми «атаманами», которые во главе различных банд буквально залили кровью всю еврейскую Киевщину, Подолию, Волинь, Екатеринославщину, Полтавщину и Херсонщину. С некоторыми из этих заведомых бандитов добровольческое командование не постеснялось вступить в официальный союз. Не имеющие никаких убеждений и готовые служить каждому, кто даст им возможность грабить и убивать евреев, эти «атаманы», вчера еще в большинстве своем объявлявшие себя ярыми украинцами и самостийниками, быстро перешли на сторону Добрармии и были ею признаны, как союзники и соратники в борьбе с большевиками.

Наиболее скандальным явился в этом смысле союз добровольцев с известным бандитом и погромщиком атаманом Струком.

Политическая карьера Струка свидетельствует о крайней «гибкости» этого типичного перелета смутного времени. Выступил он на арену в качестве ярого украинского националиста и самостийника. В последние недели владычества гетмана он предлагает свои услуги в качестве агитатора и организатора повстанческих отрядов ближайшему петлюровскому штабу в Гостомысле, и через 2-3 недели организует такой отряд, во главе которого терроризует и громит еврейское население всего Чернобыльского уезда. В этот период Струк — ярый украинец. Вместе с атаманом Лазнюком выпускает он высокопарное воззвание о самостийной Украине, устраивает самостийнические манифестации. В Чернобыле и в Иванкове он приказывает, чтобы все вывески были перепи-

¹¹²) Сообщение уполномоченного Красного Креста Г. И. Рабиновича.

¹¹³) Центр. архив; показание С. Л. Беккер.

¹¹⁴) Центр. архив; показание инж. И. Розина.

саны на украинский язык и т. д. Но стоит петлюровской власти попытаться положить конец беспечальному погромному житью Струка и его банды и потребовать его на антибольшевицкий фронт, — как все «украинофильство» Струка испаряется. Уже в выпущенном 10-го февраля 1919 года воззвании «К гражданам Чернобыльского Уезда» Струк уговаривает всех, что наступающих большевиков «нам бояться нечего, ибо это такие же люди, как мы, и борются также, как мы, с капиталистами и буржуазией за право бедного люда». «Кроме того, — предусмотрительно прибавляет он, — с нашей стороны приняты все меры, чтобы войти с ними в соглашение». И действительно, он вступает в переговоры с представителями большевиков Трипутиным и Бусяцким. Последние с небольшим отрядом прибывают в Чернобыль; устраивается манифестация, на которой Струк выступает уже в матросской форме с красными звездами на груди и в фуражке, под развевающимся красным знаменем: «Смерть буржуазии, да здравствует Советская власть» и произносит пламенно-большевицкую речь. Он выпускает воззвание к «товарищам-беднякам» с призывом к «поддержанию наших борющихся бедняков в лице справедливой Советской власти, которая единственно только пришла на помощь и выручку нас, как братьев на Украине»¹¹⁴). Воззвание подписано, кроме Струка, как «атамана 1-го Революционного Партизанского Повстанческого полка», также «политическим комиссаром полка» Бусяцким и «Сотрудником Центрального Бюро Коммунистических организаций оккупированных местностей» П. Георгиевским.

Однако, и этот большевицкий роман Струка непродолжителен. И расстраивается он по той же причине, что и союз с Петлюрой: из Киева начинают требовать, чтобы Струк с отрядом отправился на фронт. Эта перспектива не улыбается Струку. И он опять изменяет, занимает резко антибольшевицкую позицию, и уже 29-го апреля 1919 г. выпускает в Чернобыле воззвание с призывом «защищать свою рідну Неньку-Украину, свое право, свой язык, свою культуру» и помнить, что «мы боремся против коммуны, московского и жидовского засилья». Будучи разбит в мае 1919 г. советскими войсками, Струк снова делает попытку к примирению с большевиками. В начале июня он посылает военному комиссару официальное письмо о том, что просит выслать делегацию для переговоров о мире. Предложение это большевиками, однако, принято не было. Просуществовав тогда не-

¹¹⁴) Центральный архив материалов о погромах; отдел документов, воззвания Струка (печ. экз.).

сколько месяцев самостоятельно, Струк, с появлением добровольцев, переходит на их сторону.

Предполагать, что добровольческим властям, не погнушавшимся союзом со Струком, не было известно его пестрое бандитское прошлое, не приходится. Тем более, что они официально были оповещены об этом специальным заявлением не-еврея, крестьянина Чернобыльского уезда Прокофия Мельниченко, который в поданных на имя Начальника войск киевского направления ген. Бредова, Киевского губернатора, прокурора киевского окружного суда и начальника киевской контр-разведки заявлениях определенно обвинял Струка в грабежах, убийствах и шпионстве в пользу Петлюры. Аналогичные представления лично сделал ген. Бредову председатель Киевского областного комитета «Союза Возрождения России» проф. Д. Н. Одинец, в руках которого находились все материалы о прошлой деятельности Струка, не исключая изданных им погромных прокламаций¹¹⁵). Высшее Добровольческое командование в Киеве само отлично знало, кто такое Струк: ген. А. И. Деникин опубликовал в своих воспоминаниях следующую выдержку из письма ген. Драгомирова из Киева, от сентября 1919 г., которая гласит: «Наибольшее зло — это атаманы, перешедшие на нашу сторону, вроде Струка. Это типичный разбойник, которому суждена несомненно виселица. Принимать их к нам и сохранять их отряды — это только порочить наше дело»¹¹⁶). Это, однако, не помешало ген. Бредову поручить Струку организовать «Первый малороссийский партизанский отряд» и произвести его в чин полковника этого отряда¹¹⁷). И Струк начал свою «патриотическую деятельность».

На столбцах киевской печати и на стенах домов появилось воззвание за подписями известных своей погромной деятельностью повстанческих атаманов Струка, Клименко, Закусило, Кожа, Приходько и Лазаренко. Воззвание это, одобренное добровольческой цензурой, содержало ряд определенно погромных призывов. Обращаясь к «Братьям-селянам», воззвание запугивало их: «Троцкий-Бронштейн заколотит православные храмы, разделит между своими единоверцами наши тучные земли, превратит нас в рабов до скончания века». И отсюда делался вывод и призыв: «Смерть Нехамкесам и Бронштейнам и всем татам, ворвавшимся в твой дом... Долой

¹¹⁵) Документы эти были предоставлены Центральным архивом материалов о погромах на Украине, находившимся тогда в Киеве (назывался тогда «Редакционной Коллегией по собиранию материалов о погромах»).

¹¹⁶) Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 134.

¹¹⁷) «Русь», от 11/24 сентября 1919 г., № 26.

красную Иудову звезду... Все святые угодники зовут вас стать в ряды, чтобы в последний раз сокрушить дьявольское племя, дав жить свободно и веровать всем христианам».

В то же самое время, зная свою установившуюся погромную репутацию, Струк счел нужным «реабилитировать» себя. Письмом в редакцию киевской газеты «Объединение» он, «не отрицая, что были случаи, когда еврейское население страдало от повстанцев», переходит от обороны к нападению, выставляя заведомо провокационный тезис: «Это произошло лишь потому, что большинство солдат-красноармейцев состояло из евреев, уничтожавших и громивших наше имущество и наши семьи и проявлявших бесчеловечную жестокость в своих расправах». «Кроме того, — прибавляет Струк, — много темного элемента, изгнанного мною из моего отряда, пользовалось моим именем, производило бесчинства и бросало на меня тем тень плохой молвы». Обелив себя таким образом, Струк заявляет далее: «В настоящее время я со своим отрядом присоединился к доблестной Добрармии и переформировываю мой отряд в регулярную часть». И уже, как власть имущий, обращается к газете с недвусмысленной угрозой — «с просьбой, во избежание недоразумений, прекратить безответственную травлю и чернение партизан и меня и оставить столь приевшийся нам слог большевистских газет». Письмо заканчивается так: «Пусть мирное еврейское население не беспокоится за свою судьбу и возвращается на свои места»¹¹⁸).

В какой мере это внезапное превращение из Савла в Павла было серьезным, еврейское население имело возможность испытать не где-либо в глухой провинции, а в самом Киеве, средоточии военных и гражданских властей Добрармии. Словно нарочно, добровольческие власти назначили именно Струка районным комендантом Подола, еврейской части Киева, что равносильно было отдаче на его гнев и милость всего еврейского населения этого района. Струк этой возможностью воспользовался широко. Его штаб по Межигорской улице, номер 61, был форменным разбойничьим гнездом. В дни 1—5 октября 1919 года он взимал огромные

¹¹⁸) «Объединение», № 17 от 17/30 октября 1919 г. — Характерно, что несколько лет спустя атам. Струк, перебравшийся уже за границу (Чехо-Словакию?), вновь напомнил о себе: в берлинской газете «Руль» было в 1924 г. напечатано письмо в редакцию, подписанное им и атаманом В. Хмарой, в котором они выступили в роли «выборных уполномоченных бывшего 27 июля 1919 г. в сел. Свентов Съезде представителей 38-миллионного украинского крестьянства»(?), заявляя, что Украина должна войти в состав «Великого Комплекса будущей Всеукраинской Демократической «Федерации»... См. «Руль» от 29 августа 1924.

контрибуции с евреев; его повстанцы совершили бесчисленное число налетов. С 4 ч. дня Подол совершенно замирал. Никто не решался показываться. Все эти грабежи остались не расследованными и безнаказанными.

Погромная деятельность Струка в рядах Добровольческой армии не ограничалась, однако, одним лишь Киевом. Из целого ряда местечек стали доноситься вопли о струковских насилиях.

16-го сентября отряд Струка вошел в еврейскую колонию Рыкунь и начал «требовать у встречавшихся евреев золота и серебра, избивая всех шашками и нагайками». Четырех человек расстреляли¹¹⁹⁾.

18-го сентября Струк с отрядом вошел в мест. Дымер (Киевской губ.). Под угрозой погрома он получил от еврейского населения в виде контрибуции 18 штук птиц, 1000 штук папирос и 35.000 руб. деньгами (не имея денег, евреи обратились к местным крестьянам и продали им котел и другие принадлежности еврейской общественной бани). Как только Струк получил деньги, солдаты его рассыпались по местечку и начали грабить, разбивать мебель и обстановку, изнасиловали нескольких женщин, убили трех мужчин и одну женщину; над жертвами жестоко издевались, резали у стариков бороды, у Меера Эпельбойма вырезали на руках крест¹²⁰⁾. О бесчинствах струковцев упоминается в сообщениях из Корсуни (Киевск. губернии)¹²¹⁾.

Погромная практика Струка под знаменами Добровольческой армии продолжалась в том же темпе, что и в период его «деятельности» в качестве вольного бандита. Струк в полной мере показал, насколько может «мирное еврейское население не беспокоиться за свою судьбу и возвращаться на свои места». Но руководителей Добровольческой армии это ни мало не смутило. Уже после того, как выяснилась его «работа» в рядах Добрармии, Струк продолжал оставаться persona grata и выплыл вновь на поверхность, — на сей раз в Одессе. В самые критические для Добрармии в Одессе дни добровольческое командование вновь предоставило Струку вербовать в городе партизанский отряд, и на столбцах одесских газет появилось подписанное им воззвание «Ко всем православным». О боевых заслугах этого отряда на антибольшевистском фронте сведений не имеется, но в материалах Одесской еврейской общины хранится ряд показаний о том, как 22 ян-

¹¹⁹⁾ Из материалов Киевского Юридического Бюро при Комитете Помощи; показание Лейбы Лисицы.

¹²⁰⁾ Там же; показания М. Хабенского и Ш. Заярузного.

¹²¹⁾ А. Юдицкий, «Корсунь в 1919 г.» (Центр. архив).

варя 1920 г. струковские молодцы грабили еврейские магазины на Ярмарочной площади и Николаевской дороге. «Все то, что они не могли взять с собой или что им не годилось, они растоптали; стойки с пустыми коробками они жгли на площади». Убитых не было, так как все, кто мог, разбежались. Застигнутых же дряхлых стариков Боруха Зеличихиса с женой 70-ти лет бандиты «били, жгли свечами, заставляя сказать, где лежат деньги и где находится сын»¹²²⁾. Авторы заявления прибавляют: «Пострадала почти вся Ярмарочная площадь и Николаевская дорога. Остались такие бедняки, у которых даже нет на хлеб, помимо того, что они остались голыми и босыми».

Струк был, однако, не единственный бандит, с которыми объединялись в погромной деятельности добровольческие части. В районе Черкасс, занятых добровольцами 16—17 августа, к ним примкнули бывшие григорьевские банды (уваровцы), оперировавшие все время, с начала мая, в этом районе. Эти примкнувшие банды выделены были в особый «уваровский» отряд¹²³⁾ и оказались наиболее жестокими и беспощадными в своей погромной практике. «У казаков еще можно было вымолить пощаду, а уваровцы никого не щадили», — констатирует очевидец погрома в Черкассах¹²⁴⁾.

Тянутся нити своеобразной кооперации добровольцев и с знаменитым бандитом Зеленым. Подцензурное «Киевское Эхо» глухо, но недвусмысленно писало, что «с помощью добровольцев Зеленому удалось вытеснить большевиков из родных краев» и что он лишь впоследствии «начал бунтовать село против добровольцев»¹²⁵⁾. Ген. А. И. Деникин открыто признает, что «наша (добровольческая) киевская тайная организация по собственной инициативе связалась со штабом Зеленого в Триполье» и что туда к нему ездили добровольческие офицеры.¹²⁶⁾

¹²²⁾ Из материалов Одесской еврейск. общины; заявление А. Кричевского, Я и З. Бейгельшимера, Юдельсона, Л. Френкеля, А. Кесселя, Ш. Зингермана, М. Блиндера от 13 февраля 1920 г.

¹²³⁾ Сообщение С. Л. Беккер (Центр. архив).

¹²⁴⁾ Там же.

¹²⁵⁾ «Киевское Эхо», от 18/30 сентября 1919 г.

¹²⁶⁾ Очерки русской смуты т. V, стр. 132.

ГЛАВА VII.

Безнаказанность громил. — Грозные приказы ген. Май-Маевского, Ирманова, Слащева и их бесплодность. — Неискренность антипогромных приказов. — Отношение к погромам добровольческого командного состава. — Отсутствие реальной санкции у антипогромных приказов. — Устранение от должности ген. Хазова. — Безнаказанность погромного офицерства. — Залыблия ген. Деникина. — «Фонарная юстиция» в Крыму. — Случай военно-судебной кары и их благотворные результаты. — «Суд милостивый». — Отправка на фронт вместо наказания. — Военно-судебная борьба с погромами в провинции. — Суровые кары за насилие над христианским населением. — Роль гражданских властей. — Государственная Стража, ее участие в грабежах и погромах. — Бессилие Государственной Стражи в редких случаях борьбы с военными громилами. — Состав и характер добровольческой администрации на местах, ее антисемитизм. — Ген. Деникин и погромы. — «Еврейские комиссары». — Еврейская «круговая порука». — Вопрос об антипогромной декларации ген. Деникина. — Запоздалая телеграмма. — Непризнание своей вины. — Следственные комиссии. — Вопрос о следственной комиссии из представителей еврейства Америки и Зап. Европы. — Опасение иностранного вмешательства. — Представления иностранных кругов. — «Успокоение» европейского общественного мнения. — «Обработка» английских военных представителей. — Беззащитность еврейского населения. — Роль самообороны в предшествующих погромах и ее безнадежность при погромах добровольческих. — Отдельные случаи выступления самообороны. — Разоружение самообороны добровольческими властями.

Уже в первый, так сказать, подготовительный период погромов, когда добровольческие части еще только пробовали свои силы на погромном поприще и когда своевременной военной и судебной репрессией можно было в корне задуть эти попытки, — добровольческие военные власти проявили совершенное безучастие и попустительство. С тех пор погромный размах, поощряемый безнаказанностью, получил небывалое развитие вширь и вглубь. Чтобы обуздать его, необходимо было большое напряжение военно-судебной юстиции, систематическая и упорная беспощадная борьба со всеми про-

явлениями предупредительных и карательных мер. Ни о чем подобном не было и речи. Погромы происходили при полном безучастии и попустительстве добровольческих и центральных военных и гражданских властей.

Нельзя сказать, чтобы ощущался недостаток в направленных во вне декларативных заявлениях и приказах отдельных, — часто занимавших даже самые высокие посты, — начальствующих лиц Добровольческой армии, против погромов и антиеврейской травли. С внешней стороны эти заявления имели даже характер совершенной определенности и категоричности.

Командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский заявил посетившей его 23 июля 1919 г. депутации совета Харьковской еврейской общины, что «и все высшее командование, и сам он, стоя на точке зрения государственной и на почве строгой законности, никакой разницы между гражданами России разных наций не делают. Эксцессы, которые, к сожалению, имели место по отношению к евреям, ему известны и им приняты самые строгие мер»; также и впредь ген. Май-Маевский обещал «всей силой закона подавить всякий эксцесс, могущий разрушить правильное течение гражданской жизни»⁴⁾. В соответствии с этими обещаниями издан был 31 июля 1919 г. приказ за № 302, в котором заявлялось: «Под мощной защитой Армии (Добровольческой) всем гражданам, без различия состояний, национальностей и вероисповедания должно быть обеспечено спокойное существование, должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность; даже единичные случаи притеснения какого-либо класса населения, какой-либо национальности, например, евреев, не должны иметь места». «Начальникам всех степеней» предписывалось «принять настоящий приказ к строжайшему исполнению и руководству, привлекая к законной ответственности виновных в нарушении его».

Еще более декларативный и категорический характер носит приказ, опубликованный командующим фронтом Екатеринославского направления генералом от артиллерии Ирмановым. Констатируя факт «травли еврейского населения и подстрекательства темными антигосударственными элементами к грабежам и насилиям над евреями, как в городе, так и на линии железной дороги», ген. Ирманов заявляет: «Желая в корне пресечь различные национальные травли и розни и провести в жизнь декларацию Верховного Правительства Единой России Адмирала Колчака, Главнокомандующего вооруженными силами на Юге-России генерала Деникина, команду-

⁴⁾ Из материалов Харьковской еврейской общины.

щего армией ген. Май-Маевского и командира III корпуса ген. Шкуро о том, что нет ни правых, ни левых, ни эллина, ни иудея, а есть враги и друзья Единой Неделимой России, а также о том, что все равны перед законом, все получают одинаковую защиту закона, не считаясь с национальностью, — приказываю . . . всех лиц, замеченных в натравливании одной национальности на другую, задерживать и препровождать в комендантское управление для предания суду». В приказе специально упомянуто предписание «комендантам станций принять все меры к тому, чтобы лица всех национальностей, как-то: русские, поляки, евреи, немцы и другие одинаково пользовались защитой закона и свободой передвижения». За неисполнение приказ грозит ответственностью «по законам военного времени»²⁾.

Выпустивший этот приказ в виде отдельной листовки Киевский гарнизонный пункт военной пропаганды Добровольческой армии снабдил его даже декларативным motto, после подписи: «Все национальности равны перед законом. Все получают одинаковую защиту».

В высшей степени грозный приказ за № 19 по городу Черкассам, в свойственном этому генералу скорострельном стиле, опубликовал 30 октября 1919 ген. Слащев. В приказе он заявляет: «Граждане каких угодно политических убеждений и вероисповеданий, не губящих Единую Россию и работающих на нее, найдут во мне защитника, но бандиты, растлители несознательной массы и предатели, самовольно расчленяющие родину, пострадают жестоко. Мне приказано дать населению возможность жить спокойно, и я это выполняю. На зверства над мирными гражданами отвечу тем же. За уничтожение жилищ и за грабежи лицу бандитов их достоинства. Полумер от меня вы не увидите. Нарочно предупреждаю, а потом пеняйте на себя».

Все эти декларативные и угрожающие приказы остались, однако, совершенно фиктивной словесностью. Они, за редкими исключениями, нигде не возымели хотя бы частичного действия и ни в какой мере не смягчили остроты погромного шквала. Ибо, за всей их внешней категоричностью и кажущейся, показной суровостью таились два глубоких основных порока, сводивших на нет все их реальное значение.

Первым таким пороком, наперед парализовавшим успешность какой-бы то ни было борьбы с погромами, была глубокая неискренность тех заявлений, требований, угроз и т. д., с какими выступали в своих публичных декларациях

²⁾ «Киерлянин», 1919, № 27.

и приказах руководители Добровольческой армии. Те, по адресу которых обращены были эти приказы, ни в какой мере не заблуждались на этот счет. Они знали и были неизбежно уверены, что все это проделывается лишь для соблюдения аппаратов, что все это — невинная словесность, в убедительность и действительность которой не верят сами ее авторы. Самые строгие и категорические противопогромные приказы либо вовсе игнорировались, не читались, либо вызывали понимающую ироническую усмешку. Потому, что, естественно, не могли внушать доверия к искренности и серьезности своих заявлений и угроз приказы против погромов, подписанные военачальниками, которые вчера лишь агитировали своих подчиненных против «жидовских комиссаров», разнуздывали грабительские инстинкты и рассматривали занятые Добрармией еврейские города и местечки, как военную добычу, в отношении которой все дозволено.

На это обстоятельство не могут закрыть глаза даже самые далеко идущие апологеты Добрармии, сохранившие ей верность и до сих пор. В своей насквозь про-добровольческой книге С. Штерн, указывая на наличность ряда противопогромных приказов, вынужден откровенно признать, что «за этим всем не чувствовалось достаточно твердости, непреклонности, убежденности. Солдаты знали и видели и слышали, что часть офицеров открыто проповедует «жидотрепку» — как после этого было верить запрещениям переходить от слов к делу?»³⁾ И добровольческие части не верили. Когда же некоторые лица командного состава пытались лицемерно внушать им вред и бесчеловечность погромов, то бывали случаи откровенного указания на несоответствие этих проповедей совсем еще недавним заявлениям противоположного характера. Такой случай передает, со слов местной учительницы, фастовский общественный деятель И. Я. Берлянд. Учительнице этой пришлось присутствовать при том, как один из добровольческих полковников произносил речь перед офицерами и солдатами против еврейских погромов. Увещевая их прекратить кровопролития и грабежи, он им, между прочим, сказал: «Не говоря уже о том, что все это бесчеловечно, — ваши безобразия вредят нашему общему делу; ведь вся Европа смотрит на нас». На это один из присутствующих заметил: «Тут вы говорите так, а что вы нам говорите всегда на позициях?» Полковник густо покраснел, сел на коня и уехал, ничего не возразив⁴⁾.

При этих условиях, самые грозные и убедительные при-

³⁾ Сергей Штерн, В огне гражданской войны. Стр. 188.

⁴⁾ Центр. архив; «Фастовская резня» — записки И. Я. Берлянда

казы естественно оставались безрезультатными. Тем более, что сами авторы их при других случаях публично признавали погромы явлением естественным и законным. Мы приводили выше весьма красноречивый противопогромный приказ ген. Ирманова, оказавший несомненное влияние на прекращение погрома в Екатеринославе. Казалось бы, в искренности этого военачальника сомневаться не приходится. В то же время городской голова г. Кременчуга А. Санин сообщает, что когда в самый разгар погрома делегация Кременчугской Городской Думы «пошла к командиру корпуса ген. Ирманову, последний выслушал делегацию весьма невнимательно и заявил, что, по его мнению, происходящие события совершенно соответствуют порядку вещей, так как город завоеван»⁵⁾).

Командный состав Добровольческой армии, в подавляющем и наиболее влиятельном своем большинстве, определенно и недвусмысленно хотел погромов, сочувствовал им, был проникнут теми же чувствами в отношении еврейского населения, что и любой рядовой казак или доброволец-погромщик. Целый ряд высших чинов армии и не считал нужным скрывать эти свои чувства перед населением.

Начальник 1-ой Кубанской дивизии ген. Шифнер-Маркевич, приняв в Смеле еврейскую депутацию, особенно настаивавшую на прекращении вакханалии изнасилований, заявил в ответ: — «А разве я могу забыть, что жидовский комиссар в Ростове убил мою мать и мою сестру? Мои казаки озлоблены против коммунистов, а все коммунисты — евреи. Мы не можем допустить жидовского царства в России... Первые 4—5 дней мои ребята должны погулять. Ничего не поделаешь, мои казаки хорошие вояки, но и хорошие грабители. Убейте Троцкого, и все прекратится»⁶⁾). Неудивительно после этого, что тот же ген. Шифнер-Маркевич в Кременчуге, где насилия и грабежи производились первое время «исключительно казаками и отчасти офицерами 1-ой Кубанской Казачьей дивизии», «оказывал противодействие весьма вялое»⁷⁾). Присутствуя же при приеме ген. Ирмановым депутации Кременчугской Городской Думы, он «сначала отрицал все случаи, как грабежей, так и изнасилований, а впоследствии заявил, что единственное средство для населения бороться с грабежами это — наглухо затворять двери квартир

⁵⁾ Сообщение бывш. Гор. Головы г. Кременчуга А. Санина (христианин) Кременчугской евр. общине от 15 октября 1919 г.

⁶⁾ Протокол опроса г. Меня, обществ. раввина г. Смелы.

⁷⁾ Упом. сообщение б. городск. головы А. Санина.

и внутренних комнат, чтобы таким образом технически затруднить проникновение громил внутрь квартиры»⁸⁾...

В этих своих антиеврейских выступлениях ген. Шифнер-Маркевич был не одинок. По его стопам шел целый ряд добровольческих командиров разных степеней и рангов.

В г. Балашеве ген. Абрагамов в самый разгар погрома опубликовал и велел расклеить по городу приказ за своей подписью, в котором армия призывалось к борьбе с «жидовскими комиссарами» и коммунистами; при этом фраза «жидовские комиссары» повторялась очень часто и на все лады, — сообщает уполномоченный ОЗЕ (См. «Бюллетень Общества Рем. и Земл. Труда», № 3). Когда в Борисполе (Полтавской губ.) еврейская делегация, внесеня 30.000 «на нужды Добрармии», обратилась к начальнику гарнизона, полковнику гвардии Карпову, с указанием на ужасное положение, в котором в течение двух недель непрерывно находится еврейское население, Карпов ответил: «Вы страдаете каких-нибудь 14 дней, а мы от вас терпели все время. Убирайтесь вон!» Этот ответ дан был громко, в присутствии многих солдат и офицеров⁹⁾. В том же Борисполе полк. Дубинский, даже защищая семью Райскина, в то же время заявлял пытавшимся их убить солдатам, что «евреи действительно стреляли в Киеве в добровольцев и что даже здесь, в Борисполе, у синагоги найден спрятанный пулемет». Евреи, по его мнению, «заслужили ненависть и вражду всех русских». «Эти «факты», рассказывает Э. Райскин — подлили масла в огонь, и солдаты, выхватив шашки, хотели вторично броситься на нас и изрубить в куски, но полковник движением руки властно удержал их»¹⁰⁾. В Степанцах (Киевск. губ.) полк. Кибальчич заявил И. С. Слепаку, что «в Фастове — исключительно жидовские легионы, которые воюют с Добрармией; благодаря жидам мы (добровольцы) потерпели поражение у Фастова, но мы их теперь разбили, порезали и перевешали; ничего нет удивительного, что вас (евреев) не любят русские»¹¹⁾. Такого рода погромные заявления делались не только с глазу на глаз, но и публично. В заседании Борзненской Гор. Думы ротмистр конно-гвардейского отряда Добрармии Будда-Жемчужников заявил в своей вступительной речи, что «Добрармия идет в сердце России — Москву — убить жида Троцкого и компанию». Когда же в этом заседании гласный Третьяк произнес антисемитскую речь, обвиняя евреев в ком-

⁸⁾ Там-же.

⁹⁾ Центр. архив; показание Б. Райскина и Харощанского

¹⁰⁾ Центр. архив; показание пом. провизора Э. Райскина.

¹¹⁾ Из материалов Красного Креста; показание д-ра И. С. Слепака.

мунизме, ритуальных убийствах и открыто призывая к расправе над ними, все попытки гласных-евреев возразить ему «были в корне пресечены Буддой-Жемчужниковым»¹²⁾. В Хороле (Полт. губ.) комендант города Стессель, в ответ на просьбы прекратить погром, заявил посетившей его депутации: «Евреи заслужили этого»¹³⁾.

Прикомандированный к конной сотне при штабе 5-ой конной дивизии украинский хорунжий Тимошенко рассказывает, что в м. Рыбнице, во время погрома, устроенного частями этой дивизии (под начальством ген. Осоковского) и 2-го корпуса (под нач. ген.-адъютанта Пронтева), «ген. Осоковский и ген. Шевченко проезжали местечко и, глядя на грабежи, хохотали»¹⁴⁾.

Перед лицом этого убежденного и открытого жидоедства командного состава, естественно, бледнели и теряли всякое значение все декларативные противопогромные приказы. Проникнутые глубокой неискренностью, они так и воспринимались солдатами и офицерами, как неизбежная формальная дань отвлеченным принципам «порядка и законности». Всерьез их никто не принимал.

Вторым органическим пороком всей этой словесной «борьбы» с погромами с помощью даже самых грозных приказов был тот элементарный факт, что все эти приказы были абсолютно лишены какой-либо реальной санкции. Все те репрессии, которыми грозили приказы за неисполнение их категорических велений, либо оставались на бумаге, либо носили такой частью невинный, частью нерешительный и противоречивый характер, что погромная волна не встречала в них реального сопротивления.

Находящиеся в нашем распоряжении материалы о погромах Центрального архива весьма тщательно регистрируют все случаи административной или судебной кары для виновников или попустителей погромов. Можно с уверенностью утверждать, что почти ни один такой случай не остался без внимания. И вот к чему эти кары сводятся.

11-го августа 1919 г. Командующий Добровольческой армией ген.-лейт. Май-Маевский издал приказ по Добровольческой армии за № 325, гласящий: «За вялое ведение операции по овладению ст. Бобринская и Цветково, недостаток энергии и непринятие соответствующих мер к поддержанию

¹²⁾ Центр. архив; доклад бывш. председателя Борзненской евр. общины Я. М. Расновского.

¹³⁾ Из материалов Харьковской евр. общины; показание частн. поверенного Я. Д.

¹⁴⁾ «Витяги», стр. 7.

порядка в частях бригады, отчего произошел разгром пластунами еврейских лавок в м. Смела, командир 2-ой Терской Пластунской бригады ген.-майор Хазов отчисляется от должности командира бригады, с откомандированием в распоряжение войскового штаба Терского Казачьего войска. Во временное командование бригадой вступить Генерального Штаба полковнику Белогорцеву»¹⁵⁾.

Это — единственный случай устранения от должности и «наказания» кого-либо из высших чинов армии¹⁶⁾ за попустительство погрому. В десятках других случаев командиры бригад, дивизий и целых фронтов, повинные в «недостатке энергии и непринятии соответствующих мер» к подавлению погромов, не получили даже выговора. Но и в данном конкретном случае то «наказание», которому подвергнулся ген. Хазов, могло скорее усилить, чем ослабить уверенность погромных героев в своей безнаказанности. Приказ мягко именуется происшедшее в Смеле «разгромом еврейских лавок». В действительности же имел место форменный 5-дневный погром с убийствами (уже на второй день насчитывалось до 14 убитых¹⁷⁾, изнасилованиями, повальным грабежом. Умалая в официальном приказе объеме совершенного преступления, высший командный состав тем покрывал виновников. Еще в большей мере бросалась в глаза ничтожность наказания: увольнение от должности — без предания суду, без лишения чина или даже выражения порицания с занесением в послужной список; все ограничилось прикомандированием к Штабу, откуда, конечно, можно было без труда получить новое боевое назначение. Такая «кара» естественно могла лишь укрепить в отличившихся пластунах сознание безнаказанности. И действительно: уже через две недели части той же 2-ой Терской пластунской бригады учинили пресловутую кровавую резню в Фастове, а вновь назначенный начальник бригады, полк. Белогорцев, в должности начальника гарнизона г. Фастова, не только не попытался остановить своих пластунов, но сам путем вымогательства вынудил у еврейского населения взятку в 200.000 руб.¹⁸⁾.

¹⁵⁾ Газ. «Народное Дело», от 17 августа 1919 г. № 44.

¹⁶⁾ Приказом командующего Кавказской армией ген. Врангеля был осенью 1919 г. устранен от должности за «процветание грабежей и дезертирства в его бригаде» ген. Гейман. Но это было лишь предлогом. Действительной причиной смещения ген. Геймана был его положительный ответ на анкету о необходимости и возможности создания специальной Кубанской армии, что было весьма неудобно Добровольческому командованию. См. Г. Покровский, Деникинщина; изд. З. И. Гржебина, Берлин, 1923 г. стр. 167.

¹⁷⁾ Центр. архив; показание г. Меня, обществ. раввина м. Смелы.

¹⁸⁾ Центр. архив; показание Р. М. Клигмана, раввина м. Фастова.

Таковы были неизбежные результаты единственной карательной меры по отношению к высшему командному составу. Не менее печально обстояло дело и с мерами предупреждения и пресечения в отношении рядового добровольческого офицерства. И в этой области предпринято было до смешного мало. Этому бездействию и попустительству руководящие круги Добровольческой армии пытались дать своего рода «теоретическое оправдание», вытекающее из реальной обстановки, сложившейся в рядах армии. Это оправдание сводилось обычно к ссылке на невозможность активно бороться с погромами из боязни раздражать офицерство и вызвать еще худшие эксцессы.

Об этом вполне открыто говорил депутации от еврейских общин сам ген. Деникин. «Вы сумели совершить чудо, создавши могучую дисциплинированную армию, и Вам не трудно будет при помощи приказа заставить офицерство считаться с Вашими словами», — заявила ген. Деникину еврейская депутация. Ответ последовал недвусмысленный: «Слава Богу, если мои боевые приказы исполняются. Желать же сейчас, при данном составе и моральном уровне армии, большого — невозможно». Выразительным комментарием к этому неожиданному признанию своего бессилия Командующим всеми вооруженными силами Юга России может послужить более пространное и конкретное заявление известного кадетского деятеля В. А. Маклакова, явно носящее следы своего происхождения от кругов высшего командного состава. В беседе с ним члены Еврейской Политической Коллегии в Ростове на Дону выставили, в ряду других, требование о привлечении к ответственности всех виновных в погромах и об опубликовании во всеобщее сведение всех случаев наказания за участие в погромах. В ответ на это В. А. Маклаков заявил: «Привлечь всех виновных к ответственности, понятно, необходимо. Публикация об этом тоже, понятно, необходима. Для меня лично в этом сомнения нет, но я не могу не признать также точки зрения Деникина о чрезвычайной опасности этих мер, так как привлечение к суду и осуждение офицеров могут вызвать очень сильное неудовольствие в офицерской среде, и это может привести к отрицательным результатам. В Киеве был, например такой случай: двух офицеров за участие в еврейском погроме приговорили к смертной казни. Тогда явились офицеры к Драгомирову и заявили, что его приказ о расстреле двух офицеров будет приведен в исполнение, но зато весь Подол (еврейская часть города) будет снесен»¹⁹).

¹⁹) В какой мере этот эпизод был популярен и считался убедительным в высших кругах Добрармии, явствует из того, что он был в каче-

По сообщению ген. Хольмана, «оказалось, что можно, без нарушения дисциплины, заменить этим лицам казнь каторгой»²⁰).

Сам Главнокомандующий Киевской областью ген. Драгомиров передает этот эпизод несколько иначе. «Среди полного покоя», в предместьи Слободка 7 чинов Л. Гв. Егерского полка, — фельдфебель, взводные и младшие унтер-офицеры убили ночью трех евреев. Полевой суд приговорил их к каторжной работе, «хотя за это дело наказание одно — смертная казнь». «Я, — пишет ген. Драгомиров, — усилил наказание и определил расстрел. Это обстоятельство вызвало невероятное возбуждение во всех русских кругах, и в интеллигентных, и в народе. Пошли разговоры, что если приговор будет приведен в исполнение, то от Слободки не останется камня на камне. Посылались десятки ходатайств о помиловании. Митрополит Антоний лично приехал за них просить. Я наотрез отказался смягчить приговор. Тогда ночью, за несколько часов до расстрела, мне дали новое свидетельское показание, не фигурировавшее на суде, в котором оказались новые данные, в сущности, несколько не ослабившие основного преступления, но тем не менее такие, которые могли дать некоторое снисхождение. Тогда пришлось(!) приговор отменить и передать дело на вторичное рассмотрение Корпусного суда. Состояние умов было таково, что несомненно казнь этих семи солдат закончилась бы мезтью или в Слободке, или в другом каком либо месте»²¹). Этот эпизод успел даже обрасти легендой о том, будто к ген. Драгомирову явилась и депутация из нескольких представителей еврейского населения с просьбой не приводить в исполнение смертного приговора²²).

Эта откровенная капитуляция перед погромными и грабительскими элементами офицерства и прокламирование для них своего рода неприкосновенности навсегда останется уничтожающим документом для Главного Командования Добровольческой армии, свидетельствующим о совершенном отсутствии начал государственного правопорядка в его борьбе за восстановление России. Тем более, что сама эта ссылка на стве существенного аргумента внушен начальнику британской военной миссии при ставке ген. Деникина, — ген. Хольману, который повторил его в беседе с еврейской делегацией в Таганроге 4 (17) ноября 1919 г. В этой же беседе почти текстуально повторен был и аргумент о «бессилии» справиться с антисемитизмом армии: «Ген. Деникин говорил мне, что он все делает, но ничего не может сделать; он говорил мне: «Я ничего не могу поделать со своей армией; я рад, когда она исполняет мои боевые приказы».

²⁰) См. отдел приложений, беседу с ген. Хольманом.

²¹) Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 149.

²²) Сергей Штерн, В огне гражданской войны, стр. 189.

своеобразный фогсе тајегте офицерского террора и на бессилие перед ним высшего командного состава глубоко лицемерна и, как показывают факты, ни в какой мере не оправдывается действительным положением вещей.

Когда высшее командование действительно хотело добиться восстановления дисциплины в офицерской среде, оно добивалось этого, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами, — даже не всегда оправдываемыми необходимостью.

В своих «Записках» ген. Врангель красноречиво рассказывает, как в только что завоеваном Царицыне он, «не останавливаясь перед жестокими мерами, подавил безобразие и разгул в самом корне», воспользовавшись дебошем астраханского есаула с несколькими офицерами. «Суд приговорил есаула, известного пьяницу и дебошира, к смертной казни» и, «несмотря на ходатайство губернатора, астраханского войскового штаба и ряда лиц, приговор был приведен в исполнение и соответствующий приказ расклеен»... «После этого случая пьянство сразу прекратилось», — заключает генерал Врангель²³⁾. Столь-же решительно расправился он позднее в том же Царицыне с уличенным в цустьаках при эвакуации начальником станции — «повесил его, расклеив приказы об этом на всех ж. д. станциях»; после этого «эвакуация шла блестяще»²⁴⁾. В самый разгар развала армии, после Новороссийской катастрофы, добровольческое командование в Крыму ввело буквально скорострельную юстицию за самые ничтожные проступки офицеров. Участник «Крымской эпопеи», ведший свой дневник в поезде ген. Врангеля, открыто говорит о «фонарной деятельности некоторых генералов, отправлявших на фонари и трамвайные столбы офицеров и солдат старейших добровольческих полков чуть не за каждое разбитое в ресторане стекло, где эти, часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшиеся в эти дни люди искали в вине забвения и дурмана. Деятельность ген. Кутепова в этом направлении достигла в апреле месяце (1920 г.) таких размеров, что вызвала решительный протест представителей Симферопольского земства и города Симферополя, заявивших, что население лишено возможности посылать своих детей в школы по разукрашенным г. Кутеповым улицам»²⁵⁾. Сменивший ген. Деникина на посту Главнокомандующего вооруженными силами Юга России ген. Вран-

²³⁾ Ген. П. Н. Врангель, Записки, ч. I, ж. «Белое Дело, V, стр. 173.

²⁴⁾ Там-же, стр. 187.

²⁵⁾ А. А. Валентинов, Крымская эпопея (По дневникам участников и по документам), «Архив русской революции», т. V, Берлин 1922 г., стр. 9.

гель, принимая главного военно-морского прокурора Ранжина, «громко возмущался грабежами казаков» и «требовал беспощадной расправы над всеми начальниками частей, не сумевшими справиться с грабителями. О полк. Н. и, кажется, о Г. было сказано: — Повесть их там»²⁶⁾...

Этот упрощенный метод расправы даже за самые, сравнительно невинные проявления недисциплинированности прочно вошел в нравы Добровольческой армии в Крыму. И никто из офицеров, подвергавшихся позорной в военном быту казни через повешение, и никто из их товарищей и не подумал грозить террором за эту «фонарную» юстицию. Напротив, как свидетельствует А. Валентинов²⁷⁾, меры эти, вместе с решительно проводимыми «элементарными меропрятиями по оздоровлению армии» и «тем подъемом, который сумел создать своими выступлениями и приказами ген. Врангель», принесли серьезные результаты: «стихийная разнузданность, царившая в тылу в начале весны, к концу ее была сведена почти на нет» и «разгул, хулиганство и бесчинство, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены»²⁸⁾.

Призвать к порядку разнуздавшееся офицерство было, таким образом, возможно. Но для этого нужно было, чтобы высший командный состав взялся за дело всерьез, чтобы в военную среду твердо проникло сознание, что все это предельвается не для вида. Никаких «волнений среди офицерства» не было. Ссылка на них была лишь лицемерным предлогом для того, чтобы ускользнуть от необходимости карать за погромы, устройство которых сам высший состав не считал особенным преступлением.

Лучшее тому доказательство — те немногие, единичные случаи наказания офицеров за погромы, которые все же, в качестве исключения, имели место. Из всех пунктов, в которых происходили погромы, в одном только Киеве и Томашполе (насколько нам удалось установить) несколько виновных были привлечены к военно-полевому суду. Эти процессы в высшей степени характерны. Киевские процессы мы проследили почти исключительно по антисемитскому «Киевлянину», редактора которого В. Шульгина никак нельзя в этом случае заподозрить в пристрастности.

Первоначально военные суды относились даже к пойманым на месте преступления погромщикам с величайшей снисходительностью — совершенно в духе общего отношения военных властей к погромам. В письме Главноначальствующему

²⁶⁾ Там же, стр. 19.

²⁷⁾ См. отдел приложений, беседу с ген. Хольманом.

²⁸⁾ Там же, стр. 9.

щего Киевской областью ген. Драгомирова к ген. Деникину, от 20-го октября 1919 г., читаем: «Несколько мерзавцев, пойманных на месте преступления, были о п р а в д а н ы военно-полевым судом... я вытребовал к себе составы судов и разругал их так, как кажется еще никого никогда не ругал... Суд стал выносить смертные приговоры, которые все и были приведены в исполнение»²⁹⁾. Хроника газеты «Киевлянин» содержит ряд красноречивых подтверждений этого утверждения.

8-го октября военно-полевой суд в Киеве рассмотрел дело штабного-ротмистра Аустера, штабс-капитана Левицкого, прапорщика Богалева, прапорщика Галчевского и гражданина Терчинского, обвинявшихся в ограблении на 40.000 руб. ценных вещей и нанесении побоев еврею Каплеру. Первые трое обвиняемых служили в Государственной Страже, последние двое примкнули к ним. Полевой суд приговорил Галчевского и Терчинского к смертной казни через расстреляние, остальных — к бессрочной каторге»³⁰⁾. Приговор был Главной-начальствующим утвержден и приведен в исполнение»³¹⁾. 9-го октября военно-полевой суд приговорил за разбой подпрапорщика Серкезюка и партизана Бутова к 20 годам каторжных работ, а партизан Ишманова и Гнедыша — к бессрочной каторге»³²⁾. 4-го ноября военно-полевой суд приговорил за разбойное нападение на дом Л. Бродского к смертной казни штаб-ротмистра С. Домбровского и корнета С. Клейнгольца, к бессрочной каторге — вольноопределяющихся И. Миллера и А. Цытрофера и к 20 годам каторги Раевского (штатского). 6 обвиняемых военных были за недоказанностью оправданы»³³⁾. За ограбление бакалейного магазина Магром приговорены были к расстрелу подпоручик Гриневич и унтер-офицер Костюк»³⁴⁾. Подп. С. Горшиний и солдаты В. Савков и Н. Ткач за разбойное нападение на квартиру акушерки Малковой (Малкова и ее дочь избиты, ограблено 151 руб.) были приговорены: Ткач к бессрочной каторге, первые двое — к расстрелу. Приговор был Главной-начальствующим утвержден и приведен в исполнение»³⁵⁾. Эти суровые меры борьбы с погромным офицерством начали было давать свои результаты. Отчет Евр. Комитета Помощи (ЕКОПО) о погроме в Киеве

²⁹⁾ А. И. Деникин, Очерки и т. д., т. V, стр. 149.

³⁰⁾ «Киевлянин», 9 октября, № 38.

³¹⁾ «Киевлянин», 10 октября, № 39.

³²⁾ Там же.

³³⁾ «Киевлянин», 5 ноября, № 60. Приговор был утвержден. Домбровский и Клейнголец были расстреляны; см. «Киевлянин» 7 ноября, № 62.

³⁴⁾ «Киевлянин», 13 ноября, № 67.

³⁵⁾ «Киевлянин», 8 ноября, № 63.

отмечает, что «известную роль в уменьшении налетов сыграли и военно-полевые суды, начавшие функционировать через несколько дней по прекращении массового погрома».

Но уже очень скоро карательный пыл высшего командного состава выдохся. Сплошь и рядом либо сам военно-полевой суд стал ходатайствовать о смягчении им же вынесенных приговоров, либо соответствующие высшие чины армии, на утверждение которых поступали приговоры, стали обнаруживать большое милосердие к осужденным.

Первоначально они были как будто непреклонны в своем решении искоренить погромную практику в офицерской среде. Когда к командующему войсками расквартированного в Киеве Полтавского отряда, ген. Бредову, обратились 6-го октября с ходатайством за одно лицо, уличенное в грабеже, ген. Бредов заявил, что никаких ходатайств за лиц, позорящих честь Добрармии, он не желает даже выслушивать, от кого бы эти ходатайства не исходили³⁶⁾. Но от этой непреклонности скоро осталось очень мало. 25-го октября гвардейский поручик Пясковец был приговорен к бессрочной каторге за ограбление квартиры Крейцмана³⁷⁾. Приговор, однако, ген. Бредовым утвержден не был, и дело было передано на новое рассмотрение во вторую инстанцию — в Киевский военно-окружной суд³⁸⁾. Еще милостивее оказался ген. Бредов в отношении поручиков А. Петрова и М. Черненко, ограбивших 5 ноября квартиру Шофмана. Вместо десятилетних каторжных работ, к которым они были приговорены судом, командующий Полтавским отрядом отправил их на фронт рядовыми, — «с условием отбывания наказания после войны»³⁹⁾. Такова же была судьба подьесаула Михайлова, дело которого разбиралось военно-полевым судом в Киеве, 22-го ноября. Михайлов обвинялся в том, что, командуя партизанским отрядом, он совершил попустительство, следствием чего явился целый ряд грабежей, учиненных его отрядом по пути следования отряда из Кременчуга в Киев. Грабежи отряда в м. Дымере и колонии Рыкунь вызвали со стороны населения недоброжелательное отношение к Добрармии. Кроме того, Михайлову вменено в вину ограбление на ст. Бородянка проезжого молочника на 115.000 руб., причем, для сокрытия этого ограбления, Михайлов приказал одному из чинов своего отряда застрелить молочника. Полевой суд приговорил Михайлова к смертной казни через расстреляние. Осужденный

³⁶⁾ «Русь», 7 октября, № 43.

³⁷⁾ «Киевлянин», 26 октября, № 51-52.

³⁸⁾ «Киевлянин», 29 октября, № 54.

³⁹⁾ «Киевлянин», 24 ноября, № 76.

ходатайствовал о смягчении его участи и об отправке на фронт. Командующий Полтавским отрядом ген. Бредов ходатайство удовлетворил, заменив расстрел бессрочной каторгой. Михайлов был отправлен на фронт в качестве рядового, с условием отбыть наказание после войны⁴⁰⁾.

По следам милостивого ген. Бредова естественно пошли и другие. 13-го октября приговорен был к смертной казни за разбойное нападение на квартиру Культа прап. Кульчицкий. Но при этом сам суд ходатайствовал о смягчении приговора, и Главноначальствующий заменил казнь бессрочной каторгой⁴¹⁾. То же имело место и в отношении шт.-капитана Кононова, служившего в Киевской контр-разведке. Кононов за ряд незаконных арестов с целью вымогательства приговорен был к смертной казни. Но, «приняв во внимание его прежние большие заслуги», суд ходатайствовал о смягчении наказания, и Главноначальствующий заменил казнь бессрочной каторгой⁴²⁾. Отправка на фронт стала обычной мерой замены более сурового наказания. Так, рядового Золотаренко за грабеж в квартире Ф. Копелевич приговорили к 10 годам каторжных работ, но, по его ходатайству, заменили наказание отправкой на фронт, с тем, что он отбудет наказание по окончании войны⁴³⁾.

Каково могло быть реальное воздействие этих чисто номинальных «наказаний» — отправка на фронт, куда все равно посылались соответствующие части войск, или отсрочка наказания «до окончания гражданской войны», или даже «каторга», — совершенно ясно. Они лишь могли укрепить грабителей в сознании своей безнаказанности. Главнокомандующий Киевской областью ген. Драгомиров сам откровенно признал это в письме к ген. Деникину, от 29 октября 1919 г.: «В этом — главная трудность борьбы. Смертной казни в этих случаях применять нельзя (?!), а каторга никого не пугает, так как все уверены, что в Москве будет «амнистия»⁴⁴⁾.

Уже цитированный нами выше отчет ЕКОПО справедливо указывает, что в этих случаях «суд, несмотря на наличие вины, не вносит никаких изменений в положение налетчиков. Осуждение является скорее моральным... Фактически осужденные за грабежи, убийства, налеты, вымогательства занимают вновь свое прежнее положение, и нет ника-

⁴⁰⁾ «Киевлянин», 24 ноября, № 76.

⁴¹⁾ «Киевлянин», 15 октября, № 43.

⁴²⁾ «Киевлянин», 7 ноября, № 62.

⁴³⁾ «Киевлянин», 12 ноября, № 66.

⁴⁴⁾ Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 149.

ких гарантий, что они не повторят грабежей и налетов. Напротив, в них должна укрепиться уверенность в безнаказанности».

Такой характер носила военно-судебная борьба с погромами в административном центре Украины, средоточии военных и гражданских властей, — в Киеве. Совершенно ясно, во что она должна была выродиться в провинции. Единственно известный случай снаряжения суда и следствия над громилами в провинции дает об этом яркое представление. В Томашполе (Под. губ.) 2-ой Конный Кубанский Лабинский полк в течение 5 суток непрерывно и беспощадно громил еврейское население. Командующий войсками Одесского направления ген. Розеншильд-Паулин, по настоянию русской депутации, выслал в Томашполь из Вапнярки сессию военно-полевого суда. Немедленно по прибытии суда началась «обработка» еврейского населения. «Начальство Лабинского полка позвало несколько евреев и потребовало удостоверения, что не солдаты Лабинского полка производили грабеж и погром. Председатель военно-полевого суда в частной беседе советовал не винить добровольческих частей и вообще быть осторожными в даче показаний»⁴⁵). Когда же евреи отправились было для дачи показаний в помещение волости, где заседал суд, «солдаты открыли стрельбу, — правда, в воздух, — крича: «Жида ворочайся, а то убьем», так что всего давали показания человек 15—20, а остальные попрятались и, избитые и раненные, не видали суда»⁴⁶). При этих условиях говорить о производстве правильного следствия, конечно, немислимо. Тем более, что и сам суд лишен был действительной возможности следственных действий. «Обыск, произведенный судом в солдатских подводах, был просто смешон; на подводах было вещей много, на каждой подводе было 10—20 шуб и пальто: но как только член суда, в сопровождении двух понятых, начал обыск на первой подводе и вынул шубу, тут же находившиеся солдаты открыли сильную стрельбу в воздух, и сейчас же из других дворов началась усиленная стрельба. Обыск был немедленно прекращен и больше не возобновлялся»⁴⁷). Суд не сделал даже попытки придать авторитет своим действиям и немедленно спасовал перед холостыми выстрелами громил. Неудивительно после этого, что и вынесенный им «приговор» был мифическим. После того, как суд пробыл в местечке 2 дня, председатель суда «част-

⁴⁵) Доклад Томашпольского Комитета помощи пострадавшим Киевскому Красному Кресту.

⁴⁶) Там-же.

⁴⁷) Там-же.

ным образом» сообщил, что «суд приговорил громил (каких, скольких?) к смертной казни, но казнь будет произведена не в Томашполе, а в Валпнярке, чтобы не озлоблять солдат»⁴⁸⁾. Суд уехал. О казни «приговоренных» никому не стало известно⁴⁹⁾.

Этим исчерпываются все известные случаи попыток военно-полевой репрессии по отношению к громилам и убийцам. Они до смешного немногочисленны количественно и ничтожны качественно. Они лишь укрепляли в солдатском и офицерском составе Добровольческой армии убеждение в полной безнаказанности самых тяжких преступлений против имущества, жизни и чести еврейского населения.

Именно еврейского. В отношении даже мельчайших случаев грабежей и насилий над христианским населением военные власти проявляли величайшую суровость. Мы приведем целиком в высшей степени характерную, граничащую с комизмом, заметку газеты «Русь», трактующую один из таких случаев⁵⁰⁾: «Интересное дело в бытовом отношении слушается сегодня в военно-полевом суде при штабе 7-ой дивизии. Резолютивная часть обвинения изложена весьма лаконически: предается военно-полевому суду шт.-капитан стрелкового полка Е. П. Петкевич за то, что в его присутствии 7-го октября в дер. Пуце-Водице неизвестный солдат открыто, без угроз и насилия, похитил курицу у некой Ананстасии Шубской, и, имея возможность предупредить это преступление, допустил его, не оказав никакого содействия Шубской, и не воспрепятствовал похищению ее курицы. Преступление это, как гласит обвинение, предусмотрено 1643 ст. Ул. о Нак. и 2799 XXII кн. св. В. П. и карается смертной казнью. Небезинтересны подробности этого дела. Когда у Шубской солдат украл курицу, она пожаловалась командиру полка. Последний призвал шт.-кап. Петкевича и сделал ему серьезное внушение по поводу того, что он допустил такое явление, как грабеж, указав на ряд приказов верховного командования о строгом преследовании за грабежи. Шт.-кап. Петкевич в оправдание указал на то, что, по его сведениям, курица была «коммунистическая». Этот ответ возмутил ко-

⁴⁸⁾ Там-же.

⁴⁹⁾ А вместе с тем в тех немногих случаях, когда репрессии к громилам действительно применялись, они автоматически влекли за собой вполне реальные результаты. Общественный равнин г. Смелы (Киевск. губ.) Мень рассказывает, что когда полк. Приходько, командир конного Дроздовского полка, получив взятку в 120.000 руб., принял меры — двое дроздовцев (солдаты) были публично выпороты, а двое публично расстреляны, при чем полк «для внушения» был выведен смотреть на казнь и экзекуцию, — бесчинства, за единичными исключениями, прекратились.

⁵⁰⁾ «Русь», от 21 окт. 1919, № 55.

мандира полка, и он распорядился о немедленном предании суду шт.-кап. Петкевича»...

Зато в отношении своих агентов, военных и гражданских, повинных не в «попустительстве похищению курицы», а в попустительстве массовым убийствам и грабежам еврейского населения, добровольческая власть проявляла самый далеко идущий либерализм и огулом обеляла их. Когда опубликована была телеграмма ген. Деникина о недопустимости еврейских погромов и принятии строгих мер против виновников их^{50-а}), газета «Киевское Эхо» имела наивность снабдить эту телеграмму особым послесловием, будто распоряжением Главноначальствующего Киевской областью устранены от должности все лица, замеченные в насилиях и потворстве насилиям над евреями. Погромная газетка «Вечерние Огни» в заметке, торжествующе озаглавленной «Фантазеры»⁵¹), немедленно оказалась в состоянии «из компетентного источника» сообщить, что «никаких насилий должностных лиц над еврейским населением в Киевской области не было, и никто от забираемых должностей не устранился».

Военные власти, в руках которых, собственно, находилась реально вся полнота власти на территории, занятой Добровольческой армии, откровенно и сознательно бездействовали в деле борьбы с погромами. Власти гражданские по самому положению своему естественно могли сделать гораздо меньше в этом отношении. Но они не выполнили и того минимума, который был в их силах. Весь аппарат добровольческой гражданской власти был откровенно враждебен еврейскому населению и скорее содействовал погромам, чем противодействовал им.

Органом гражданского управления, на обязанности которого лежала охрана безопасности, жизни и имущества граждан, была т. н. Государственная Стража, «под псевдонимом которой, — по выражению члена Особого Совецания при ген. Деникине, К. Н. Соколова — стыдливо скрывался наш департамент полиции»⁵²). По высоко официозному свидетельству того же К. Н. Соколова «чины Государственной Стражи пользовались общей и дружной ненавистью населения»⁵³). В отношении же населения еврейского Государствен-

^{50-а}) Телеграмма ген. Деникина адресована ген. Драгомирову и гласит: «Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых Армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным». Телеграмма помечена: Одесса, 25 сентября 1919 г.

⁵¹) «Вечерние Огни», № 43, от 8 (23) октября 1919 г.

⁵²) К. Н. Соколов, Правление ген. Деникина. Стр. 113.

⁵³) Там же, стр. 101.

ная Стража выказала себя либо соучастницей погромов и насилий, либо попустительницей их, либо, в лучшем случае, бессильной свидетельницей творящегося беззакония.

В ряде городов чины Стражи (которую население, по привычке, именует милицией) принимали активное участие в разграблении еврейского населения. В м. Ракитно, показывают свидетели, «местные крестьяне, совместно с милиционерами, грабят остатки еврейского имущества... Смелчаки, ночующие у себя дома, подвергаются налетам местной же милиции»⁵⁴). В Смеле, куда в середине сентября прибыла Государственная Стража, «стражники были составлены из местных бандитов-григорьевцев; начальство же стражи прибыло по назначению. Задача их состояла в том, чтобы всячески драть шкуру с еврейского населения. Взятки были прямо невероятны, нестерпимы. Пристав Янцевич потребовал денег в первый же день прибытия (25.000 руб.) и ни за что не хотел уступить в цене»⁵⁵). В Степанцах (Киевск. губ.) начальником местечковой Стражи назначен был добровольцами некий Пампушко, состоявший при большевиках главарем партизанского отряда и под кличкой «Бурлак» взыскивавший контрибуцию с м. Козин, причем убито было несколько евреев. Этим Пампушко были арестованы в Степанцах, неизвестно за что, несколько видных евреев, избиты и, по дороге в Канев, при неизвестных обстоятельствах убиты. Терроризованное еврейское население было вынуждено откупиться взяткой в 50.000 руб.⁵⁶). В Прилуках (Полт. губ.) «во всех погромах принимала участие и Государственная Стража, с приставом Антоненко во главе. У последнего при обыске нашли на 2 миллиона награбленных вещей»⁵⁷). В Кривом Озере (Под губ.) «члены милиции, переодетившись, побратались с погромщиками и приняли самое деятельное участие в погроме»⁵⁸). В Корнине (Киевск. губ.) милиция сама вырезала оставшихся в местечке 24 евреев⁵⁹). М. Дубоссары было разгромлено конотопской Государственной Стражей⁶⁰).

В большинстве материалов о погромах имя Гос. Стражи либо вовсе не упоминается — будто ее и не существовало, — либо упоминается лишь для того, чтобы почти стереотипно отметить ее полнейшее безучастие. О какой-либо реальной

⁵⁴) Из материалов Красного Креста.

⁵⁵) Центр. архив; показание г. Меня, общественного раввана г. Смелы.

⁵⁶) Из материалов Красного Креста; показание И. С. Слепака.

⁵⁷) Из материалов Красного Креста; сообщение из Прилук.

⁵⁸) Доклад комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от погромов в м. Кривое Озеро, при Губсобеде.

⁵⁹) Из материалов ЕКОПО; сообщение Х. Гофмана.

⁶⁰) «Витяги»; показание хорунж. Пихтіва, стр. 22.

защите громимого еврейского населения не было и помину. В Понятовке (Херс. губ.) «Государственная Стража местечка не принимала совершенно никаких мер к воспрепятствованию грабежа»⁶¹). В Киеве из обследованных 800 случаев налетов на еврейские квартиры Государственная Стража оказала помощь только в двух случаях и контр-разведка в двух случаях⁶²). Это и понятно, ибо, как сообщает украинский поручик Махлай, в состав Киевского гарнизона входила и несла службу уездной милиции (Госуд. Стражи) Осетинская сотня, известная своими погромными подвигами; когда добровольцы в последний раз оставили Киев, эти «охранители порядка» сами грабили еврейские лавки и отчасти квартиры⁶³).

Как правило, Государственная Стража открыто попустительствовала громилам. В тех же немногих случаях, когда отдельные чины Стражи и делали попытки оказать противодействие грабежам и насилиям, их добрые намерения фатально оставались безрезультатными. Ибо громила не чернь или безоружные крестьяне, которых легко было, при желании, разогнать, а вооруженные с ног до головы солдаты и офицеры действующей армии, с которыми приходилось бы вступать в форменные сражения. Это было небезопасно и само по себе, и по дальнейшим последствиям. Ибо, во-первых, слишком хорошо известно было, что командный состав воинских частей вполне благожелательно относится к погромам и вряд ли потерпит «вмешательство» Гос. Стражи в действия подчиненных ему воинских чинов. Во-вторых, в любой момент можно было опасаться самосуда со стороны тех воинских частей, к которым принадлежали арестованные громилы. При военном характере погромов, Государственная Стража в сущности была бессильна. В нашем распоряжении имеются характерные официальные документы, свидетельствующие об этом бессилии.

Пристав 2-го стана Белой Церкви А. М. Чубенко, сообщая в своем донесении о ряде случаев грабежа, открыто признает, что «чины Государственной Стражи, ввиду малочисленности, не могут вступить в неравную с казаками борьбу с целью прекратить анархические проявления». Это бессилие Государственной Стражи выявилось не только в провинции, где центральная власть была сравнительно слаба, но и в административном центре Украины, резиденции ген. Драго-

⁶¹) Из материалов Одесской евр. общины; коллективное сообщение 10 лиц, от 17-го сентября 1919 г.

⁶²) Из материалов ЕКОПО; Погром в Киеве 1-5 октября 1919 г.

⁶³) «Витяги», стр. 15-16.

мирова, — в Киеве. Старший помощник пристава Подольской части Скороход рапортом от 6 (19) октября 1919 г. доносит своему начальству о задержании на месте грабежа еврейской квартиры трех солдат; четвертый успел скрыться. Однако, произвести дознание на месте не удалось, так как «были получены сведения, что в часть войск, к которой принадлежат задержанные солдаты, отправился один из их товарищей, чтобы явиться сюда с большими силами с целью освобождения арестованных и расправы с задержавшими их чинами Государственной Стражи». Пришлось ограничиться отправкой арестованных к Коменданту Подольского района и сдачей их под роспись. Но и это оказалось фикцией. «Впоследствии мною дознано, — меланхолически доносит автор рапорта, — что арестованные солдаты, вскоре после доставления их в комендантуру, были освобождены». Естественен и вывод, которым в результате изложенного заканчивается рапорт: «При таких условиях чины Государственной Стражи лишены какой-бы то ни было возможности бороться с принявшими массовый характер вооруженными ограблениями, производимыми воинскими частями». Тем более, что на третьей странице рапорта имеется в высшей степени характерная и много говорящая приписка: «Помощник Коменданта конфиденциально, в виде совета, сказал мне, что задержание воинских чинов при таких случаях может вызвать неприятные для стражи эксцессы, а потому рекомендовал от этого воздержаться»*).

Если таково было положение немногих, сознающих свои обязанности, чинов Госуд. Стражи в административном центре Украины, то не трудно представить себе картину того, что происходило в провинции. Там местные части Госуд. Стражи или милиции оказывались совсем беспомощными. Секретарь Гос. Стражи в м. Екатеринополь (Киевск. губ.) Е. Кравченко рассказывает, что когда прибывшая в местечко, в октябре 1919 г., команда казаков 75-го Севастопольского полка, во главе с тремя офицерами, начала грабить местечко и местная Гос. Стража, в количестве 13 человек, во главе с приставом, пор. Голосовым, попыталась было потребовать от грабителей пояснений, кто они, то те ответили ружейной стрельбой; стража вынуждена была залечь и ответить выстрелами же. Лишь после долгих переговоров добровольцы оставили местечко, увезя с собою награбленное и несколько тысяч рублей контрибуции. «Такие случаи приключались очень часто», — прибавляет Кравченко. «Сама армия терро-

*) Рапорт Скорохода приводится нами полностью в приложении, в отд. документов.

ризировала (местную) власть, так что Гос. Страже пришлось покинуть местечко, оставив население на произвол судьбы»⁶⁴). Приходилось тяжело и исполнявшей обязанности местечковой милиции местной офицерской сотне в м. Золотоноше (Полт. губ.). Не раз доходило до перестрелки, — рассказывает хорунжий Ващенко. При этом «грабили как солдаты, так и офицеры, а когда офицерская сотня арестовывала последних, то их начальство этих арестованных освобождало»⁶⁵). Сотня прослыла у недовольных ее защитой евреев добровольческих громил «жидовской», причем сделана была даже попытка ночью обезоружить ее⁶⁵).

* * *

Нельзя отметить ни одной серьезной попытки гражданских властей вступить в борьбу с этим погромным произволом разбушевавшейся военщины и обеспечить хотя бы минимум безопасности еврейскому населению. При том человеческом материале, из которого рекрутировалась добробольцеская администрация на местах, такой попытки нельзя было, впрочем, и ожидать. «Старые земские начальники, ожившие пристава, отбросы царского правительства, облеченные полномочиями, наезжали в качестве маленьких царьков на места»⁶⁶). Все это были ярко выраженные реакционные элементы, традиционная служилая бюрократия, с сознанием своего права являвшаяся в приемную управляющего ведомством внутренних дел Носовича для получения назначения на ответственные административные должности. Они считали, что с победой Добр. армии над большевиками естественно реставрируются и их служебные права. Носович-же считал столь-же естественным приглашение этих старых и опытных бюрократических служаек. И в результате «правый стан обычно выдвигал из своих рядов кадры лиц, обладающих известным служебным стажем и готовых служить, чаще—возобновить административную карьеру»⁶⁷). Умеренно «левые» круги, группировавшиеся вокруг «Национального Центра» (во главе с Н. Астровым, В. А. Степановым и друг.), не оказывали сколько-нибудь заметного влияния при назначении на административные посты. Напротив, крупную роль играл правый «Совет Государственного Объединения», во главе с Кривошеиным (официозом его стала Шульгинская «Россия»): «не один десяток вице-губернаторов, начальников уездов, комен-

⁶⁴) «Витяги», стр. 13.

⁶⁵) «Витяги», стр. 33.

⁶⁶) Г. Н. Раковский, В стане белых. Константинополь, 1920 г.

⁶⁷) Сергей Штерн, В огне гражданской войны; стр. 105.

дантов и т. д. был назначен по спискам Совета Госуд. Объединения»⁶⁹). Вся власть на местах оказалась в руках больших и малых сановников царских времен. Очень поучительную в этом отношении сводку дал орган кубанцев и черноморцев, газета «Кубанская Воля» в Екатеринодаре, незадолго до ухода Добр. армии с Кубани, подводя итоги административной практике добровольческого управления. «Очищенный от большевиков Юг России попал во власть титулованных особ, занимавших при царизме весьма ответственные посты. К сожалению, у нас нет исчерпывающих данных, — многие сведения, благодаря всяческим разрухам, не попали в печать, — однако, несмотря на скудость материала, мы утверждаем, что над народом Юга России при Добрармии властвовали и им управляли 221 титулованных особ следующих служебных рангов:

Сенаторов	8 человек
Генералов	18 „
Действит. Статских Советников	50 „
Статских Советников	22 „
Предводителей дворянства . .	49 „
Бывших председателей и членов цензовых земских управ (дореволюционного времени) .	74 „
	<hr/>
	221 человек

«Замечательно, — прибавляет газета, — даже такие сравнительно мелкие должности, как судья, товарищ прокурора замещаются титулованными особами»⁶⁹).

Эта вновь пришедшая к власти традиционно-антисемитская бюрократия царских времен заняла недвусмысленно враждебную позицию в отношении еврейского населения «вверенных ей» местностей. Она поддерживала и распространяла все антиеврейские наветы, с циничной откровенностью провозглашала евреев чужаками в России и соперничала с военными властями в активном жидоедстве.

Характерна в этом отношении аудиенция, данная врем. Черниговским губернатором Лопухиным председателю Борзенской еврейской общины Я. М. Расновскому и инж. А. С. Гольдбергу. Приняв их, Лопухин «ясно и определенно заявил, что еврейство предало Россию за то, что она для русских «родина», а для евреев не родина. Возмущаясь погромами, которые происходят без плана, он утверждал, что ев-

⁶⁹) Сергей Штерн, В огне гражданской войны; стр. 106.

⁶⁹) Г. Покровский, Деникинщина. Изд. Э. Гржебина, 1923 г., стр. 103-105.

реи во многих местах открыто выступали против Добрармии», и в подтверждение он указал на якобы, по его словам, проверенные факты — «обстрел евреями отошедших в свое время добровольческих частей в Козельце и Фастове, что вызвало расправу с еврейским населением». Когда Расновский и Гольдберг попытались возражать, Лопухин оборвал их, предлагая «больше политики не касаться: если он соглашается не говорить о политике, то это для нас лучше»⁷⁰). Всюду, где добровольцы оставались сколько-нибудь продолжительное время, они полностью реставрировали административную атмосферу до-революционных времен. «Добровольцы хозяйничали в Корсуни около 4-х месяцев, — пишет в своем докладе А. Юдицкий. — В городе снова появились пристав, урядник, городской, нагайка старого режима»⁷¹).

Отношение высшей власти Добрармии — Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России ген. Деникина — к погромам было определено двойственным. Нет сомнения, что ген. Деникин лично не хотел погромов. Он понимал их бессмысленность и вредность. Но это отрицательное отношение к погромам было пассивным. Оно парализовалось в своей решительности и напряженности привычными представлениями о «еврейских комиссарах», о «еврейских большевистских полках», господствовавшими в кругах главного командования.

Над психикой высшего командного состава Добровольческой армии тяготел призрак «еврейских комиссаров». Трудно с уверенностью установить, действительно ли верили руководители Добровольческой армии в то, что «все комиссары евреи», или это был лишь тактический предлог, в высшей степени удобное измышление, дающее хотя бы тень основания антисемитизму или погромам. Вероятнее всего, оба эти элемента в различных пропорциях переменялись в их представлении. Добрая толика наивной веры в «еврейских комиссаров» сознательно раздувалась и возводилась на степень политического аргумента первостепенной важности.

Не был свободен от этого греха и сам ген. Деникин. Уже много лет спустя он в своих «Очерках русской смуты» счел возможным повторить все господствовавшие в Д. А. инсинуации о «еврейских большевиках». Как и в 1919 г., он мотивирует погромные эксцессы Добр. армии также «фактом переполнения еврейским элементом всех органов советской власти в пропорции, совершенно несообразной их процентному от-

⁷⁰) Центр. архив; доклад председателя совета Борзненской еврейской общины Я. М. Расновского.

⁷¹) Центр. архив; доклад А. Юдицкого «Корсунь при Деникинцах».

ношению к прочему населению»⁷²⁾, и сообщает — неизвестно из какого источника — такого рода «факты»: в Ялтинском уезде «подавляющее большинство комиссаров (из пятнадцати — двенадцать) были евреями», в Евпатории «военно-революционным комитетом завладели на $\frac{3}{4}$ евреями, во главе ... с сыновьями местных богачей и спекулянтов» и т. д.⁷³⁾. Не забывает ген. Деникин в своей серьезной книге упомянуть и такого рода поступивший от «осведомления» (охранки) документ, о котором он сам говорит, что он мог бы «вызвать огромную сенсацию, если бы не возбуждал мысли ... о мистификации»: «Доклад тов. Раппопорта на соединенном заседании центр. комитетов партий Бунда, Поалей-Цион и Сионистов»⁷⁴⁾. В докладе этом «мастерски и очень правдоподобно нарисован был широкий и подробно разработанный план «экономического вседержавия евреев» на Украине путем захвата и трестификации промышленности и крупной торговли, синдицирования мелкой торговли и кооперативов»⁷⁵⁾, захвата транспортирования кладей». Красноречиво изложив далее все «возмутительные способы и приемы достижения владычества» евреев, заимствованные из этого модернизированного полицейского издания «Протоколов Сионских мудрецов», ген. Деникин успокаивающе сообщает, что «доклад этот был погребен в тайниках архивов и не увидел света», и все же он счел нужным привести его подробно и подчеркнуть его «правдоподобность». С такими представлениями о еврействе, конечно, невозможно было трактовать евреев, как граждан российского государства, и решиться на энергические меры для охраны их от погромов и насилий.

Принимая 26 июля в Таганроге делегацию представителей четырех еврейских общин, ген. Деникин не преминул выставить «аргумент от большевизма»: «При уходе большевиков из Екатеринослава там сконцентрировалось 130 еврейских комиссаров», — заявил он. Еврейская делегация естественно протестовала против этого фантастического «факта». Она указала, что «еврейские комиссары» фабрикуются чрезвычайно искусственно: весьма часто обыкновенных простых евреев, которые ничего общего с большевизмом не имели, возводят в чин комиссаров, дабы создать видимость их многочисленности. И совершенно правильно заметил ген. Шкуро, что в Юзовке одного крупного буржуя превратили в комисса-

⁷²⁾ Ген. А. И. Деникин, «Очерки русской смуты», т. V, стр. 147.

⁷³⁾ Там же, стр. 148.

⁷⁴⁾ Там же.

⁷⁵⁾ В примечании к этому пассажу ген. Деникин одобрительно прибавляет: «По сообщению ген. Драгомирова, главнонач. Киевск. обл., эта отрасль местами действительно захвачена была на $\frac{3}{4}$ евреями». Там же.

ра... Широкие еврейские массы непричастны к большевизму. На выборах на различные национальные съезды и общинные советы, на которых проявляется настоящая политическая физиономия еврейства, не был избран ни один большевик».

Убежден-ли был ген. Деникин этими доводами, — сказать трудно. Но он отступил на вторую линию позиции и сослался на «массу» и ее психологию. — «Это могу понять я, но пойдите и объясните это массе».

Не понимала этого, однако, не только масса. В беседе с командующим Добровольческой армией ген. Май-Маевским 23-го июля 1919 г. делегации Харьковской еврейской общины тоже пришлось доказывать генералу, что «еврейские комиссары» ничего общего с народом не имеют и еврейство не может нести за их действия ответственность»⁷⁶).

Незыблемым достоянием психики руководителей Добр. армии было также представление о могучей «сплоченности»⁷⁷) всех элементов еврейского народа, о взаимосвязанности их и — соответственно — о круговой поруке всех евреев друг за друга. Они были убеждены, что еврейские большевики и «комиссары» могли-бы быть призваны к порядку не-большевистскими элементами еврейства. Если те этого не делают, то исключительно по недостатку доброй воли. Погромы являются своего рода возмездием за это попустительство евреев не-большевиков евреям-большевикам. Если евреи не хотят погрома — пусть повлияют на еврейских комиссаров.

Этот круг идей совершенно недвусмысленно был выражен ген. Деникиным при приеме им еврейских делегаций в Таганроге (26 июля) и в Одессе (27 сентября).

Первой делегации ген. Деникин заявил, что «вследствие существующей сплоченности между евреями, они могли бы повлиять на еврейские большевистские дружины». Посетившей-же его в Одессе делегации Одесской еврейской общины (в составе д-ра И. С. Могилевера, д-ра З. И. Темкина и д-ра Л. Э. Раухверга) ген. Деникин сказал еще открывшее: «Правительство прилагает все усилия, чтобы не допустить погромов. Сделаны самые строгие распоряжения. Здесь не время и не место говорить о причинах погромов, но я прошу вас по-

⁷⁶) Из материалов Харьковской еврейской общины.

⁷⁷) Лейтенант Витгоф, состоявший, вместе с полк. Корбэйль, при Добровольческой армии, рассказывал в Париже, что игравший после Деникина первую роль в Добр. армии ген. Лукомский лично дал ему пресловутый катехизис антисемитизма — «Сионские протоколы», говоря: «Все это документально, прочитайте эту книжку крайне важно». Витгоф видел у ген. Лукомского много экземпляров этой книги. М. С. Маргулис, Год интервенции. Кн. 2-ая. Изд. З. Гржебина, стр. 91.

влиять на вашу молодежь, чтобы она (легкая пауза)... изменила свою ориентацию, и этим вы нам поможете в борьбе с погромами. При взаимной поддержке мы будем в силах бороться даже с стихийными погромными вспышками»⁷⁸). Смысл этих заявлений вполне ясен. Причиной погромов является большевистская «ориентация» еврейской молодежи. Условием борьбы с погромами является изменение этой ориентации. Добиться этого должны евреи не-большевики, опираясь на еврейскую «сплоченность». В противном случае — погромы будут.

Этим воскрешается в полной свежести традиция царских времен. Текстуально ту же фразу: «повлияйте на вашу молодежь» сказал в свое время В. К. Плеве посетившей его еврейской делегации, ставя, таким образом, благожелательное отношение правительства к еврейскому населению в зависимость от поведения еврейской революционной молодежи. Это разительное сходство не могло не броситься в глаза. И когда в беседе членов Еврейской Политической Коллегии в Ростове с В. А. Маклаковым, хорошо помнящим времена царского режима, Г. Я. Брук сообщил ему этот ответ ген. Деникина, прибавив, — «старые слова», В. А. Маклаков понимающе и многозначительно протянул: «Да-а!»⁷⁹).

При господстве таких настроений трудно было, конечно, ожидать сколько-нибудь искренней и решительной защиты еврейского населения от бесправия и погромов. Сам ген. Деникин, возможно, погромов не хотел. Но в то же время он и все главное командование были определенно недоброжелательно настроены в отношении еврейского населения⁸⁰) и не толь-

⁷⁸) Из материалов Одесской еврейской общины; протокол беседы ген Деникина с еврейской делегацией в Одессе. См. также «Киевлянин», от 28-го сентября 1919 г. № 32. В обоих текстах имеются некоторые несовпадения при передаче ответа ген. Деникина, носящие, впрочем, малосущественный характер.

⁷⁹) Из материалов Объединенного Совета Сионистских Организаций в Одессе («ОССО»). В этой же беседе Г. Я. Брук подчеркнул то характерное обстоятельство, что эта речь в Одессе — почти единственная речь ген. Деникина к евреям, которую правительственный телеграф передал повсеместно и которая была напечатана во всех газетах. Между прочим, антисемитский «Киевлянин», печатая сообщение о выступлениях ген. Деникина в Одессе, с особенным удовольствием хвалил «мысли ген. Деникина — прямые, выразительные, бьющие в самую суть явлений» и заявлял, что «ничего к сказанному Деникиным прибавить невозможно». «Киевлянин», от 28-го сентября № 32.

⁸⁰) Близкий участник и апологет белого движения Д. С. Пасманик свидетельствует: «Когда я в апреле и мае 1919 г. был в Новороссийске и Екатеринодаре, т. е. еще до прихода на север, я почувствовал гущенную атмосферу, проникающую повсюду. Побывал несколько раз в «министерстве пропаганды», поговорил с самим «министром» Соколовым и понял.

ко не принимали сколько-нибудь активных и действительных мер для борьбы с погромами, но решительно отказывались, — даже хотя бы в декларативной форме, — прокламировать гражданское полноправие евреев, осудить погромы и большевистский навет.

Вопрос о такой декларации очень остро стоял одно время в общественных кругах. Ни в одном программном заявлении Добрармии не заключалось — хотя бы в общей форме — сколько-нибудь определенного указания на то, что ею признается принцип равноправия национальностей. Даже в обращенной во вне, к правительствам Антанты, декларации Главного Командования от 10-го апреля 1919 г., где явно видно стремление выявить показной либерализм, п. 5-ый гласит лишь: «Гарантии полной гражданской свободы и свободы вероисповеданий»⁸¹). Не больше. О гражданском полноправии населяющих Россию народов нет ни слова, — в то время, как в ноте адм. Колчака союзным державам содержится вполне определенное указание на то, что «все без различия религии и национальности получают защиту государства и закона»⁸²).

Эта крайняя неопределенность правового положения еврейского населения, в сочетании с практикой административных правоограничений и погромными эксцессами, повелительно диктовали необходимость ясной и недвусмысленной декларации Главного Командования Добрармии по еврейскому вопросу.

Требование об издании такой декларации выставлено было делегацией четырех еврейских общин, представлявшей ген. Деникину 26-го июля (8-го августа) 1919 г. В поданной докладной записке делегация просила: «Ваше Превосходительство, не откажите в соответствующей декларации заявить русскому народу и армии, что нельзя делать ответственным весь еврейский народ за отдельных членов его, большевиков. Он так же невинен, как, по Вашим словам, неповинна и масса крестьянская за комиссаров и коммунистов. Мы просим Ваше Превосходительство официально подтвердить, что евреи, согласно законам Временного Правительства, пользуются полным равноправием, и никто не имеет права лишить их этого равенства перед законом. К нашим правам относится также право, наравне с другими гражданами, отдать свою жизнь за Россию, служа в рядах ее армии.

все убеждены, что на антисемитизме можно воздвигнуть национальную Россию». Д. С. П а с м а н и к, Русская революция и евреи. Париж, 1923 г., стр. 187.

⁸¹) «Вечерние Огни», от 20-го августа 1919 г., № 3.

⁸²) «Объединение», от 31-го августа 1919 г., № 5.

Приказом по армии подтвердите, Ваше Превосходительство, это святое наше право».

Это требование об издании декларации по еврейскому вопросу не было достоянием одной только еврейской делегации. Его настойчиво выставляли все крупные общерусские общественные организации, на которые опиралась Добрармия и которые в значительной части были представлены и в Особом Совещании при ген. Деникине. Его заключала докладная записка Союза Возрождения России от 13-го (26-го) сентября. То же требование выставляла посланная 3-го октября докладная записка трех организаций: Национального Центра, Национального Объединения и Союза Возрождения России⁸³). Все они возлагали большие — быть может преувеличенные — надежды на значение и последствия такой декларации. Во всяком случае, декларация положила бы конец сомнениям насчет намерений власти в области еврейского вопроса.

Ген. Деникин от издания какой-бы то ни было декларации категорически отказался. В беседе с делегацией еврейских общин он мотивировал отказ тем, что при «крайне обостренном и озлобленном отношении со стороны населения и армии к евреям» всякая декларация «не только не полезна, но может оказаться и вредной». Когда же делегация продолжала настаивать, указывая на необходимость декларации «именно теперь, когда Добровольческая армия вступает в пределы Полтавской, Херсонской и Киевской губ. с крупным еврейским населением», и на то, что «адмирал Колчак издал декларацию, хотя у него, наверное, не было таких непосредственных поводов», ген. Деникин ответил:

— «Да, там американцы... Я считаю декларацию ненужной»⁸⁴).

И действительно, декларация издана не была. Высшее командование Добрармии отказалось объявить евреев полноправными гражданами России и сделать хотя-бы попытку положить своим словом предел погромам и ограничениям.

⁸³) Прибывший из Парижа осенью 1919 г. российский посол Маклаков привез также требование парижского еврейства о «торжественной декларации» и о включении в состав правительства «хотя бы одного еврея», — несколько иронически сообщает ген. Деникин (Очерки русской смуты. т. V, стр. 150).

⁸⁴) Смысл этой ссылки на американцев расшифровывается в беседе представителей Еврейской Политической Коллегии в Ростове с представителем Добрармии в Париже В. А. Маклаковым (20-го октября 1919 г.). Когда член коллегии Г. Я. Брук сообщил В. А. Маклакову этот ответ ген. Деникина, Маклаков спросил: «что это значит?». Брук ответил: «Не знаю точно, но мы его поняли в том смысле, что Колчаку необходимо было издать декларацию в угоду Америке...»

Прощаясь с еврейской делегацией, ген. Деникин, на определенный вопрос, предполагает-ли он издать какие-либо приказы, ответил категорически: «Сейчас нет».

На этой же точке зрения ген. Деникин остался и семь лет спустя, в своих «Очерках русской смуты». Упомянув о том, что еврейские «делегаты просили особым, торжественным актом объявить осуждение евреским погромам», он с плохо сдерживаемым раздражением отвечает: «Они не могли понять, что слова здесь бессильны, что всякий лишний шум вокруг этого вопроса лишь отяжелит положение евреев, вызывая раздражение в массе и обычные обвинения: «продался жидам». Не могли понять, что борьба в аспекте защиты еврейства был тогда безнадежна, и могла быть ведена целесообразно лишь под знаком общей морали и общей воинской дисциплины: осуждать и карать сурово всякий разбой, всякое насилие над людьми — православными, магометанами, евреями — безразлично»⁸⁵).

Эта отвлеченно-возвышенная точка зрения, конечно, никакого реального значения для еврейства не имела и иметь не могла. Мусульмане или православные погромам не подвергались. Д. А. была отравлена именно ядом погромной юдофобии, и властное слово высшего командования было необходимо именно и только в этом аспекте. Но этого-то слова и не решился ген. Деникин произнести. Истинную причину этой нерешительности он сам вскрывает в выше цитированных строках: он больше всего опасался «обычного обвинения» — «продался евреям». О том, что слова эти не простая случайная обмолвка, свидетельствует ряд заявлений лиц, близких ген. Деникину. Начальник британской военной миссии при ставке ген. Деникина, ген. Хольман, в беседе с делегацией сионистского Центр. Комитета (4/17 ноября 1919 г.), подчеркивая свою особенную близость с ген. Деникиным, специально упомянул этот аргумент: «Самого Деникина обвиняют в том, что он «продался жидам». Об этом же упомянул в произнесенной 2-го ноября 1919 г., в Харькове, речи военный представитель Великобритании при Д. А. ген. Бриггс: «И вдруг мне говорят, что он (ген. Деникин) кушлен евреями, он, этот великий патриот!» Не забыл упомянуть об этом и российский посол в Париже В. А. Маклаков в состоявшейся 7-го декабря 1919 г. беседе с представителями Комитета Еврейских Делегаций: «В тех правых кругах России, где Деникина считают слишком либеральным, и так уже муссируются утверждение, что Деникин проданся «жидам». Эти с разных

⁸⁵) Ген. А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 150 (курсив в подлиннике).

сторон и в разное время идущие свидетельства убедительно иллюстрируют, насколько могущественен был этот момент в психологии главнокомандующего. Боязнь прослыть «жидовским батькой» осилила в психике ген. Деникина все соображения справедливости и государственной целесообразности. От издания какой-либо декларации он решительно уклонился.

Он, правда, оставил открытой возможность опубликования такой декларации на будущее, прибавив в беседе с делегацией еврейских общин: «Быть может, со временем, если это потребуется». Это «со временем» наступило для ген. Деникина лишь два месяца спустя, 25 сентября, после кошмарных погромов в Фастове, Василькове, Белой Церкви и десятках других залитых кровью пунктах. Да и то опубликована была им не декларация по еврейскому вопросу и даже не приказ по армии, подтверждающий неизбежность еврейского равноправия, беспощадно осуждающий погромы и устанавливающий определенную кару за насилия над евреями. Все ограничилось телеграммой в 23 слова, от 25 сентября, адресованной ген. Деникиным из Одессы к командующему войсками Киевской области ген. Драгомирову и гласившей: «Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным». Этим исчерпана была вся активность высшего командования Добр. армии в деле борьбы с погромами. Неудивительно, если командующие крупными и мелкими добровольческими частями вполне определенно восприняли это безучастие верховного командования и усвоили тактику откровенного попустительства погромной практике своих подчиненных.

О какой-либо серьезной и систематической борьбе командного состава Добр. армии с погромами не приходится и говорить.

Для действительной и искренней борьбы с погромами необходимо было прежде всего честное и безоговорочное признание того факта, что грабежи и насилия чинятся военными частями Добрармии, которые за свои преступления ответственны. Но этого именно честного признания в подавляющем большинстве не было. Напротив, в самых своих строгих приказах против погромных эксцессов командный состав Добрармии на местах настойчиво стремился обелить добровольческие части от обвинения в грабежах и убийствах, снять с них ответственность за эксцессы и переложить ее на неведомых «людей, одетых в военную форму Добровольческой армии». На этого анонима, в роли которого фигуриро-

вали то местные бандиты, то «наймиты Троцких-Бронштейнов, Нахамкесов и т. д.», сваливалась вся вина за погромы; добровольцы же рисовались в этих приказах, как «защитники права и порядка», абсолютно невинные в убийствах и грабежах.

Таких приказов в нашем распоряжении имеется несколько. Вот наиболее характерные из них.

Начальник Черкасского тылового района полк. Христофоров в приказе № 20 от 27 ноября 1919 г. пишет: «В последние дни наблюдаются массовые грабежи, преимущественно еврейского населения, людьми, одетыми в военную форму Добровольческой армии. Глубоко убежден, что эти грабители не принадлежат к составу Добровольческой армии, несущей на своих знаменах право, порядок и законность для всех народностей, населяющих Россию, а это есть обыкновенные бандиты-грабители (курсив подлинника), передевающиеся в военную форму с провокационной целью — наложить пятно на честных борцов Добровольческой армии».

В приказе за № 11 по гарнизону г. Нежина от 12-го сентября 1919 г. начальник гарнизона ген.-майор барон Штакельберг, констатируя факт «непрекращающихся грабежей, насилий, самочинных обысков, реквизиций и проч. бесчинств» и приказывая «всех грабителей, вымогателей, застигнутых на месте преступления, расстрелять незамедлительно и без суда», в то же время заявляет: «В большинстве случаев грабежей, насилий и самочинств принимают самое деятельное участие наймиты Троцких-Бронштейнов, Нахамкесов и прочих деятелей так называемой «рабоче-крестьянской власти». Иначе говоря, погромы устраиваются не добровольцами, но по вине евреев-большевиков. В этом барон Штакельберг предлагает каждому «убедиться в штабе бригады в неоспоримо документальных данных» (стиль подлинника). Приказом № 3 от 6-го августа 1919 г. по Черкаскам комендант города сотник Головкин, предвывая, что «обыски могут производиться только лишь по предписаниям 1-ой Кавказской Казачьей дивизии», заявлял: «Ко мне поступила масса жалоб, якобы казаки производят грабежи, в действительности же оказывается, что грабежами занимается местное население. Предупреждаю, что захваченные на месте грабежа будут беспощадно расстреляны». Начальник гарнизона Белой Церкви полк. Сахаров в приказе № 10 от 1-го сентября 1919 г. констатирует, что случаи ограбления мирных жителей «не только не уменьшаются, но увеличиваются — грабежи с еврейского населения переходят уже на русское». Но и он утвер-

ждает, что эти грабежи производятся «лицами, прикрывающимися формой честных борцов Добровольческой армии». Ибо — «воин Добровольческой армии не грабитель или разбойник, а защитник права и порядка, и наоборот — грабитель не воин Добровольческой армии»*).

В тех же немногих случаях, когда уже совершенно немислимо было отрицать массовые грабежи солдат и офицеров, совершаемые под предлогом поисков оружия в еврейских квартирах, власти все же и здесь считали нужным переложить вину за это на само страдающее население. В приказе № 2 по гарнизону г. Черкасс от 9-го августа 1919 г. начальник гарнизона капитан Яковлев оповещает, что, вопреки изданному приказу о сдаче оружия, казенного обмундирования и вещей, население все это «прячет и тем невольно вызывает меры обысков в квартирах».

Власть не стремилась к открытому и честному установлению подлинных виновников погрома. О том, что она сама не предпринимала каких-либо шагов к расследованию происходивших погромов и привлечению виновных к ответственности, не приходится и говорить. За все восьмимесячное господство Добрармии на Украине имели место лишь два случая (местного значения) снаряжения следственных комиссий: в Томашполе (Под. губ.) — по распоряжению ген. Розеншильд-Паулина, и в Яблоне, — по распоряжению Лубенского Начальника гарнизона, полк. Рожаневича. Последняя комиссия представила обстоятельный и совершенно открытый доклад, уничтожающий для добровольческих частей. Но он движения не получил, никаких последствий не возымел и остался документом чисто академического значения. История Томашпольского расследования подробно рассказана в другом месте (см. выше): здесь и до настоящего расследования не дошло. В Фастове, куда из Киева обещано было выслать следственную комиссию, население тщетно ждало ее прибытия. «Следственной комиссии здесь нет, и едва ли она когда-либо приедет», грустно пишет фастовский общественный деятель Л. Годик⁸⁶). Вместо нее приезжали, правда, командированные судебной палатой товарищ прокурора и чиновник особых поручений от губернатора, которые опрашивали о «причинах возникновения погрома». «Тот и другой внешне проявляли объективность и обращались, как к евреям, так и не-евреям»⁸⁷). Но «это было не следствие, а зна-

*) Все эти возвания приводятся полностью в отделе документов, в приложении.

⁸⁶) Центр. архив; копия письма Л. Годика к Э. Гуртовому.

⁸⁷) Там-же.

комление с событиями»⁸⁸). Никаких следов оно не оставило и никаких последствий не имело⁸⁹). О характере следствия в Киеве (Комиссия ген. Гуляева) мы говорили выше.

Этим и счерпы в а ю т с я все случаи попыток местных властей с своей стороны установить истину о виновниках погромов. Мы видели, что они были ничтожны количеством и совершенно безрезультатны по своим реальным последствиям. Мало того: добровольческие власти делали все от них зависящее, чтобы воспрепятствовать еврейскому населению и общественным организациям собрать, а тем более опубликовать уличающий материал об участии регулярных добровольческих частей в погромах. Председатель еврейской общины в Хороле Д. И. Иерусалимский сообщает, что когда после погрома местная община стала собирать материалы о событиях, «посетивший наш город вице-губернатор намекнул нам, чтобы мы не распространяли неблагоприятных (об армии) сведений... В происшедшем виновны лишь отдельные солдаты»⁹⁰). В Киеве же власть поступила еще категоричнее: с редактора еврейской ежедневной газеты «Di Welt» взята была 23 сентября подписка, обязывающая его «никаких статей о погромах и налетах, совершенных лицами в военной и солдатской форме, в газете не пропускать»⁹¹). Этот намордник на печать, пытающуюся правдиво осветить действительное положение вещей, надет был не только на издания еврейские. 14-го октября Киевский областной комитет Всероссийского Союза Городов обратился к киевскому Градоначальнику с ходатайством о разрешении издания периодического бюллетеня Лиги борьбы с антисемитизмом. 17 дней канцелярия Градоначальника задерживала ответ на это прошение. Наконец, 31-го октября, последовал отказ: «Главнокомандующий Киевской области не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство, полагая, что общественные организации в настоящее время должны уже стать на путь деловой работы и прекратить разрушающие страну раздоры, совершенно недопустимые в теперешних переживаемых страной условиях». В то же самое время погромные издания типа

⁸⁸) Там-же.

⁸⁹) Да и не могло иметь: уполномоченный Красного Креста Г. И. Рабинович свидетельствует, что производившийся чиновником особых поручений «опрос пострадавших от погрома производился в присутствии казака с винтовкой. Взгляд его глаз из-под насулпленных бровей был весьма многозначителен». Кто же решится быть откровенным в такой обстановке?

⁹⁰) Центр. архив; письмо Д. И. Иерусалимского к Центр. Комитету помощи жертвам погромов.

⁹¹) В материалах Центрального архива хранится перечеркнутая 21-го сентября 1919 г. военным цензором гранка газеты «Di Welt» со статьей об эксцессах добровольцев в предместьях Киева.

«Вечерних Огней» и «Киевлянина» свободно выходили под добровольческой военной цензурой и широко распространяли свою пропаганду расклейкой на столбах и стенах домов, раздачей и продажей по улицам. Стороной, возбуждающей «разрушающие страну раздоры», являлись, таким образом, по мнению власти, не вдохновители погромов, а те, кто с ними борется.

Власть не хотела знать истинных виновников и участников погромов и всячески покрывала их. При этих условиях о какой-либо серьезной и действительной борьбе против погромов естественно и речи быть не могло.

Чрезвычайно характерным для уяснения истинного отношения добровольческих верхов к делу борьбы с погромами является их отношение к выдвинутому Комитетом Еврейских Делегаций в Париже проекту о приглашении ген. Деникиным специальной еврейской комиссии из представителей еврейства разных стран: Америки, Англии, Франции и др. Комиссия эта должна была выяснить размер и обстоятельства уже происшедших погромов, причины и условия, способствующие возникновению погромов; в соответствии с достигнутыми ею результатами, комиссия должна была высказать властям свое мнение о методах и способах для предотвращения погромов в будущем и обследовать размеры действительной нужды погромленных для оказания им помощи.

Идея создания и посылки такой комиссии могла в значительной мере быть подсказана Комитету Еврейских Делегаций недавним прецедентом аналогичного рода. 5-го сентября 1919 г. председатель украинской дипломатической миссии в Париже граф Тышкевич передал ряду еврейских общественных деятелей в Париже (Л. Моцкин, М. Усышкин и А. Гольдштейн) и в Лондоне (Ахад-Гаам и др. Йохельман) приглашение правительства Петлюры образовать следственную комиссию для расследования еврейских погромов на Украине. По настоянию этих деятелей, приглашение это было переадресовано шести наиболее влиятельным еврейским организациям Англии, Франции и Соед. Штатов. Комиссия, однако, не сконструировалась и не выехала, так как, тем временем, Петлюра и его армия вынуждены были оставить пределы Украины. Но идея посылки такой комиссии, сама по себе, своего значения не потеряла, и посетившие 7-го декабря 1919 г. русского посла и дипломатического представителя Добровольческой армии в Париже В. А. Маклакова представители Комитета Еврейских Делегаций сделали ему именно такого рода предложение, заявив, что К. Е. Д. считает его осуществление «первым и истинно действительным средством в

борьбе с погромами». Нахум Соколов, член делегации, высказал при этом уверенность, что «посылка такой комиссии уже самим своим фактом подействует ободряюще на еврейское население России, уменьшит панику и даст возможность правительственным органам засвидетельствовать перед членами комиссии, облеченными доверием как широких кругов еврейства, так и общественного мнения тех государств, гражданами которых они состоят, свою действительную волю положить конец погромам»⁹²).

В. А. Маклаков, в совершенстве осведомленный о настроениях и взглядах руководящих добровольческих верхов, дал на это следующий ответ:

«Он (Маклаков) усматривает известную опасность» в «международном составе комиссии». Лозунгом тех «широких кругов, на которые опирается правительство Деникина», является «национальное достоинство и мощь России»; и для них международная комиссия явится признаком посягательства на достоинство и суверенитет России». По этим же соображениям была уже однажды оставлена идея об образовании такой международной комиссии («причем не еврейской, а из официальных представителей держав Согласия», — подчеркнул В. А. Маклаков), выдвинутая ранее в Ростове, в беседе с ним, Маклаковым, как раз самими членами Деникинского правительства. Еврейский международный характер проектируемой комиссии лишь «закрепил бы ненавистную и пугающую легенду о еврейском «кагале». В то же время, — подчеркнул В. А. Маклаков, — такая комиссия, которая «осуществит особую привиллегию русских евреев ашшелировать на свое правительство своему международному органу, несомненно усилит антисемитизм и вызовет новую опасность погромов».

По всем этим соображениям В. А. Маклаков заявил, что «считает более целесообразным посылку комиссии из одних русских евреев, причем официально эта комиссия должна быть исключительно комиссией помощи»; функции расследования и представления заключений Главному Командованию, стало быть, должны были отпасть; В. А. Маклаков прибавил, однако, что это ограничение «не лишает комиссию возможности практически осуществить те задачи, кои намечены в предложении Комитета». Он обещал «подумать» и «в ближайшие же дни поставить этот вопрос перед своими товарищами по представительству».

⁹²) Краткая запись этого собеседования хранится в архиве Комитета Еврейских Делегаций (Париж); из нее взято изложение беседы и все заключенные в кавычки цитаты.

Никаких реальных последствий это предложение Комитета Еврейских Делегаций не возымело. Никакого ответа представительство Добровольческой армии не дало. Но бесконечно характерна вся аргументация добровольческих деятелей, весь подход их к этой наболевшей, кровавой теме. Превыше всего для них стояла не забота о том, как охранить от погромов и как помочь погромленному еврейскому населению, как дать хоть бы моральное удовлетворение потрясенному и встревоженному мировому еврейскому общественному мнению, — но вопросы ложно понятого престижа и опасения, как бы не раздражить антисемитов и не возбудить разговоров о подчинении указаниям всемирного еврейского «кагала». В жертву этим дешевым и сторонним соображениям без раздумия приносились кровные интересы миллионов еврейского населения на занятых Д. А. территориях. Представлявший «прогрессивные» элементы в добровольческой среде В. А. Маклаков приносил эту жертву так же легко, как «умеренный» ген. Деникин или правый ген. Драгомиров.

Некоторой — пожалуй единственной, — хотя и слабой сдержкой для ответственных верхов Д. А. в области еврейского вопроса было опасение иностранного вмешательства и боязнь взрыва негодования в общественном мнении Зап. Европы и Америки. Дипломатические представители и политические друзья Д. А. за границей неоднократно делали настойчивые представления руководителям Д. А. и Особому Совещанию при ней по поводу того, что общественное мнение держав Согласия ставит, в значительной мере, свое отношение к Д. А. в зависимости от прекращения насилий и жестокостей над еврейским населением. Приезжавший в Ростов русский посол в Париже В. А. Маклаков указывал на крайнюю трудность работы в пользу Д. А. за границей при ее отношении к еврейскому населению. Об этом же писал П. Н. Милюков представителям кадетской партии в Ростове. Открыто ставил это на вид и приезжавший на юг России В. Бурцев. Назначенный ген. Деникиным начальником отправляющейся в Америку дипломатической миссии проф. П. П. Гронский, учитывая значение, которое будет придаваться общественным мнением и правительством С. Штатов положению евреев в России, счел необходимым перед своим отъездом войти в контакт с еврейскими общественными кругами. Все они ясно сознавали и недвусмысленно подчеркивали невозможность привлечь симпатии иностранных кругов при антисемитской политике правительства Добровольческой армии.

Такого же рода указания шли непосредственно и от самих иностранных кругов. Английские военные представите-

ли при Д. А. (ген. Бриггс и ген. Хольман), американский вице-консул в Ростове и др. получили запросы от своих правительств относительно еврейских погромов; те же английские представители, а также приезжавшие в Ростов представитель Чехо-Словацкой республики, д-р Крамарж, и один из членов итальянской королевской фамилии решительно подчеркивали необходимость прекращения насилий и жестокостей над еврейским населением⁹³). Английский же военный представитель при Д. А. ген. Бриггс произнес 2-го ноября 1919 г. в Харькове речь, в которой, по сообщению харьковских газет, недвусмысленно заявил: «Где бы я ни был, везде я слышал о вражде к евреям. Будете ли вы их уничтожать и будете ли этим подобны большевикам? Если так, то вы потеряете сочувствие всей Европы». То же почти дословно повторил он на банкете в Киеве: «Если в отношении своем к евреям вы будете придерживаться системы большевистской, вы потеряете симпатию Европы»⁹⁴).

Ген. Деникин и его окружение не могли отнестись ко всем этим представлениям и предупреждениям с тем же великодушным равнодушием, с каким они реагировали на жалобы и просьбы еврейских представителей. Ставка на помощь Запада, особенно Англии, играла слишком значительную роль в расчетах вождей Д. А., чтобы можно было пренебречь идущими из этого источника указаниями. В Англии шла как раз в это время ожесточенная борьба между Черчиллем, сторонником активной помощи Д. А. в ее борьбе с большевиками, и Ллойд-Джорджем, противником такой помощи. От исхода этой борьбы зависело многое, почти все для Д. А. И пренебрегать голосом английского еврейства было бы просто неблагоприятно. Большой друг ген. Деникина и Добровольческой армии, начальник британской военной миссии при ставке Главнокомандующего вооруженными силами на юге России, ген. Хольман, с большим беспокойством говорил посетившей его 4 (17) ноября 1919 г. в Таганроге сионистской делегации: «У нас много влиятельных евреев: сэр Руфус Айзекс, сэр Герберт Сэмюэль и другие... То же в Америке. От евреев многое, очень многое зависит. А между тем, евреи ведут у нас кампанию против Добр. армии, против оказания ей помощи. Газеты, во главе которых стоят евреи, пишут, что ген. Деникин устраивает погромы, что он — реакционер, и не дают нашему правительству оказывать ему помощь... Вы имеете влияние. Евреи способный и организованный на-

⁹³ Частное сообщение М. Ф. Гиндеса, члена сионистской делегации (см. ниже).

⁹⁴ «Киевская Жизнь», от 7 (20) ноября 1919 г.

род. Вы должны повлиять на английских евреев. Пусть они не мешают лорду Черчиллю оказывать помощь России»⁹⁵).

Несомненно, что и ген. Деникину не чужды были высказанные ген. Хольманом опасения. Ему естественно не улыбалась перспектива конфликта с европейским общественным мнением из-за евреев. И для предотвращения такого конфликта он и руководители политической работой Д. А. избрали двоякий путь.

С одной стороны, русским представителям в странах Зап. Европы предписывалось всячески у с п о к а и в а т ь европейское общественное мнение, во всеуслышание заявляя о царящем на занятых Д. А. территориях полном равенстве всех граждан перед законом и о вымышленности или преувеличенности сведений о погромах. Поскольку же совершенно отрицать погромные факты представлялось невозможным, ответственность за них целиком перекладывалась на «петлюровцев», на большевиков, на повстанческих атаманов, на махновцев и т. д. Участие добровольческих частей в погромах решительно о т р и ц а л о с ь. Благодаря царившей тогда совершенной почти оторванности России от всего остального мира и крайней отрывочности доходившей информации о том, что в действительности происходило на территории Украины, такого рода политика затушевывания фактов не оставалась безуспешной. Во всяком случае, она порождала некоторые колебания и ослабляла волю к активному негодующему протесту. Этого достаточно было добровольческим политикам.

С другой стороны, велась систематическая «обработка» иностранных представителей в России. Их забрасывали заведомо тенденциозной и лживой официальной и полу-официальной информацией о евреях и об их роли в большевизме и им всячески внушалось представление о законности или, по меньшей мере, естественности проявлений «народного гнева» против евреев. Особенно энергичной и действительной «обработке» этого рода подверглись британские военные представители ген. Хольман и ген. Бриггс. О способах, к которым для этой цели прибегали агенты Д. А., можно судить по упоминавшейся выше беседе сионистской делегации с ген. Хольманом. Последний вдруг категорически заявил: «Я получил сообщение, что из 36 столичных московских комиссаров 1 русский, а все остальные — евреи». Когда члены делегации высказали крайнее изумление по поводу такого заявления, ген. Хольман возразил: «Я вам сейчас это сообщение покажу». «По предложению ген. Хольмана, — читаем далее в уже

⁹⁵) Протокол беседы записан членом делегации М. Ф. Гиндесом. (См. отдел приложений).

цитированном протоколе этой беседы, — полк. Роландсон вносит объемистый доклад, написанный на машинке на русском языке и, повидимому, всецело посвященный еврейскому вопросу, и открывает его на следующем месте, которое ген. Хольман показывает членам делегации: «Первенствующую роль сыграли после революции советы, ставшие средоточием политической жизни и деятельности. В этих советах выдвинулись следующие лица:

Псевдоним	Фамилия	Национальность
Ленин	Ульянов	Русский
Троцкий	Бронштейн	Еврей
.....	.....	”
.....	.....	”
.....	.....	”
.....	.....	”

(Следует еще около тридцати фамилий и псевдонимов, против которых в столбце «Национальность» лишь две черточки, т. е. то же самое — «Еврей». Таким образом, весь столбец «Национальность» состоит из 1 «Русского» и нескольких десятков «Евреев»*)).

Конечно, сионистская делегация по пунктам опровергла этот апокрифический список; но он был не первым и не единственным «документом» этого рода; все прочие на опровержение еврейских представителей не представлялись, и в совокупности своей эти, носившие авторитетную печать официальности, материалы воспитывали союзных военных представителей в представлении о тождестве еврейства и большевизма, об ответственности российского еврейства за большевистскую разруху.

* *
*

Добровольческая власть евреев от погромов совершенно не защищала. Не могло быть речи и о самозащите еврейского населения.

Еврейское население стояло, таким образом, абсолютно беззащитным перед лицом добровольческих громил, — в большей мере беззащитным, чем при всяких других погромах кровавого четырехлетия 1918—1921 г. Наученное горьким

*) См. в приложении отдел документов.

опытом, еврейство городов и местечек Украины изверилось в действительной охране от погрома со стороны каких бы то ни было властей. Лозунг самообороны, выдвинутый самой жизнью еще в конце 1917 г., начал стихийно осуществляться в 1919 г. (и последующих годах). Несмотря на первоначальное сопротивление части социалистических партий, а затем и еврейских коммунистов, в целом ряде пунктов еврейским населением созданы были организованные отряды самообороны, — иногда тайные, иногда полуполигализованные, иногда вооруженные лишь десятком-другим револьверов, иногда имевшие все роды оружия, до пулеметов включительно. В одних пунктах эта самооборона была специально-еврейская, в других — общеместечковая. Во всяком случае, она очень часто служила действительным орудием защиты против повстанческих и бандитских набегов, оказывая в отдельных случаях удачное сопротивление и регулярным петлюровским отрядам. Уже самый факт наличия вооруженной и на все готовой еврейской охраны являлся сдерживающим и предохраняющим началом для погромщиков разных видов, и не одно местечко было спасено от окончательного разгрома героической защитой нескольких десятков, а иногда и сотен молодых людей.

Но при добровольцах все это изменилось. Добровольческая администрация рассматривала себя, как носительницу подлинной организованной государственной власти, не терпящей рядом с собой какой-либо другой организованной вооруженной силы, — тем более еврейской, наперед заподозренной в большевизме, в противогосударственных тенденциях. Поэтому всюду, где появлялись добровольческие власти, еврейские самообороны немедленно р а с п у с к а л и с ь. Их существование считалось несовместимым с наличием «твердой и законной государственной власти». Но, кроме того, само еврейское население не могло более и помышлять о вооруженной самозащите, ибо она, в большинстве случаев, была бы заведомо безнадежна. Против повстанческих крестьянских шаяк или даже против отдельных деморализованных петлюровских отрядов еще возможна была успешная борьба. Выступить же против до зубов вооруженных и снабженных артиллерией добровольческих частей было бы безумием. В том или ином отдельном случае возможен был, конечно, успешный исход борьбы с какой-либо небольшой кучкой грабителей (погромы часто устраивала группа в 7-10 казаков), но и в этом случае наперед было известно, что это выступление будет оценено добровольческой властью не как естественная и законная самозащита населения против насильников,

а как еврейско-большевистский бунт, за которым последует беспощадная расправа.

Таким образом, еврейская самооборона почти всюду исчезла при добровольцах. Часть оружия была сдана властям, часть припрятана. Связь между участниками самообороны утеряна не была, но как организованная и действенная сила она почти никогда не выступала. Отдельные исключения из этого правила легко перечислить. В Богуславе (Киевск. губ.) после второго дня погрома «каждая улица достала по несколько ружей и патронов, которые еще раньше были приобретены евреями у крестьян. Создалась охрана, олагодаря сопротивлению которой казаки в дальнейшем не могли грабить»⁹⁶). На этот раз погром был приостановлен. При отступлении добровольцев в декабре 1919 г. погром был той же самообороной предотвращен. Проходившие солдаты 42-го Якутского полка начали было грабить и хотели повести к расстрелу около 15 евреев, но «благодаря еврейским обходчикам бежали из города»⁹⁷). Последней денкинской частью, проходившей через Богуслав, был знаменитый Волчанский отряд. Волчанцы пытались было расстрелять несколько оборонцев; тогда 7-8 человек выкопали запрятанные винтовки и вступили в бой с отступающими волчанцами⁹⁸). Только этим объясняется тот факт, что отступление добровольцев, всюду отмеченное разгромом и убийствами, в Богуславе обошлось без человеческих жертв. То же имело место и в Корсуни (Киевск. губ.). Здесь еврейское население после прекращения погрома, с разрешения мстных властей, организовало самооборону, которой власти выдали оружие. В середине декабря 1919 г. началось отступление добровольцев. Тогда же начались и грабежи. «Погром открыла офицерская дружина, но еврейская охрана быстро прекратила их попытку к грабежу. В результате стычки офицерская рота ушла»⁹⁹)... Удачно начала свои действия самооборона и в м. Городище (Киевск. губ.). После ухода большевиков в местечке организовалась охрана из 20 христиан и 50 евреев. Когда передовой отряд в 8 казаков начал грабить, представители «Комитета общественной безопасности», состоявшего из 8 христиан и 1 еврея, позвонили по телефону добровольческому коменданту ст. Воронцовка-Городище, штабс-капитану Светскому, прося помощи. Тот ответил, что это не его казаки, а переодетые

⁹⁶) Центр. архив; из материалов Поaley-Цион, показание Л. П. Кругляка.

⁹⁷) Там-же.

⁹⁸) Из материалов ЕКОПО; доклад о Богуславской охране.

⁹⁹) Из материалов Поaley-Цион; опрос Е. Майстерового.

бандиты. Тогда вся местечковая охрана высыпала на улицу и дала залп в воздух. Грабители разбежались¹⁰⁰).

Но именно эти удачные выступления самообороны и неудобны были добровольческим частям. Они предпочитали иметь дело с совершенно безоружным и беззащитным еврейским населением и грабить невозбранно и без всякого риска. И они добивались разоружения еврейских дружин всеми правдами и неправдами, силой и хитростью. Существовавшая в Одессе с 1917 г. и являвшаяся при всех сменах власти в это смутное время почти единственной, поддерживавшей порядок в городе организованной силой, еврейская дружина была распущена простым приказом¹⁰¹). В Екатеринославе в переходное время тоже образовалась была еврейская дружина; но немедленно по вступлении добровольческих частей «толпа стала волноваться, требуя, чтобы евреям не давалось оружия», и «комендант распорядился об отобрании оружия у еврейской дружины»¹⁰²). В Богуславе «проходившие (в декабре, при отступлении) Волчанские отряды обезоружили еврейскую охрану, отпустив, впрочем, ее участников невредимыми... Обезопасив себя с этой стороны, волчанцы приступили к работе»¹⁰³). В Юзефполе (Под. губ.) существовавшую в местечке дружину в составе 50 человек (и 10 в резерве) разогнали, а дом ее начальника, раввина Гольденберга, разграбили до тла и подожгли¹⁰⁴). В Городище (Киевск. губ.) через несколько часов после того, как местечковая охрана прогнала выстрелами в воздух 8 казаков, от которых отказался сам же добровольческий комендант (заявив, что это не его солдаты, а переодетые бандиты), в местечко приехал этот же комендант, шт.-кап. Светский. Он строго запросил, почему стреляли в его казаков, шедших в местечко за провизией, и потребовал сдачи оружия охраной. При этом он дал «честное слово русского офицера», что никто не пострадает. Оружие (50 ружей) было сдано. Немедленно в местечке начался погром, длившийся с 9 по 18 августа¹⁰⁵). В м. Мястовке (Под. губ.) местная еврейская молодежь, наученная горьким опытом предыдущих добровольческих погромов, решила было не впускать в местечко отступавшие в марте 1920 г. части

¹⁰⁰) Из материалов Красного Креста; показание Зейдеса.

¹⁰¹) Центр. архив; записка С. Якоби: Город, в котором не было погрома (Одесса).

¹⁰²) Из протокола сион. конференции в Балаклаве (18-22 сентября 1919 г.); доклад председ. Екатеринославской евр. общины инж. М. С. Врука.

¹⁰³) См. выше, показание А. П. Кругляка.

¹⁰⁴) Из материалов Одесск. евр. общины.

¹⁰⁵) См. выше, показание Зейдеса.

Д. А. И когда колонна ген. Склярова выслала квартирьеров, в количестве до 100 всадников, то за версту от Мясковки они были встречены ружейным и пулеметным огнем. Вскоре, однако, подошли главные добровольческие силы и, сломив сопротивление самообороны, заняли местечко. «Казачи-квартирьеры начали мстить евреям, — пишет украинский хорунжий Грецкий, — и когда мне пришлось уже проходить через Мясковку, то почти все, исключительно еврейские, магазины и дома горели или догорали»¹⁰⁶).

---

¹⁰⁶) «Витязи», стр. 21.

ГЛАВА VIII.

Промежуточный период затишья: октябрь-ноябрь 1919 г. — Возрождение дореволюционной администрации. — Милиция в роли грабителей. — Насилия и издевательства добровольческих гражданских властей. — Экономическая разруха. — Исключительная разрушительность добровольческих погромов. — Холод, голод, эпидемические болезни. — Эмиграционная горячка. — В кольце. — Невозможность бежать. — Опустение целых общин.

Кульминационными моментами добровольческой погромной волны на Украине являются август-сентябрь 1919 г., — момент победоносного продвижения Добрармии, и декабрь 1919 - январь 1920 г. — момент ее панического отступления. В промежутке между ними задегает двухмесячный период относительного «спокойствия»^{*)}. Еврейские местечки перестали быть ареной военных действий и переходить из рук в руки; фронт передвинулся далеко на север, добровольческие военные части были убраны с Украины в новый район военных действий. Наступило некоторое затишье. Место военных властей всюду заняли власти гражданские. Появилась добровольческая администрация, начавшая насаждать государственный правопорядок. Этот период затишья явился, конечно, по сравнению с предыдущими кошмарными месяцами, огромным облегчением для измученного еврейского населения. Погромы в их прежней острой и истребительной форме прекратились. «Местная власть стала налаживаться (после 1-го октября), — пишет в докладной записке Начальнику Каневского уезда и. о. общественного раввина г. Богуслава Д. В. Лучинский, — и в Богуславе, наконец, наступило спокойствие и некоторый порядок. Стрельба по ночам совершенно прекратилась, о грабежах почти не было слышно, некоторых опасных бандитов выловили и казнили, и евреи, наконец, вздохнули свободно и по ночам спали сравнитель-

^{*)} Этот период можно считать спокойным только относительно. Так, напр., погром в Киеве произошел в октябре; повторные погромы происходили в ряде пунктов.

но спокойно. Правда, это им, т. е. евреям, обошлось не совсем дешево: приходилось все время содержать на свой счет всем необходимым охранявшую порядок местную офицерскую роту, на что была израсходована солидная сумма в несколько сот тысяч рублей. Но, по крайней мере, мы в течение 2½ месяцев, т. е. до эвакуации денкинской власти, в самом местечке чувствовали себя совершенно безопасными». То же констатируют материалы и в отношении ряда других еврейских городов и местечек. Но это «благополучие» было лишь весьма относительным и поверхностным. Оно было благополучием лишь в сравнении с предшествовавшей резней. Сами по себе именно эти «мирные» месяцы нагляднее всего показали истинный облик добровольческой власти по отношению к еврейскому населению, ее полное нежелание и неумение наладить нормальную гражданскую жизнь и обеспечить спокойствие и безопасность своих еврейских граждан.

Появившиеся добровольческие гражданские власти по своему личному составу и по методам управления представляли собою второе издание дореволюционной царской администрации. «Восстановлен был режим царских времен, только еще более прогнивший», — пишет летописец разгрома еврейской провинции о м. Городище (Киевской губ.)¹). «Прибыла долгожданная гражданская власть», — рассказывает наблюдатель из города Черкассы (Киевск. губ.) «начальник уезда и помощник, пристава, надзиратели и пр. — в погонах, с пашками. Словом, воскресали понемножку картинки Николаевского режима; появилась Государственная Стража, среди которой было много григорьевцев и прочих погромщиков... Об этом свидетельствовали знакомые физиономии бывших прямых и косвенных участников погромов и резни мирных еврейских жителей»²).

При таком личном составе и характере власти неудивительно, что еврейское население встретило в ней не защитницу, а фактически новую «гзейру». Измученные анархией, стоксавшиеся по «сильной власти» части населения готовы были первоначально даже приветствовать возрожденного «пристава», видя в нем символ возврата к «добрым старым временам». «Сначала все обрадовались приставу», — рассказывает бытописатель м. Городища. «Он производил впечатление тихого человека, брал взятки, получал от евреев 10.000 р. в месяц и охранял порядок. Или, как евреи сами говорили: «Пристав хороший человек — мы стараемся для него, он

¹) Центр. архив; С. Слуцкий, «Разгром еврейской провинции».

²) Центр. архив; сообщение А. К., поступило через уполномоченного М. Рекиса.

старается для нас»³). Но вскоре от этой идиллии не осталось и следа. Выяснилось, что «сами стражники были порядочными бандитами. Началась целая серия вымогательств денег у евреев, с одной стороны, Светским (военный комендант), с другой — приставами и стражниками. Евреям приходилось много терпеть и со стороны полиции, и от проезжавших казаков и офицеров, и от Светского с компанией»⁴). Ибо штат милиции был набран из тех самых местных бандитов, которые вчера лишь грабили и убивали⁵). Неудивительно поэтому, что между милицией и бандитами тянулись нити своеобразной кооперации. В м. Россаве (Киев. губ.) при всех властях жестоко терроризировал еврейское население молодой бандит Демьян Лазаренко. В августовском добровольческом погроме он тоже принял выдающееся участие. Наконец, стало известно, что уже организована волостная милиция в Козине и районная — в Степанцах. «Скоро в Россаву прибыл сам пристав с милиционерами, арестовал Демьяна и других. Но уже через несколько дней Демьян и компания были освобождены. И вот, в одну из пятниц в Россаву прибыл опять этот самый пристав с милиционерами и в сопровождении того же Демьяна нашли евреев, оставшихся в местечке, и расстреляли»⁶). В формы чистой уголовщины вылилась административная практика призванной для охраны порядка Государственной Стражи в м. Степанцах (Киев. губ.), где после августовского погрома во главе ее стал «некий Пампушко, состоявший при большевиках главарем партизанского отряда, под кличкой «Бурлак», и при взыскании в м. Козине контрибуции убивший нескольких евреев». Первым его шагом теперь было издание приказа о сдаче оружия, которое на верное хранится у евреев. Ряд евреев был по неизвестным причинам арестован, избит и по дороге в Канев «при неизвестных обстоятельствах» убит⁷). Пампушко обложил еврейское население контрибуцией в 50.000 руб., из которых успел получить 30.000. Но владычество Пампушко было еще не самым худшим из пережитого Степанцами. Второй его преемник на посту начальника Государственной Стражи, Борбатенко, превратил Степанцы в разбойничье гнездо. «Каждую ночь он устраивал погромы, грабил, насиловал, убивал и сжигал еврейские дома. Помощником его был один семинарист, сын священника с. Туменцы, Каневского у., повидимому, дегенерат и садист. Последний в буквальном смысле слова терзал

³) С. Слуцкий, «Разгром еврейской провинции».

⁴) Там-же.

⁵) Из материалов Красного Креста; показание Зейдеса.

⁶) Центр. архив; донесение о Россаве при добровольцах.

⁷) Из материалов Красн. Креста; показание д-ра И. С. Слепака.

свои жертвы. Сестру часового мастера Ш., он изнасиловал, колот ее вилкой и когда решил, что убил свою жертву, он ее оставил. Точно также он поступил с дочерью промышленника Л. За неделю приблизительно начальствования Борбатенко убито 10 евреев, а количество разоренных не поддается учету, так как $\frac{3}{4}$ местечка эмигрировало в Канев, Черкассы и Екатеринослав⁸⁾.

Печальную для еврейского населения роль играли добровольческие «постоянные» власти и в г. Борзне (Черниг. губ.). Здесь тоже «в течение 3½ месяцев погрома не было». Но с назначением комендантом города сына местного помещика Зарудного, парня 23-24 лет, кутилы и пьяницы, «для Борзенских евреев начинается новая серия моральных издевательств. Излюбленным методом его издевательств было соби- рание еврейской бедной детворы, которой он дарил конфеты и хлеб, а они за это под его командой целыми часами должны были выкрикивать: «бей жидов, спасай Россию!». Почти всех проходивших мимо комендатуры евреев дежурившие офицеры загоняли во двор комендатуры, где те, подобно голодной детворе, под командой того же коменданта и в присутствии «интеллигентов-офицеров» вынуждены были также выкрикивать «бей жидов, спасай Россию», но они возмездие получали не сладостями, а нагайками и шомполами. Такой участи подверглись евреи: Резников, Б. Белый с сыном, Тантлевский и мн. др.»⁹⁾.

Эти «плоды невинного юмора» добровольческой власти были, впрочем, далеко еще не самым худшим моментом еврейской жизни в эти «спокойные» месяцы. Погром прекратился, но только в своей острой, напряженной и, так сказать, сконцентрированной форме. Он принял более систематический, затяжной, ровный характер. Вместо обычных 3-4 дней кошмарного и повального грабежа, убийств, изнасилований, эти же явления были растянуты на несколько месяцев и происходили не в накаленной атмосфере занятия города войсками, а в нормальной, повседневной бытовой обстановке, при полном отсутствии военных действий, при наличии постоянных местных гражданских и военных властей. Вот как рассказывают об одном таком «тихом погроме» лица, пережившие его в Черкассах:

«Затрудняюсь сказать, когда начался погром (декабрьский). Собственно говоря, все время пребывания в Черкас-

⁸⁾ Из материалов Комитета Помощи; обращение в Киевский Областной комитет по оказанию помощи пострадавшим от погрома уполн. г. Степанцы д-ра И. С. Слепака.

⁹⁾ Сообщение председателя Борзенской еврейской общины Я. Расновского.

сах происходил перманентный погром. «Налеты» не прекращались ни на один день, они стали обычным явлением»¹⁰). «Город почти ежедневно переживал тревогу. Каждый раз проходившие эшелоны «шкуровцев» (частей ген. Шкуро) и «волков» (частей Волчанского отряда), чеченцев и проч. требовали у коменданта город на «3-4 часа», на «2 часа», «погулять». Еврейское население при каждом таком прохождении частей с подобными требованиями буквально трепетало, не знало куда деваться; депутации от еврейского общества бежали к коменданту, комендант выезжал на вокзал для вразумления и предотвращения несчастий, что стоило больших денег и больших усилий... Все же отдельные бандиты врываются в город и делают «частичные погромчики», наводя панику на мирных жителей»¹¹). Особенно пострадал Старый базар (Красная ул. и берег), где это продолжалось 6 недель. «Днем жизнь протекала довольно мирно и тихо. Люди торговали, покупали и продавали, вели свою обычную жизнь. Но с наступлением сумерек казаки начинали справлять свои оргии: группы казаков в 30-40 человек оцепляли одну или несколько улиц, ходили из квартиры в квартиру и обирали евреев до последней нитки. При малейшем сопротивлении, — а иногда и без всякого повода, — казаки стреляли и убивали. За этот период насчитывается 15-20 жертв»¹²). «Часто перед вечером можно было видеть группы еврейских девушек и женщин, молодых людей и стариков, с котомками и подушками, с узелками в руках, бегущих со Старого базара на ночлег в «центр» города к родным и знакомым... Казаки успевали делать по 60-80 налетов в ночь... В «центре» также были возмутительные грабежи, в которых принимали участие не только нижние чины, но и группы офицеров в форменных погонах или переодетые»¹³). В этой обстановке еврейское население жило все эти «мирные» месяцы. Не было никакой гарантии жизни и имущества. Приходилось самим заботиться о создании такой гарантии. И «многие еврейские семьи «приспособлялись» к этим обстоятельствам: сдавали комнаты бесплатно и часто со столом офицерам с целью иметь в доме охрану. Семья пишущего эти воспоминания, живущая в «центре», в большом каменном доме, на верхнем этаже, часто приглашала на ночь либо знакомого стражника, либо офицера из Государственной Стражи с винтовками. Известны многочисленные случаи, когда казачьи офицеры, пользовавшиеся

¹⁰) Из материалов Красн. Креста; показание Н. Х. Эйдельштейна.

¹¹) Центр. архив; сообщение А. К.

¹²) Упомян. показание Н. Х. Эйдельштейна.

¹³) Упомян. сообщение А. К.

ся комнатами и прочими даровыми удобствами, сами при уходе грабили своих гостеприимных хозяев»¹⁴).

Нельзя сказать, чтобы местные власти оставались абсолютно безразличными ко всем происходившим безобразиям. «Некоторые меры, как со стороны гражданской, так и военной власти все же принимались против пьяных дебошей и насилий над местными гражданами. Но эти меры часто ни к чему положительному не приводили, ибо власть, в лице, например, коменданта, бессильна была бороться с «волками» и «шкуровцами» и проч. деникинскими бандами. Представители власти часто сами признавались еврейским ходоатаям в своем бессилии»¹⁵).

Такой перманентный «тихий погром» переживало все еврейское население занятых Добров. армией областей в этот промежуточный, сравнительно спокойный период. Власть либо пособничала этому тихому погрому, либо вообще отсутствовала, обнаружив свою совершенную неспособность наладить жизнь и обеспечить безопасность.

«Теперь в Переяславе (Полтав. губ.) власть добровольцев», — читаем в материалах Одесской еврейской общины. «Но террор в отношении евреев происходит систематически и неумолимо; евреи не могут ночевать в своих разоренных жилищах, спят в укромных местах, секретных погребах, в лесах, на полях. Еврей не имеет возможности показаться на улице даже днем: в силу сложившихся условий он поставлен вне закона. Каждый может убить его совершенно безнаказанно»¹⁶). В м. Юстинград-Соколовка (Киев. губ.) в течение 3-х месяцев после сентябрьского погрома «господствовала анархия, никакой власти не было. Крестьяне деревни Соколовки (около местечка) каждую ночь входили в местечко, поджигали 2-3 дома, устраивали налеты, искали путей выжить евреев из местечка; многие действительно выехали»¹⁷). В м. Животове (Киевск. губ.), рассказывает в своем донесении очевидец, «после страшных дней наступило некоторое успокоение. Но и в эти «спокойные дни» в город заходили из ближайшей деревни небольшие группы деникинцев, продолжавшие грабить еврейское население. Так тянулось сплошь до деникинского отступления»¹⁸).

В обстановке этого перманентного погрома евреи естественно были бессильны хотя бы отчасти оправиться эконо-

¹⁴) Там-же.

¹⁵) Там-же.

¹⁶) Центр. архив; протокол показания часовых дел мастера Н. Ракиты.

¹⁷) Из материалов историко-информ. комиссии в Одессе; сообщение Н.-Х. Зильберга.

¹⁸) Центр. архив; сообщение И. Зона.

мически от того повального разорения, какое принесли с собой августовские и сентябрьские погромы. Под постоянной угрозой новых грабежей, поставленные «вне закона», еврейские торговцы, посредники, предприниматели не в состоянии были возобновить свою обычную деятельность. В Черкассах уже через 5 недель после погрома «жизнь все еще не вошла в колею: магазины стояли закрытыми (большинство было разграблено) и никакой торговой или общественной жизни не было»¹⁹). Экономическое положение еврейского населения, не смевшего, под страхом смерти, выехать за пределы местечка, начинало становиться угрожающим. Все возможности заработка были отрезаны. «Заработки были сведены на нет», — рассказывает о Городище Е. Слуцкий. «Евреи не смели показаться на вокзале, — не то что ездить по жел. дороге. Это использовали новые спекулянты из христиан и начали привозить целые вагоны товаров в Городище. Евреям доставались только объедки. Кооперативы и украинские кушцы наживали миллионные состояния. Торговля почти целиком перешла к не-евреям. Евреи существовали только небольшим количеством припрятанного товара и продажей домашних вещей»²⁰). Этот вынужденный экономический паралич довершал картину того небывалого разгрома и разрушения, вся острота которого должным образом осознана была еврейским населением именно лишь в эти месяцы сравнительного затишья.

Добровольческие погромы, частью пришедшие на смену, частью происходившие попеременно с погромами повстанческих банд и петлюровских частей, были исключительны по своей всесторонней разрушительности. Неторопливый и многократный грабёж денег, ценностей, вещей, домашней утвари, разрушение домов, частые поджоги, уничтожавшие целые улицы, создавали положение, при котором — уже после прекращения погромов — немногим уцелевшим евреям буквально некуда было возвратиться, негде было переночевать ночь. Полураздетые, они не имели белья, не имели кровати и подушки, не имели на чем сесть или лечь, чем заткнуть дыры в стенах или затопить печь. «Остаток евреев — шишут из Александровки (Киевск. губ.) — ютится в нескольких домах и находится в самом плачевном состоянии: топливо дорого и приобретать его невозможно; у многих нет необходимой одежды, обуви и одеял»²¹). И естественно, что в результате добровольческих и всех предшествовавших и сошутствующих им

¹⁹) Там-же; сообщение С. Л. Беккер.

²⁰) Там-же; С. Слуцкий, «Разгром еврейской провинции».

²¹) Там-же; сообщение М. Я. Цыганова.

погромов наступили голод, холод, грязь и эпидемические болезни, которые косили после погрома не меньшее количество жертв, чем сам погром. Больных не на что было положить. Не было возможности отделить больных от здоровых. Со вшами немислимо было бороться. Люди месяцами не имели возможности помыться. Медикаментов не было никаких, так как большинство еврейских аптек (в местечках почти все аптеки — еврейские) были разрушены до тла. Врачебная помощь чаще всего отсутствовала. Если кто-либо из врачей уцелел после погрома, он либо лежал в тифу, либо старался бежать в более крупный и безопасный центр. Смерть в этих условиях косила беспощадно.

Яркую картину типичного еврейского местечка после погрома дает письмо заведующего делом помощи в Богуславе Д. Б. Лучинского в управление Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста от 1/14 января 1920 г.: «Разумеется, после всех этих несчастий и разорений, голод и нищета и верные их спутники болезни свили себе весьма прочное гнездо среди еврейского населения. Тиф во всех его формах свирепствует во всю. К несчастью, на днях посетила нас также и азиатская гостья — холера и успела унести около десятка жертв. Люди (читай:евреи) мрут у нас, как мухи, за недостатком врачебного персонала и медикаментов. Достаточно сказать, что было у нас время, когда местечко с почти 20-тысячным населением, оставалось при одном только земском враче, обслуживающем при том и многочисленные села и деревни. Остальной же медицинский персонал, практикующий в местечке и состоящий из 3-х врачей, 2-х фельдшеров, акушерок-фельдшериц и нескольких санитаров и медицинских помощников, весь болел тифом²²). Душу раздирающие сцены можно было наблюдать на всех улицах в момент появления упомянутого единственного земского врача. Несколько десятков человек окружают, бывало, кибитку врача и со слезами на глазах все рвут его к себе, к своему больному... Что касается медикаментов, то они, по словам аптекаря, с каждым днем тают, и местечко не сегодня-завтра останется без употребительнейших и необходимейших медицинских средств, не говоря уже о том, что они становятся недоступными по своей дороговизне».

Болезни косили еврейское население беспощадно. Особенно богатую жатву собирал тиф. После второго добровольче-

²²) Еще хуже обстояло дело в Россаве (Киевск. губ.). Здесь «оба еврейских врача, избитые раньше еще, бежали; аптека и аптекарские магазины были совершенно уничтожены; а единственный земский фельдшер Архип Кулик, по его словам, получил от казаков приказ не являться на пункт и не оказывать помощи евреям».

ского погрома в одной Смеле насчитывалось «8500 сышно-тифозных больных, из коих 6000 евреев. Имеются сотни домов, где больны целые семьи, от первого до последнего. Бывают дни, когда в этом сравнительно небольшом городке хоронят 40 покойников-евреев и больше. Бывает и так, что в течение 4-5 дней нельзя добиться очереди, чтобы похоронить покойника»²³). В Борзне, (Черниговск. губ.) «эпидемия сыпного тифа особенно свирепствовала среди еврейского населения, ибо вследствие разрушения значительной части жилищ денкинскими бандами, евреи ютились по несколько семейств в одной комнатухе при самых антисанитарных условиях; это создавало благоприятную почву для распространения эпидемии, и 90% оставшегося еврейского населения переболело сыпняком, он вырвал из его среды 75%, преимущественно молодых жизней»²⁴).

Все эти условия после-погромного существования благоприятствовали угрожающему росту смертности. «Смертность среди населения все увеличивается, — читаем в письме Фастовского Комитета помощи погромленным от 25-го октября 1919 г. — умирает ежедневно 10-20 человек. Причины: 1) полное отсутствие врачей, лекарств и перевязочных материалов, 2) голод и 3) сгущенность и нечистоплотность жилищ в общественных и частных квартирах. Свободных квартир, собственно говоря, много, но все они приведены в такое состояние, что пользоваться ими нет сейчас никакой возможности... Трупы валяются в больницах по 10-12 дней и больше, валяются они среди больных же, так что черви переползают с мертвых на живых. Было много трупов, изгрызанных собаками и свиньями»²⁵).

К болезням присоединяется голод. Ограбленное до чиста еврейское население не имело возможности получить откуда-нибудь продовольствие. Окрестные крестьяне неохотно продавали продукты евреям, да и покупать было не на что. В Кальниболоте (Херсонской губ.) добровольцами был издан даже специальный приказ, чтобы крестьяне не продавали еврейскому населению ничего из съестных припасов, и посланец из Кальниболота в тоже разгромленный Новоархангельск умолял, чтобы собрали хоть по кусочку хлеба и отправили туда, так как кальниболотцы уже третий день не ели ни куска хлеба²⁶). Когда же соседние еврейские общины собирали для погромленных хлеб и прочие продукты, погромщики не пропускали их. Так, продукты, посланные Балтой в Кривое

²³) Центр. архив; сообщение И. Гальперина.

²⁴) Там-же; доклад бывш. председ. евр. общины Я. Расновского.

²⁵) Центр. архив.

²⁶) Из материалов Одесской евр. общины; сообщение Меера Штурмана.

Озеро, застряли в м. Ясинове, так как воинские части, расположенные вблизи местечка, не пропускали туда никого. Были многочисленные случаи смерти от голода и во время самого погрома. Искавшие спасения от убийц в погребках, «секретах», окрестных лесах и т. д. евреи боялись выйти на поиски провизии. Многие заболели и умирали от истощения. Многие, мучимые голодом, в отчаянии решались выйти из своего убежища — и погибали от руки громил. При этих условиях естественно, что добровольческие погромы дали в итоге большее количество жертв, чем погромы различных банд и петлюровских отрядов, не задерживавшихся долго на местах.

Таково было положение еврейского населения, оставшегося на месте, так сказать, оседлого, хотя и разгромленного. Во много раз трагичнее была судьба беженцев, в паническом страхе покидавших родные местечки и спасавшихся в соседние пункты, где они надеялись найти убежище. Нередко целые местечки уходили в такое изгнание. Всякий какой угодно ценой рвался уйти от пережитых страданий и страха смерти, — уйти, куда глаза глядят, во что бы то ни стало. «За подводу в Умань или Монастырище евреи отдавали дом, — сообщают из Сарны-Охримова (Киевск. губ.). До 576 душ блуждали по окрестным местечкам»²⁷⁾. «Теперь евреи из Каменского бегут, несмотря на все трудности, связанные с переездом (получение пропуска, условия переезда, трудности устроиться на новых местах и друг.). Выехала 1/3 еврейского населения — около 150 семейств» пишут из с. Каменского (Екат. губ.)²⁸⁾. «Почти все еврейское население готово выехать, — констатирует доклад из Борзны (Черн. губ.), — но в виду трудности передвижения и террора, царящего на железных дорогах по отношению к пассажирам-евреям, многие пока еще воздерживаются от этого шага, и пока оставили город более смелые и имеющие хоть кой-какую материальную возможность 50-60 семейств, чем положение оставшихся еще ухудшилось»²⁹⁾. Ничего, кроме бегства, не осталось и евреям в Гребенке (Киевск. губ.). «Еврейское население бросилось спасаться пешком, куда глаза глядят», — сообщает заведующий отделом помощи Красного Креста Г. И. Рабинович. «Полунагие, избитые, голодные брели они по дорогам на Фастов и на Белую Церковь». Из Попельни все еврейское население, состоявшее из 400 душ, эвакуировалось в Паволочь (Киевск.

²⁷⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщение Г. Клеймана, И. Винокура и И. Фултограда.

²⁸⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщение М. Аспиза.

²⁹⁾ Из материалов Ц. К. помощи погромленным, в Киеве, и Центр. архива. Берлин.

губ.)³⁰⁾. В Смеле собралось почти все еврейское население близлежащих местечек — Ротмистровки, Медведовки, Белозерья, Жаботина, Каменки и Фундуклеевки³¹⁾. Свыше 1000 евреев из Россавы нашли убежище в Богуславе. И так без конца.

Положение этих беженцев было ужасное. Уполномоченный Центрального Комитета помощи погромленным по Василькову (Киевск. губ.) М. И. Местечкин в своем сообщении пишет: «Значительное количество беженцев из окружности Василькова, а именно из м. м. Фастова, Германовки, Васильева, Корнина и окружающих сел и деревень, скопилось в Василькове. Из них, согласно проведенной мною регистрации (пока еще не полной), около 120 находятся в самых невозможных и тяжелых условиях. Без куска хлеба, голые, босые, без рубахи, ютятся они в местном «Бикур Хойлим» и в помещении комитета помощи. Среди них масса заболеваний. Никакой медико-санитарной помощи, и больные валяются вместе с здоровыми в грязи, на полу, и в результате местопребывание беженцев превращается в очаг заразы»³²⁾. Таково же было положение в других центрах скопления беженства. В Смеле — сообщает И. Гальперин, — «беженцы живут в ужасных условиях и понемногу вымирают. Из числа евреев-жителей Ротмистровки умерло не меньше 80%»³³⁾. Бежавшие в Богуслав жители Россавы, «голодные, голые или прикрытые лохмотьями, жестоко избитые и израненные», вынуждены были вести «неимоверную борьбу с голодом». «Начались массовые гастрические заболевания, тиф, были случаи умопомешательства и смерти от истощения. Тифозная эпидемия с началом осени разрослась вследствие абсолютного отсутствия белья и неимоверной скученности»³⁴⁾. Скопившиеся в Фастове беженцы, — пишет местный общественный деятель Э. Гуртовой, — «больные, умирающие и здоровые, десятками каждый день заражаются, ютятся вместе на грязном полу в помоях и человеческих экскрементах. Вонь на большом расстоянии от этих помещений стоит такая, что свежему человеку подойти невозможно»³⁵⁾. Нередко смерть наступала несчастных в тех местах, куда они бежали, надеясь найти спа-

³⁰⁾ Там-же.

³¹⁾ Центр. архив; сообщение И. Гальперина.

³²⁾ Из материалов Ц. К. помощи погромленным, в Киеве; сообщение М. Местечкина.

³³⁾ См. прим. 31.

³⁴⁾ См. там-же упом. выше сообщение И. Гальперина в Центр. архиве.

³⁵⁾ Центр. архив; из письма Э. Гуртового к Л. Годикю.

сение. 21 беженец из Корнина (Киев. губ.) укрылись в Фастове: здесь они были убиты во время погрома³⁶⁾.

* *

*

Терроризованное, разгромленное, потерявшее всякую веру в лучшее и спокойное будущее, еврейское население почти целиком представляло собою потенциальную эмиграционную массу. Все прежние связи с местом, традиционная инерция и власть вещей были разорваны. Привычное старое местечко, родные дома, предприятия — все было разрушено. Словно перекасти-поле, многократно меняла еврейская беженская масса свое местопребывание. Но и в беженстве она не видела спасения. Она рвалась в эмиграцию. В Черкассах (Киевск. губ.) из опрошенных 2178 семей 1823 ответили, что они готовятся к немедленной эмиграции³⁷⁾. Из м. Новоархангельска (Херсонск. губ.) все еврейское население тоже «шир первой возможности готово бросить свое местечко и выехать в Палестину». «Наше местечко, — пишет автор заявления в Одесскую еврейскую общину, — готово было бы не только ехать, но если бы можно было пойти пешком, то оно готово сделать это сегодняшний день»³⁸⁾.

Форменная эмиграционная горячка охватила еврейские местечки. Все жадно прислушивались к разговорам и слухам о возможности уехать, посылали специальных ходоков в Одессу, в Киев, в Ростов, чтобы разузнать, проверить эти слухи. Кое-где местные сионистские группы, в связи с надеждами на возможность широкой эмиграции в Палестину, начали открывать специальные палестинские бюро, регистрировать желающих; начали создаваться группы, вырабатывать уставы, собирать деньги. Об эмиграции мечтали все, богатые и бедные, разгромленные и случайно избежавшие погрома. Всем этим надеждам не суждено было осуществиться. Границы Украины оставались закрытыми: за исключением одного парохода, прорвавшегося в Палестину из Одессы, и нескольких случайных возможностей отъезда для отдельных состоятельных людей на иностранных пароходах, вся мечтавшая об эмиграции масса вынуждена была остаться на своих местах. Тем более, что не только за границу, но и за черту своего местечка трудно, часто невысказано было прорваться во все время господства добровольцев на Украине. Добровольцы словно блокировали разгромленное еврейское население, ставили сторожевые посты у всех входов и выходов в местечко, замы-

³⁶⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщение Х. Гофмана.

³⁷⁾ Сообщение члена Черкасской евр. общины и члена Комитета помощи г. Кипниса (Центр. архив).

³⁸⁾ Из материалов Одесской еврейской общины.

кали все дороги, отрезали все пути к спасению. На железных дорогах, на шоссе, на проселочных дорогах — всюду подстерегала пытавшихся спастись бегством рука добровольческих громил. Ни спастись самим, ни послать за помощью было почти невысказимо. И это жуткое ощущение оторванности от всего мира и безысходности накладывает особенную печать трагичности на все сообщения с мест.

«Терроризированное население в панике, — пишут из Городища (Киевск. губ.) — уехать из местечка железной дорогой, в виду опасности для жизни, невозможно»³⁹). «Ехать куда-либо, увозить что-либо было невозможно», — сообщают из м. Александровки (Киевск. губ.) — «из вагонов евреи выбрасывались или убивались, и все, что кто возил, забиралось в пути»⁴⁰). В Борисполе (Полтавск. губ.) «евреи, обнищавшие, делали попытки вырваться из местечка в более безопасные места, но при проезде по железной дороге некоторые были выброшены из вагона на всем ходу. Остальные же пытаются пробраться на лошадях или пешком»⁴¹). Еще безвыходнее сложилось положение в Германовке (Киевск. губ.): «Все евреи, оставшиеся в живых, разбежались кто куда мог. В самом местечке остались немногие. Положение отчаянное. Их не выпускают из местечка. Несчастливым, измученным, страдающим некуда деться, они прячутся по лесам и полям без пищи и крова, бродят, как живые тени, по окрестностям местечка и буквально обречены на голодную смерть»⁴²). «Неделями, — сообщают из Гостомеля (Киевск. губ.) — местные евреи сидели, укрывшись в своих домах, питаясь исключительно картофелем со своих огородов. Убежать в Киев было невысказимо, так как шестиверстный путь к Киевскому трамваю в Пуще Водице был крайне опасен»⁴³). Были случаи расстрела беженцев⁴⁴). Прорваться через стальное кольцо этой жуткой блокады было почти невысказимо. «Дымерские евреи хотели бы вырваться из местечка, но нет никакой возможности: казаки никого не выпускают», — сообщают из Дымера (Киевск. губ.)⁴⁵). То же было и в Макарове (Киевск. губ.). «Бежать из местечка не было возможности, пропусков не давали и кроме того существовал риск быть убитыми по дороге»⁴⁶). Из Пе-

³⁹) Центр. архив; из материалов Комитета помощи.

⁴⁰) Центр. архив; сообщение М. Я Цыганова.

⁴¹) Из материалов Красного Креста; сообщение И. Варшавского.

⁴²) Из материалов Красного Креста; показание Ионы Берченко.

⁴³) Центр. архив; сообщение из Гостомеля.

⁴⁴) Центр. архив; сообщение Л. Финкельберга.

⁴⁵) Там-же; сообщение Б. Полонского из Дымера.

⁴⁶) Из материалов Юридического Бюро при Ц. К. помощи погромленным (Киев); показание Х. Фримгара.

реяслава (Полт. губ.) «выехать нет никакой возможности, убивают евреев беспощадно, особенно в поездах»⁴⁷⁾.

И все же жуткая невыносимость пребывания в разгромленном, полном жутких воспоминаний и угрожающих перспектив, родном местечке оказывалась сильнее всех трудностей и препятствий добровольческой блокады. И целые еврейские местечки пустели, целые цветущие еврейские общины прекращали свое существование, целые поселения становились judenrein. Особенно часты были такие случаи в сравнительно немногочисленных еврейских общинах.

«Абсолютно все еврейское население Боярок покинуло поселок: с уверенностью можно сказать, что ни одного еврея в Боярках сейчас нет», — пишет в своем докладе Ив. Деревенский;⁴⁸⁾ до погрома же в Боярках жило около 250-300 душ евреев. То же имело место и в м. Белоцерковке (Полт. губ.), где после двух добровольческих погромов все евреи в количестве до 160 семей, «оставшись голыми и окончательно разоренными, 10-го сентября 1919 года пешком отправились всей общиной в г. Полтаву.»⁴⁹⁾ В Василькове (Киевск. губ.) до 75% всего еврейского населения бежало в Киев.⁵⁰⁾ В округности Василькова были совершенно разрушены местечки Германовка, Васильево, Корнин, и все евреи, оставшиеся в живых, бежали оттуда. Часть их была убита во время бегства в с. Копачево⁵¹⁾ Вся еврейская община м. Юстинград-Соколовка бежала в Умань, община прекратила свое существование.⁵²⁾ Перестала существовать еврейская община и в м. Балабановка (Под. губ.).⁵³⁾ М. Гостомель (Киев. губ.) «местные евреи, рискуя жизнью, понемногу покинули. Последних 10 беженцев солдаты арестовали в Пуще Водице и потребовали с них 50.000 руб. контрибуции. Их продержали в заключении целый день, пока из Киева приехали их выкупить. Теперь в Гостомеле остался лишь один еврей Нота Гольдман, который живет в большой опасности: он не хочет оставить

⁴⁷⁾ Из материалов Одесской евр. общины; показание часов. дел мастера Н. Ракиты.

⁴⁸⁾ Центр архив; доклад Ив. Деревенского.

⁴⁹⁾ Из материалов ЕКОПО; сообщение бывших жителей Белоцерковки Лазуровского, Библина и Тарновского.

⁵⁰⁾ Из материалов Ц. К. помощи погромленным; доклад уполномоченного М. И. Местечкина.

⁵¹⁾ Там-же.

⁵²⁾ Центр. архив; сообщение М. Житомирского и Л. Гольденберга.

⁵³⁾ Центр. архив; сообщение П. Немировского.

свитков Торы, которые он спас из разграбленной синагоги и перенес к себе домой.»⁵⁴⁾ Не осталось ни одного еврея и в Гребенке (Киев. губ.). Все они пешком бежали в Белую Церковь⁵⁵⁾. Из села Михновки (Полт. губ.) жившие там две еврейские семьи бежали в м. Решетиловку.⁵⁶⁾

---

⁵⁴⁾ Центр. архив; сообщение из Гостомеля.

⁵⁵⁾ Из материалов Красного Креста; сообщение Г. И. Рабиновича.

⁵⁶⁾ Из материалов ЕКОПО; показание Г. Подольской.

ГЛАВА IX

Отступление Добровольческой армии: декабрь 1919 г. — март 1920 г. — Причины разгрома Д. А. — Развал тыла, махновщина, создание большевистской конницы, потеря боеспособности казаками. — Пути отступления. — Состояние армии. — Озлобленность, ожесточенность и кровавость добровольческих погромов периода отступления. — Количество жертв. — Небывалая жестокость изнасилований. — Характер грабежа. — Массовые пожары. — Погромы или гражданская война? — Травля не коммунистов, а евреев, как таковых. — Свидетельство В. Шульгина. — Специфически-еврейский характер добровольческих погромов.

Период июнь-декабрь 1919 г. был моментом почти непрерывного победоносного продвижения Добровольческой армии. Завоевав весь Донецкий бассейн и всю Украину, она неудержимо продвигалась теперь на север. «На Москву!». — гласил приказ Главнокомандующего вооруженными силами Юга России ген. Деникина. Известный своим натиском кавалерийский рейд ген. Мамонтова вынес добровольческие знамена в самую глубь России. Уже взяты были Курск, Тамбов, Козлов, Елец. 29-го сентября был взят Воронеж. За ним пришла очередь Орла. Добровольческая армия находилась в зените своей славы и могущества. Но именно в этот момент начинаются первые неудачи. Явно намечается перелом.

Причин этому было много. Прежде всего — тыл определенно отставал от фронта. Бездарная администрация, реакционная политика власти и открытая политика реставрации и централизма, борьба с кубанским «самостийничеством», преследования всякой независимой общественности и ко всему безудержный грабеж населения — все это подрывало настроение в тылу и быстро сделало добровольческую власть еще более ненавистной, чем ту, которую она, было, сменила. Особенно роковую роль сыграло растущее недовольство крестьянства, переходившее постепенно в открытые восстания. Им навстречу шла пресловутая «Махновщина», раз-

росшаяся с небывалой дотоле силой в тылу Добрармии. Разгромив 26-го сентября под Перегоновкой преследовавшие его деникинские части и почти целиком изрубив 1-ый офицерский симферопольский полк, Махно буквально с налета занял Долинскую, Кривой Рог, Никополь, Александровку, Гуляй-Поле, Бердянск, Мариуполь, Мелитополь. «В неделю — полторы весь Юг Украины был очищен от войск и властей Деникина», — повествует историк и близкий участник махновского движения.¹⁾ Особенную серьезность приобрел этот махновский налет тем, что он поставил под угрозу район Мариуполь-Волноваха, где находилась главная база снабжения Добровольческой армии. Железнодорожная магистраль этого района попала в руки махновцев, и с того момента эта «гигантская артиллерийская база уже не могла послать ни одного снаряда ни на северный, ни на какой-либо другой фронт.»²⁾ Попытка ликвидировать махновщину стоявшими под Таганрогом резервными частями не удалась: они были разбиты, и в 20-х числах октября Махно занял Екатеринослав и его район. Пришлось снять с северного фронта лучшие кавалерийские части Мамонтова и Шкуро и бросить их на Махно. Этим естественно было подорвано и продвижение на север. С другой стороны, и большевики, убедившись, какое огромное значение имеет в гражданской войне конница, выбросили лозунг: «Пролетарий на коней» — и успели в течение лета 1919 года сформировать большие конные массы. Они укомплектовали эти конные части верными им донскими, кубанскими и терскими казаками и иногородними, изгнанными или ушедшими из своих станиц и хуторов еще в 1918 году, когда большевики были вытеснены из казачьих областей. «Позади себя они оставили свои дома и хутора, разграбленные озлобленными односельчанами — противниками большевиков. Тяга на родину заставляла их стремиться на Дон, Терек и Кубань, куда путь был отрезан и куда можно было возвратиться только с оружием в руках.»³⁾ Эти кадры врожденных бойцов и всадников советская власть, под начальством талантливых «конников» Буденного и Думенко, бросила на добровольческий фронт. Казачья конница добровольцев столкнулась с равноценной ей в боевом отношении, но свежей и тоже казачьей десяти тысячной большевистской конницей.

Сами же добровольческие части в значительной мере уте-

¹⁾ П. Аршинов, История махновского движения (1918-1921), Издание «Группы русских анархистов в Германии». Берлин 1923, стр. 142.

²⁾ Там же, стр. 143.

³⁾ Г. Н. Раковский, В стане белых (От Орла до Новороссийска), Константинополь, 1920 г., стр. 20.

ряли свою прежнюю боеспособность. «Подошедший к Остро-гожску Мамонтов с своей конницей устал от набега. Лошади были истощены. Весьма многие из казаков и офицеров имели в сумках огромное количество денег и всякого ценного имущества, награбленного ими во время рейда. Все они стремились, после весьма длительной отлучки, побывать в родных станицах и хуторах, увидеться со своими семьями, завезти домой и отдать казачкам награбленную добычу. Лучший, отборный корпус из 7000 быстро уменьшился до 1000 — 1500 всадников... Лошади до такой степени устали, что не могли развивать никаких аллюров, кроме шага. У усталых людей, дезорганизованных грабежами и насилиями, исчезла вера в свои силы.»⁴⁾

И началось отступление. Неудержимый откат на Юг. Добровольческий корпус ген. Кутепова отступал в Кушанском направлении на Валуйки и Харьков, потом на Ростов и Новочеркасск. В этом направлении не было сколько-нибудь значительных еврейских поселений, и отступление прошло без каких-либо особенно крупных, из ряда вон выходящих эксцессов. Киевская же группа войск ген. Бредова, оторванная от основных сил, отступала частью по линии Киев-Фастов и Гребенка-Черкассы на Ростов, частью на Юг, к Черному морю. Это отступление продолжалось весь ноябрь и декабрь. Затем дошедшие до Одессы добровольческие части закрепились здесь на короткое время; но уже в конце января 1920 сдана была Одесса; часть добровольцев эвакуировалась на судах, остальные ушли походным порядком, надеясь пробиться и быть впущенными румынами через замерзший Днестр в Бессарабию. Но румыны их не пропустили, и они пошли вдоль Днестра и по грунтовым дорогам к Каменец-Подольску на соединение с поляками. Все эти последние пути добровольческого отступления оказались роковыми для еврейского населения. Они вели через еврейские местечки Киевщины, Херсонщины и Подолии и ознаменовались еще небывалым даже в добровольческой погромной практике истреблением еврейского населения.

В своем почти паническом отступлении армия потеряла всякое подобие организованной и чьей-то волей управляемой военной силы. «Главное командование, — рассказывает участник этого отступления, — постепенно теряло из своих рук нити управления армиями; связь между высшими штабами и отдельными войсковыми частями становилась с каждым днем слабее, пока совершенно не исчезла. Каждая часть начинала действовать на свой риск и страх, отходя куда и

⁴⁾ Там-же, стр. 25-26.

когда угодно, не считаясь с общей обстановкой и игнорируя боевые приказы. Сыпной тиф, принявший с наступлением холода угрожающие размеры, и массовое дезертирство солдат, потерявших всякое доверие к командному составу, лишили армию боеспособности и превратили ее в какой-то огромный обоз, наполненный семьями офицеров, беженцами из занятых большевиками областей, гражданскими чиновниками, эвакуируемыми вместе с отходом войск, и всяким родом посторонняго люда, ничего общего с армией не имеющего и невероятно тормозящего ее движение.»⁵⁾ В конец деморализованная, озлобленная неудачами, не знающая, что ждет ее впереди, армия походила на опустошительную орду, которой нечего терять и которая всю свою бессильную злобу вымещала на беззащитном еврейском населении.

Добровольческие погромы периода отступления характеризуются прежде и больше всего именно своей небывалой озлобленностью, ожесточением, кровожадностью. Даже испытывшее все виды погромной свирепости еврейское население содрогнулось от этой лютой, сгущенной злобы, и все материалы с изумительным единодушием констатируют, что добровольческие погромы декабря 1919 г. — марта 1920 г. превзошли по своей жестокости все испытанное до сих пор.

«Все пережитые погромы теряют свою остроту по сравнению с этим погромом», — пишет в своем докладе комитет помощи жертвам погромов в м. Джуриин (Под. губ.)⁶⁾. «Никогда еще казаки не выказывали такой ненависти к евреям», — сообщают из Городища (Киевск. губ.); «они спокойно не могли смотреть на евреев, кричали, чтобы те не говорили, так как они не могут выносить их голоса». «Мы ненавидим вас, как собак, — скрежетали они зубами»⁷⁾. То же пишет в докладе Киевскому Красному Кресту комитет помощи в Томашполе (Под. губ.): «Была буквально пьяная и кровавая оргия... изощрение озверелых людей, которые никак не могли досыта напиться еврейской крови». В Цыбулеве (Под. губ.) добровольцы при отступлении (январь 1920 г.) «убивали каждого еврея, который попадался им под руку»⁸⁾. Все обычные элементы добровольческих погромов периода август-сентябрь повторилось теперь в удесытеренном — и количественно и качественно — масштабе.

⁵⁾ Ф. Штейнман, Отступление от Одессы; «Архив русской революции», т. II, стр. 87.

⁶⁾ Из материалов «Комитета евр. делегаций» в Париже; доклад Комитета помощи жертвам погромов в Джуриине.

⁷⁾ Центр. архив; Б. Слущкий, «Разгром евр. провинции».

⁸⁾ Центр. архив; сообщение Ицхока Шехтмана, раввина в Цыбулеве.

Совершенно необычный и небывалый до сих пор объем и характер приняли убийства. Они утратили свою, так сказать, вспомогательную роль, перестали служить способом вымогательства денег или терроризирования еврейского населения. Правда, и раньше погромы с массовыми убийствами были не редки (Черкассы, Фастов, Белая Церковь и мн. др.), но теперь они превратились в самоцель. Озлобленные, опьяневшие от крови, добровольческие части врывались по пути своего отступления в еврейские местечки с твердо созрелым намерением вырезать всех евреев. Ничто не могло спасти от смерти: ни выдача всех денег, вещей, драгоценностей, ни какие бы то ни было другие обстоятельства. «Кто из евреев не успел скрыться, — пищут из Томашполя, — тот уже живым домой не пришел... Есть дома, где им отдали все; есть дома, где были т. н. «секреты», и их открыли и выдали все содержимое; они после всего этого убивали, предварительно истерзав пытками свои несчастные жертвы. Они врывались в хижину с криком «коммунист» — и убивали, они врывались в более зажиточные дома с криками «буржуй», «спекулянт» — и убивали. Недобитых одной партией, добивала другая, а раненных один раз ранили вторично, и в третий, и в четвертый раз⁹⁾. То же было и в Мясковке (Под. губ.). И здесь, — «кто мог — бежал; из оставшихся в местечке уцелело всего 8 душ, остальные 44 человека были зверски убиты (4 заживо сожжены»¹⁰⁾. В Смеле (Киевск. губ.) отступавшие осетины и чеченцы, окружив беднейшую часть города, т. н. Ковалевку, «никого не выпускали и подожгли домики. Перепуганные жители в ужасе выбежали на улицу, но палачи тут же их расстреливали или рубили шашками. Двух крошек они разорвали пополам»¹¹⁾. И в то время, как первый августовский погром в Смеле оставил после себя 22 убитых, после этого декабрьского налета, продолжавшегося всего 1½—2 часа, на еврейское кладбище привезено было 107 покойников¹²⁾. В м. Александровке (Киевск. губ.), где отступавшие добровольцы имели 21-22 декабря дневку, они устроили варварскую резню евреев холодным оружием, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Над жертвами раньше издевались, а потом их убивали самым зверским образом. Список убитых содержит 48 имен: 24 мужчин и 24

⁹⁾ Доклад Томашпольского Комитета помощи погромленным Красному Кресту в Киеве.

¹⁰⁾ Центр. архив; сообщение председателя общинного совета Мясковки Я. Циммермана.

¹¹⁾ Там-же; сообщение И. Гальперина.

¹²⁾ Там-же.

женщины; из убитых 7 малолетних¹³⁾. Жуткую картину рисует корреспондент «Еврейской Мысли» из Богополя — Голты — Ольвиополя (лежат рядом), где отступавшие добровольцы прошли 19 декабря: «Количество жертв в первую же ночь было огромным. Избиениям, насилиям, грабежам, поджогам, убийствам не было предела. Вопль терзаемых жертв днем и ночью оглашал воздух и заглушался лишь свистом пуль, ржанием и топотом лошадей, которые, как бешенные, носились по вымершим улицам. Пощады не было никому, убивали стариков, убранных сединами, одинаково, как и грудных младенцев. Над доживавшими последние часы больными издевались, сбрасывая их с постелей, а некоторых тут же добивали». Убитых было 55 человек¹⁴⁾.

От убийц не было никакой возможности скрыться. В Томашполе пытавшихся бежать ловили на аркане¹⁵⁾. В Замехове (Под. губ.) евреи разбежались по окрестностям, «укрываясь в расселинах скал и в пещерах вокруг местечка», а «конные солдаты разбрелись по полям и разыскивали спрятавшихся евреев». Одного еврея убили в его доме, — несмотря на то, что в квартире у него остановился сам ген. Бредов¹⁶⁾.

При этом убивали не просто. Изобретали наиболее мучительный род смерти. В Замехове Ш. Хосиду, 48 лет, отрубили бороду и язык; в мучениях он еще прожил пол часа после этого. Когда стали хоронить убитых, то «от одних находили голову, от других — отдельные члены, тела были расбросаны и распались на куски». «Некоторые раздавлены были камнями, некоторые были повешены после истязания шомполами¹⁷⁾. В Мясковке, (Под. губ.) «живых евреев бросали в огонь»¹⁸⁾, — и т. д.

На пути своего отступления Добровольческая армия оставила после себя буквально горы еврейских трупов и еще большее количество недобитых раненных. Вот далеко неполный перечень всего только по 8 местечкам: в Джурине 17 убитых, раненых половина местечка¹⁹⁾; в Тетиеве (Киевск. губ.) 15 убитых и около 100 раненных²⁰⁾, в Мясковке — 44

¹³⁾ Там же; сообщение М. Я. Цыганова.

¹⁴⁾ «Еврейская Мысль», 1920 г. от 19-го января, № 37, корresp. И. Хазина.

¹⁵⁾ Доклад Томашпольского Комитета помощи погромленным Красному Кресту в Киеве.

¹⁶⁾ Центр. архив; сообщение Замеховского Комитета помощи.

¹⁷⁾ Там же.

¹⁸⁾ Центр. архив; сообщение из Мясковки.

¹⁹⁾ Из материалов «Комитета евр. делегаций» в Париже; доклад Комитета помощи жертвам погрома в Джурине.

²⁰⁾ Из материалов Поалей-Цион; сообщение А. Серого (Центр. архив).

убитых, после которых осталось свыше 100 вдов и сирот²¹); в Смеле — 107 убитых и 600 раненых²²), в Замехове — 30 убитых и до 100 раненых²³), в Голте—Богополе—Ольвиополе — 55 убитых²⁴), в Александровке — 48 убитых²⁵), Томашполе — 26 убитых, 60 тяжело раненных и 150 легко раненных. В восьми местечках насчитывается, таким образом, 332 убитых и во много раз большее число раненных. При этом нужно принять во внимание и то обстоятельство, что при отступлении погром не носил того неторопливого и методического характера, как в августе и сентябре. Теперь добровольческие части часто по пятам преследовались наседавшим противником; они вынуждены были торопиться, их пребывание в местечке часто не продолжалось и несколько часов. И нужно было много сознательной кровожадности, чтобы в Смеле за 1½—2 часа убить 100 евреев и изранить 600²⁶), в Мясковке за 5 часов (с 9 утра до 2 час. дня) оставить 44 жертвы²⁷) и т. д.

Тот же характер озлобленной жестокости носят и изнасилования, учиненные добровольцами при отступлении. Сравнительно скудные данные, имеющиеся в материалах по этому поводу, дают жуткую картину и количественного захвата и квалифицированной мучительности изнасилований этого периода. В Смеле число изнасилованных, по сведениям врачей, достигло огромной цифры, причем многие из несчастных заражены сифилисом²⁸). В Черкассах при отступлении изнасиловано было не менее 200 женщин²⁹). В Джурине изнасиловано было до 60% всех еврейских женщин местечка³⁰). В Томашполе насиловали сыпно-тифозных³¹). В Мясковке «женщин и девушек влачили за волосы по улицам, а потом насиловали их»³²). В Замехове изнасиловано 19 девушек и 9 женщин, в том числе 75-летняя старуха Э. Б.³³). Насильники искали при этом не только наслаждений. Они и здесь стремились прежде всего убивать и мучить. Захватив

²¹) Центр. архив; сообщение председ. общинного совета Мясковки Я. Циммермана.

²²) Там-же; сообщение И. Гальперина из Смелы.

²³) Там-же; сообщение Комитета помощи из Замехова.

²⁴) 25), «Еврейская Мысль», 1919, № 37.

²⁵) Центр. архив; сообщение М. Я. Цыганова.

²⁶) См. выше.

²⁷) См. выше.

²⁸) Сообщение И. Гальперина.

²⁹) Центр. архив; сообщение эпидемического врача д-ра Шендеровского.

³⁰) Доклад Комитета помощи жертвам погромов в Джурине (Материалы «Комитета евр. делегаций»).

³¹) Доклад Томашпольского Комитета помощи Красн. Кресту в Киеве.

³²) Упом. сообщение Я. Циммермана.

³³) Упом. доклад Замеховского Комитета помощи.

в Замехове еще не оправившуюся после родов 26-летнюю Г. К., шестеро солдат, в ответ на ее мольбы разрешить ей взять с собой грудного ребенка, заявили ей: «Ты, как видно, убеждена, что вернешься живой? Готовься к одному из трех: или быть сожженной, или лишиться обеих рук, или быть изнасилованной». Но и последняя часть этой дилеммы не спасала: так 25-летнюю Ш. К. изнасиловали 10 солдат, потом бросили ее в пылающий дом³⁴⁾).

С превышающей все до сих пор испытанное жестокостью проводили отступающие добровольческие части и разгром еврейского имущества. Все более громоздкое и все поддававшееся разрушению недвижимости уничтожали. Или грабеж, или разрушение: иной, третьей судьбы не знало еврейское имущество тех местечек, через которые проходили добровольцы.

Грабеж на сей раз носил вполне определенный характер. Добровольцы отступали. Одни из них надеялись еще пробиться к себе на Дон, на Кубань. Другие не видели иного пути, как уход за границу, — в Румынию, в Польшу. И в том и в другом случае они стремились как можно больше урвать с покидаемой еврейской Украины. Они знали, что деньги, ценности, вещи окажутся весьма бесполезными ресурсами дома и еще больше — в эмиграции. И поэтому они стремились и возможно больше захватить с собой из уже награбленного и пополнить это награбленное новыми приобретениями. Огромные обозы всякого добра тянулись за отступающими добровольческими частями. Наблюдавшая отход добровольцев через Смелу женщина врач С. Марголин ярко описывает этот своеобразный придаток к денкинской армии: «Восемь дней непрерывно отступала денкинская конница мимо нашего дома. Улица была темна от тысяч, десятков тысяч всадников. Бесперывной цепью тянулся длинейший обоз. Тяжелые возы были навьючены всяким добром из продовольствия. На многих возах возвышались кучи явно награбленных вещей: чемоданы, корзины, перины, самовары, подушки, одеяла. Если обоз останавливался, сопровождавшие его солдаты исчезали, но скоро возвращались не с пустыми руками. На горы вещей быстро кидали новые трофеи, и тяжелые возы со скрипом снова трогались в путь; из ограбленных же домов бежали плачущие люди, ломая руки в отчаянии, лишившись последнего имущества. И опять шли конные отряды, обозы, двигались целые табуны лошадей, целые стада коров и свиней, шли днем и ночью, не переставая».

³⁴⁾ Там-же

Сознавая, что они покидают еврейскую Украину, каждый добровольческий отряд, проходивший при отступлении через еврейское местечко (а их проходили десятки), считал необходимым «на прощание» поживиться. «Каждая проходившая часть считала своим долгом посетить местечко и, как выражались офицеры, «погулять». Особенно отличались «Белозерцы» и «Дроздовцы». «После трехнедельного их хозяйничанья еврейское население местечка осталось в полном смысле слова голым», — сообщают из Бобровиц (Черн. губ.)³⁵). Эти многократные повторные посещения были ужасны по своим результатам. «Погром принимал ужасающий характер», — рассказывает лицо, пережившее отступление добровольцев в Черкассах (Киевск. губ.). «Взламывались магазины, лавочки, дома. Казаки грабили и вывозили еврейское добро на подводах, нагружая целые вагоны. Отправляли на Дон решительно все: муку, сахар, платье и проч. У многих казаков было по несколько пар золотых и серебряных часов, по 200-300 тысяч и более наличными деньгами, драгоценности; продавались часы, кольца, револьверы, ковры и проч. добро. Водились у казаков дорогие папиросы, монпасье и прочие предметы роскоши»³⁶). Там, где проходившие громили заставали хозяев дома, начинались вымогательства. «Ни одного дома они не миновали, ни одного из тех, кто им попадался под руку, они не щадили, — пишут из Томашполя. «Требовали они, главным образом, денег, но только николаевских, и еще больше золота, серебра и драгоценностей. Сколько им ни давали, они все кричали, что мало, и требовали еще»³⁷). Не довольствуясь ничем, они «ломали мебель, печи и полы взламывались и раскапывалась земля, чтобы найти еврейские сокровища. После грабежа, забрав из квартир все, что было возможно, и погрузив на повозки, — подожгли дома и оставили их в огне» (Замехов)³⁸).

Огонь вообще играл особенно выдающуюся роль в погромах этого периода. Еврейских домов нельзя было забрать с собой; оставить же их, хотя бы и ограбленными и полуразрушенными, не позволяла озлобленность и ненависть. И еврейские дома систематически и сознательно сжигались. «Начались пожары», — рассказывает автор «Деникинщины в Черкассах». «Казаки обливали керосином дома и лавки и поджигали, предварительно забрав товары и все ценное. В

³⁵) Из материалов Поaley-Цион; показание А. П. Кругляка (Центр. архив).

³⁶) Центр. архив; «Деникинщина в Черкассах», сообщение местного жителя А. К. Поступило через уполномоченного М. Рекиса.

³⁷) Доклад Томашпольского Комитета помощи.

³⁸) Доклад Замеховского Комитета помощи.

центре, на Крещатике, подожгли целый корпус магазинов. Потом грабить и жечь пошли опять дома, опять лавки и исключительно еврейские. Был случай поджога (по ошибке) одного христианского дома»³⁹). В других местах этих ошибок не было. Жгли только еврейские дома и еврейское имущество. В Городище (Киевск. губ.) «казаки устраивали огромные костры и сжигали вещи, которые они не могли увезти с собой»⁴⁰). В Замехове (Подольск. губ.) подожжены были все еврейские дома; часть отстояли крестьяне, но 28 домов сгорело до тла⁴¹). В Тетиеве (Киевск. губ.) сгорели все лавки и 8 домов⁴²). В Мястковке (Под. губ.) добровольцы «поджигали целые дома со всем имуществом»; сгорело 65 домов⁴³). В Смеле (Киевск. губ.) осетины и чеченцы подожгли целую улицу (Ковалевка)⁴⁴).

Добровольческие погромы периода отступления завершили разрушение тех еврейских общин Киевщины и Херсонщины, по которым они прошли в бесцельный раз. Для ряда же местечек Подолии они были первыми погромами добровольческих частей, — жуткими в своей ожесточенной разрушительности, оставившими по себе кровавый и мучительный след.

* * *

Носили ли эксцессы Добровольческой армии в отношении еврейского населения специфический анти-еврейский характер, или они были обыкновенным типическим спутником гражданской войны, неизбежно сопровождаемой насилиями над мирными жителями, грабежами и реквизициями? Есть ли основание говорить в данном случае о погромах в собственном, установившемся, традиционном смысле этого слова, или мы имеем дело с обычным и естественным в условиях гражданской войны ожесточением борющейся стороны, не щадящей невинных в пылу борьбы, в упоении победой или в разочаровании отступления? Вопрос этот представляет не только академический интерес, и от него нельзя, конечно, отмахнуться обывательской ссылкой на то, что убитому или опрабленному еврею безразлично, в каком качестве его убивали или грабили. Для политической оценки Добровольческой армии, для установления ответственности за происшед-

³⁹) Упом. сообщение А. К. «Деникинщина в Черкассах».

⁴⁰) Центр. архив; В. Слуцкий, «Разгром еврейской провинции».

⁴¹) Доклад Замеховского Комитета помощи.

⁴²) Из материалов Поалей-Цион; сообщение А. Серова (Центр. архив).

⁴³) Упом. сообщение представителя общинного совета Мястковки Я. Циммермана.

⁴⁴) Упом. сообщение И. Гальперина.

шее, для понимания подлинного политического смысла и значения событий этот вопрос является решающим.

Сами руководители Добр. армии очень охотно отрицали специфически-еврейский характер чинимых армией эксцессов. Протокол беседы ген. Деникина с делегацией четырех еврейских общин отмечает: «Ген. Деникин пытался доказать, что эти погромы не исключительно еврейские». Но эта попытка, с чьей-бы стороны она ни предпринималась, решительно противоречит всем фактам погромной практики Добр. армии. Весь наличный материал опросов, протоколов, обследований, показаний с жуткой очевидностью устанавливает бьющий в глаза факт форменного крестового похода именно против еврейского населения в целом, похода, идущего совершенно параллельно, независимо от общегражданской войны, и часто берущего даже верх над нею.

Занимая с боем какой-нибудь город, добровольческие отряды обрушивались не столько на коммунистов, сколько на евреев, как таковых. Они разыскивали их с исключительной тщательностью даже в тех городах, где евреев мало, где они не бросаются в глаза и где нужно приложить не меньше стараний для уловления еврея, чем для розыска коммунистов. И все же истребительный пафос направлен был в сторону евреев. В г. Ельце (Орловск. губ.), куда 31-го августа ворвались казаки ген. Мамонтова, в течение всех 6 дней пребывания там его отряда «коммунистов и советских работников почти совершенно не искали и не громили. Казаки искали только жидов», — сообщает «Бюллетень общества ремесленного и земледельческого труда» (ОРТ'а)⁴⁵⁾. То же имело место и в Балашове, где на 35-40 тысяч жителей приходилось всего около 300 еврейских семей, — «так что евреев приходилось разыскивать», — как отмечает уполномоченный Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ); — «казаки, входя в город, первым делом осведомлялись: «где проживают евреи?» Уличные мальчишки им это указывали — и начиналась зверская расправа»⁴⁶⁾. Более того, когда в руки добровольцев попадали заведомые коммунисты, расправа тоже чинилась по национальному признаку. Большевикам-христианам их деятельность иногда сходила с рук, и они даже в отдельных случаях принимались в качестве союзников и сотрудников. В Богуславе комендантом местечка был добровольцами назначен бывший председатель Ревкома, некий

⁴⁵⁾ № 3, декабрь 1919 г., Петроград.

⁴⁶⁾ Там-же.

Петренко⁴⁷). В мест. Дымер (Киевск. губ.) отряд казаков под командой подпрапорщика Безнебова не погнушался допустить к участию в своих грабежах, вымогательствах и изнасилованиях бывшего председателя большевистского Комбеда (комитета бедноты) Никиту Павлущенко⁴⁸). Евреям же пощады не было. Когда в м. Еремеевке (Полт. губ.) денякинцы застигли отряд красноармейцев, они русских красноармейцев не тронули, всех же застигнутых красноармейцев-евреев зверски убили, — сообщает М. Рекис⁴⁹).

В еврейские местечки добровольческие части входили с готовым решением убивать и грабить евреев, и только евреев. Материалы Российского Красного Креста отмечают ряд случаев подобного рода. Едва прибыли в м. Городище (Киевск. губ.) первые разведчики Добр. армии, они категорически заявили встретившим их представителям Комитета Общественной Безопасности, что «христиане могут быть спокойны, их никто не тронет, с жидами же мы рассчитаемся по своему»⁵⁰). Едва вступив в м. Гоголево (Черн. губ.), 42-й осетинский полк заявил, что «жидам пощады не будет»⁵¹). За всеми этими и подобными декларациями следовали соответственные действия.

В своей книге «1920 год» близкий участник и идеолог добровольчества В. Шульгин, который сам не мало подстрекал к погромам, рисует весьма показательную в этом смысле бытовую картинку:

«В одном месте мальчишка лет 18-ти, с винтовкой в руках, бегает между развалин разгромленных кем-то (нами? большевиками? петлюровцами? бандитами? — кто это знает?) кварталов.

— Что вы там делаете?

— Жида ищу, господин поручик.

— Какого жида?

— А тут ходил, я видел.

— Ну, ходил... А что он сделал?

— Ничего не сделал... жид...

Я смотрю на него, в это молодое, явно «кокаинное» лицо, на котором все пороки...

Ищет жида с винтовкой в руках среди белого дня. Что он сделал? Ничего — жид».

⁴⁷) Из материалов Красного Креста; показание М. Мауэра.

⁴⁸) Из материалов Юрид. Бюро при Ц. К. помощи; докладная записка жителей м. Дымер Киевскому Военному Губернатору.

⁴⁹) Центр. архив; сообщение М. Рекиса.

⁵⁰) Из материалов Красн. Креста; показание Зейдеса.

⁵¹) Из материалов Юрид. Бюро при Ц. К. помощи; показание Ш. Азбеля.

И Шульгин невольно проводит нелестную параллель:
«— Что сделал этот человек, которого вы поставили «к стенке»? . . .

— Как что! Он — «буржуй»!

— А, буржуй . . . Ну, валяй!

Какая разница? Мы так же относимся к «жидам», как они к «буржуям».

Они кричат «смерть буржуям», а мы отвечаем «бей жидов»⁵²).

Конечно, в отдельных случаях страдало и христианское население. Но лишь в качестве исключения. Вообще говоря, не-еврей был для добровольца или казака «табу». Этому косвенным доказательством от обратного может служить бесконечное количество случаев, в которых евреи спасались только тем, что выставляли иконы в окне, или выдавали себя за русских. В Смеле общественный раввин Мень «нанял русскую женщину, которая вывесила на окнах и на дверях дома иконы и никого из громил не впускала. Так он спас свой дом и семью»⁵³). В Черкассах многих спасло то, что «казаки очень неумело отличали евреев от христиан . . . Так, например, одна семья спаслась тем, что на вопрос: «Кто здесь? Жиды или русские?» — ответила: «Мы — русские подданные»⁵⁴). Вообще же добровольческие громилы старались со всей возможной тщательностью отличать евреев от русских и всегда предварительно осведомлялись о национальности своих жертв. Во многих местах они определяли национальность своих жертв по произношению: если произносили слово «кукуруза» картавя, значит — еврей, и его избивали, грабили или убивали. Войдя в поселок при ст. Попельня, добровольческий отряд «начал обходить еврейские дома в поселке, спрашивая: «Кто живет, — еврей или русский?» — а когда получался ответ, что еврей, — казаки входили по 6-8 человек в квартиру и, вооруженные винтовками, требовали денег, золота, серебра и других вещей»⁵⁵). В Боярке (Киевск. губ.) накануне погрома, в ночь с 24 на 25 августа, группа добровольцев, человек 8, захватила ночного сторожа на Новом Базаре и одного еврея и заставила их указать, где находятся еврейские магазины, отмечая крестом не-еврейские лавки: на утро с неотмеченных лавок и начался погром⁵⁶). То же имело место в Дарнице, где на лавках красовались «краткие, но многоговоря-

⁵²) В. Шульгин, «1920 г.» Российско-Болгарское книгоиздательство, София, 1921 г., стр. 19.

⁵³) Центр. архив; показание общ. раввина г. Смелы г. Менья.

⁵⁴) Там-же; сообщение С. Л. Беккер о Черкассах.

⁵⁵) Материалы Ц. К. помощи погромленным; К событиям в Попельне.

⁵⁶) Упом. доклад Ив. Деревенского о Боярке.

щие надписи: «лавка русская», «здесь русская лавка». «Почти на всех этакие «рекомендации», — отмечает обследователь⁵⁷⁾. С совершенной открытостью подчеркивает специфически еврейский характер погрома доклад добровольческой-же официальной следственной комиссии, отправленной в м. Яблоново (Полт. губ.) лубенским начальником гарнизона полк. Рожаневичем. «Пострадала, — отмечает комиссия, — имущественно и значительная часть крестьян, у которых солдаты хозяйничали в сундуках, отбирали салоги, скот и проч. Но эти отдельные случаи грабежа совершенно бледнеют перед поистине кошмарной картиной разгрома еврейского населения местечка».

Все это — не обычная гражданская война. При гражданской войне ожесточение сторон обрушивается на все мирное население безразлично, огулом, без какого бы то ни было выбора. Здесь же определенно проводился специфический и сознательный отбор: грабили, убивали, насиловали не просто мирных жителей, попавшихся под горячую руку ожесточившимся воинским отрядам, — все это производилось по определенной национальной квалификации. Искания и громили евреев, как таковых. Конечно, в погромном размахе неизбежны были и отдельные случаи эксцессы и против не-еврейского населения. В докладной записке ген. Деникину, поданной 13 сентября, Союз Возрождения России справедливо отмечает, что «в некоторых городах начатый казаками еврейский погром переходил затем на русские лавки, на русские квартиры и даже заканчивался избивением отдельных лиц из христианской среды». Начав грабить, «трудно уже было удержаться и провести границу между дозволенным и недозволенным, допустимым и недопустимым; сперва грабили по местечкам евреев, потом стали грабить по селам и деревням крестьян, всюду сея ненависть и злобу»⁵⁸⁾. Но широкого развития эти отдельные случаи зарывающегося погромного размаха получить не могли. Прежде всего, христианское население обычно энергично и открыто сопротивлялось добровольческому насилию. Особенно независимо вела себя украинская деревня, до зубов вооруженная, привыкшая в эти годы сама грабить, а не подвергаться грабежу. Сунуться в деревню было далеко небезопасно. Нередко целые отряды добровольческих мародеров вырезывались или замучивались вос-

⁵⁷⁾ Там-же.

⁵⁸⁾ Сергей Штерн, В огне гражданской войны. Стр. 188. В Белой Церкви, — рассказывает хорунж. Шувала, — 6-ой Кубанский Платунский батальон «сначала грабил и расстреливал еврейское население, а потом, когда у евреев уже нечего было больше брать, принялись и за украинцев». См. «Витязи», стр. 28.

ставшими крестьянами. И добровольцы естественно предпочитали совершенно безопасную «работу» среди беззащитного еврейского населения, где без тени риска можно было пожить и деньгами, и вещами, и женским телом. К тому же и сами власти были не в пример строже к грабежам и насилиям среди не-еврейского населения и обычно пресекали в корне подобного рода попытки. В м. Малая Перецелина (Полт. губ.) где украинское население совершенно не пострадало от погрома, стоило одному солдату ограбить украинского учителя и изнасиловать старуху, как он был немедленно расстрелян по постановлению суда⁵⁹).

Погромы Добровольческой армии, как и погромы на Украине вообще, не были, таким образом, неизбежным эпизодом гражданской войны; они носили характер специального похода против еврейского населения.

---

⁵⁹) Из материалов ЕКОПО; сообщение К. Фишеля, Г. Дунаевского, И. Амчиславского и Я. Ревзина.

Материалы и документы

По техническим соображениям мы печатаем по *новой орфографии* и те документы, которые написаны по старой.

І. ПРИКАЗЫ И ВОЗЗВАНИЯ. РЕЗОЛЮЦИИ О ПОГРОМАХ И ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ. ПЕРЕГОВОРЫ С ВЛАСТЬЮ.

І

«Голос к русскому народу Южной Армии*».

Что дал народу социализм и большевики?

...Они (социалисты и большевики) никого не щадили, и ничто не спасало от их грубой, дикой и ненужной жестокости: ни заслуги перед Родиной, ни раны, полученные на полях сражений, ни честное поведение и защита интересов народа в прошлом, ни страдания за этот народ.

Им, этим жидам: Бронштейну (Троцкий), Нахамкесу (Стеклов), Цедербауму (Мартов), Розенфельду (Каменев), Кацу (Камков), Апфельбауму (Зиновьев), Зильберштейну (Богданов), Гольдману (Горев), Кирбису (Керенский), Гольденбергу (Мешковский), Гольштейну (Солнцев), Либерману (Чернов), Гольдфарбу (Парвус), Файнштейну (Звездич) — не нужна Россия и благо русского народа. Они мечтают и стремятся у н и ч т о ж и т ь Россию и обессилить русский народ во взаимной вражде и грабежах.

*) Монархическая «Южная Армия» образовалась еще в 1918, при господстве немцев. Ее создателем был герцог Г. Лейхтенбергский, близко к ней стоял ат. П. Краснов, а затем во главе ее был ген. Н. Иванов; позже Южная Армия была переименована в особый Воронежский корпус и вошла в состав Д. А.

А чтобы вернее одурачить этот народ, они даже фамилии свои изменили:

Лейба Бронштейн взял себе фамилию Троцкий; Либерман назвался Черновым, Кирбис — Керенским, Нахамкес — Стекловым...

...Все стало, все умирает...

А почему?

Потому, что кроме разрушения физического, они — Бронштейны, Нахамкесы, Апфельбаумы и Зильберштейны — развратили душу народную.

Они научили народ грабить, разбойничать, лодырничать, жить на чужой счет; они научили избивать священников, снимать иконы и нательные кресты; но они никого не научили трудиться честно и хорошо работать.

...Довольно вам тешить дьявола, разорять родную землю и продавать ее жидам и разным обманщикам, именующим себя социалистами. Довольно лжи, довольно разорения и братской крови!

Ю ж н а я А р м и я

24 ноября 1918 г.

(Печатный экземпляр хранится в Центральном архиве материалов о погромах на Украине, Берлин; отдел документов; печаталось в Ростове на Дону, распространено было в Киеве; дано здесь в извл.).

II

Приказ Всевеликому Войску Донскому

№ 1912.

18-го ноября 1919 г.

Верные долгу и чести сыны Дона, страдая от холода, несут тяжелый крест, защищая родину от коммунистического насилия. Но преступные изменнические элементы занимаются провокацией.

Замечено, что часть воинских чинов, попав по разным причинам к себе на дом, снимают выданное им доброе казенное обмундирование, одеваются в отрепья и в таком жалком виде возвращаются в свою часть, увеличивая, таким образом, число плохо

одетых чинов армии. Это новый способ уклоняться от исполнения долга.

И это-же новый способ провокаций, с целью подорвать доверие армии к своему командованию, к правительству, Донскому атаману и войсковому кругу.

Эти шкурники больше всех вопят о недостатке обмундирования.

Пора понять всем, что Правительство Всевеликаго Войска Донского не фабрика, изготавливающая безконечное количество предметов обмундирования, что Правительство бьется из всех сил, дабы одеть и обуть армию хотя бы в один комплект обмундирования.

Пора понять, что никакое Правительство, никакая власть ничего не может сделать, если само избравшее его население не придет к нему на помощь. Пора понять, что не правительство Дона воюет с совдепским царем Лейбой Бронштейн (курс. наш), а все казачество и Донское крестьянство, идущее рука об руку. Пора понять, что с победой Лейбы Бронштейна от Дона не останется ни казака, ни крестьянина, ни рабочего, ни их с потом и со слезами нажитого добра. Все пойдет в ненасытную утробу китайцев, латышей, евреев и коммунистов.

Погибнут и люди, погибнет и имущество. Останется только одна заросшая бурьяном, осиротелая земля казака и крестьянина.

Пора всем это понять, всем до единого...

Подпись: Донской Атаман ген.-лейтен. Богаевский.

(Напеч. в официальном органе Донского Правительства «Донские Ведомости», в № 265, от 20 ноября 1919; ср. также № 274 и № 276).

III

Возвание ген. Мамонтова К населению г. г. Козлов, Тамбов и Елец

«Крестьяне! Вооружайтесь и подымайтесь против общего врага нашей русской земли, против еврея-большевика-коммуниста! Гоните дьявольскую власть!

Большая казачья и добровольческая армия идет на Москву. И совсем близок час, когда мы сможем свободно вздохнуть и освободиться от насилия дьявольских рук, заковавших нас в рабство, уничтоживших нашу веру, нашу церковь, истязавших наших священников, стариков и детей и ввергших всю матушку Россию в пучину голода и нищеты.

С Богом за оружие!

Да будет уничтожена дьявольская сила, живущая в сердцах евреев-коммунистов!».

Сентябрь 1919.

Подпись: Ген. М а м о н т о в

(Воззвание это напечатано в книге депутата английского парламента, колонеля Мелона «The Russian Republic», откуда мы его заимствуем, в переводе на русский язык).

IV

Командующий
Особой Группой Войск
Екатеринославского района.
Октября 26 дня 1919 г.

№ 8742.

Действующая Армия.

Командирам частей армии.

Вверенные мне армии геройски защищали подступы к Екатеринославу и мужественно дрались с бандитами, отступая, согласно стратегическим соображениям, по моему приказанию. Когда славные части мои оставляли город, из окон исключительно еврейских домов производилась по солдатам стрельба из пулеметов и ружей, во время которой многие солдаты и даже офицеры были ранены и убиты. Дома, из которых производилась стрельба, замечены. Приказываю при занятии в ближайшие дни города отдать распоряжение по командуемым вами полкам, ротам и эскадронам об обстреле этих домов и наложении самой суровой кары на мужское население районов, в которых производилась стрельба по войскам. Молодцам солдатам в течение трех дней р а з р е

шаются в еврейских кварталах обходы для обнаружения преступников, стрелявших в солдат и офицеров.

Командующий: Корвин-Круковский

(Копия приказа получена через редакцию г. «Маяк» — Новороссийск).

V

Приказ № 1.

ПО ГАРНИЗОНУ гор. ЧЕРКАССЫ

4-го Августа 1919 г.

§ 1

Сего числа город Черкассы занят Кубанскими Казачьими частями и присоединяется к территории Единой Неделимой России.

§ 2

Приказываю немедленно собрать Городскую Управу в прежнем ее составе до большевицкого переворота с изъятием членов большевиков и евреев.

§ 3

Комендантом города до прихода пехотных частей временно назначаю Есаула Головки.

Генерального Штаба Генерал-Майор
Шифнер-Маркевич

(Печ. экз. хранится в Центр. архиве материалов о погромах, Берлин; отдел документов. См. дальше фотогр. снимок).

VI

Положение евреев в Добровольческой Армии

За Коменданта Штаба

10-й пехотной дивизии.

Июня 30-го дня 1919 года.

ст. Белгород

Начальнику Штаба

1-го Армейского Корпуса.

Посланных в распоряжение Начальника Дивизии харьков-

ским уездным воинским Начальником офицеров-евреев, в числе 13 человек, возвращаю в Ваше распоряжение, так как Начальник Дивизии не находит возможным принять их к себе в дивизию. Надчив приказал просить не присылать евреев-офицеров на пополнение частей дивизии.

Поручик Балабанов

Список: 1. Прап. Брук, 2. Шапиро-Пикельный, 3. Финкельштейн, 4.Аренков, 5. Гринер, 6. Лозман, 7. Коган, 8. Вайсбард, 9. Дворкинд, 10. Штейнберг, 11. Абрамович, 12. Фарбштейн, 13. Старший порт.-юнк. Левенберг.

(Из материалов Комитета Еврейских Делегаций в Париже).

Особый учет офицеров-евреев

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Харьковский уездный воинский начальник объявляет, что все офицеры иудейского вероисповедания, проживающие в городе Харькове и Харьковском уезде, обязаны явиться к нему в Управление (Кацарская 56) 14-го сего июля к 8 часам утра для принятия на особый учет, отображения сведений об окончании училищ, времени производства в офицеры и подписки о невыезде, после чего будут распущены по домам впредь до особого распоряжения.

Вр. и. д. Харьковского Уездного Воинского Начальника

Подполковник Суражский

Делопроизводитель Надворный Советник Рагозин.

(Напеч. в Харьковской газ. «Новая Россия», в № 3, июль 1919).

VII

К.-Д.-Конференция в Харькове и вопрос о погромах

3-го ноября 1919 г. в Харькове открылась конференция партии к. д., созванная группой членов центрального комитета.

Конференция продолжалась 4 дня и закончилась 6 ноября. В конференции принимали участие члены Ц. К. кн. Пав. Долго-руков, В. А. Степанов, Лев Велихов, А. В. Тыркова, Н. В. Тес-ленко, Н. Н. Козелевский, проф. А. И. Маклецов, а также пред-ставители Ростова, Кубани, Харькова, Одессы, Киева и других городов на территории Добрармии. Из Киева на конференции при-нимали участие председатель областного комитета Л. Э. Чолган-ский и член комитета Н. В. Луначарский. Конференция была объ-явлена закрытой.

Между прочими резолюциями была принята также следующая резолюция по еврейскому вопросу:

«Харьковское совещание партии народной свободы высказы-вает убеждение, что происходящие еврейские погромы представ-ляются недопустимыми не только по соображениям человечности, но и с точки зрения того великого дела, которому служит Добро-вольческая Армия.

Вместе с тем совещание отклоняет всякие подозрения в том, что эти насилия совершаются без достаточного противодействия со стороны полномочных властей, и первейшим долгом считает свидетельствовать о ряде актов и мер, принятых и принимаемых властью для предотвращения погромов и для защиты неповинного населения во имя христианской морали, во имя государственных интересов.

Совещание признает, что растленная атмосфера, созданная большевизмом, возведшим в принцип голое насилие и физическое истребление противников, является одной из основных причин возобладания в массах темных инстинктов. Это растление духа послужило благодарной почвой для отвратительных актов наси-лия, которые в совокупности своей представляются подлинным всероссийским погромом. Кровавый смерч пронесся по всей стра-не, поражая русских граждан и вырывая массовые жертвы среди всех слоев населения, среди духовенства, офицерства, интеллиген-ции, крестьян и рабочих. Порожденное большевизмом моральное одичание вызвало также и распространение еврейских погромов.

Установлена в ряде случаев и прямая зависимость еврейских погромов от подстрекательства большевистских агентов, стремя-щихся к дезорганизации тыла.

Сознательные и руководящие круги еврейства должны объявить беспощадную войну тем элементам еврейства, которые, активно участвуя в большевистском движении, творят преступное и злое дело.

Совещание выражает надежду, что те здоровые течения в русском еврействе, которые стремятся вместе со всеми русскими гражданами принять участие в освобождении России от большевиков, будут деятельно поддержаны широкими кругами еврейского населения.

Русское еврейство должно понять, что вне безусловного и безоговорочного признания и поддержки национальной диктатуры и Добровольческой Армии, воссоздающих русскую государственность, нет спасения, и что только твердый правопорядок, который стремится установить национальная власть, обеспечит надежную защиту всем гражданам без различия национальности и веры».

(«Киевская Жизнь», № 62, от 14 ноября 1919).

VIII .

Декларация Союза Возрождения России

(принята Главным Комитетом Союза после вступления в Киев Добровольческой армии).

«...К сожалению, дни освобождения от большевистского ига были омрачены действиями темных и безответственных элементов, призывавших к погромам и ведших дикую травлю еврейства. В отдельных случаях эти действия успели принести зловещие и кровавые плоды. К еще большему сожалению, в этой погромной агитации принимали иногда участие и такие лица, общественное и интеллектуральное положение которых менее всего способно оправдать подобные поступки.

Веря, что Добровольческая Армия найдет достаточно сил справиться с отдельными прискорбными явлениями настоящих

дней, Союз Возрождения России, со своей стороны, заявляет, что всяким действиям, нарушающим права личности и вечные принципы человечности, в особенности теперь, после падения большевистской неправды, не должно быть места. Они только вредят делу возрождения России и компрометируют тех, кто в них принимает участие» . . .

Киев, 1 сентября 1919 г.

(Печ. экземпляр хранится в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин; дано в извл.).

IX

Телеграмма трех русских организаций ген. Деникину о погромах

Таганрог. Главнокомандующему Генерал-Лейтенанту Деникину.

От имени трех областных организаций — Национального Центра, Союза Возрождения России и Национального Объединения России, тесно связавших свою работу по возрождению единой России с делом Добровольческой Армии, считаем долгом обратить Ваше внимание на новую волну антиеврейских погромов, охватившую свыше сорока пунктов района Киевской, Полтавской и юга Черниговской губерний по пути продвижения Добровольческой Армии. Число убитых мирных жителей достигает трех тысяч, еще выше количество раненых, изувеченных, множество изнасилований еврейских женщин. Погибли видные раввины, поджигались полные молящихся синагоги, разрушались школы. Истреблялось, похищалось все без остатка имущество. Нередко имело место вымогательство и попустительство со стороны командиров частей. На всех путях, особенно железнодорожных, солдаты и офицеры извлекают пассажиров-евреев, подвергают безнаказанно избиениям, расстрелам. Растет недовольство, озлобление. Боязнь передвижения расстроила хозяйственный аппарат, сократила подвоз продуктов. Подрывается в корне успешность са-

мообложения, возможность других сборов в пользу Армии. Посеяна смутная тревога среди широких кругов населения, ждавших упрочения законности и порядка. В некоторых пунктах начавшиеся против евреев погромы направляются и против местного русского населения. Подробности разыгравшихся эксцессов проникли в среду находящихся в Киеве представителей Американской Миссии и европейских органов печати, нанося тяжелый удар нашему делу в общественном мнении союзных стран. Все стороны обсудив вопрос, наши три организации пришли к единодушному заключению, что непрерывно продолжающиеся погромы возможно пресечь единственно властным словом Верховного Вождя армии. Необходимо немедленно исходящий от Вас лично приказ по войскам с решительным осуждением свершившегося, с авторитетным призывом к уважению равенства граждан, личной неприкосновенности, строгим воспрещением погромной агитации, напоминанием о суровых карах военного времени. Нужно назначение верховной следственной комиссии, предание суду виновных. Только таким категорическим приказом будет положен предел прискорбным эксцессам, мешающим делу Добровольческой Армии и омрачающим торжество ее победоносного движения.

По уполномочию Национального Центра:

Протоиерей Константин Агеев

Союза Возрождения: Дмитрий Одинец

Национального Объединения России: Николай Вацкар

Киев, 3 октября 1919

(Центр. архив материалов о погромах, Берлин).

Х

Декларация Еврейского Комитета содействия возрождению России (Киев)

Еврейский Комитет содействия возрождению России обратился к еврейскому населению со следующей декларацией:

«В настоящее время вся Россия охвачена единым стремлением к восстановлению поруганной большевиками государственности.

Словно смерч прошел большевизм по России. Он сразу подчинил себе центральную коренную Россию с ее чисто великорусским населением. Здесь большевики почти не встретили сопротивления. Но с чрезвычайным трудом и лишь на короткое время овладел большевизм нашим краем с его особыми условиями деревни, с городами и местечками бывшей черты оседлости, населенными в большинстве евреями. Здесь большевики не могли пустить корней: огромное большинство еврейского населения, торгово-промышленное по своему составу, по своим интересам, по своему духу чуждо и враждебно коммунистическим экспериментам. Оно нуждается в правовом порядке, в свободе для торговой и промышленной инициативы.

Большевизм не пощадил России, не пощадил и нашего края. Торговля и промышленность замерли под тяжестью декретов. Конtribusi и реквизиции, принудительные работы обрушились прежде всего на еврейское население. Рабочий класс бывшей черты оседлости, рассеянный по мелким мастерским, узнал весь ужас безработицы и голода. Фабрично-заводские комитеты, социализация фабрик остались для него пустым звуком. Часть еврейской интеллигенции, отдельные рабочие попали в ряды советской бюрократии. Пред огромным-же большинством народа раскрылась бездна разорения и обнищания.

Но еще хуже чем материальные бедствия действовали на евреев политический террор, система произвола, анархии, наглого насилия, духовного разврата. Кучка еврейских коммунистов пользовалась благами власти, насильничала вместе с коммунистами русскими, латышскими, украинскими. Окруженная ненавистью своего народа, она была ему чужда. Громадное большинство еврейского населения было объявлено контр-революционным, национальные учреждения были закрыты, общины разогнаны. Еврейское духовенство подвергалось преследованиям, религиозные чувства — оскорблениям. Под гнетом большевистской цензуры и репрессий культурная деятельность заглохла. В условиях советского режима еврейство России стало разлагаться и распадаться. Оди-

чание всей страны, уничтожение всех культурных завоеваний, озверение людей в гражданской войне создавали опасность для дальнейшего существования евреев в России. Свержение большевиков стало непосредственным национальным интересом евреев.

Однако, среди ужасов нашего смутного времени засиял луч надежды. Растут и крепнут те общественные силы, которые призваны положить конец большевизму, предавшему Россию на поток и разграбление социалистической Пугачевщине. На севере и на юге, на востоке и на западе собираются сознательные элементы, которые возродят Россию на началах законности и порядка, свободы и культуры.

С душевным волнением, с трепетной надеждой следили евреи за успехами армий, борющихся с большевиками. Еврейское население России кровно заинтересовано в победе начал государственности и свободы над диким разгулом классового и национального террора, в преодолении анархии слева, неизбежно влекущей анархию справа. Государственное единство и полнота национального существования всех народов России — это необходимые условия и для нормальной жизни евреев. К этому мы стремимся. Это стремление живет в нас и не может быть ничем убито. Ничем — даже погромами и насилиями, пятнающими великую борьбу за освобождение России от большевиков. Через преследования и пытки, сквозь клевету и гнусную ложь пронесем мы это стремление возродить страну, в которой права гражданства мы приобрели веками труда, страданий и горя.

Именно теперь, когда в новую стадию вступает борьба с большевиками, и освобождаются от них огромные пространства, очищается обширный тыл, нужна напряженная работа всех общественных сил, стоящих на почве государственности, законности и права, нужны объединенная деятельность, гражданский мир в тылу гражданской войны.

Еврейский Комитет содействия возрождению России обращается поэтому ко всему еврейскому населению нашего края с призывом сознать свои гражданские обязанности и собрать все свои силы для поддержки творческих элементов страны в их борьбе за возрождение России на началах свободы и права».

(Напеч. в г. «Киевская Жизнь», от 12 (25) октября 1919).

ХІ

Докладная записка о погромах ген. Деникину от четырех еврейских общин

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Заместителю Верховного Правителя.

Представителей Екатеринославской, Ростовской, Таганрогской, Харьковской еврейских общин.

З а п и с к а .

По мере продвижения на Юго-Запад Добровольческая Армия, освобождая в победном шествии города и уезды от ига Советской власти, занимала места, населенные евреями. Истерзанное и измученное пытками красного террора, еврейское население в подавляющем своем большинстве аполитично, жаждет порядка, законности и покоя. Принадлежа по экономической своей структуре к классу мелкой буржуазии (около 90% ремесленников и мелких торговцев и приблизительно 5% крупных торговцев и промышленников и только около 5% рабочих), еврейство с затаенным нетерпением ждало в лице Добровольческой Армии избавителей от гнета пролетарской диктатуры. С восторгом встречало оно приходившие войска, готовое помочь им средствами и людьми.

К великому несчастью, еврейство обмануто в своих надеждах. Вместо возвещенных Вашим Превосходительством мира и законности, Армия принесла с собой евреям грабежи и насилия со стороны солдат и в некоторых случаях неравное, недоброжелательное отношение со стороны властей.

Решившись сказать это Вашему Превосходительству, мы твердо сознаем всю тяжесть ответственности, которую берем на себя — мы, избранные и ответственные руководители еврейства. Сказать это повелевает нам наш долг не только по отношению к еврейскому населению, но и к тому великому подвигу освобождения России, который Ваше Высокопревосходительство на себя возложили.

Мы понимаем, что при занятии отдельных поселений не могут не иметь места отдельные печальные случаи насилий и беззакон-

ний. Но, к нашей скорби, почти во всех местах, куда приходила Добровольческая Армия, происходил или происходит в большей или меньшей мере систематический разгром еврейского населения. Особенно тяжелый характер приняли эксцессы в Екатеринославе, где на 4-х улицах сплошь разгромлены все еврейские квартиры, изнасилованы сотни еврейских женщин и убито не мало евреев. Погром продолжается и поныне. В Харькове и по сие время имеют место ежедневно десятки случаев грабежа и насилия, носящих характер погрома. В целом ряде мелких пунктов, как Авдеевка, Енакиево, Синельниково, Лозовая, Валки, Богодухов и т. д. имели место такие-же явления.

Мы считаем долгом особенно отметить, что в некоторых местах представители власти принимают меры к обузданию черни, но их деятельность часто оказывается тщетной. Печатная пропаганда «Освага» и особенно некоторые распоряжения командного состава армии по отношению к евреям-добровольцам, офицерам и солдатам разжигают страсти в темной массе и парализуют действия правильно понимающих администраторов.

В первый же день прихода добровольцев на видном месте, рядом с официальными приказами, вывешиваются листки, натравливающие против евреев (таковы листки, под заглавием: «Рабочие, красноармейцы, всем... всем... всем» и др.). Даже в официальных своих бюллетенях «Осваг» ведет недопустимую антиеврейскую пропаганду. Характерны в этом отношении сообщения из Херсона в № 7, из Киева в № 12.

Особенно вредным является отношение части командного состава Армии к евреям-добровольцам. Наше юношество предлагает свою жизнь России, а его резко публично отталкивают.

Собранный в Харькове отряд добровольцев, на половину состоящий из евреев, был послан в Сводно-Стрелковый батальон. Под Золочевым отряд удачно выполнил боевую задачу, но в тот же день евреи были откомандированы к воинскому начальнику, а там отпущены впредь до мобилизации.

Штаб 10-ой пехотной дивизии возвратил в распоряжение Штаба 1-го армейского корпуса принятых по мобилизации 13 офицеров-евреев и в официальной бумаге выразил просьбу вообще не присылать евреев-офицеров на пополнение частей его дивизии.

Командир 2-го железнодорожного батальона откомандировал обратно в распоряжение заведывающего передвижением войск юнкера Шпунта, как лицо иудейской веры, так как евреи на службе в железнодорожные части не допускаются.

Харьковский воинский начальник объявил в газетах, что офицеры иудейской веры берутся на особый учет и распускаются впредь до особого распоряжения.

Такое отношение к еврейству клеймит его, позорит и ставит его в глазах темных масс вне закона.

Ваше Превосходительство, мы не милости просим, а справедливости. В тот момент, когда Мирная Конференция включает еврейский народ в Лигу Наций, мы не можем мириться с мыслью, чтобы грабили наших братьев, насиловали наших жен и дочерей и позорили наших юношей за то, что среди евреев имеются большевики. Законная кара да постигнет наших большевиков, но никто не должен сметь посягать на мирное еврейское население, столь же ответственное за Троцкого и Стеклова, как русский народ за Ленина и Горького.

От имени крупнейших общин освобожденной Вами области мы позволяем себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с просьбой во имя провозглашенной Вами государственной программы, поднять свой голос против чинимых беззаконий.

Ваше Превосходительство, не откажите в соответствующей декларации заявить русскому народу и Армии, что нельзя делать ответственным весь еврейский народ за отдельных членов его — большевиков. Он также невинен, как, по Вашим словам, неповинна и масса крестьянская за комиссаров и коммунистов. Мы просим Ваше Превосходительство официально подтвердить, что евреи, согласно законам Временного Правительства, пользуются полным равноправием, и никто не имеет права лишить их этого равенства перед законом. К нашим правам относится также право, наравне с другими гражданами, отдать свою жизнь за Россию, служа в рядах ее Армии. Приказом по Армии подтвердите, Ваше Высокопревосходительство, это святое наше право.

Авторитет Вашего имени велик и славен в народе, и Ваш голос будет услышан. Ваше слово внесет успокоение в народные

массы, поведет к миру между отдельными частями населения и создаст те прочные позиции в тылу, которые столь необходимы Вам в дальнейшей борьбе за Единую Великую Россию на благо всех населяющих ее народов.

(Центр. архив материалов о погромах, Берлин).

ХII

Еврейская делегация у ген. Деникина в Таганроге

(Из протокольной записи беседы).

26 июля (8 августа) 1919 года еврейская делегация из представителей еврейских общин: Екатеринослава — председателя М. С. Брука, Харькова — председателя д-ра Л. В. Виленского, Ростова н/Д. — раввина д-ра Э. Гольденберга и Таганрога — тов. председателя д-ра А. Я. Еввинзона была принята заместителем Верховного Правителя ген. Деникиным.

Доктор Виленский представил генералу членов делегации и прочел записку, составленную от имени названных четырех общин. Генерал Деникин весьма внимательно слушал, делая заметки во время чтения.

...Г е н. Д е н и к и н: «Я не должен вас уверять ни в любви к евреям, ни во вражде к ним; вообще смешно подходить к этому вопросу государственной целесообразности и человечности с такой точки зрения. По вопросу об отношении командного состава к евреям я боролся и впредь буду бороться с этим грустным явлением, но положение таково, что бороться трудно. Только медленно я старался и стараюсь возможно ослабить его остроту. Но устранить его совершенно я не в состоянии. Командный состав на свой страх и риск, по собственному почину, отдавал распоряжение об отправке евреев-офицеров в отдельные батальоны. Я сделал даже замечание ген. Май-Маевскому. Формально он на это не имел права, но внутренне я сознавал, что и н а ч е о н п о с т у п и т ь н е м о г. И в конце концов я лично отдал приказ об отчислении евреев-офицеров в резерв. Должен отметить, что из Армавира, куда направлены были некоторые еврей-офицеры, при-

ходят уже жалобы и заявления о нежелании иметь их в своей среде. Но это уладится. Другого выхода я не вижу. Это необходимо прежде всего во избежание крупных неприятностей для самих евреев, для которых жизнь в офицерской среде была-бы нестерпима. А теперь я обращаюсь к вам: укажите мне более подходящий способ для решения этого вопроса».

Делегация на это ответила, что она видит единственный способ только в неуклонном проведении равного отношения со стороны командного состава к евреям. «Если-же на первых порах еврей-офицеры пострадают от неприязни своих товарищей, то это нам не страшно».

Тогда ген. Деникин сказал: «Я боюсь серьезных волнений среди офицерства и не могу поэтому принять вашу точку зрения.»

Дальше генерал Деникин пытается объяснить настроение армии против евреев тем обстоятельством, что армии приходится сражаться лицом к лицу с еврейскими коммунистическими легионами.

Делегация на это возразила, ссылаясь на слова генерала Шкуро, что всего на всего таких «легионов» насчитывается один в 300 человек... «Затем чрезвычайно странно, что такое настроение рождается в армии против евреев в виду одного отряда в 300 человек, и совсем не имеет места при виде десятков тысяч русских братьев-красноармейцев, с которыми приходится сражаться».

После этого ген. Деникин заметил, что при уходе большевиков из Екатеринослава там сконцентрировалось 130 еврейских комиссаров. На это делегация ответила, что «сведения о «еврейских комиссарах» фабрикуются чрезвычайно искусственно».

Тогда ген. Деникин заявил, что «вследствие существующей сплоченности между евреями, еврейские представители могли бы повлиять на еврейские большевистские дружины».

Делегация выразила удивление по поводу того, что ген. Деникин может думать о каком-бы то ни было влиянии евреев на большевиков. «Широкие еврейские массы не причастны к большевизму».

Ген. Деникин: «Это могу понять я, но пойдите и объясните это массе».

...«Да — нами много достигнуто, но, слава Богу, если мои боевые приказы исполняются. Желать же сейчас, при данном составе и моральном уровне армии, большего невозможно».

Затрагивая вопрос о положении евреев-солдат в Добровольческой армии, делегация сказала: «Не следует ли считаться с настроением еврейских масс, уязвленных в своем национальном достоинстве? Можно ли от них требовать, чтобы они отдавали свою голову, идя в армию, из которой выбрасывают их братьев?»

Генерал Деникин молчал.

Делегация далее указала на зверства, чинимые солдатами Д. А. в отношении евреев, и привела ряд фактов.

Ген. Деникин: «Да, трудно ожидать чего либо хорошего от людей, совершенно оподлившихся, совершенно павших в моральном смысле. Ведь тот факт, что этот люд попал в армию не по мобилизации, не делает его лучше; это ведь не добровольцы, идейно шедшие в армию, за каждого из которых я мог поручиться; это ведь — сброд. Его физиономия станет ясна, если принять во внимание общее падение нравов.»

«Впрочем, — добавил затем ген. Деникин — об этих эксцессах мне известно больше чем вам».

Делегация затем затронула вопрос об антиеврейской пропаганде «Освага».

Ген. Деникин: «Вы могли бы лучше всех расследовать это обстоятельство».

Делегация, выражая удивление, ответила ген. Деникину: «Для Вас имеется очень простой путь: пошлите, Ваше Высочайшее Представительство, Вашего курьера или адъютанта в отделение «Освага», и он принесет Вам всю его литературу»...

Ген. Деникин: «Не странно-ли, что одновременно с вашим заявлением я получаю почти ежедневно письма, в которых обвиняют «Осваг» в том, что он предался жидам».

...Далее делегация продолжает настаивать на необходимости издания декларации, на ее срочности именно теперь, когда Добровольческая армия вступает в пределы Полтавской, Херсонской и Киевской губернии с крупным еврейским населением.

Делегация: «Адмирал Колчак издал декларацию, хотя у него, наверно, не было таких непосредственных к этому поводов. Может быть, он это сделал из политических соображений?»

Ген. Деникин: «Да —, там американцы... Я считаю декларацию ненужной».

В ответ на просьбу воздействовать на армию ген. Деникин «решительно отказался от каких бы то ни было непосредственных мероприятий; исподволь он надеется ввести некоторое успокоение».

На повторный вопрос делегации, предполагает ли он издать какие либо приказы против погромов, ген. Деникин ответил категорически: «Сейчас нет. Быть может, со временем, если это потребуется.»

(Запись этой беседы хранится в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин, а также в архиве Комитета Евр. Делегаций в Париже).

ХІІІ

Из протокола беседы ген. Деникина с еврейской делегацией в Одессе

Во время посещения Одессы ген. Деникиным в начале октября 1919 года ему представилась делегация Одесской евр. общины в составе д-ра И. С. Могилевера, д-ра З. И. Темкина и д-ра Л. В. Раухвергера. В ответ на речь члена делегации д-ра З. И. Темкина, коснувшегося, между прочим, вопроса об исключении евреев-офицеров из армии и о погромных эксцессах против еврейского населения в целом ряде городов и местечек, ген. Деникин заявил:

«Благодарю вас и в вашем лице еврейское население за приветствие. Правительство прилагает все усилия, чтобы не допускать погромов. Сделаны самые строгие распоряжения. Но и вы должны внушить вашей молодежи, чтобы она ... изменила свою ориентацию; и тогда совместными уси-

лиями удастся приостановить это стихийное движение. Мне это временами с трудом удается. Еще раз благодарю вас за приветствие».

(Из материалов Одесской евр. общины. Беседа напеч. в «Киевлянин», № 32, 1919).

XIV

Деникинская справка о «еврейских большевистских военных частях»

Начальник Штаба
Главкомандующего вооруженными
силами на Юге России.
27-го июля 1919 года
№ 610969.

Представителям Еврейских Общин Ростовской, Екатеринославской и Харьковской.

В дополнение к личному разговору представителей еврейских Общин с Главкомандующим, препровождаю, по его приказанию, сводку сведений, от 26-го июля, о еврейских частях, действующих на южном фронте.

За Нач. Штаба Генерал-Майор Плющев-Плющевский
Начальник Оперативного Отдела Генерального Штаба
Полковник Карпинский

СВОДКА

сведений о еврейских частях (в советских войсках), действующих на южном фронте, к 26 июля 1919 года.

1. Отряды, где 100% евреев:

X-я армия — Одесский еврейский добровольческий отряд (район Балашова); XIII-я армия: в конной бригаде Гусева — Конный отряд Розенфельда (район Ахтырки); в группе Беленковича — Кавалерийский полк особого назначения Корпуса ВЧК (район Ахтырки); XIV-я армия: в Екатерино-

славской группе — 2-й интернациональный конный полк (район Пятихатки).

II. Отряды, где от 30 до 50% евреев:

Большинство инженерных частей; половина коммунистических рот при полках; войска корпуса ЧВК.*) и карательные отряды.

III. В Одессе расположены следующие еврейские части:

1-я Еврейская боевая дружина до 2-х тысяч штыков; 2-я Еврейская студенческая дружина; 1-й Еврейский Сионистский полк до 2 тысяч человек; Военно-инженерные курсы до 80 человек (исключительно евреи); Батальон Чрезвычайной Комиссии, служащий специально для расстрелов — до 300 человек (исключительно евреи); 5-я рота 416-го полка 47-й дивизии (коммунистическая рота) — состоит наполовину из евреев.

IV. В районе Елисаветграда действуют еврейские карательные отряды.

Подлинную подписал: Начальник Разведывательного Отделения Штаба Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, Генерального Штаба Полковник Роснянский Верно: Генерального Штаба Полковник (подпись)

(Из материалов Комитета Евр. Делегаций в Париже).

Насколько верна была эта «Сводка», доставленная штабом Добровольческой армии, можно судить по следующему ответу Одесской еврейской общины в связи с данными «Сводки», касающимися Одессы.

Ответ Одесской евр. общины на «Сводку»

Совет Одесской Еврейской Общины
Правление.

До сведения Правления Одесской Еврейской Общины дошло, что злонамеренными лицами распространяются ложные слухи, будто, при приходе Добровольческой армии в августе сего 1919 г.

*) В. Ч. К.?

в Одессу, в составе советских войск находились и выступали против частей Добрармии специально-еврейские воинские части: 1-ый сионистский полк, состоявший исключительно из евреев в числе нескольких тысяч человек, еврейская боевая и еврейская студенческая дружина.

В интересах восстановления истины правление одесской еврейской общины удостоверяет, что, как совершенно точно известно всем жителям города Одессы:

1. Вообще никогда в Одессе ни при большевиках, ни до них, ни после них не существовало никаких сионистских полков.

2. В период господства большевиков сионистская партия и все, кто так или иначе имел к ней какое либо, хотя бы самое отдаленное, отношение, подвергались преследованиям, как контрреволюционеры, о чем советской властью даже были изданы особые декреты, которыми сионистская партия и ее учреждения на всей территории Украины и в частности в Одессе были упразднены.

3. Виднейшие представители сионистской организации в Одессе (Темкин, Пен, Вассерман, Розенталь, Гальперин) были чрезвычайкой арестованы по обвинению в сношениях с Добрармией и Антантой; сионисты М. Д. Елик, Е. А. Богоров и М. Л. Маносзон были чрезвычайкой расстреляны, а все другие видные представители сионистской партии в Одессе, чтобы избежать арестов и расстрелов, скрывались в течение всего времени вплоть до прихода Добрармии.

4. Еврейская дружина, существовавшая в Одессе, начиная с 1917 г., в течение всего времени своего существования, была совершенно аполитична и имела своей единственной задачей борьбу с еврейскими погромами, на случай, если бы таковые вспыхнули. Дружина эта была признана властью Добровольческой армии г. Одессы до прихода сюда большевиков в марте сего 1919 года; большевиками дружина эта была упразднена именно вследствие своей аполитичности, ибо советская власть, как известно, утверждала только свои партийно-политические военные части и не допускала существования иных. В августе 1919 г., во время занятия города Одессы частями Добрармии, состав еврейской дружины, быстро организовавшись совместно с другими организа-

циями (резерв милиции, Союз Георгиевских кавалеров, Союз увечных воинов), проявил самую энергичную деятельность по охране и окарауливанию зданий важнейших общественных и государственных учреждений, способствуя тем поддержанию в городе порядка и спокойствия.

5. Еврейской студенческой дружины не было вовсе, а была обще-студенческая дружина смешанного национального состава, во главе с полковником Фирсовым.

6. Единственной частью, которая именовалась еврейской, был первый еврейский советский полк из нескольких сот человек, организованный Еврейским Коммунистическим Союзом, который вызывал по отношению к себе весьма недружелюбное отношение еврейских масс и был набербован исключительно из коммунистов и из той кучки евреев, которая подняла гражданскую войну внутри еврейства.

Изложенное подтверждается прилагаемыми при сем в копиях документами.

Председатель Правления — д-р М. Л. Шварцман

Секретарь — д-р Л. Роках

Приложения.

(Из материалов Комитета Еврейских Делегаций, Париж).

XV

Беседа с В. А. Маклаковым

(Из протокола беседы).

В воскресенье, 20 октября 1919 года, В. А. Маклакова посетили представители Еврейской Политической Коллегии в Ростове — А. Л. Черников, Г. Я. Брук и Ф. Е. Ландер.

А. Черников: «Мы пришли к вам по поводу погромов от имени Коллегии, состоящей из представителей крупных общин и организаций. В начале революции мы не могли рассчитывать, что нам придется еще когда нибудь ходить не только по вопросу о наших правах, но даже о нашей личной безопасности.

Между тем, грозные события имели место на Украине. Масса убитых, раненных, изнасилованных... Мы желали бы с вами поговорить о мерах, необходимых для прекращения погромов».

В. Маклаков: «Подробности неинтересны. С точки зрения государственной тысяча ли убитых или десять тысяч — особой принципиальной разницы не представляет. Погромы, независимо от размеров и степени их жестокости, сами по себе недопустимы, и меры к их прекращению обязательно должны быть приняты. Вопрос о мерах меня очень интересует, и я уже неоднократно вел об этом беседы с Деникиным. Мне было бы очень желательно знать, какие меры по вашему мнению были бы действительны. Вы сказали, что после революции вы не ожидали, что могут быть погромы. Понятно, возврата к прошлому нет. Ни о каких ограничениях в правах, ни о какой черте оседлости речи быть не может. Но когда я уезжал в начале большевистского движения, я не сомневался, что еврейские погромы будут. Население привыкло к тому, что в каждом народном бедствии ему кивали на еврея и на него указывали, как на источник всех бедствий. Несомненно, борьба с погромами очень трудна в виду чрезвычайного раздражения против евреев за их участие в большевизме.»

Г. Брук: «Мы послали делегацию к ген. Деникину. 26-го июля она ему точно объяснила всю ситуацию и ходатайствовала: 1) об издании декларации о равноценности и равноправии еврейского населения и о том, что никакие по отношению к нему эксцессы не могут быть допущены; 2) об обратном приеме евреев-прапорщиков и 3) о воспрещении «Освагу» заниматься погромной агитацией. Во всех наших ходатайствах нам было отказано»...

В. Маклаков: «Чем же он мотивировал?»

Г. Брук: «Декларация несвоевременна и неудобна»...

В. Маклаков: «Но ведь Колчак издал»...

Г. Брук: «Ему было на это указано, но последовал ответ, что там Америка»...

В. Маклаков: «Что это значит?»

Г. Брук: «Не знаю точно, но мы его поняли в том смысле, что Колчаку необходимо было издать декларацию в угоду

Америке. Затем Деникин еще мотивировал, что евреев-офицеров нельзя вернуть в армию, в виду враждебного там к ним отношения».

В. Маклаков: «Это верно»...

В. Маклаков (продолжая): «Вопрос этот сильно волнует Деникина. Но ведь вы можете идти на такой шаг, но не Деникин. Раз Деникин берет офицеров в свою армию, он должен им обеспечить возможность правильно функционировать. Если бы кто-либо из офицеров-евреев был бы убит, то нужно было бы снарядить следствие и расстрелять всех виновных. Все это чрезвычайно бы осложнило положение дел в армии».

...Г. Брук: «Да будет нам разрешено заявить, что оправдались все наши сомнения в действительности тех мер, которые ген. Деникин собирался предпринять. Они, очевидно, оказались теми полумерами, которые хуже отсутствия всяких мер. В результате мы пережили Фастов, т. е. нечто такое, чего даже еврейский народ не переживал несколько веков».

Какие меры нужно предпринять теперь? Меры те же. Правда, они теперь не так действительны. Духи выпущены, и их вогнать обратно значительно труднее. Потребуется более сильные средства и более сильные дозы: 1) необходимо издать декларацию, 2) привлечь всех виновных к ответственности с назначением соответственных комиссий, 3) воспретить погромную и антисемитскую агитацию в армии «Освагу» и всем органам печати, пользующимся какой либо поддержкой от правительства; 4) опубликовать во всеобщее сведение о всех случаях наказания за участие в антиеврейских погромах; 5) оказание помощи пострадавшим на счет государства и принятие всех мер к восстановлению их хозяйств».

Представители делегации приводят далее ряд фактов о произошедших погромах.

В. Маклаков: «Все, что вы сказали, так ужасно... Они мешают моей работе в Париже. Те либеральные круги, которые, я знаю, всегда очень хорошо относились к евреям, теперь у них этого настроения нет. Правда, это явление временное и скоро оно пройдет, но пока это так... Я знаю одного очень интеллигентного человека, никогда к евреям никаких враж-

дебных чувств не питавшего. Он присутствовал в Петрограде, когда Зиновьев делал смотр красным войскам. Когда он увидел, как знамена русских войск склоняются перед Зиновьевым, он не мог с этим примириться и не может этого забыть и теперь. Значительное участие евреев в большевистском движении несомненно обострило это отношение.

... Но что теперь делать?.. Я Деникина давно знаю, когда он еще был начальником дивизии. Деникин не юдофил, но несомненно глубоко честный человек и не погромщик, погромов он не желает и готов с ними бороться и, как государственный человек, прекрасно понимает, что погромами Россию не восстановишь. Но ведь у нас твердой власти нет. Государство еще не существует. Оно еще только возрождается. Я вполне разделяю ваш взгляд на необходимость издания декларации. По этому поводу я уже говорил с Деникиным и я надеюсь, что она скоро будет издана. Понятно, я с уверенностью сказать не могу. Это не от меня зависит, но я надеюсь, что она скоро появится. Привлечь всех виновных к ответственности, понятно, необходимо. Публикация об этом тоже, понятно, необходима. Для меня лично в этом сомнения нет, но не могу не признать также точки зрения Деникина о чрезвычайной опасности этих мер, так как привлечение к суду и осуждение офицеров может вызвать очень сильное неудовольствие в офицерской среде, и это может привести к отрицательным результатам. В Киеве был, например, такой случай: двух офицеров за участие в еврейском погроме приговорили к смертной казни. Тогда явились офицеры к Драгомирову и заявили, что его приказ о расстреле двух офицеров будет приведен в исполнение, но за то весь Подол будет снесен.

Г. Брук: «Мы не можем также не отметить, что резкой болью отозвалась в наших сердцах речь ген. Деникина к еврейской общине в Одессе. Это почти единственная его речь к евреям, которую телеграф передал повсеместно»...

В. Маклаков: «Что же он сказал?»

Г. Брук: «Повлияйте на вашу молодежь». Старые слова».

В. Маклаков: «Да-а!..»

(Из материалов «ОССО» — Объединенный Совет Сионистск. Организации в Одессе; запись беседы хранится в Центральном архиве мат. о погромах в Берлине и в архиве Комитета Евр. Делегаций в Париже).

Переговоры с членом правительства проф. П. Гронским

(Из протоколов Еврейской Политической Коллегии в Ростове).

Перед своим отправлением в Соединенные Штаты, в качестве главы дипломатической миссии правительства ген. Деникина, проф. П. П. Гронский обратился за поддержкой к представителям еврейского населения в южной России.

12 ноября 1919 года Еврейская Политическая Коллегия в Ростове, состоящая из представителей крупнейших еврейских общин района Добровольческой армии, приняла проф. Гронского в своем пленарном заседании.

Проф. Гронский заявил, что он знает про все жестокости, чинимые добровольческими войсками над еврейским населением, и что он глубоко потрясен ими.

«Я не могу — сказал проф. Гронский — противопоставить вашему обвинительному акту никакого оправдания и я не могу отрицать той горькой правды, которую я признал с самого начала нашей беседы. Вы знаете мою позицию в вопросе о погромах и в национальном вопросе. В конечном итоге я вижу, что в настоящую минуту вы не можете оказать моей миссии того содействия, о котором я вас просил. Условия программы-минимум, которую вы формулировали, окончательны, и я с своей стороны сделаю все возможное, чтобы побудить ген. Деникина принять их. Вы осведомлены несомненно о кампании, которая ведется внутри Особого Сопределения (совета министров при ген. Деникине) в пользу более либеральной политики. Я полагаю, что новая политика возобладает и что здоровые политические влияния победят, наконец, дурные влияния; тогда изменится также политика в отношении к еврейскому народу. Через несколько дней я представлю ваши требования ген. Деникину» . . .

20-го ноября 1919 года Еврейская Политическая Коллегия получила известие, что предъявленные ею требования были сообщены ген. Деникину, и что последний решительно отказался от их удовлетворения, заявив, что в данный момент не время даже думать о еврейском вопросе.

(Из материалов Комитета Еврейских Делегаций в Париже).

XVII

Английские представители при Д. А. об отношении к евреям

I

4-го (17-го) ноября 1919 г. сионистская делегация посетила в Таганроге начальника британской военной миссии при ставке Д. А., ген. Х о л ь м а н а. Беседа коснулась положения евреев и Добровольческого правительства. Тогда-же была сделана запись этой беседы, которую мы приводим в выдержках:

Ген. Х о л ь м а н : «Я получил сообщение, что из 36 столичных московских комиссаров 1 русский, а все остальные — евреи».

Члены делегации выражают изумление и недоумение.

Ген. Х о л ь м а н : «Я вам сейчас покажу это сообщение».

Колонель Роландсон вносит, по предложению ген. Хольмана, объемистый доклад, написанный на машинке на русском языке и, повидимому, всецело посвященный еврейскому вопросу, и открывает его на следующем месте, которое ген. Хольман показывает членам делегации: «Первенствующую роль сыграли после революции Советы, ставшие средоточием политической жизни и деятельности. В этих Советах выдвинулись следующие лица:

<i>Псевдоним:</i>	<i>Фамилия:</i>	<i>Национальность:</i>
Ленин	Ульянов	Русский
Троцкий	Бронштейн	Еврей
.....	.....	.....

(Следуют еще около тридцати фамилий и псевдонимов, против которых в столбце «Национальность» лишь две черточки, т. е. то же самое — «Еврей». Таким образом, весь столбец «Национальность» состоит из 1 «Русского» и нескольких десятков «Евреев»).

Члены делегации поочередно и очень внимательно ознакомились с соответствующим местом доклада.

Член делегации Гиндес: «Ваше Превосходительство, достаточно раз прочесть эти строки, чтобы сразу увидеть

всю их грубую тенденциозность. Прежде всего это список не комиссаров, т. е. лиц, формально занимающих высшие посты, как Ваше Превосходительство изволило предполагать, а лиц, «выдвинувшихся», как они определяются в самом докладе. Вторых, это список далеко не одних большевистских имен. В нем упоминаются, например, Мартов, заведомый не-большевик; Ортодокс-Аксельрод, известная противница большевиков, и т. д. Но главное, стоит быть хотя-бы отдаленно знакомым с русской политической жизнью, чтобы видеть явную нелепость этого списка; в нем соответствующие имена либо вымышлены, либо они помещены только потому, что принадлежат евреям, хотя и не игравшим никакой роли в советах. И наоборот, десятки действительно выдвинувшихся, подчас всемирно-известных деятелей революции не-евреев, как напр., Чхеидзе, Церетели, Крыленко, Чернов, Спиридонова, Коллонтай, Рыков и мн. др., совершенно не упоминаются в этом списке... Вообще вся та информация, которую вам преподносят о евреях, крайне лжива».

Ген. Х о л ь м а н : «... Ген. Деникин говорил мне, что он все делает, но ничего не может сделать. Гражданская война деморализовала и дезорганизовала население. Все привыкли грабить и убивать. А тут еще прорывается гнев против евреев за участие в большевизме. Знаете, ведь генерала Май-Маевского офицеры называют «жидовским батькой». Самого Деникина обвиняют в том, что он «продался жидам». Когда ген. Драгомиров хотел расстрелять в Киеве 3 человек за убийство евреев, офицеры заявили ему, что они подчинятся его приказу, но за это сотни евреев заплатят жизнью. Оказалось, что можно, без нарушения дисциплины, заменить этим лицам казнь каторгой.

... Я с Деникиным чрезвычайно откровенен. Я говорю ему часто то, чего не смеют сказать ему свои офицеры. Я говорю ему, например: «У вас на железных дорогах берут взятки, между тем на железных дорогах должна быть дисциплина, и при взятках у вас ничего не выйдет». Он со мной также откровенен. Он говорит мне: «Я ничего не могу поделать со своей армией. Я рад, когда она исполняет мои боевые приказы». И это правда. Везде дезорганизация, везде развал... Вы должны ему помочь. Нужно скорее кончить историю с большевизмом, — тогда не бу-

дет больше погромов. Нужно раз навсегда покончить с большевизмом и взять Москву, — тогда вы можете мирно жить...

...Ведь евреи и за границей выступают против Добровольческой армии. У нас евреи пользуются всеми правами. У нас много влиятельных евреев: сэр Руфус Айзекс, сэр Сэмюэль и другие. У нас нет предрассудков. У нас еврей был премьер-министром: Дизраели. То же в Америке. От евреев многое, очень многое зависит. А между тем, евреи ведут у нас кампанию против Добровольческой армии, против оказания ей помощи. Газеты, во главе которых стоят евреи, пишут, что ген. Деникин устраивает погромы, что он — реакционер, и не дают нашему правительству оказывать ему помощь.

...Я с вами откровенен. Я говорю всю правду. Я получаю телеграммы от своего правительства: Добровольческая армия устраивает погромы, что это такое? Я отвечаю то, что думаю. Я отвечаю, как честный солдат. Я пишу им: нужно помочь ген. Деникину, тогда все будет хорошо. Я говорю, я постоянно говорю с ген. Деникиным. Я и ему говорю всю правду. Но он ничего не может сделать, он бессилен.

Вы имеете влияние. Евреи — способный и организованный народ. Вы должны повлиять на английских евреев. Пусть они не мешают лорду Черчиллю оказывать помощь России. Пусть они помогут справиться с большевиками. Тогда все будет хорошо. Тогда можно будет водворить мир в России».

(Запись беседы сделана членом делегации М. Ф. Гиндесом; хранится в архиве Комитета Евр. Делегаций в Париже; также Центр. архив мат. о погромах, Берлин).

II

2-го ноября 1919 военный представитель Англии при Добровольческой армии, ген. Бриггс, во время своего пребывания в Харькове, произнес в кругу добровольческой администрации речь, в которой между прочим коснулся и еврейского вопроса.

«Есть еще жизненный вопрос, — сказал он, — еврейский. Где-бы я ни был, везде я слышал о вражде к евреям. Будете-ли вы их уничтожать и будете-ли этим подобны большевикам? Если так, то вы потеряете сочувствие всей Европы.

Ваш Главнокомандующий мне сказал, что он отдал приказ, запрещающий погромы*). И вдруг мне говорят, что он куплен евреями — этот великий патриот. Если евреи в России будут злоупотреблять предоставленными им правами, то у вас есть другой способ — предложить им выехать на их родину (предполагается — в Палестину)».

Вслед за этим ген. Бриггс посетил и Киев, где добровольческие власти устроили в честь его банкет. На банкете ген. Бриггс коснулся того-же вопроса:

«По моему — сказал он — евреи бывают разные — хорошие и плохие. И некоторые из последних, надо сказать, содействовали разрухе. Но должны-ли получить одинаковое возмездие и виновные и невинные? Нужно-ли, подражая петлюровцам, перебить всех евреев? Послушайтесь моего совета и ничего подобного не делайте. Будьте справедливы, и если евреи будут злоупотреблять правами гражданства, то найдите иные меры для того, чтобы поставить их на место. Ген. Драгомиров (Главнокомандующий войсками Киевского округа) — человек дальновзоркий, и он хорошо понимает, что если в отношении своем к евреям вы будете придерживаться системы большевистской, — вы потеряете симпатию Европы».

(Речь ген. Бриггса в Киеве см. г. «Киевская Жизнь» от 7 (20) ноября 1919 г.)

XVIII

Беседа ген. Бриггса с представителями еврейской общины в Киеве

(извлечение из протокола)

В ноябре 1919 г., приблизительно месяц спустя после Киевского погрома, ген. Бриггс, военный представитель Англии при Д. А., посетил Киев и обратился к городскому голове Бутенко с просьбой устроить ему свидание с представителями еврейской

*) Это, как известно, оказалось неверным.

общины. 5 (18) ноября состоялась беседа ген. Бриггса с избранной еврейской общиной делегацией, состоявшей из проф. Е. М. Кулишера и Я. Слонима. При беседе присутствовали также: адъютант Бриггса, прикомандированный к нему представитель ген. Деникина — Харитонов и еще один русский офицер. Е. М. Кулишер произнес приветствие от общины по английски, а затем беседа велась по русски, через переводчика, дабы придать ей открытый характер, доступный всем присутствующим.

Точный протокол был записан немедленно после беседы. Заимствуем из него наиболее важные места.

«... Ген. Бриггс: Правда-ли, что в Киеве существовал отдельный еврейский большевистский полк?»

Е. Кулишер: Это неверно, такого полка не было, но был полк, состоявший из коммунистов всех национальностей.

Ген. Бриггс: Считаете-ли вы правильным, что евреям принадлежит главное место в составе советской власти?»

Е. Кулишер: Такое утверждение неверно; нужно различать разные категории советских служащих. Что касается «чрезвычайек», то первенствующую роль играли в них матросы; при этом надо иметь в виду, что во флоте не было ни одного еврея. Затем следуют латыши, китайцы и лишь на последнем месте евреи. Относительно других учреждений надо иметь в виду, что огромное число советских учреждений представляли собой ни что иное, как национализированные торгово-промышленные предприятия, и естественно, что в качестве служащих там оказались евреи, которые еще накануне были конторщиками и приказчиками соответствующих предприятий. Наконец, среди комиссаров с политическими функциями — в среде народных комиссаров Украины — не было ни одного еврея. Что же касается других, низших комиссаров, то среди них были и евреи, но едва ли в большем числе, чем то, которое соответствует их процентному отношению к населению г. Киева, а именно — 25%. Надо заметить, что многие русские люди совершенно добросовестно утверждают, что среди комиссаров было огромное число евреев. Это добросовестное заблуждение объясняется двумя причинами. Во первых — непривычкой русских людей видеть евреев в качестве представителей власти и, во вторых, — большей подвижностью и экс-

пансивностью евреев, вследствие чего они больше бросались в глаза, чем другие. Евреи коммунисты, которые были у власти, отнюдь не рассматривали себя как евреев и всячески это подчеркивали. Так, например, когда петроградский раввин Айзенштадт был у Троцкого и просил его разрешить выдать евреям на пасху вместо простой муки муку для мацы, причем выразил надежду, что он, как еврей, окажет содействие, — Троцкий резко отказал, заявив, что он не еврей, а интернационалист, и никаких евреев знать не хочет.

... Ген. Бриггс: Какой характер носил погром в Киеве: были ли по преимуществу грабежи или было также много убийств?

Е. Кулишер: Зарегистрировано около 400 убитых евреев.

Ген. Бриггс: При каких условиях совершались убийства?

Е. Кулишер: Главным образом, при отказе уплатить требуемую сумму, при малейшей попытке сопротивления и при попытке побега. Но были также и убийства в связи с ограблениями, не вызванные никакими приводящими условиями.

... Ген. Бриггс: Не распространялись ли грабежи и на русских?

Е. Кулишер: Утверждаю, что грабили и убивали специально евреев в сознании безнаказанности чинимых над ними насилий. Утверждаю это, во первых, потому, что если бы случаи убийства христиан имели место, то об этом было бы известно, и, во вторых, потому, что погромщики при нападении на евреев и разгроме их имущества определенно обходили неевреев.

Ген. Бриггс: Кого же вы обвиняете в погромах? ... Ставите ли вы в вину кому либо из властей погромы?

Е. Кулишер: Да. Части офицерства и местным властям. Приходится, к сожалению, констатировать, что многие офицеры активно принимали участие в погромах, т. е. в убийствах, изнасилованиях и грабежах, и еще большее число офицеров допускали все эти действия, которые творились солдатами в их присутствии. Затем, ни офицеры ни местные власти не принимали никаких мер к предотвращению и прекращению погромов.

Ген. Бриггс: Что вы понимаете под местными властями?

Е. Кулишер: Главным образом — власти полицейские, военная комендатура и т. п. Чтобы охарактеризовать их отношение, я укажу лишь на то, что когда погромленные обращались к ним с жалобами или просьбами о розыске вещей, они отвечали: «мы от жидов никаких жалоб не принимаем». Что же касается высших властей, то им в вину должно быть поставлено прежде всего допущение той бешеной агитации, которая являлась одной из главных причин погромов. Эта агитация велась, и надо, к сожалению, признать — продолжает вестись, как устно, в рядах армии, так и в печати. Она допускалась и допускается совершенно невозбранно. Накануне киевского погрома в Дарнице, у самого поезда ген. Бредова, призывали к избиению евреев. Никаких мер не принималось и не принимается также для прекращения погромной агитации в печати, между тем как другая сторона очень стеснена цензурой в своих возражениях.

Ген. Бриггс: Не можете ли вы мне назвать те газеты, которые ведут эту агитацию?

Е. Кулишер: Могу: «Киевлянин» и «Вечерние Огни». «Вечерние Огни» это бульварный листок, ищущий всеми мерами сенсаций и не брезгающий никакими средствами, — грязный листок, каких много и на Западе. Но куда существеннее роль «Киевлянина», с которым власти здесь очень считаются. Между тем, и в «Киевлянине» были прямые призывы к погромам. Между прочим, статьи за подписью Vendetta призывали мстить евреям, которым ставится в вину весь большевизм.

Ген. Бриггс: Можете ли вы доставить мне один номер этой газеты, содержащий прямой призыв к погрому?

Е. Кулишер: Не только один, но и несколько десятков.

... Ген. Бриггс: Вы заявили мне, что большинство евреев не сочувствует большевизму, а как по вашему относилось еврейство к революции, т. е. к первому революционному перевороту?

Е. Кулишер: Сочувственно.

Ген. Бриггс: Значит, вы признаете участие евреев в революции?

Е. Кулишер: Безусловно.

Ген. Бриггс: Но тем самым вы признаете до известной степени и участие евреев в созданном революцией развале армии, и вы должны поэтому понять, что ныне, при воссоздании армии, в ней проявляются враждебные евреям тенденции.

Е. Кулишер: Нет, это не так, потому что в февральской революции участвовали все элементы русского общества и народа, и если так рассуждать, то значит на них всех падает вина в разложении армии, в том числе, между прочим, и на редактора той газеты «Киевлянин», о которой я вам говорил — Шульгина. Этот самый Шульгин был одним из тех, которые вынудили у Николая II отречение. Помимо того, когда некоторые из членов Временного Правительства просили Михаила Александровича не отказываться от регенства, — Шульгин к ним не присоединился.

Ген. Бриггс: Я хочу в заключение вам сказать, что в гражданской войне приходится всем терпеть, и часто несправедливо. Но я считаю, что вы должны идти вместе с той властью, которая стремится воссоздать государство, а не противодействовать ей, потому что иначе могут возникнуть всякие планы о стеснении ваших прав и даже об изгнании вас. Я твердо надеюсь вместе с тем, что по мере того, как отодвинется фронт, удастся здесь установить прочный порядок и защитить мирное население от преступных нападений.»

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; отдел документов).

XIX

Беседа американского генерала Джедвина с представителем Киевской еврейской общины

(извлечение из протокола)

7-го сентября 1919 г., т. е. через неделю после занятия Киева добровольцами, в Киев прибыл генерал американской армии Джедвин. Подъехав к синагоге на Подоле, он просил ука-

зять ему представителей еврейской общины. Ему указали на М. Горнштейна. М. Горнштейн — состоятельный купец, деятельный член правления Киевской общины, из ортодоксального лагеря; в то время был также председателем Ц. Комитета помощи пострадавшим от погромов. Ген. Джедвин посетил Горнштейна на дому, и между ними произошла беседа (на немецком языке), протокол которой был записан и из которой мы заимствуем наиболее важные места.

Ген. Д ж е д в и н представился, как член комиссии М о р г е н т а у, и сообщил, что он приехал в Киев осведомиться о еврейских погромах на Украине. Задав вопрос о возникновении погромов и их характере при правительстве Петлюры, ген. Д ж е д в и н затем спросил:

Происходили-ли еврейские погромы также в период большевистской власти, учиненные большевистскими войсками?

М. Г о р н ш т е й н: «Происходили, но очень мало и в незначительной степени.»

Ген. Д ж е д в и н: «А когда большевики ушли и пришли добровольцы, — происходили-ли погромы, учиненные военными частями?»

М. Г о р н ш т е й н: «Да, происходили. Мне известны погромы в Нежине, Боярке, Борисполе и др. В последнее время чувствуется и здесь сильное антисемитское настроение. Распространяется навет, что евреи—большевики. Еврейская община даже послала специальное донесение к ген. Бредову, в которой и я принимал участие, дабы информировать его о ведущейся в Киеве погромной агитации, наводящей панику на еврейское население. Ген. Бредов ответил, что о погроме здесь не может быть речи и что он никоим образом не будет допущен. Он даже выпустил в этом смысле воззвание, но воззвание не возымело никакого действия, так как эксцессы все больше увеличиваются.»

Ген. Д ж е д в и н: «Правда-ли, что евреи приняли деятельное участие в большевистской власти, что все комиссары были евреи и что Лацис, Петерс (председатели «Чека») и «Роза» евреи?»

М. Г о р н ш т е й н: «Еврейское население страдало от большевиков больше других, так как оно принадлежало при-

мущественно к торгово-промышленному классу, преследуемому большевиками. Большевики разрушили также все еврейские общественные организации, — закрыли общины, все прежние культурные и национальные организации, закрыли Ц. Комитет помощи погромленным... Из всей суммы контрибуции, наложенной на киевскую буржуазию, на долю евреев пало 74% — в то время, как процент евреев в Киеве только 20; с евреев взяли также 60% всех заложников; на принудительных работах евреи составляли 90% всех взятых. Из этого можно заключить о том, как евреи могли отнестись к большевистской власти.

Что касается участия евреев в большевистской власти, то следует указать, что в правительстве Раковского не было ни одного еврея. Евреи комиссары — были; сколько — сказать трудно... Категорически заявляю, что Лацис и Петерс — не евреи, а латыши. «Товарищ Роза», быть может, и еврейка, но она играла ничтожную роль; таких можно насчитать среди христиан сотнями, между тем о них никто не говорит».

К концу беседы М. Горнштейн указал ген. Джедвину, что «в Киеве имеется теперь несколько тысяч евреев-беженцев из погромленных пунктов, которые находятся в ужасающем положении, — а домой вернуться они не могут».

Все сообщенное М. Горнштейном было тут-же подробно записано секретарем ген. Джедвина.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; отдел документов).

XX

О «еврейской стрельбе» в добровольческие войска

В «Киевлянине» от 14 сентября 1919 г., № 21, была официально опубликована следующая заметка штаба Д. А.:

«Борьба с большевиками

Официальное сообщение штаба Полтавского отряда
13-го сентября 1919 г.

... Попытки «красных» наступать на Бахмач сдерживаются

нашими частями в 20-25 верстах севернее станции. При временном отходе наших передовых частей под напором противника из м. Новые Млины местные евреи обстреливали наши части в тыл. Меры против этого явления приняты».

В ответ на это представители христианского населения местечка, в том числе и официальные лица, выступили со следующим заявлением:

«Удостоверение.

Мы, нижеподписавшиеся, жители местечка Новые Млины, сим удостоверяем, что вопреки сообщения в № 21 газ. «Киевлянин», от 14-го сентября 1919 года, еврейское население местечка никаких враждебных действий по отношению к Добровольческой Армии не предпринимало и никакой стрельбы не производило.

Кроме того, сим удостоверяется, что еврейское население местечка в обостренных отношениях с русским населением не было; активного участия в управлении в Советский период и в большевистских организациях ныне проживающие в местечке евреи не принимали.

(Подписи): Пашкевич, Биркин, А. Самойлович, В. Самойлович, учит. Елицина, Левчина, землемер-таксатор Сандоов, Александр Хотнюк, нач. почт.-телеграфн. отделения Ющенко, почтово-телеграфн. чиновник Котин, Петр Хотнюк, Свиридон, Гаркавенко, Георгий Сытенко, учитель Кириченко, кандидат юридических наук и землевладелец м. Новых Млинов Григорий Ив. Пилипенко, И. Заец (11 других подписей неразборчивы).

Что сделанные на сем документе подписи учинены подписавшимися лицами собственноручно, в том Новомлинская Городская Управа свидетельствует подписью и приложением печати гор. старосты, за неимением соответствующей.

Октября 2 дня 1919 г. М. Новые Млины.

Помощник Гор. Головы (подпись).

(М. П.).

№ 315».

(Копия удостоверения имеется в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин).

XXI

Атаман Струк в Добровольческой армии

Воззвание Струка

МАЛОРОССИЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

Братья селяне! Мы — ваши атаманы — Клименко, Струк, Закусило, Кожа, Приходько, Лазаренко, — уже более года ведем беспощадную борьбу с красными бандитами, называющими себя коммунистами. Селяне, в этой борьбе нет и не может быть никакого перерыва. Пока хоть один Бронштейновский наемник будет поганить нашу землю, мы не сложим оружия. Стоны наших жен и детей, стоны окровавленного, разоренного селянства зовут нас к дальнейшей борьбе. Мы должны мстить, да так, чтобы красная сволочь дрожала от ужаса. Вспомним имена народных вождей Малороссии и их славных казаков. Селяне, нет нам другого выхода, либо сокрушить красного зверя, либо очутиться под его пятой. Если случится последнее, погибнем мы, погибнет родной край. ТРОЦКИЙ-БРОНШТЕЙН ЗАКОЛОТИТ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ, РАЗДЕЛИТ МЕЖДУ СВОИМИ ЕДИНОВЕРЦАМИ НАШИ ТУЧНЫЕ ЗЕМЛИ, ПРЕВРАТИТ НАС В РАБОВ ДО СКОНЧАНИЯ ВЕКА. Селяне, красные лгут, говоря, что они защищают народное благо. Мы видим, как они понимают это благо. Бронштейн загоняет народ в социалистический рай при помощи косоглазых желтых бандитов-китайцев и кровавых «чрезвычайек». Мало ли было источено крови из ваших жил в проклятых чрезвычайках! Теперь вас хотят добить окончательно. Красная погань жаждет уничтожить Христа и водворить на земле царство Дьявола. Селяне, родная история знает много тяжелых минут. Нас клевали татары, в нашей крови захлебывались Литва и Крым. Но казачество, доблестное, рыцарское казачество всегда спасало родную страну. Перед казацкими знаменами склонялись к земле все враги. Это знамя теперь подняли мы во имя спасения Родины и Православной Веры и все мы должны сплотиться под этим великим национальным знаменем! Селянство, с мечем в руке, с крестным знаменем в сердце рази красного антихриста, круши без всякой пощады дьяволь-

ское царство. Твой семейный очаг разрушен до тла. Твоя жена и дочь насилуются красными комиссарами, твои братья подвергаются мукам сатанинских чрезвычайек. Православный храм руками нехристей обращен в конюшню, проклятый Бронштейн кует тебе цепи неслыханого рабства. Сбрось это иго, встряхни ужасную нечисть, вспомни подвиги твоих великих предков! Селяне, на православном храме гудит колокол: «Спасай родную страну и православную веру». Мы, атаманы, зовем вас. Идите к нам, становитесь в ружье под наши знамена. С нами Бог, с нами правда. Нам помогают доблестные добровольческие полки. На нас с великой надеждой взирает вся трудовая Россия. Селянство, твои мозолистые руки должны сжаться в грозный кулак. Смерть Нехамкесам и Бронштейнам и всем татям, ворвавшимся в твой дом! Смерть китайским и латышским бандитам, щелкающим зубами на крестьянское добро! **ДОЛОЙ КРАСНУЮ ИУДОВУ ЗВЕЗДУ!** Все к оружию. Нельзя медлить. За промедление следует позор и мучительная смерть. Селяне! Мы атаманы: Клименко, Струк, Закусило, Кожа, Приходько и Лазаренко зовем вас к последней смертной схватке с красной нечистью. Мы не сойдем со своего поста, пока родной край терзается вольчьими советскими стаями. Вы нас знаете и верите, что мы ведем вас по правильному пути.

Трудовой хлебороб, иди за нами. Помни, что мы не пожалеем отдать нашу жизнь за счастье селянства. За счастье, за волю, за веру, за землю трудовую народу!

Атаманы: Клименко, Струк, Закусило, Кожа, Приходько и Лазаренко.

(Центр. архив материалов о погромах, Берлин. Напечатано также в газете «Киевская Русь» 25 ноября 1919 г., № 5).

XXII

Приказы против погромов

ПРИКАЗ № 10 ПО ГАРНИЗОНУ г. Б. ЦЕРКВИ

1-го сентября 1919 года.

Замечено, что за последнее время случаи ограбления мирных жителей лицами, прикрывающимися присутствием в городе воинских частей, не только не уменьшаются, но увеличиваются — грабежи с еврейского населения переходят уже на русское.

Воин Добровольческой Армии не грабитель или разбойник, а защитник права и порядка, и наоборот — грабитель не воин Добровольческой Армии.

Для ликвидации насилий над мирными жителями лицами, прикрывающимися формой честных бойцов Добровольческой Армии и для поддержания чести Армии, подтверждая приказ от 23 августа за № 7, предписываю: не увольнять в город казаков и солдат от 20 до 7 часов. Всех лиц, появляющихся в городе в форме казаков и солдат в период от 20 до 7 часов, задерживать и препровождать в комендантское управление.

Коменданту города принять решительные меры к задержанию грабителей для предания их военно-полевому суду, наряжая для этого конные разъезды и пешие дозоры.

Начальник гарнизона — полковник Сахаров.

(Центральный архив материалов о погромах на Украине, Берлин; отдел документов).

ПРИКАЗ ГЕН. МАЙ-МАЕВСКОГО.

Гор. Харьков. № 302. 31-го июля 1919 года.

Добровольческая армия, ведущая тяжелую борьбу за воссоздание нашей великой родины, за установление в ней правового порядка, должна прежде всего вносить в освобождаемые от большевиков местности порядок, спокойствие и законность.

Под мощной защитой армии, всем гражданам, без различия состояний, национальностей и вероисповедания, должно быть обеспечено спокойное существование, должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность; даже и единичные случаи притеснения какого либо класса населения, какой либо национальности, например, евреев, не должны иметь места.

Всем чинам армии надлежит всегда и везде служить примером уважения к закону и праву.

Начальникам всех степеней принять настоящий приказ к строжайшему исполнению и руководству, привлекая к законной ответственности виновных в нарушении его.

Подлинный подписал

Генерал-Лейтенант Май-Маевский.

Верно: Старший адъютант общего отделения

Полковник Голубев.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; отдел документов).

ПРИКАЗ ГАРНИЗОНУ ГОР. НЕЖИНА.

№ 11.

В виду непрекращающихся грабежей, насилий, самочинных обысков, реквизиций и проч. бесчинств, приказываю:

1) Коменданту гор. строжайше вменить в непременную обязанность офицерских патрулей, разъездов и дозоров следить, а в особенности ночью, за безусловной обеспеченностью жизни мирных граждан, их имущества, семейств и вообще внутреннего порядка в городе.

2) Еще раз подтверждаю мой приказ № 10 и напоминаю к неуклонному и точному исполнению следующее: всех грабителей, вымогателей, застигнутых на месте преступления, расстрелять немедленно и без суда; прочих уличенных в перечисленных преступных деяниях, препровождать в штаб вверенной мне бригады для немедленного предания военно-полевому суду.

3) Приказываю населению г. Нежина и его окрестностей отнестись спокойно к переживаемым тяжелым часам жизни и

На кладбище после погрома в Фастове, в сентябре 1919 г. (см. стр. 333)

верить, что в большинстве случаев грабежей, насилий и самоchinств принимают самое деятельное участие наймиты Т р о ц - к и х - Б р о н ш т е й н о в, Н е х а м к е с о в и прочих деятелей так называемой «рабоче-крестьянской власти». В этом отношении каждый из граждан может убедиться в штабе вверенной мне бригады в неоспоримых документальных данных в работе агентов под флагом Добрармии. Эти агенты беспрестанно продолжают свою преступную работу, чтобы вооружить мирное население путем погромов, грабежей и насилий против нас — частей Добровольческой армии, несущих на трехцветном российском знамени заветы права, законности и порядка.

Начальник гарнизона

генерал-майор, барон Штакельберг.

И. д. начальника штаба полковн. Михайлов.

12 сентября 1919 г.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; отдел документов).

П Р И К А З КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ.

В связи с поступающими сведениями о существующей травле еврейского населения и подстрекательстве темными антигосударственными элементами к грабежам и насилиям над евреями, как в городе, так и на линии железной дороги, я, желая в корне пресечь различные национальные травли и розни и провести в жизнь декларацию Верховного Правителя Единой России Адмирала Колчака, Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России Генерала Деникина, Командующего Армией Генерала Май-Маевского и Командира III Корпуса Генерала Шкуро о том, что все равны перед законом, все получают одинаковую защиту закона, не считаясь с национальностью, — приказываю Коменданту города и Командиру Государственной Стражи всех лиц, замеченных в натравливании одной на-

циональности на другую, задерживать и препровождать в Комендантское Управление для предания суду.

Комендантам станций принять все меры к тому, чтобы лица всех национальностей, как-то: русские, поляки, евреи, немцы и др. одинаково пользовались защитой закона и свободой передвижения.

За неисполнение сего с виновных буду взыскивать по законам военного времени.

Генерал-от-артиллерии Ирманов.

Все национальности равны перед законом.

Все получают одинаковую защиту.

Издание Киевского Гарнизонного Пункта Военной Пропанды Добровольческой Армии.

(Печати. экземпляр хранится в Центральном архиве, Берлин; напеч. также в киевск. газ. «Объединение» от 11 (24) сент. 1919 и в «Киевлянин» № 27, 1919).

Запоздалый приказ*)

ПРИКАЗ

Главнокомандующего вооруженными силами на юге России
23-го января 1920 года.

Противник в последних боях понес ряд тяжелых поражений; лучшая его конница разбита, дух его войск надломлен.

Каждый решительный удар сулит нам успех. Но мало одной победы оружием. Недавно мы были у Орла, но ряд тяжелых ошибок привел нас вновь на Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фронта и развала тыла были насилия и грабежи. В освобожденных от насилия областях народ с восторгом встречал наши войска; но мно-

*) Приказ ген. Деникина был издан уже к концу пребывания Д. А. на Украине, когда волна погромов стала стихать.

гие вели себя не лучше большевиков, и массы от них отвернулись, а без опоры на народ никакая борьба невозможна. Будем же являть собой пример безукоризненной честности и рыцарского отношения к слабым.

Пусть ни один упрек не будет брошен в лицо борцов за освобождение и поправное право народа. Если начальники не возьмутся сразу за искоренение этого зла, то новое наступление будет бесполезно, и дело рухнет. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они ни занимали. Помните, что нельзя грязными руками братья за святое дело освобождения от насильников нашей многострадальной РОДИНЫ России.

Прочеть во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях.

Генерал-Лейтенант Д е н и к и н

II. ДОНЕСЕНИЯ С МЕСТ О ПОГРОМАХ

Приводим наиболее характерные донесения с мест из огромного числа донесений, хранящихся в нашем архиве. Стиль подлинников нами всюду сохранен.

I

К эксцессам на ст. Лозовой

Лозовская Городская Управа,
Павлоградского Уезда,
Екатеринославской губернии.

Июля 14 дня 1919 г.,

№ 701, г. Лозовая.

Его Превосходительству
Господину Главнoначальствующему Харьковской,
Екатеринославской и Таврической губерний.

С большим нетерпением население города ждало и с громадной радостью встретило Добровольческую армию, совершающую великое дело воссоздания Единой России и ее былой мощи. Энтузиазм населения был громадный и, между прочим, выразился в том большом подъеме, с которым прошли сборы для нужд Добровольческой армии, как среди русского общества, так и среди еврейской его части. И действительно, вступление Добрармии принесло с собой восстановление порядка и спокойствия всего населения, без различия национальностей. Но в последнее вре-

мя начались в Лозовой довольно серьезные эксцессы на национальной почве со стороны отдельных войсковых частей, особенно из числа проезжающих эшелонов. Таковые эксцессы имели место 12 сего июля, а именно: было много случаев избиения евреев на улицах и ограбления в домах, кроме того толпа ворвалась в синагогу во время моления и там также было произведено массовое избиение, а равно разрушение и осквернение святынь, причем нет уверенности, что это не будет повторяться. Кроме того, сего же 12 числа, около 2 часов дня, были схвачены казаками данного эшелона два молодых человека (еврея), служащих Международного Коммерческого Банка, и на самые настоятельные требования коменданта города совместно с городским головой о препровождении данных лиц в комендатуру, начальником эшелона не было принято никаких мер, а казаки эшелона выдать их отказались; спустя некоторое время эти два лица оказались убитыми и выброшенными по пути из вагонов.

В виду изложенного Городская Управа обращается к Вашему Превосходительству с покорнейшей и почтительнейшей просьбой оказать защиту мирному, особенно еврейскому населению, и сделать надлежащее распоряжение о принятии мер к прекращению таковых насилий, дабы каждый смог спокойно заниматься своим делом на пользу Родины.

(М. П.)

Председатель Управы: (подпись)

Член Управы: (подпись)

(Из материалов Комитета Еврейских Делегаций, Париж).

II

Погром в м. Яблоново (Полтавской губернии)

(август 1919)

Из данных следственной комиссии, отправленной в м. Яблоново Лубенским начальником гарнизона, полковником Рожаневичем, по просьбе Лубенской еврейской общины.

Общая картина тех ужасных событий, которые пришлось пережить, главным образом, еврейскому населению м. Яблоново, та-

кова: в ночь на 7-ое августа, после того, как большевики окончательно оставили Яблоново и в местечке не осталось никакой власти, через местечко стали проходить отдельные части и отряды Добровольческой армии, преследующие отступающих большевиков. Сразу же, как только эти части очутились в пределах местечка, начались поиски еврейских квартир, а затем разразился ужасающий погром, длившийся 3 дня, т. е. четверг, пятницу и субботу. При этом нужно установить следующее обстоятельство: громила не одна определенная часть, так как ни одна часть не задерживалась в Яблоново на весь этот срок; громили отдельные лица, принадлежащие к разным частям, непрерывно проходившим через местечко; части эти установлены дознанием, так как при следовании через Яблоново они оставляли соответствующие расписки, отобранные у крестьян экспедицией и приобщенные к делу; забирали у крестьян лошадей под обозную повинность. Так, удалось установить по этим распискам, что наиболее активное участие в погромах принимали части 2-го Стрелкового полка, 2-го Сводного Гвардейского полка и некоторых других. Разгром производился довольно значительными группами солдат, при (за небольшим исключением) совершенно пассивном отношении остальной войсковой массы, полном бездействии начальствующих лиц, а в некоторых случаях и при преступном содействии последних. Удалось выяснить даже фамилии некоторых офицеров, принимавших участие в этом кровавом деле. Что же касается местного населения, то установлена его полная непричастность к погрому . . . Из общего количества еврейского населения местечка Яблоново, насчитывающего около 60 семейств, не осталось ни одной семьи не обобранной до нитки. Внешний вид разгромленных квартир и лавок ужасающий: груды мусора, битого стекла и посуды и кучи перьев, остатки разбитой в щепки мебели, развороченные печи и проломленные стены, где, вероятно искали припрятанные деньги, раскопанные в сараях и дворах с тою же целью ямы, — вот все, что осталось от материального благополучия относительно зажиточного еврейского населения местечка. Мужчины, женщины, старики и дети босы (обувь забрана), в жалких отрепьях; все, что могло быть забрано и увезено, взято солдатами, остальное разбито и уничтожено. Население местеч-

ка таким образом осталось нагим, босым, голодным в буквальном смысле этого слова, так как громившие войсковые части строго на строго запретили местным крестьянам оказывать пострадавшим евреям помощь чем бы то ни было, угрожая расправой при обратном приходе. Только лишь путем настойчивых убеждений удалось отчасти рассеять страх местных крестьян и побудить их хотя бы продавать пострадавшим предметы продовольствия.

К великому несчастью, разгром имущества далеко не самое худшее из того огромного бедствия, которое обрушилось на голову евреев м. Яблоново. В результате погрома в м. Яблоново оказались еврейские трупы, евреи, жестоко избитые, с проломленными ребрами и черепами, изнасилованные еврейские женщины и девушки. Убито четыре еврея: торговец Белкин 50 лет, Маприлов 15 лет, кузнец Белярчик 35 лет и его рабочий Браславский 18 лет; первых трех подвергли долговому и мучительному избиению, вымогая от них деньги и другие ценности, а затем убили самым зверским и мучительным образом. Так, например, относительно Белкина имеются сведения, что его привязали за шею к лошадиному хвосту и тащили через местечко к предместью села Загребенью, нанося ему при этом сабельные удары. На трупе Белярчика также имеются следы сабельных ударов и ружейной пули. Маприлова же очень долго и мучительно избивали прежде чем убить. Браславский был убит в 12 верстах от м. Яблонова, после того как он отвозил каких то военных на лошади своего хозяина.

... Избитых очень много. Некоторые получили столь тяжелые побои, что в настоящее время лежат в постели и нуждаются в долгом и тщательном лечении; таковы, например, содержатель аптеки провизор Гидалевич, находящийся на излечении в больнице, торговец Гевруцкий, перевезенный в Лубны; другие же хотя и остаются на ногах, но носят на всем теле и лице следы ужасных побоев. В общем очень редки лица, на которых не было бы кровоподтеков и рубцов. Число изнасилованных женщин и девушек очень велико. На вопрос представителей Лубенской Общины, сколько их, получен лаконический ответ: «много», «большая часть». В дальнейшие распросы из чувства деликатности вда-

ваться не представлялось возможности; те же случаи, которые удалось исследовать ближе, поражают крайним проявлением одичалого скотства и разнузданного зверства.

Такова в общих формах картина погрома в м. Яблоново. К этому нужно добавить, что экспедиция застала все еврейское население м. Яблоново загнанным в кусты, болота и воды близ текущей речушки, где они провели почти без пищи около 3-х дней, что только присутствие в экспедиции евреев побудило их выйти из своих убежищ, что в виду отсутствия организованной власти в м. Яблоново и до этого момента еврейское население и поныне пребывает в паническом настроении, ожидая дальнейших посягательств уже не на имущество, которого у них не осталось, а на самую жизнь.

(Из материалов ЕКОПО — Евр. Комитета помощи жертвам войны и погромов).

III

Погром в Кременчуге (Полтавской губ.)

Показание б. городск. головы А. Санина
В Комиссию при еврейской общине.

Ответы на опросный лист:

§ 1 — Насилия начались 27 Июля ст. ст. 1919 г. и длились пять-шесть дней; § 2 — и днем и ночью; § 3 — Характер массовый.

§ 4 — Грабежи, избиения, изнасилования женщин; иногда, впрочем редко, убийства. Обычная картина грабежа такова: грабители входили в дом уверенно и спокойно; если двери квартиры были заперты, они ломали их или сбивали замок винтовочным выстрелом. Затем требовали от хозяев денег, ценностей, вещей; в случае, если хозяева, указывая на свою бедность, не могли дать много, они подвергались избиению. Впрочем, избиению подвергались и без всякого повода. Независимо от того, давали ли хозяева деньги, или не давали, квартира подвергалась обычно тща-

тельному обыску, причем сундуки, корзины, шкапы взламывались, и большая часть, а иногда и все вещи связывались в узлы или непосредственно в корзинах выносились. Если в квартире были женщины, то они иногда подвергались на глазах у остальных присутствующих насилию, независимо от возраста: были случаи изнасилования и 12-ти летних девочек и 55-ти летних старух. Регистрация грабежей и насилий не производилась и не могла быть производима. По частным и частичным подсчетам можно допустить, что ограблению подверглось до четырех тысяч квартир. В женской лечебнице записано лишь 14 случаев подачи медицинской помощи изнасилованным; несколько случаев подачи этой помощи этим учреждением не зарегистрировано; по частным сведениям, многие жертвы изнасилования обращались к частным врачам, огромное же большинство ни за какой медицинской помощью и ни к кому не обращалось. Насилия были такого рода, что, например, одна женщина около 50 лет была изнасилована 10-тью казаками, в то время, как мужу ее угрожали приставленной к груди винтовкой, а дочь ее 18 лет лежала спрятавшись под той самой кроватью, на которой насиловали ее мать. При этих насилиях бывали случаи заражения венерическими болезнями. В общем, поверхностный подсчет позволяет определить число случаев изнасилования в шестьсот.

... § 7—8. Насилия и грабежи вначале производились исключительно казаками и отчасти офицерами 1-й Кубанской Казачьей дивизии. Впоследствии к громившим и грабившим казакам присоединились хулиганы с окраин, вначале натравливавшие казаков на те или иные квартиры, затем нападавшие на эти квартиры даже и без участия казаков. Начальник 1-й Кубанской Казачьей Дивизии генерал Шифнер-Маркевич оказывал противодействие весьма вялое. Когда делегация от Городской Думы пошла к командиру корпуса генералу Ирманову, последний выслушал делегацию весьма невнимательно и заявил, что по его мнению, происходящие события совершенно соответствуют порядку вещей, так как город завоеван... Находившийся же в городе на должности начальника Гарнизона Начальник 5-й пехотной дивизии генерал Осовский и назначенный им комендант полковник Редькин, напротив, пытались организовать противодействие гро-

милам, причем доходило до того, что сам ген. Осовский с револьвером в руках ездил их разгонять; полковник же Редькин, после нескольких случаев столкновения с казаками и ареста двух-трех казаков, принужден был скрываться полтора дня от самосуда казаков, произведших несколько нападений на него. В отдельных случаях некоторые казачьи офицеры урезонивали казаков. В большинстве же случаев офицеры, как казачьи, так и пехотные, брали большие деньги за постой на квартирах (до 3000 рублей в сутки) с тем, чтобы защитить квартиры от громил; но в случае нашествия громил действовали крайне вяло, и никакой защиты фактически не оказывали. Начальник гарнизона ген. Осовский видел единственный выход из положения в выводе казаков из города. Но генерал Ирманов полагал, что вывод казаков зависит от стратегических соображений и ничего в этом направлении предпринять не обещал. Общее впечатление от погрома составилось таково, что казаки и громилы были вполне уверены в своей безнаказанности, и эта уверенность не была лишена достаточного основания. Особенно характерно то, что награбленное имущество открыто грузилось в вагоны и отправлялось на Кубань. При достаточном желании командира корпуса или высших властей, отправка таких вагонов могла быть приостановлена и имущество возвращено владельцам.

§ 9. Городская Управа и Дума обращались к генералу Шифнеру-Маркевичу, и к ген. Осовскому, и к полковнику Редькину и к генералу Ирманову с настойчивыми просьбами о прекращении погрома. Однако, власти весьма медлили с категорическими мерами. Отдельные приказы носили характер вялости и растерянности и написаны были с такой малой внушительностью, что ни малейшего отрезвляющего действия на громил не производили, напротив, — лишь еще больше отнимали у населения уверенность в том, что начальство собирается погромы прекратить . . .

Бывш. Кременчугский Городской Голова А. Санин
15-го октября 1919 года.

(Из материалов Кременчугской евр. общины; Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

К погромам в Кременчуге

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Похороны сожженных священных свитков Торы состоятся в четверг, 24-го Тевеса, 15-го января, в 10 ч. утра. Все евреи должны явиться в синагогальный двор. Каждый обязан внести в свою синагогу через старост пожертвование за «выкуп души».

Это извещение, написанное по еврейски, было расклеено в синагогах Кременчуга после ухода добровольческих частей.

(Еврейский оригинал хранится в Центр. архиве материалов о погромах, Берлин; см. дальше фотогр. снимок).

IV

Погром в м. Богуслав (Киевской губ.)

(август и позже)

Господину Начальнику Каневского уезда

От и. о. Богуславского Общественного
Раввина Д. Б. Лучинского

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Во исполнение Вашего приказа от 19 сентября и за неимением возможности лично явиться в Канев, — имею честь препроводить Вам настоящую докладную записку.

... Передовые отряды казачьих (белых) войск ураганом пронесли по еврейским многострадальным местечкам, и первое появление их в Богуславе поразило евреев, как внезапный гром в безоблачное утро. 14 (27) августа прибыл в местечко небольшой отряд 4-й сотни Терского Пластунского батальона; казаки сейчас же рассыпались по еврейским квартирам и стали грабить и избивать. Когда-же некоторые из членов местного самоуправ-

ления обратили на это безобразия внимание командира отряда, хорунжего Алейникова, тот ответил, что удержать своих казаков от погрома он не может, но что он их уведет совсем из местечка. Действительно, он их сейчас-же увел куда-то, но через несколько часов они вернулись вновь, уже без командира и, соединившись с местными бандитами, стали беспощадно грабить, уничтожать, убивать и насиловать. В результате оказалось убитыми, зарубленными и повешенными несколько десятков евреев, ранеными и изнасилованными свыше 100, и почти все поголовно были ограблены и раздеты до нага. Но наши бедствия на этом, очевидно, еще не закончились. С этих пор почти ежедневно наезжали к нам со стороны ст. Мироновки казачьи и другие группы воинских частей, обыкновенно в несколько человек, и продолжали чинить над несчастным еврейским населением насилия, вымогательства и грабежи; часть награбленного увозили с собой, а часть его раздавали местным христианам, — и все это делалось нередко на глазах начальства, офицерства, которое часто само принимало участие в этих бесчинствах, и производило на всех крестьян окружающих сел такое развращающее и вредное действие, что поневоле это отразилось опаснейшим и пагубнейшим образом на возможности установления нормального правового государственного порядка.

... Во всех селах, жел.-дор. станциях и маленьких местечках, прилегающих к Богуславу, насилия и бесчинства над евреями продолжались до тех пор, пока они все до единого спаслись бегством в Богуслав и в другие крупные местечки, оставив на произвол бандитов все свое имущество. В первые медовые дни Деникинской власти в этих маленьких местечках и селах было убито много евреев, число которых до сих пор нельзя точно выяснить, потому что жители этих местностей разбрелись во все стороны. Так, например, в Россаве было убито свыше 60 человек, в Козине около 26 человек, в Кагарлыкe около 30 человек и так далее.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; извл.).

Погром в Белой Церкви (Киевской губ.)

(июль-август и позже)

Из доклада уполномоч. Российского Красного Креста,

Г. И. Рабиновича.

Около полуночи 30-го июля в город вошли терские казаки Добрармии. Воскресенье, 31-го июля, было первым днем грабительской деятельности, начатой казаками еще с ночи, немедленно по прибытии в Белую Церковь. Вначале шел сплошной грабеж магазинов, торговых рядов, а позже, с вечера — перешли к еврейским квартирам. Награбленное добро укладывалось в мешки, грузилось на подводы и целыми обозами отправлялось на вокзал, где на площади шла бойкая продажа награбленного. Разгром квартир, тяжелые случаи ранения, которые приходилось видеть при обходе пострадавших кварталов и на перевязках в амбулатории Красного Креста, поражают своей бесчеловечной жестокостью. У беженцев, которые от всех окрестных погромов ютились в Белой Церкви, отнимали последнее — нательное белье, сапоги и ботинки. При обыске в люльке семимесячного ребенка кричавшего малютку избили. У женщины, чтобы снять кольцо, были попытки отрубить палец. Одного еврея, ограбленного, раздетого, поджаривали во дворе на разложенном костре, причинив ожоги, от которых он хотя и не умер, но психическое потрясение огромное. Особенно излюбленный способ казаков накидывать петлю веревки на шею жертвы и душить, стягивая оба конца, пока несчастный не смолкает на веки, если семья не вымолит его из рук убийц. Над председателем еврейской общины Зейденбергом этот способ удушения применялся несколько раз.

Зарегистрирован случай расстрела 70-ти летней старухи и нескольких душ малолетних. Почти в каждом случае грабежа неизбежно были угрозы убить. В сводке регистрации пострадавших от погромов в Б. Ц. имеется больше 1000 семейств, пострадавших не только в смысле ограбления, но где имеются также убитые либо раненные. Всего убитых 316. Ограблено почти все еврейское население. Цветущий торговый город — превращен за 2 месяца в стан нищих. Большинство русского населения вело

себя довольно пассивно. Если были очень немногие, искренно болевшие душой за тяжелое положение еврейского населения, то их легко по пальцам перечесть: д-ра Лысенко и Кудрявский, судебный следователь Валуев, учитель и другие. На их попытки заступничества и жалобы пред начальником гарнизона Захаровым следовали хорошие обещания, никогда не исполнявшиеся. Грабежи, насилия и разбой не прекращались и длились до самого ухода Добрармии.

Терзания еврейского населения, казалось, будут бесконечными, пока Добрармия не ушла. Еще в ноябре, по тревожным вестям сотрудников отдела помощи Красного Креста, группы казаков от 4-10-12 человек, врываясь в еврейские дома, вымогают деньги, грабят остатки, бьют и калечат. А в сентябре доходило до того, что пристав 2-го стана, донося бумагой по начальству об убийстве казаками евреев, доказывал, что разнузданный грабеж и разбои казаков производятся днем, вечером и ночью, в будние дни и праздники и что этим мерзостям преступного характера пора положить конец. Копия этого донесения имеется в Отделе помощи Роскреста. Однако, каких мер пресечения погромных выступлений можно было ожидать, когда самое начало погрома было с разрешения и соизволения начальства? Правда, только фельдфебель объявил, что он своей властью разрешает казакам 3 дня хозяйничать в еврейских квартирах, но ведь такое разрешение не могло последовать без предварительного согласия начальства более высокого ранга. Уничтожение мирного еврейского населения определенно было введено в систему.

(Из материалов Российского Красного Креста в Киеве; Центральный архив, Берлин).

VI

Деникинцы в Смеле (Киевской губ.)

(погромы в августе, ноябре и декабре 1919)

Из опроса обществен. раввина м. Смела г. Меня, произведенного уполномоченным Центр. архива — М. Рекисом.

5-го августа большевики окончательно оставили Смелу. 6-го днем Комитет Охраны узнал, что передовой отряд («волчий

отряд») генерала Шкуро должен прибыть из Черкасс в Смелу в ночь с 6-го на 7-ое августа. Охрана дежурила всю ночь. Среди ночи появился первый деникинский разъезд. Увидя евреев в охране, деникинцы с злобой и криками: «А, жидаы, у вас в охране!», набросились на охрану и разоружили ее.

... В 10 часов утра 7-го августа у церкви было торжественное молебствие, игра и пение «Коль славен» и т. д. Русское население ликовало.

После молебствия начался всеобщий и страшный погром. Еврею больше нельзя было показать носа на улице. Отовсюду неслись страшные раздирающие душу крики убиваемых и насилуемых.

Страшный погром длился 7-го, 8-го, 9-го, 10-го и 11-го августа.

Власти еще не было никакой. На второй день (8 августа) к раввину приползло несколько евреев и набросились на него с упреками: «Почему вы ничего не предпринимаете для спасения чести наших детей-дочерей? Пускай нас грабят, но не насилюют наших девушек». Евреи между прочим сообщили, что в богадельне спрятано 35 девушек. Раввин решил и отправился в сопровождении нескольких евреев (между ними аптекарь Вертубский) к начальнику дивизии генералу Маркевичу. Депутацию заставили долго ждать. Первые слова при приеме были: «А вы почему не зовете меня Вашим Превосходительством?» (раввин назвал его «господин генерал»). Раввин Мень обратил внимание генерала на творящиеся ужасы убийства (за это время уже было зарегистрировано 14 убийств и изнасилований). В особенности раввин настаивал на прекращении вакханалии изнасилований.

«А разве я могу забыть, что жидовский комиссар в Ростове убил мою мать и мою сестру?» — был ответ генерала. «Мои солдаты озлоблены против коммунистов, а все коммунисты — евреи. Мы не можем допустить жидовского царства в России».

На слова рав. Меня, что невинные малолетние девочки ничего общего не имеют с политикой и здесь совершенно непричем, генерал ответил: «Первые 4-5 дней мои ребята должны погулять. Ничего не поделаешь, мои казаки хорошие вояки, но и хорошие грабители. Убейте Троцкого — и все прекратится».

... Эшелон казаков, стоявший на ст. Бобринской, продолжал непрерывные налеты на еврейское население м. Смелы; среди бела дня стаскивали пальто, сапоги, забирали кошельки и т. д. Казаки задавали стереотипный вопрос: «ты жид?». Если еврей заявлял себя русским, то ему неизменно предлагали произнести слово «кукуруза», дабы убедиться, не картавит ли он. Евреи обращались за защитой к караульной офицерской роте, но оттуда постоянно отвечали, что они бессильны бороться с казаками, что евреям следует потерпеть, пока казаки уйдут и придут другие, более дисциплинированные пехотные части, и т. д.

Но впоследствии оказалось, что это время было наиболее «хорошим», благополучным.

В начале ноября (начало нового добр. наступления) пришел Преображенский полк с полковником Романовым во главе. Полковник остановился у жителя Ярославского. На утро к раввину пришел Ярославский и сообщил ему, что Романов выразил свое удивление и возмущение по поводу того, что к нему еще не явилась еврейская депутация с раввином. Евреи наспех собрали 25.000 руб. и поспешили к Романову. Последний принял деньги и обещал оберегать спокойствие. Между прочим, на жалобы депутации, что Преображенцы уже успели совершить несколько грабежей, Романов ответил, что ... «солдаты не могут забыть того, как евреи коммунисты стреляли в них и обливали их кипятком ... Но правда, — добавил Романов, — мы с ними, евреями, хорошо расправились: в Прилуках был страшный погром». После получения взятки Романов созвал своих офицеров и просил их присматривать за солдатами, дабы они не безобразничали. При расставании с депутацией полковник Романов просил ее прислать ему 50 пар белья, несколько пудов подсолнечного масла и несколько пудов сахару.

По уходе Преображенцев (в первых числах декабря) в Смелу вошел знаменитый конный Дроздовский полк. Снова началась погромная вакханалия. Главное участие в ней принимали на этот раз офицеры; солдаты были уже более милостивы. Евреи решили обратиться к полковнику Приходько и попробовать умиловить его взяткой. Взятку в 120.000 рублей поднесли раввин Мень и православный Лундышев. При этом Мень и Лунды-

На кладбище в Черкассах после погрома в августе 1919 (см. стр. 328)

шев обещали Приходько, что все население пойдет ему навстречу, лишь бы Приходько обеспечил спокойствие и предохранил от бесчинств. Приходько обещал, и действительно, заметно было, что меры принимаются. Двое Дроздовцев (солдаты) были публично выпороты; двое-же публично расстреляны. Полк был выведен смотреть на экзекуцию и казнь «для внушения». После этого бесчинства, за единичными исключениями, прекратились.

... В пятницу, утром в 10 часов, вступили (по пути из Черкасс) чеченцы штаба генерала Моллера. В течение 2-х часов они совершали неопишуемые ужасы. Помимо грабежей и бесчисленных насилий, было изрублено 27 человек. Трупы валялись по улицам и заполняли дома. Труп одного еврея, Янкеля Рама, был в особенности изуродован (голова была отрублена). Количество раненных, скончавшихся от ран, значительно превосходит число убитых на месте.

И теперь многие из раненных продолжают умирать от разных ампутаций.

Количество калек (ампутированных, безглазых, безруких) крайне велико. Число вдов и сирот также велико.

Эпидемии. Среди скученного населения развитие эпидемий было невероятное, благодаря полному отсутствию белья, физическому и моральному истощению, голоду, отсутствию лекарств. Пострадало, главным образом, беженское население окружных местечек.

Бегство. Бегство из м. Смелы повальное. Едут на юг. У равнина Меня в последнее время взято свыше 100 метрик (это для пропуска). Пропусков пока выдано свыше 300. Имущество и последнее состояние ликвидируются за бесценок.

(Центр. архив материалов о погромах, Берлин).

VII

Уход Деникинцев из Смелы

Из доклада женщины-врача С. Марголин.

Восемь дней непрерывно отступала деникинская конница мимо нашего дома. Улица была темна от тысяч, десятков тысяч

всадников. Казалось, что нет конца проходившим отрядам. Бесперывной цепью тянулся длиннейший обоз. Тяжелые возы были навьючены всяким добром из продовольствия. На многих возах возвышались кучи явно награбленных вещей: чемоданы, корзины, перины, самовары, подушки, одеяла.

... Ухаживая за больными, я случайно посмотрела в окно и к ужасу своему увидела отделившуюся группу всадников, прямо направлявшуюся к нашему дому. Мельком блеснула надежда, может быть, они проедут дальше, но увы, стук в двери рассеял всякие сомнения.

... Во двор въехали с лошадьми. В дом вошло человек 10, между ними два офицера ... Гости заявили, что могут быть у нас только 45 минут, а потому, чтобы быстро поставили самовар и дали чтонибудь поесть.

... Я все время разливала чай. Когда разговорчивый офицер утолил свой аппетит, он встал из-за стола и вместо слова «спасибо» сказал другое: «организуйте!». Сейчас же несколько человек казаков подбежало к лежавшему на кровати шурина, стащили его с постели, раздели сапоги и при громком хохоте кругом заставили его плясать «казачек», ударяя его нагайками по босым ногам. Это было в спальне больной матери, с немым отчаянием глядевшей на эту картину. Потом пошел самый ужасный грабеж. Все переворачивали, забрали одежду, обувь, требовали денег, золотые кольца, серьги и при этом обнажали шашки и били нагайками. Крик избиваемого шурина сливался с шумом падающей мебели, опрокидывания шкафов, выбрасывания ящиков и разбивания посуды.

... В это время из комнаты, где находились девушки, я услышала, что меня зовут на помощь. Побежав туда, я увидела к своему ужасу, что казаки ведут отбивающихся всеми силами от них трех девушек. Меньшей из них было всего 14 лет, почти ребенок. С отчаяния она вырвалась от негодяев и бросилась в постель к моему больному тифом мужу. Ее оставили. Остальных двух несчастных заперли в кабинете, предварительно выгнав меня оттуда, и стали у дверей, чтобы я не вошла. В безумном отчаянии я кинулась к офицерам, умоляя всем святым для них защитить невинных детей ... Они оставались спокойными ... С

отчаянием вбежала я опять в дом, из кабинета доносился крик насидуемой девушки. У двери стоял казак, сторожа добычу, соблюдая свою очередь... Она звала меня на помощь, и я с ума сходила от отчаяния. Как затравленный зверь металась я по комнатам, ища какогонибудь спасения для несчастных, но все входы и выходы были заняты казаками, бившими меня нагайками при приближении к двери.

... Я вбежала в столовую. Там казак с багровым лицом подносил обнаженную шашку к горлу сестры, требуя денег, кольца. Я кинулась к ней, меня оттолкнули к спальне матери. Я услышала ее стон и побежала к ней в спальню. Там один казак налаживал веревку к крюку для лампы и готовил петлю для шурина. Его (шурина) все продолжали бить нагайками куда попало, и он уже лежал почти без сознания на полу под опрокинутым шкафом. Я подбежала к казаку и выхватила у него веревку из рук. Он ударил меня нагайкой и ушел в другую комнату. Между тем, стали избивать мальчика племянника на кровати больной матери. С больной сыпным тифом племянницы сняли и унесли одеяло, матери всыпали какой то порошок в глаза. В это время все выносилось из дому, — продукты, белье, — а изнасилование девушек все продолжалось. Одну девушку, слушательницу высших курсов, изнасиловали 5 казаков. Шестой повел ее из кабинета в кухню, но вдруг оставил ее и убежал куда то. Другую девушку, гимназистку лет 15, изнасиловали 3 негодяя...

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

VIII

Погром в Нежине (Черниговской губ.)

(27-го августа 1919)

Из доклада следователя Х. Г о ф м а н а.

После занятия добровольцами Харькова еврейское население следило за их быстрым продвижением вперед и ждало с нетерпением вступления добровольцев в Нежин. И желанный мо-

мент наступил. В четверг, 27-го августа, большевики оставили Нежин. Еврейское население стало ждать занятия города добровольцами. Экسسесов со стороны добровольцев никто не ждал; была уверенность, что добровольцы идут под лозунгом водворения порядка и освобождения населения от большевиков ... В пятницу, 28-го августа, добровольческий бронепоезд «Витязь» занял станцию Нежин. Сразу же по городу рассеялись группы добровольцев по 2-3 человека; они заходили во все магазины золотых изделий, забирали все и, угрожая расстрелом, требовали денег. Еврейское население думало и даже верило, что это лишь случайные эксцессы, и что как только в городе появится власть, они прекратятся. Часам к 12 в городе появилось много новых групп, — кто на дрожках, кто пешком; эти последние стали обходить еврейские квартиры и требовать денег. В случае, когда денег не оказывалось, они давали 10-15 минут времени, чтобы эти деньги достать, а не то грозили расстрелом. Тут евреи поняли серьезность положения. Все же они надеялись, что грабёж скоро будет приостановлен, так как начальник бронепоезда «Витязь», занявшего Нежин, как раз в это время прибыл в Городскую Думу и отдал этой последней распоряжение собраться, что и было исполнено. Городским головой был избран г. Талпа вместо убитого большевиками г. Мельникова. Открывая заседание Думы, голова заявил от имени начальника, что все евреи, присутствующие в зале среди публики, и даже еврей-гласные, которые только что принимали участие в выборах, должны оставить зал ... У дверей была поставлена стража, не пропускавшая евреев в зал заседания.

... Когда стало известно, что даже еврейские гласные лишены были права участвовать в заседании Думы, евреи поняли, что обманулись в своих надеждах. С опущенными головами, униженные, подавленные, в страхе за будущее, поплелись они — каждый к себе домой. Между тем эксцессы приняла широкие размеры.

... В пятницу, как и в четверг, солдаты продолжали ходить из дома в дом, забирая деньги и драгоценности. В 9 часов вечера была брошена бомба в синагогу: взрывом были выбиты все стекла и разрушен пол. Это усилило панику среди евреев.

Положение становилось отчаянным. Два дня, как идут грабежи, и нет власти, которая могла бы остановить их. Фактически в течение двух дней даже не было коменданта. В субботу 29-го августа стало известно, что комендант уже назначен. Пост этот занял корнет Рутковский. Несмотря на присутствие официальной власти, грабежи продолжались в субботу и в воскресенье, как и в первые дни. В воскресенье обратился к коменданту с просьбой о помощи раввин Хейн, но определенного ответа он не получил. Так продолжалось до 4 часов дня в воскресенье.

В воскресенье, в 4 часа дня, неожиданно в городе послышалась стрельба. Еврейское население, не зная, что происходит и кто стреляет, чувствовало приближение чего-то страшного, что должно обрушиться над ним. Войско, находившееся в городе, и расквартированное во многих домах, сразу ушло из города. Слышна была стрельба из пушек, пулеметов и ружей. Несколько снарядов попало в город. С кем происходило сражение, никто не знал, пока некоторые добровольцы не вернулись в город и не рассказали, что это было нападение отряда известного большевистского полкового командира Крапивянского (христианин) . . . Но добровольцы скоро вернулись обратно в город и заявили, что евреи стреляли в них из домов, и, не производя никакого расследования, они сразу же стали убивать евреев. Нечто страшное произошло в эту ночь. Никакая фантазия не может представить себе такой дикой расправы. Как разъяренные звери, солдаты ворвались в еврейские дома. Оттуда понеслись крики, стоны, плач, истерические вопли женщин. Одновременно с этим послышалась стрельба. Всю ночь были слышны крики и выстрелы. Каждый крик и каждый выстрел — еще один убитый еврей. Крики, мольбы женщин о том, чтобы их лучше убили, борьба до последней минуты . . . Много женщин было изнасиловано, даже маленьких девочек 8-10 лет эти кровожадные звери не пощадили. Томительно долго тянулась эта страшная ночь. Те, кто сидели в домах в ожидании своей участи, молили Бога, чтобы кончилась скорее эта кошмарная ночь, но это не помогло: долго, долго тянулась она, и каждая минута приносила все новые и новые жертвы. Наконец, эта ужасная ночь прошла, но и день не принес ничего лучшего.

В понедельник в течение целого дня солдаты продолжали свою ночную работу. Много трупов валялось на улицах — собаки их грызли. Евреи на улицах не показывались.

Следует отметить, что христианское население, всегда настроенное против евреев, — даже оно на сей раз не могло вынести этих ужасов, и укрывало евреев в церквах, домах, послало делегацию в главе с духовенством с просьбой остановить убийства и грабежи.

Во вторник, 1 сентября, по городу был расклеен приказ нового коменданта Козинцова немедленно прекратить погром и насилия под угрозой военно-полевого суда. Вопреки приказу, весь вторник продолжали грабить то, что осталось от прежнего грабежа, а осталось уже очень мало. Все награбленное вывозилось на подводах; то, что нельзя было вывезти, уничтожали. Во всем городе уцелело не более 10-15 домов. Убитых насчитывают человек 40-45, среди них известный духовный раввин Хейн, который все время скрывался от большевиков и только за несколько дней до прихода добровольцев вернулся в Нежин. Его смерть глубоко поразила население Нежина и других городов. Имеется около 100 раненных, среди них есть тяжело раненные. Многие остались со следами шомполов на спине. Много изнасилованных женщин.

... Все забрано и уничтожено, не осталось никаких средств к жизни. Живые завидуют мертвым...

29/IX/1919.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

IX

Погром в Козлове, Тамбовской губ., во время рейда ген. Мамонтова (23—24-го августа 1919 г.)

После взятия Тамбова отрядом ген. Мамонтова, началась паника в Козлове... В 4 часа дня 23-го августа вошли озверев-

лые казаки. Раздался звон колоколов и крики «ура», и под звон колоколов сейчас же начался погром, полный ужасов и еврейской трагедии. В то время, когда шла по улице торговля награбленным из отдела снабжения, здесь-же лилась еврейская кровь и валялись еврейские трупы.

... Из 300 семейств имущество только 10 семейств уцелело, а все остальные разгромлены. Имеются такие, которые спасли часть имущества, но большею частью пострадали совсем, остались на зиму в костюмах Адама. Я сам переживаю пятый погром, но такого не видел. Убитых 110-112 чел. Пред моим отъездом сюда мы похоронили 87 чел., а остальные разыскиваются. Особенно сильно пострадали убитыми беженцы, и среди них много сирот. Подробный список с убитыми я вышлю немедленно по приезде в Козлов.

... Заканчивая свой доклад, я прошу очень принять экстренные меры к прекращению погромов. Мы видим, что крики души помогают, ибо польские легионы прекратили погромы. В Одессе — Англия, в Киеве — французский штаб и Деникин. Нужно немедленно послать представителей, тем паче, что Винавер в Министерстве Деникина(?).

И. Рудов.

(Из материалов ЕКОПО — Евр. Комитета помощи жертвам войны и погромов; извл.).

Телеграмма, полученная ЕКОПО из Тамбова 15/9 1919 г.

Сегодня вернулся (из) Козлова. Ужас Козловского кошмара не поддается описанию. Из восьмисот еврейского населения вырезано сто человек, среди них женщины, дети, старики. Похоронено пока семьдесят три, остальные не разысканы. Трупы находятся (в) окрестностях. (На) глазах родителей изнасиловали дочерей, вырезывали груди, после убивали. Убивали целыми семьями. Семья Добринских семь человек вырезаны все. Много раненных, избитых. Фамилии убитых пришлю. Из ста восьмидесяти еврейских квартир уцелело четыре, остальные разгромлены (до) гла. Разгромлена синагога, свитки торы изорваны. Приняты меры оказанию помощи.

Уполномоченный Тейтельбаум.

Х

Первый деникинский погром в Черкассах (Киевской губ.)

(16-21 августа 1919 г.)

Из показания очевидицы С. Л. Беккер.

16 августа (н. ст.) утром началась канонада, и в 4 часа дня в город вступили разведчики Добровольческих отрядов из группы генерала Шкуро, волчанского и других полков. Первыми в город вошли Пластунские части¹⁾...

Утром 17 августа был устроен в соборе торжественный молебен, на котором присутствовало много местных мещан и все представители местной черной сотни. Собравшиеся говорили между собой о евреях в очень враждебном тоне. Говорили, что Троцкий превратил все церкви в кинематографы, а синагог не велел трогать. С возмущением говорили, что если церкви превращены в кинематографы, надо превратить «жидовския синагоги» в уборные общественного пользования. После молебна был произведен смотр Добровольческим частям и примкнувшим к ним григорьевским бандам (уваровцам)²⁾, оперировавшим все время, с начала мая, в окрестностях Черкасс. Эти примкнувшие банды были выделены в особый «уваровский отряд». В тот же день повезли на площадь около нашего дома батарею, которую поставили на каланчу. Казаков, шедших за батареей, окружила целая толпа баб-мещанок, громко голосивших и завывавших по своим родным и близким, убитым и замученным «жидовской чрезвычайкой».

В понедельник 5/18 августа начался погром, продолжавшийся непрерывно, днем и ночью, до 21 августа. Казаки и уваровцы ходили по еврейским квартирам и грабили всякое имущество, представлявшее малейшую ценность. Вначале казаки органичивались только грабежом, но потом они начали производить насилия над жизнью и честью беззащитного еврейского населения. В

¹⁾ 2-ая Терская Пластунская Бригада.

²⁾ По имени Уварова, начальника «Особого боевого отряда» банд Григорьева, учинивших страшный погром в Черкассах 16—20 мая 1919 г., во время которого убито св. 700 евр.. Уваров был в те дни «комендантом» г. Черкасс.

последние дни, 20-го и 21-го августа, имел место ряд кошмарных историй. Особенно жестоко расправлялись с жильцами тех домов, в которых когда-то жили коммунисты. Так, например, . . . в одном доме было убито 19 человек — родственников девушки-коммунистки Султан, вплоть до четвертого поколения (была убита прабабушка Султан). Эти дома были сожжены и буквально снесены с лица земли.

Во вторник 19-го августа ночью в верхней части города, в городском саду, был устроен торжественный бал в честь вступивших добровольцев. Сад был роскошно иллюминирован, пускали фейерверки, музыка играла, — а внизу в это время шла, в буквальном смысле слова, резня еврейского населения. Вопли избиваемых и насилуемых смешивались с лихими звуками военного оркестра, торжествовавшего победу казаков, которые в это время безнаказанно и планомерно убивали еврейское население во всей нижней части города Черкасс. На одной Красной улице и смежной с нею Раскопной были убиты в ту ночь 49 евреев. Улицы буквально превращены в груды развалин и представляют собою картину разрушения, как после артиллерийского обстрела. Был пущен навет, что из еврейских домов стреляли в казаков, — и на этом основании дома подвергались поджогу и полному разрушению . . . Всех попадавшихся погромщики жестоко избивали, били прикладами и подвешивали, требуя денег. Одного моего знакомого, Смелянского, подвешивали 17 раз подряд и забрали у него полмиллиона рублей. /Случаи подвешивания насчитываются сотнями. Многие от перенесенных потрясений умерли через некоторое время, и их также следует причислить к жертвам погромов. Количество избитых колоссально . . . Казаки очень неумело отличали евреев от христиан, и этой «неумелости» некоторые обязаны своим спасением. Так, например, одна семья спаслась тем, что на вопрос: «Кто здесь? жида или русские?» — ответили: «Мы — русские подданные». Этим ответом казаки удовлетворились и ушли. Было очень много случаев изнасилований (как полагают — до 300 жертв)¹⁾, причем не щадили ни малых детей ни старух. Были

¹⁾ Число этих жертв, по вполне понятным причинам, не поддается точному подсчету. По мнению д-ра Шендаревского, таких жертв было 600 при вступлении Деникинцев и 200 при отступлении их. Во всяком случае к 5 врачам и акушеркам обратилось свыше 200 пострадавших.

изнасилованы 50-летние старухи и маленькие 10-летние девочки. Так, например, на глазах одного моего знакомого изнасиловали его единственную дочь 11-летнего возраста. Бедняга в течение нескольких часов совершенно поседел, и мы не могли узнать в сгорбившемся, осунувшемся седом старике — жизнерадостного, молодого на вид, человека средних лет, счастливого отца... (Фамилия изнасилованной нам известна; но по вполне понятным причинам мы ее огласить не можем. — Автор).

Убитых насчитывается до 150 человек... Казаки говорили, что им разрешено грабить до приезда Главного Штаба и высшего начальства. При мне один казак сказал в четверг 21 августа, что «больше этих эксцессов не будет, т. к. прошел уже срок». Было выпущено объявление о недопустимости грабежей, угрожающее суровой карой, — но налеты все же продолжались. На улицах снимали одежду и сапоги с проходивших евреев, и в 4-5 часов августовского дня жизнь в городе совершенно замирала. Все сидели по квартирам и ждали. Многие прятались у знакомых христиан, которые на этот раз укрывали у себя евреев гораздо охотнее, чем во время григорьевского погрома в мае...

Погром оставил после себя неизгладимые следы, и к моменту моего отъезда из Черкасс (5 недель после погрома), жизнь все еще не вошла в колею: магазины стояли закрытыми (большинство было разграблено) и никакой торговой или общественной жизни не было. По приказу властей было созвано заседание Городской Думы дореволюционного состава, причем в приказе было подчеркнуто, чтобы сошлись все гласные, к р о м е б о л ь ш е в и к о в и е в р е е в ¹⁾. Была назначена управа с Городским Головой Королевичем, бывшим при гетмане повитовым (уездным) старостой. Начались спектакли в пользу Добрармии, на которые местные христианские дамы заставляли евреев брать билеты, хотя ни один еврей не выходил вечером из дому. Жизнь начинала протекать под новым режимом.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

---

*) См выше, в первом отделе документов.

XI

Сводка о погроме в Черкассах

(Составлена членом-секретарем Черкасской евр. общины и деятелем Комитета Помощи, д-ром Кипнисом).

Первый деникинский погром; произошел 16-21-го августа.

1) Число разгромленных семейств — 2178, всего душ — 9862; 2) Убитых насчитывается 129; 3) Пропавших без вести 6 (мужчин); 4) Избитых и раненных (остались неспособными к труду, инвалидами) — 202; 5) Изнасилованных зарегистрировано в Общине 84 женщины (действительное число было значительно больше); 6) Убытки пострадавших, исчисленные комиссией (оценка производилась не по спекулятивным ценам) — около 93.000.000 руб. (эти же пострадавшие при Григорьевщине были разгромлены на сумму 46.000.000 рублей)

7) На вопрос об эмиграции 1823 семейства ответили, что они готовятся к немедленной эмиграции: а) В Палестину готовятся отъехать 1422 семьи; б) В Америку — 312; в) В другие страны — 39. 8) Вдов насчитывается 586 душ*); 9) новых сирот (после Григорьевщины их насчитывалось 314 душ) прибавилось 70 душ.

10) Экономическое положение после первого погрома было следующее: без всяких средств осталось 700 семейств; 70 нуждающихся семейств имеют мужей в Америке.

11) Беженцы окрестных мест: в Черкассах насчитывалось 305 сем. беженцев, прибегающих к поддержке Комитета Помощи (из Ротмистровки, Мошен, Медведовки, Худаки и Белозерья). В Медведовке, Мошнах и Худаках нет теперь ни одного еврея. Почти все дома, синагоги, уцелевшие от сожжения, разобраны.

12) Интенсивность погрома. В 2178 пострадавших домах были 14133 раза.

Все эти сведения составлены на основании 2178 анкетных листов. Все собранное касается 1-го деникинского погрома. Погромы, происшедшие за время дальнейшего пребывания Деникинцев и при их уходе, были сильнее.

(Центр. архив материалов о погромах, Берлин).

*) Вместе с вдовами, оставшимися от григорьевск. погрома в мае 1919.

ХII

Второй деникинский погром в Черкассах

(декабрь 1919)

Из показания очевидца Н. Х. Эйдельштейна.

Затрудняюсь сказать, когда начался погром, учиненный добровольцами. Собственно говоря, все время пребывания деникинцев в Черкассах происходил перманентный погром. Налеты не прекращались ни на один день, они стали обычным явлением. То, что называют погромом, было произведено добровольческими частями при их отходе в декабре 1919 г.

В нижней части города, находящейся на берегу Днепра, именуемой «старый базар», погром продолжался 6 недель. Этот период мало затрагивал верхнюю часть города, так называемый «центр», и лишь в последние две недели погром охватил все части города без исключения.

... В «центре», в верхней части города, переживали Шульгинскую «пытку страхом». Хотя там ничего не происходило, но все мужчины, в особенности молодые люди, прятались по ночам в погребах и на чердаках. Но на старом базаре погром фактически не прекращался. Вообще получилось впечатление, что начальство подарило казакам старый базар на растерзание. Так продолжалось 6 недель подряд, с середины ноября до конца декабря. В последние две недели декабря погром перекинулся и в центр. Дело в том, что все воинские части Добрармии из Гребенки отступили через Золотоношу—Черкассы—Бобринскую. Каждый день проходила новая воинская часть, и все они грабили и убивали поочередно. Особенно отличились своей погромной работой Дроздовцы и чеченцы. Последние не пропускали буквально ни одного дома, где бы не побывали.

Местное христианское население отнеслось в общем хорошо к евреям, давало им у себя приют. Можно с уверенностью сказать, что три четверти еврейского населения находилось у соседей-христиан. Число жертв (декабрьского погрома) около 100 человек. Раненных несколько десятков. Изнасилованных очень много.

Все еврейское население осталось голое и босое, без всяких средств к существованию. Много домов и магазинов сгорело.

Чтобы охарактеризовать невероятные пытки, которым подвергались жертвы, — могу вам рассказать об одной изнасилованной девушке, искусанной своими мучителями с головы до ног. Я ее видел. От укусов тело несчастной начало пухнуть. И она не одна...

(Из материалов Росс. Красного Креста в Киеве).

ХIII

События в Фастове

(погром 10-13 сентября 1919)

Из отчета русского журналиста, пр. пов. И в а н а Д е р е в е н с к о г о, командированного в Фастов так наз. «Редакционной коллегией по собиранию материалов о погромах на Украине», в Киеве, ныне переименованной в «Центральный архив материалов о погромах».

Добровольцы вступили в Фастов в конце августа, старого стиля. Первоначально они вели себя мирно — до попытки большевистских войск захватить Фастов. После этого настроение добровольцев резко изменилось.

9-го сентября (ст. ст.) днем, после небольшой перестрелки, большевики ворвались небольшим отрядом на вокзал ст. Фастов. Оттуда слышны были крики «ура». Все население местечка спряталось к этому времени уже по домам, как христианское, так и еврейское, потому что можно было ожидать боя в самом местечке. ... А потом, никто даже и не заметил, как большевики разбежались, и весь Фастов оказался снова в руках добровольцев. Добровольцы ввезли орудие в местечко и стали обстреливать отошедших за реку большевиков, а те им отвечали. Эта орудийная канонада продолжалась дня 2-3, то стихая, то временами вновь усиливаясь. В эти дни, естественно, население боялось выходить на улицу и сидело больше по погребам и укромным местечкам. Но люди все-таки ухитрились перебежать из дома в дом и сооб-

щали друг другу страшные новости: сегодня ночью (главным образом — ночью) там ограбили того-то, там убили другого, там изнасиловали.

Грабежи и убийства происходили в эти первые дни преимущественно ночью. Действительно, ночью все население слышало то там, то здесь отчаянные крики и выстрелы. Убийств было еще не так много. Но они все усиливались. На третий, примерно, день по местечку уже открыто ходили группы казаков, отыскивая еврейские квартиры и делали в них что хотели. Останавливали евреев и на улице. Иногда просто спрашивали: «ты жид?», и пускали пулю в лоб, но чаще предварительно обыскивали, даже раздевали догола и в таком виде тут же на улице расстреливали. Среди громил были и пьяные.

... Поджоги еврейских домов и лавок начались, примерно, на второй-третий день. Вначале они диктовались желанием погромщиков скрыть следы своих особенно ужасных преступлений. Так, в одном доме на углу Торговой площади было 15 трупов, в том числе много изнасилованных, а затем убитых девушек. С целью скрыть следы этого преступления погромщики подожгли дом.

Первоначально распространялась версия, что пожары в Фастове возникли от большевистских снарядов. Некоторые из жителей — крестьян фастовских — и до сих пор поддерживают это объяснение; но оно явно неверно, хотя бы потому, что пожары возникали и тогда, когда никакого обстрела не было. Но еще примечательнее, что «большевистские снаряды» попадали и зажигали только еврейские дома и лавки — ни один христианский дом не сгорел.

... Самые страшные и яростные дни погрома — 10, 11, 12 и 13 сентября. С 14-го погром стих. Были только отдельные случаи убийства, грабежей, бесчинств и увода девушек неизвестно куда. Эти отдельные случаи продолжались и в дни моего пребывания в Фастове (17-19 сентября).

Опишу погромные преступления по отдельным видам их.

Убийства. Количество жертв в дни моего пребывания в Фастове определить с точностью еще никто не мог. Похоронено на еврейском кладбище до 18-го сентября было 550 трупов (циф-

ра, сказанная мне в Красном Кресте). Общее мнение пострадавших, что похоронено гораздо больше. Общее мнение пострадавших и всех других обывателей, что погибло в Фастове 1500-2000 человек убитыми... Все трупы, которые лежали в Фастове на виду, были при мне уже похоронены, Продолжалось отыскивание и уборка трупов в оврагах, лесах, отдельных домах и проч. Кроме того, по словам потерпевших, много трупов погорело на пожарищах. Продолжается их отыскивание. Действительно, около некоторых погоревших домов чувствуется трупный запах. Часто на месте пожара находят кости, неизвестно чьи. Многих лиц родственники не находят ни в числе живых ни мертвых. Есть основания предполагать, что они погибли.

Несколько трупов в овраге за молитвенным домом поели свиньи и собаки. Две свиньи, евшие трупы, были пристрелены солдатами, а трупы их поели собаки.

Ранения. Число раненых определяется человек в 300-400. Каждый день среди раненых наблюдаются смертные случаи. Медицинская помощь была очень слабая, за отсутствием достаточного медицинского персонала. Раненые, помещенные в двухклассном училище, лежали без перевязок и в такой тесноте, что между ними трудно было пройти.

Зверства и издевательства. Рассказывают об одном случае, когда живой человек был брошен в огонь. У некоего Киксмана отрезан язык и обнаружена рана разрывной пулей (умер). О применении разрывных пуль говорят все, в том числе и лица из медицинского персонала земской больницы. У раненого Маркмана обрезаны уши. У одного из Маркманов обнаружено 12 ранений шашками, у другого — 8. Труп девочки М. Польской был найден обгорелым. В одном списке похороненных (имеется у письмоводителя пристава) есть фамилии двух 6-месячных детей — Аврум Слободской и Рувин Коник. Труп одного еврея был разрублен пополам. У синагоги большая группа евреев (человек 20) была раздета до-гола и тут-же расстреляна. Такой же случай был с 4 евреями на Вокзальной улице.

Особенно часто практиковалось погромщиками подвешивание жертвы, как форма угрозы.

— «Укажи деньги, а то сейчас будешь повешен», — говори-

ли обыкновенно погромщики и начинали приготовления к повешению. Отыскивалась веревка, ремень, надевалась на шею. Обыкновенно жертва не выносила такой пытки и отдавала деньги. Иногда вешали, но ставили под ноги повешенного стул, угрожая оттолкнуть его, если жертва не укажет, где деньги. Есть и повешенные на смерть, как например, Мошко Ременик (в саду, на дереве); Меер и Борис Забарские (отец и сын-гимназист) оба подвешивались, причем мальчика заставили затянуть петлю на шее своего отца...

Изнасилования. Фамилии изнасилованных и оставшихся в живых, по вполне понятным причинам, потерпевшие не сообщают. Таких немного — мне говорили только о двух девушках, которые лежат где-то в больнице. Но вообще-то изнасилованных много, как рассказывают потерпевшие. Их обыкновенно, после совершения гнусного злодеяния, убивали. Рассказывают об изнасилованных подростках. По словам аптекаря Заионца, в его пустую квартиру казаки привели двух девушек и на глазах доктора Вершилова, живущего в соседней квартире, начали совершать свое гнусное дело. Д-р Вершилов убежал из дома и даже, кажется, уехал из Фастова, потрясенный всем виденным...

Разгром квартир. Разгром произведен невероятный, полный, и убытки исчисляются многими десятками миллионов. Расхищено положительно все, имеющее хоть какую-нибудь ценность. В общем, во всем Фастове неразгромленными остались два еврейских дома — Лихтмана и Полонского. Имущество увезено как громадами, так и крестьянами Фастова и соседних деревень. Крестьяне приезжали на подводах, спокойно накладывали возы и увозили все, что им нравилось.

...Разгромлены, кроме частных домов и всех еврейских магазинов, аптеки, Ремесленный банк (несгораемую кассу не удалось взломать — она валяется на пожарище до сих пор), ссудосберегательное товарищество (касса взломана, ломали ее целую ночь; передают, что в кассе было несколько миллионов рублей), союз кооператива «Днипросоюз» (правление и лавка) и много частных предприятий, имеющих крупное значение и находившихся в еврейских руках (кожевенные заводы, маслобойня, круподерня, склады железа и пр.). Крестьяне уже после погрома откры-

Разгром общественной библиотеки им. Кулишера в Фастове (сентябрь 1919)

Похороны жертв после погрома в Фастове, в сентябре 1919 г. (см. стр. 333)

то (при мне) увозили с места пожарищ и от разгромленных домов дрова, кирпич, строительный материал.

Пожары. Выгорело в общей сложности около 200 строений (домов, магазинов, лавок, сараев, складов), из них половина жилых домов. Выгорела целиком Торговая площадь (своего рода пассаж) и почти целиком погорели улицы Воскресенская, Костельная и Житомирская. Во всем местечке, кроме того, то там, то здесь погорели группы домов и отдельные дома.

Тысяча семейств осталась буквально без приюта и ютится в синагоге, школах и просто на улице, под открытым небом.

На вопрос, кто устроил погром — представляется возможным ответить вполне определенно: казаки 2-ой Терской пластунской бригады. Командиром ее состоит полк. Белогорцев. Возможно участие и еще каких-либо других частей, но главная роль принадлежит пластунам.

Должен заявить, что потерпевшие почему-то убеждены, что погром был «разрешен» пластунам их начальством. К такому убеждению привело их как равнодушное, а порой и явно поощрительное отношение офицерского состава бригады к погрому, так и заявления отдельных громил-казаков, что им «приказано бить жидов», что они могут «по закону гулять три дня», что «ничего им за это не будет» и т. п. Но должен заметить, что отдельные офицеры той же бригады принимали меры и к прекращению погрома, защищали отдельные дома и вообще всячески помогали еврейскому населению в его несчастьи. Так, поручик Илюшкин, начальник пулеметной команды, убедил казаков своей сотни защищать от погрома целый участок, где были расположены мельницы. Казаки его же сотни тушили пожар... Одно его присутствие успокаивало и безумевших от горя евреев.

Обращаюсь к вопросу о поводах к погрому.

Никаких определенных указаний на определенный повод я не получил, хотя и интересовался этим вопросом больше всего. Несомненно только одно, что среди казаков было прочное убеждение в симпатиях еврейского населения к большевизму, убеждение, конечно, в такой огульной форме, ни на чем не основанное. Поручик Илюшкин заявил мне по этому поводу, что среди казаков кто-то распространил «явно провокационный слух», что евреи

радостно встретили большевиков, когда они ворвались на короткое время в Фастов, что евреи кричали «ура» на вокзале большевикам и, наконец, что они стреляли в добровольцев, когда те отходили от Фастова. Никто из опрошенных мною лиц не подтвердил правильности этих слухов. Наоборот, все, — в том числе и лица, настроенные явно враждебно к еврейству — отрицали даже возможность таких фактов. Крики «ура», действительно, были слышны в местечке со стороны вокзала в момент, когда туда ворвались большевики, но евреев, да и вообще местечковых обывателей в тот момент на вокзале не было, ибо все боялись боя и попрятались. Вернее всего, кричали сами красноармейцы.

... Остановлюсь теперь на отдельных эпизодах и на отдельных свидетельских рассказах, проливающих некоторый свет на подробности фастовских событий.

Местное крестьянство и христианские обывательские круги вели себя так, что было видно их явное сочувствие погрому. Они или помогали погромщикам, или расхищали имущество евреев, или, в лучшем случае, оставались нейтральными. Местная интеллигенция, наоборот, всячески прикрывала евреев, защищала их. Пострадавшие называют фамилии следующих лиц, поведение которых заслуживает благодарности еврейского общества: Березин, Залесский (булочник), Гриневич, Уразов, Хмелевский (учитель), Левицкий (ацц. чиновник), Крушинский (крестьянин) и другие.

Об отрицательной роли офицерства в дни погрома я уже упоминал. Мне рассказывали несколько очень печальных фактов из этой области... Так, в погрузке пианино на подводы, забранного из квартиры Гуртовых, Годика и Червинского, принимали участие люди в офицерской форме и какие-то женщины. У Гейермана офицер лично взял столовое серебро. У Потиевского офицер снял с руки золотое кольцо и положил себе в карман. В Красном Кресте говорили, что один офицер сам убил какого-то молодого еврея. Аптекарь Заиоцц (поляк-католик и нидерландский подданный, но тем не менее аптеку его разгромили, квартиру также и дом пытались поджечь) знает фамилию офицеров, принимавших активное участие в погроме, но сообщить мне их он отказался.

ми не исчерпываются, конечно, все жертвы погрома, ибо учет

В общем, все потерпевшие утверждают, что офицеры также принимали участие в погроме, не отставая от солдат, за исключением отдельных лиц, вроде выше упомянутого поручика Илюшкина или неизвестного офицера, несколько раз отбивавшего нападение на квартиру зубного врача Брискмана.

Кстати, кроме 2-ой Терской пластунской бригады, принимавшей самое деятельное участие в погроме, принимали участие в нем, по словам местных жителей, также и солдаты Волчанского партизанского отряда. Верно-ли это — проверить мне не удалось.

... Спасти при погроме можно было легко, выдавая себя за русского. Таких случаев было очень много, причем погромщики редко требовали доказательств, что пойманный ими человек — не еврей. Особенно, если внешние данные помогали этой лжи. Так спас Полонский себя и свою семью, так спасались многие.

... Погром Фастовский распространился и на окружающие его селения. Так, основательно разгромлены три еврейские земледельческие колонии под Фастовым — Кадлубицкая, Трилесьи и Червленская. Жители этих колоний разорены, кажется, хуже фастовских. Все они ютятся в Фастове вместе с другими несчастными под открытым небом и в синагогах.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

XIV

К событиям в Фастове.

Показание фельдшерницы А. О. Николаиди *)

...10-го сентября в 11.30 часов я получила записку от своей знакомой Гуртовой (еврейки), которая просила меня прийти на вокзал для подачи помощи жертвам погрома. Я отправилась на вокзал через лес, где натолкнулась на прятывшуюся еврейскую семью — отец, мать и девочка с простреленной головой. На вокзале работал перевязочный пункт Красного Креста, которым за-

*) А. О. Николаиди — христианка, по профессии фельдшерница; принимала деятельное участие в оказании медицинской помощи погромленным.

ведывал врач Снисаренко; его обслуживали: моя знакомая зубной врач Гуртовая, случайный проезжий студент-медик, два фельшера-еврея и два санитары. Ввиду отсутствия на пункте перевозочных средств и иоду ,я за всем этим отправилась домой.

На улицах между тем шла непрерывная стрельба. В разных местах я наталкивалась на трупы убитых евреев. На площади возле костела лежало около 16 трупов. Я добралась домой, а оттуда вернулись на пункт. За этот день через наш пункт прошло 27—30 пострадавших, почти исключительно женщин и детей.

...Грабежи, избиения и убийства с той-же силой продолжались и в течение следующего дня — 11-го сентября, продолжались в условиях непрекращающегося боя, когда над местечком рвались снаряды и трещали пулеметы. Пунктом подана в этот день помощь более 100 пострадавшим евреям, из которых почти все, как и в предшествующий день, легко раненные. Раненные рассказывали, что, входя в дом, казаки раньше всего требовали денег, а затем избивали и убивали.

...В 8 часов вечера того-же дня я возвращалась из пункта домой. Лежавшие на площадях трупы были кем-то прикрыты. Всюду пылали еврейские дома — их поджигали казаки, подкладывая порох и обливая затем керосином.

..12-го сентября всюду валялись неподобными трупы убитых евреев. На двух площадях — около костела и между базаром и земской больницей — было до 100 трупов (убитые — исключительно мужчины). Несмотря на непрерывно шнырявшие по улицам носилки, на которых старики-евреи уносили убитых по направлению к синагоге, многочисленные жертвы погрома продолжали оставаться неубранными. Возле костела на моих глазах свинья терзала труп одного из убитых евреев. Из окна одного подвала торчали окровавленные лохмотья. Я подошла и посмотрела в окно: в пустынной комнате, на полу, лежал окровавленный труп старика-еврея с простреленной головой.

...На пункт в этот день, 12-го сентября, доставлялись преимущественно тяжело раненные, большей частью — мужчины. До вечера этого дня нашим пунктом зарегистрировано 300 раненных и 690 убитых евреев. Этими цифра-

пострадавших был завершен лишь в последующие дни, когда меня в Фастове уже не было. Вечером, по пути домой, я опять проходила через местечко. Возле синагоги было собрано почти все уцелевшее еврейское население Фастова. Было холодно, между тем, абсолютно все находившиеся у синагоги были босые. Многие прикрывали свое тело одним одеялом. Женщины были в одних тонких кофточках. Мне передавали, что днем сюда явились казаки и обобрали всех присутствовавших — было забрано все более или менее ценное. Здесь я встретила одну знакомую девушку Гуртовую (не сотрудницу по пункту, а другую) — жертвами погрома пали ее отец, брат и жених: они убиты за то, что якобы поли чаем большевиков.

Далее я натолкнулась на развалины выгоревших еврейских кварталов — огнем уничтожено до 200 еврейских домов. Мой брат вместе с другими пытался было спасти от огня один из горевших домов, особенно выделявшийся своим красивым видом. Подошедший офицер приказал «не тушить жидовского имущества». На замечание тушивших, что пожар угрожает перебраться на соседние христианские дома, он заявил, что в случае угрозы нееврейским домам, им будут приняты надлежащие меры, чтобы локализовать огонь.

В пятницу утром, 13-го с е н т я б р я, я отправилась на вокзал с целью уехать в Киев. Улицы местечка носили следы страшного разгрома. Все уцелевшие от пожара дома и магазины совершенно разграблены. Разгромлена до тла даже нееврейская аптека за то, что в ней прятались провизора-евреи. По улицам еще рыскали крестьяне, забирались в покинутые дома, раскапывали подвалы и грабили. В грабежах приняли участие все местные крестьяне; к ним присоединились и крестьяне окрестных сел, длинные вереницы которых, с пустыми мешками и котомками на плечах, тянулись к Фастову, в надежде на легкую наживу... Со стороны некоторых слоев местного нееврейского общества была попытка организовать отбирание награбленных вещей (по инициативе волостного писаря собрались для этой цели группа железнодорожников, учитель местного училища, судебный следователь и др.), но, как передают, этому воспрепятствовали казаки. На улицах в пятницу утром расклеен приказ какого-то началь-

ствующего лица, в котором было сказано: «Приняв Фастов в свое распоряжение, призываю прекратить грабежи и насилия над мирным еврейским населением»... Читая этот приказ, казаки смеялись. Тем не менее, грабежи прекратились, ибо все, что только возможно было забрать, уже было разграблено, и нигде уж ничего не осталось.

...Я уехала первым ушедшим на Киев поездом, в котором был и фастовский раввин и много женщин-евреек с детьми, покинувших местечко.

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

XV

Фастовская резня

(записки очевидца)*

... Фастов и его окрестности были одним из самых оживленных, самых цветущих и культурных уголков нашего края. И вот, этот уголок (как и множество других подобных уголков) за короткое время хозяйничания денкинских героев, превращен в настоящее кладбище. Жутко становится, когда ходишь по опустевшим улицам и смотришь на разоренные дома с выбитыми стеклами, вышибленными дверьми, сквозь которые видны на щепки поломанная мебель, полы, покрытые перьями из перин и подушек и обломками посуды, разваленные до тла печи. Да и не только жутко, но и мучительно стыдно становится, глядя на эти «обесчещенные дома», свидетельствующие, подобно убитым женщинам с обнаженными, распластанными и растленными телами, о пережитых насилиях, позоре и неимоверных мучительствах.

* Автор этих записок — Исаак Яковлевич Берлянд — житель Фастова, по профессии учитель, человек уже пожилой, абсолютно достойный доверия. Во время погрома он посвятил себя всецело уборке трупов и оказанию помощи раненым и больным жертвам погрома. Ему приходилось также входить в сношения с военной властью. Его повязка Красного Креста и русская на вид внешность спасали его, хотя он несколько раз был близок к гибели. Автор записок, таким образом, имел случай близко наблюдать погромные ужасы в Фастове.

... Господствующее среди христианского населения мнение, будто евреи — приверженцы Советской власти, только теперь, после того, как деникинцы показали свое настоящее лицо, включает в себе большую долю правды, но до того это мнение далеко не соответствовало действительности. Только известная часть пролетариата была настроена коммунистически; остальные слои еврейства, состоящие, главным образом, из мелких торговцев, ремесленников и людей либеральных профессий, были скорее буржуазно настроены и ждали прихода деникинцев с большим нетерпением, будучи уверены, что те принесут с собой принципы собственности, свободной торговли, свободы слова и вообще тот порядок, который составляет отличительную черту буржуазной республики. И поплатились же они за свою ошибку!

(Добровольческие войска вступили в Фастов в конце августа, ст. ст. 9-го сентября большевистские части ворвались на день в город, но были выбиты добровольцами, — и вслед за этим начался погром, продолжавшийся сплошь до 13-го).

... Казаки рассыпались на множество отдельных групп, человека в 3—4 каждая, не более. Но действовали они не зря, как кому вздумается, а по одному общему плану, заранее для них разработанному и хорошо им растолкованному, везде пуская в ход одни и те же приемы вымогательства денег. А состояли они — эти приемы — в следующем: ворвется группа казаков в еврейский дом, первое их слово: «деньги!» Если окажется, что тут были уже казаки и все уже забрали, то они немедленно требуют хозяина дома и вообще главу семейства; ему наматывают на шею веревку; один казак берет веревку за один конец, другой — за другой конец и начинают душить, а то и повесят, если на потолке окажется крюк. Если при этом ктонибудь из присутствующих заплачет или начнет просить пощады, то его — будь это даже ребенок — бьют смертным боем. Само собою разумеется, что семья отдает последнюю копейку, лишь бы избавить родного от муки и смерти. Если же денег все таки нет, то казаки душат свою жертву до потери сознания, затем отпускают веревку; несчастный падает, таким образом, замертво на землю, и тогда его ударами приклада или даже обливанием холодной водой приводят в чувство. «Дашь деньги?», спрашивают его мучители. Не-

счастнѣй божится, клянется, что у него уже ничего нет, что все отобрано прежними посетителями. «Ничего, — говорят ему злодеи, — дашь». Опять набрасывают ему веревку на шею и опять душат или вешают. Это повторяется раз пять—шесть.

... Часа через два—три является другая группа казаков, которая, не считаясь совершенно с произведенным уже разрушением, с трафаретной точностью повторяет все то, что проделывали предшественники.

... Да, мне выпала проклятая доля быть очевидцем и свидетелем таких картин человеческого страдания, унижения, нравственного разложения и падения, для изображения которых у человека нет ни слов ни красок. Только в известном произведении Октава Мирбо «Сад пыток» встречаешь слабое изображение подобных мучительств. Я был свидетелем того, как несколько сотен семейств впродолжение двух недель, несмотря на холод и осеннее ненастье, ночевали под открытым небом, на огороде при имеющемся у нас министерском училище, так как исключительно в этом месте им была обещана кое-какая охрана и безопасность (в помещение самого училища их не пускали, так как оно было переполнено тяжело ранеными и умирающими).

... Я видел, как казаки сбрасывали с постелей больных, лежавших в тифозной горячке, на холодный грязный пол, рылись в перинах и подушках, отыскивая спрятанные будто бы деньги, и как потом, распоров их и выпустив перья, забирая верхние платья и платки, которыми больные укрывались, забирая в то же время и последние 2—3 хлеба, которые они нашли где нибудь в углу, уходили с проклятьями и руганью. Я знаю молодую интеллигентную женщину, которую злодей-казак изнасиловал в той самой комнате, где лежали только что убитые его товарищами отец, муж и брат ее, а в детской кроватке стонал ее больной мальчик. Я знаю о многих домохозяевах, которых казаки заставляли поджечь свои собственные дома, а потом саблями и штыками загоняли их, а также тех, которые выбежали из горевших квартир, обратно в огонь, заставляя их, таким образом, сгореть живыми в огне вместе с теми больными, которые оставались там, не будучи в состоянии подняться с постели (Регулянт, Волкенштейн, Володарский, Завируха, Майзенберг и мн. мн. др.).

Я видел людей, в изнеможении падавших на мостовую посреди улицы и тут-же кончавшихся от голода, холода и тут-же примерзавших к этой самой мостовой, так что когда уже на них обратили внимание, наконец, и хотели поднять, то этого нельзя было сделать, не оторвав у них щеки или уха или другой части тела; а другие так и оставались на мостовой, пока не были съедены собаками и свиньями. Я видел детей, сосавших грудь у мертвой матери, и, кончив свой короткий век голодной смертью, вместе с матерями своими гнили на виду у всех, обнажая кости и распространяя зловоние и заразу.

... Я не в состоянии передать в систематическом порядке все впечатления, сцены и картины, которые накопились у меня в душе в эти проклятые 2 месяца. Их слишком много и слишком тяжелы воспоминания о них. (И. Берлянд дает в дальнейшем такие ужасающие детали погрома, что мы, щадя нервы читателя, не решаемся их воспроизвести. — Автор).

Еще и теперь не могу без внутренней дрожи вспомнить об изъеденных червями больных, конвульсивно вздрагивавших в предсмертной агонии.

А вот вам и другая картина. Иом-Кипур. Все наличное население местечка в синагоге и других молитвенных домах. После пережитых двух погромов: один из петлюровцев и — второй по счету — от деникинцев, на душе у каждого особенно тяжело, и молитвенное настроение достигло наивысшего напряжения. Вдруг в синагогу врывается толпа вооруженных казаков: «Деньги!», — раздается их грозный крик среди всеобщей тишины (это было во время так называемой тихой молитвы «Шмоне Эсре»); молящиеся в страхе и недоумении оглядываются друг на друга. В самом деле: в этот священнейший для всех евреев день — день поста, молитвы и раскаяния, день очищения от грехов — какой еврей позволит себе не то, что брать с собою в синагогу деньги и держать их при себе, но вообще думать о деньгах или о каких-нибудь делах? Само собою разумеется, что денег ни у кого при себе не оказывается; даже дотрагиваться до них в этот день считается большим преступлением. Казакам это объясняют и умоляют их ждать до вечера, но казаки ждать не хотят, начинается жестокое избиение молящихся, сопровождаемое отвратительным

сквернословием и ругательствами. В то же время другая толпа казаков врывается с другого ходу в женское отделение синагоги, находящееся на верхнем этаже. Женщины, особенно молодые из них, в безумном страхе бросаются с верхней галереи вниз, ломая себе руки, ноги, ребра. Среди воплей, стонов и плача казаки овладевают несколькими молодыми женщинами и девушками и совершают над ними гнусное насилие. Налеты на синагогу и другие молитвенные дома с подобными целями повторялись неоднократно. И сколько раз мне приходилось видеть, как проклятые злодеи среди белого дня, на виду у всех тащат молодых девушек, почти детей, в разоренные и опустевшие квартиры! . . .

Какова же была тут роль высшего и низшего офицерства? На этот счет я могу сообщить следующее. Во первых, многие офицеры принимали непосредственное участие в грабежах и насилиях; высшее офицерство позволяло себе требовать взятки за охрану населения, но, получив крупные суммы, оно населения все-таки не охраняло. Некоторые домовладельцы догадались приглашать к себе на жительство офицеров, содержали их на свой счет, доставляя им все, чего бы те ни потребовали. Расходы, конечно, были огромные, разорительные, но они надеялись, что этою дорогою ценой спасут по крайней мере свой дом от разгрома и себя от смерти. Однако, и это не помогало: стоило этим охраняющим офицерам отлучиться на пару дней по делам службы, — и даровая квартира подвергалась такому основательному разгрому, что вернуться туда уже не было никакой возможности. Это, впрочем, мало их беспокоило: тотчас-же находились другие, которые приглашали их к себе на тех-же условиях. Известная в Фастове учительница рассказывала мне, что она присутствовала при том, как один из деникинских полковников произносил речь перед офицерами и солдатами по поводу еврейских погромов. Увещевая их прекратить кровопролитие и грабежи, он им, между прочим, сказал: «Не говоря уже о том, что это бесчеловечно, ваши безобразия вредят нашему общему делу: ведь Европа глядит на нас». На это один из присутствующих заметил: «Тут вы говорите так, а что вы нам говорите на позициях?» Полковник густо покраснел, сел на коня и уехал, ничего не возразив. Я говорил лично с лектором, членом агитационно-куль-

турного отдела при добровольческой части, и он мне признался откровенно, что все время в армии велась сильная погромная агитация, причем пускались в ход приемы старого режима.

... Я имел случай близко познакомиться с некоторыми денкинцами, и они мне откровенно говорили, что в добровольческой армии по еврейскому вопросу господствуют два течения: одно стоит за то, чтобы все еврейское население сплошь без остатка было вырезано в России и на Украине, и, таким образом, будет покончено с большевизмом, который, по их мнению, только на евреях и держится; другое, соглашаясь с первым в том, что истребление евреев повлечет за собой гибель большевизма на Руси, — все таки высказывается против поголовной резни, полагая, что это поднимет слишком сильное возмущение в Европе и даже отчасти в русском обществе. По их мнению, гораздо удобнее убивать только молодых евреев и, главным образом, тех членов семьи, трудами которых она держится; но при этом разорять квартиры и помещения, забирать и уничтожать все, что составляет предметы первой необходимости, словом, ставить обитателей-евреев в такие жизненные условия, при которых они сами собою погибнут от голода, холода и болезней, а шуму будет меньше. Все только что сообщенное, по моему, находит свое полное подтверждение в статьях Шульгина — идеолога Добрармии, который так прямо и выразился, что евреи дорого заплатят за свое участие в политической жизни России...

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

XVI

Генерал Бредов о событиях в Фастове

19-го (2 октября) 1919 года, редакция киевской газеты «Русь» командировала своего сотрудника к командующему войсками в Киеве Генерал-Лейтенанту Бредову, чтобы получить у него сведения о происшедшем в Фастове еврейском погроме. В ответ на запрос, ген. Бредов продиктовал сотруднику газеты дословно следующие слова, под которыми он потом собственноручно подписался:

«Точных и официальных сведений из Фастова у меня еще не получено, но ничего, по видимому, там серьезного нет.

Доходят только слухи от евреев, крайне-панического характера, о чинимых над ними притеснениях, и от обывателей и войска о том, что при налете большевиков на Фастов, когда он очутился на несколько часов в их руках, наши отходившие от города части обстреливались евреями в спину, чем и возбудили против себя озлобление в войсках.

Для выяснения обстановки в Фастове и расследования происходящих там будто-бы «прискорбных событий», высылается особая комиссия».

Под оригиналом подписано:

Генерал-лейтенант Бредов.

Редакция газ. «Русь» не нашла возможным опубликовать эту, предназначенную ген. Бредовым для печати, беседу...

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; копия записи, сделанной сотрудником газ. «Русь», беседовавшим с ген. Бредовым).

XVII

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В КИЕВЕ

Киевский погром

(1-5-го октября 1919).

Отчет Евр. Комитета Помощи.

Погром в Киеве, как массовое явление^{*)}, продолжался 4 дня, шел на всех улицах города, на окраинах и в окрестностях, сопровождался массовыми убийствами, изнасилованиями и преимущественно ограблениями еврейских квартир.

Погром начался тогда, когда большевики не были еще изгнаны из города, продолжался в ближайшие дни, когда боль-

*) Раньше, с начала вступления Д. А. в Киев в середине августа, происходили лишь отдельные эксцессы и убийства.

шевики отступали за город и дальше. Многие воинские чины и целые группы воинских чинов, вместо преследования отступающего противника и нанесения ему значительного удара, бросились на грабежи еврейского населения. В первый же день пошел разгром еврейских магазинов, значительное число которых было совершенно очищено от товаров. Затем в течение 4 дней, преимущественно по вечерам, группы солдат рассыпались по городу, обходили дом за домом, квартиру за квартирой, справлялись о квартирах, где обитают евреи, входили туда, требовали денег, ценностей и домашних вещей; забирали силой, если не давали добровольно. Избивали и даже убивали, если упорствовали. В центре города оперировали преимущественно старшины, иногда по несколько человек вместе, иногда один в сопровождении нескольких солдат. Приходили в дом, иногда под видом обыска, иногда без всякого повода. Если не открывали ворота или парадную дверь, то выламывали то и другое, угрожали расстрелом и в большей части добивались своего.

Грабители проявляли большой погромный опыт, действовали очень быстро. Стремилась проделывать свое дело без большого шума и с максимальным результатом. Основная цель грабителей была нажива, и нажива в больших размерах. Стремилась как бы составить себе большое состояние. Грабители в центре города (офицеры, юнкера и др. старшие чины) часто обнаруживали большую воспитанность, сановность. Грабежи сопровождалась извинениями за беспокойство, подачей упавших вещей дамам и т. д. К своей цели, однако, шли, не останавливаясь ни перед чем. Обычно, входя в квартиру, справлялись, кто хозяин, отводя в сторону или в другую комнату, требовали денег, иногда назначали 20—30—40—100 тысяч и более. Получали меньше и часто довольствовались. Забирали золотые часы, обручальные кольца, серьги и др. ценные вещи, поспешно обходили 5—10 и более еврейских квартир и уходили. В отдельных случаях не ограничивались этим, подъезжали на автомобилях или лошадях и тогда забирали платье, обувь, белье и др. вещи, имеющие в настоящее время большую ценность. В более демократических квартирах и районах действовали чаще группы солдат без старших чинов. Там чаще бывали насилия, избиения и

убийства. Там чаще сильнее противились грабежам, и тем ожесточеннее и резче шла борьба. Там грабежи и насилия шли днем.

Так продолжалось 4 дня и главным образом 4 ночи.

Что переживало еврейское население г. Киева, ожидая с часу на час появления группы вооруженных людей, и как оно реагировало на грабежи — передает довольно верно В. Шульгин, один из руководителей антисемитской агитации в г. Киеве с момента появления в ней Добрармии, в статье «Пытка страхом» (см. дальше).

... В первые же дни возвращения в город вожди антисемитизма пустили гласно, путем печати, клевету, что еврейское население обстреливало уходивших добровольцев, стреляли из засад, что боевые организации еврейских партий стреляли из пулеметов, винтовок, бросали ручные гранаты и обливали добровольцев кипятком. Это должно было объяснить неудачу Добрармии и эксцессы против евреев. В газете «Вечерние огни» в №№ 38, 39, 40, 5-го, 6-го и 7-го октября был напечатан даже длинный список домов, откуда якобы евреи стреляли в добровольцев. По проверке Лигой Борьбы с антисемитизмом, совместно с представителями ряда общественных организаций, все это оказалось сплошной ложью. «Киевлянин» не отставал от «Вечерних Огней» и печатал зажигающие статьи против евреев. Газеты эти расклеивались в дни погромов и все последующие за ними дни на всех перекрестках, и они играли ту двойную роль, которая указана выше. Нужды нет, что явная ложь всплывает наверх. От нея можно будет потом отречься, пока же агитация свое сделает.

Что же сделали власти, военные и гражданские, в борьбе с погромами? До 5-го октября, т. е. фактически все первые дни, когда погром носил наиболее массовой характер, — абсолютно ничего. Можно, наоборот, отметить элементы попустительства. Достаточно указать на то, что военная цензура не препятствовала ни «Вечерним Огням», ни «Киевлянину» печатать в эти страшные дни и после свои погромные измышления и широко распространять их расклейкой, раздачей и продажей на улицах. И когда Киевский Областной Комитет Всероссийского Союза Городов обратился 14-го октября с ходатайством о разрешении

издания периодического бюллетеня Лиги Борьбы с антисемитизмом, то исп. об. Градоначальника ему в этом отказал (см. дальше, где приводится текст отказа).

Ответ и. о. Градоначальника можно было считать искренним в том случае, если бы одновременно не была дана полная свобода для антисемитской агитации, для натравливания масс против евреев другой прессе. Свобода же антисемитской агитации и отказ в агитации против погромов явно говорит о том, на какой стороне симпатии властей. Далее, в эти же дни из Отдела Пропаганды при Добрармии была разослана телеграмма в целый ряд городов Киевской и Черниговской губ., официально распространяющая клевету, зародившуюся в умах антисемитских деятелей г. Киева. Телеграмма эта сама за себя говорит (см. дальше). Что ни слово в этой информации, то сознательная ложь, рассчитанная на создание погромного настроения в других городах. В самом Киеве телеграмма не публиковалась. Достаточно указать, что до сих пор не опубликован ни один факт стрельбы или иных неприязненных действий со стороны евреев против Армии, несмотря на то, что Главнокомандующим Киевской Области Генералом А. Драгомировым «создана специальная комиссия» под предс. Сенатора А. М. Гуляева, по расследованию случаев проявления отдельными лицами и группами населения г. Киева враждебного отношения к Добрармии в течение 1—5-го октября. Интересно указать, что вместо сотен «очевидцев», видевших якобы случаи нападения на чинов Добрармии со стороны евреев, в комиссию поступило очень мало заявлений. Во всяком случае, из чинов армии ни один не явился для дачи сведений по этому поводу. Это официально засвидетельствовано в приказе, изданном Командующим Войсками Киевской Области 26-го октября, в котором указывается, что до конца октября ни один из офицеров войсковых частей управления не являлся в комиссию Сенатора Гуляева для дачи сведений о нападении на Добрармию. В приказе предписывается обязательная явка офицеров...

В самом Киеве власти не могли долго оставаться безучастными зрителями и попустителями происходившего. Из газет от 11-го октября стал известен приказ Начальника Правобереж-

ной группы войск Киевского района следующего содержания: «Киев 4-го октября. Всех грабителей и дезертиров приказываю задерживать на месте преступления и вместе с награбленным представить в Управление Коменданта г. Киева (Левашевская д. 2), для немедленного предания военно-полевому суду. При чем предупреждаю, что я не остановлюсь перед утверждением смертного приговора всем мародерам и предателям. Ген. М. Неленик, Нач. Штаба Капитан Кныш». А 5-го октября, т. е. когда погром уже достаточно развернулся, был издан приказ генерала Бредова о строгом преследовании грабителей. По непонятным причинам на улицах приказ этот был расклеен только через несколько дней, а в газетах напечатан 7-го вечером и 8-го утром. Того же числа напечатан приказ по Государст. Страже следующего содержания: «За последние 4 дня по городу идут почти массовые налеты. Считаю такое положение в местах, занятых войсками Добрармии, недопустимым по самой идее Добрармии, а потому в дополнение отданных мною распоряжений и приказаний по телефону и лично, предлагаю всем чинам бригады Гос. Стражи принять самые энергичные меры в борьбе с такими выступлениями. Одиночных и малочисленных грабителей задерживать, при сопротивлении расстреливать на месте; при появлении больших шаек, немедленно требовать помощь от районных комендантов и коменданта города*). Все чины, находящиеся на службе в Добрармии, должны помнить, что они могут служить лишь тогда, когда исповедуют завет Добрармии, а именно: внесение законности и порядка, ограждение личной и имущественной безопасности населения без различия национальности и вероисповедания... Полковник Р о с с и н с к и й.»

Приказ последовал тогда, когда большинство еврейских квартир были уже разграблены, когда погром естественно близился к концу. За красивыми словами далеко не следовали соответствующие действия. Часто на тревожные телефонные звонки о налетах в следующие дни стража или совсем не выезжала, или выезжала столь поздно, что об оказании помощи не могло быть и речи. В довершение всего надо добавить, что само обращение

*) О характере этой помощи см. дальше рапорт старш. пом. пристава Скорохода.

за помощью стало рискованным. Дело в том, что уже на следующий день появился приказ Коменданта г. Киева следующего содержания: «Приказ Коменданта г. Киева № 40, 8-го октября 1919 г. Во вверенное мне управление часто поступают заявления по телефону о грабежах и налетах, причем называется улица и № дома с просьбой выслать отряд для задержания грабителей, но по прибытии в указанные места наряда (оказывается) совершенно все спокойно. Предупреждаю, что за такие умышленные провокационные сообщения виновные, в случае обнаружения, будут предаваться Военно-полевому Суду. Подпись — Генерал-Майор П а в л о в с к и й » (г. «Русь», 9 окт. 1919).

С появлением этого приказа стало опасно вызывать стражу в случае налета. Стража обычно являлась поздно, могла не застать налетчиков, и тогда вместо защиты от погрома можно было попасть под суд. Действительная помощь Государственной Стражи от налетчиков имела место в редких случаях; так из обследованных 800 налетов на квартиры Госуд. Стража оказала помощь только в двух случаях.

... На окраинах же эксцессы длились дольше (чем в центре). Особенно сильно страдало от налетов население Подола, где районным комендантом был назначен небезызвестный атаман Струк, прославившийся с января 1919 года своей деятельностью в Чернобыльском районе. От Петлюры он перешел к большевикам. Против последних восстал в апреле, действуя вновь, как агент Петлюры. С приходом Добрармии пошел со своими повстанцами на службу к последней. За все периоды он совершал погромы в местечках и городах Киевской губ., накладывал контрибуции на еврейское население, производя разгромы еврейского имущества. В качестве коменданта Подола в дни 1—5 октября, он взимал контрибуцию, его повстанцы совершили огромное число налетов. Назначение его комендантом Подола было равносильно отдаче ему на откуп еврейского населения этого района.

Необходимо указать, что известную роль в уменьшении налетов сыграли военно-полевые суды, начавшие функционировать через несколько дней по прекращении массового погрома. 8-го октября военно-полевой суд рассмотрел дело штаб-ротмистра

Аустера, штабс-капитана Левицкого, прапорщика Богачева, прапорщика Галковского и гражданина Т., обвинявшихся в разбойном нападении 4-го октября на квартиру Каплера. Первые трое служили в Государственной Страже, последние двое примкнули к ним. Ограбили 40 тысяч рублей, забрали ценные вещи и нанесли побои. Все пятеро признаны виновными. Последних двух приговорили к смертной казни, первых трех к бессрочным каторжным работам. 4-го ноября военно-полевым судом разобрано дело 11 человек, обвинявшихся в разбойном нападении 1-го ноября на Д. Л. Бродского. Из 11 человек только один штатский — заведующий гаражем. Полевой суд признал виновными пятерых и приговорил: штаб-ротмистра Домбровского и корнета Клейнгольца к смертной казни, 2-х вольноопределяющихся к бессрочной каторге. 6-го ноября рассматривалось дело по обвинению 4-х военно-служащих в вооруженном налете на квартиру акушерки Малковой. Приговор: подпоручик Горлинский и рядовой Савков к смертной казни, унтер-офицер Ткач к бессрочной каторге.

За протекший месяц рассмотрено большое число дел. Характерно, что обвиняемыми большей частью являются офицеры. Во многих случаях осужденные ходатайствуют о замене наказания отправкой на фронт. Часто суд сам предлагает отсрочку наказания к моменту окончания гражданской войны. Во многих случаях суд, несмотря на наличие вины, не вносит никаких изменений в положение налетчиков. Осуждение является скорее моральным. Фактически осужденные за грабежи, убийства, налеты, вымогательства занимают прежнее положение, и нет никаких гарантий, что они не повторят грабежей и налетов. Наоборот, в них должна укрепиться уверенность в безнаказности.

Размеры погрома.

Точно установить число убитых, раненых, изнасилованных, погромленных квартир и магазинов и размер убытков в настоящее время не представляется возможным. Некоторые предварительные, неполные данные по отдельным рубрикам указать возможно, и они могут служить общим показателем погрома первых дней октября месяца в Киеве.

Число убитых. Именной список убитых евреев 1—6 октября содержит 153 имени, кроме того похоронено не опознанными 20 человек, затем через несколько дней по составлении списка он был пополнен еще 50 именами и кроме того в анатомическом было около 40 трупов. Отдельно похоронено на Слободке 28 человек и на Куреневке 3 человека. Всего установлено жертв погрома 294 человека. Число это впоследствии увеличилось найденными в разных местах трупами. Среди первых 153 убитых показано 29 женщин. По возрасту среди 153 убитых находим детей, юношей, пожилых и глубоких стариков. Между прочим, убит один ребенок в возрасте 9 месяцев, 3 детей до 10 лет, 7 мужчин и 1 женщина в возрасте от 60 до 70 лет.

Ряд лиц были убиты только за то, что они не дали денег. При таких обстоятельствах убиты Спирт Гирш, 58 лет, жена его Ента и молодая дочь. По той же причине убит на Прорезной улице Гирш Шнеерсон, 68 лет, и Левин, 48 лет, с женой 46 лет, совместно с еще 5 евреями. Бандиты не удовлетворились данными деньгами, выстроили всех в ряд и двумя залпами убили всех семерых. Несколько женщин убили при упорном сопротивлении при попытке изнасилования. Несколько мужчин убито при попытках звать на помощь (Д-р Фейгин при выходе на балкон и друг.), при заступничестве за родных (Кантор Шолом, заступился за отца). Несколько человек умерло от побоев. Так, Зильберберг Зелик, 52 лет, лежал больным сыпным тифом; будучи жестоко избит во время налета, вскоре умер. Некоторых расстреляли на улице. Один шел за лекарством для дочери, его заметили и застрелили. Гельмана Гиршу остановили на Подоле, спросили: «Ты жид?», вложили дуло револьвера в рот и застрелили.

Число раненных. Нанесение ран имело место в 50 квартирах из обследованных 836 квартир, т. е. на каждые 16 налетов приходится 1 случай нанесения ран.

Число погромленных квартир не установлено. Обследование пока охватило 52 улицы разных частей города (сюда не входит Подол, где было очень много налетов, и Плосский участок, очень мало затронута и Соломенка), на ко-

торых подверглись налетам 280 домов, в которых посещены налетчиками 836 квартир. На одних улицах налетчики посещали 1—2—3 дома, на других 10 и больше.

... Общая сумма убытков не поддается учету. Если учесть все ограбленные квартиры, принять во внимание погром и на Подоле, погромы магазинов и состоятельных людей, где сумма награбленного в одной квартире иногда достигала сотен тысяч рублей, то общая сумма может дойти до 100 миллионов рублей и более.

(Из материалов ЕКОПО — Евр. Комитета Помощи жертвам войны и погромов; Центр. архив, Берлин).

XVIII

Нападение на Еврейскую больницу в Киеве и убийство больных

В Центральный Еврейский Комитет
помощи пострадавшим от погрома.

Маглевич Софья Николаевна*), проживающая при больнице, 22 лет, сиделка в хирургическом барাকে.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В 12 часов ночи меня разбудила женщина (еврейка), которая дежурила тогда у кровати своего больного сына. Я тогда была дежурной сиделкой и уснула в коридоре нашего барака. Разбужившая меня сказала, что стучат в двери. Я, действительно, услышала стук. Стучали очень сильно. Я испугалась и открыла двери. В коридор всыпалось 6 человек: 5 солдат и 1 офицер. Все были вооружены и пьяны. Заглянули в женскую палату и сейчас же вышли оттуда и прошли в мужскую палату. Там находились тогда: 3 русских больных, 9 евреев больных, девушка Откупчик, дежурившая у своего больного отца, и какая-то женщина (фамилии не знаю), та самая, которая разбудила меня; она дежурила

*) Христианка.

у своего больного сына. Мне велели оставаться в коридоре и не трогаться с места. Видела я следующее: из мужской палаты выбежал ко мне в коридор больной-еврей. Его нагнали разбойники, стали его тут-же бить и избитого и израненного потащили обратно в палату. Сквозь двери я видела, как его повалили на пол и стали колоть штыками. Это была первая жертва. Что дальше — я не знаю. Из коридора я слышала ужасные крики и вопли; слышала, как бьют прикладами, как колют штыками. Слышала, как кричат: «не трогайте меня, я — русский». Все это продолжалось около часу. Вдруг звонок из мужской палаты стал сильно звонить. Солдаты бросили все и быстро удалились. Я тогда вошла в палату и на полу лежало 3 убитых. Двое еще дышало (они скончались на следующий день). Кроме этого я застала сильно избитой женщину, которая дежурила у своего сына.

Киев, 31-го октября 1919 г.

Имена убитых в больнице: Нульман, Бергольц, Бураковский, Руденко и Кровинский; тяжело ранен Гусековский и еще один.

(Из материалов Юридического бюро Центр. Евр. Комитета помощи погромленным, в Киеве).

XIX

Об отношении военных властей в Киеве к задержанным погромщикам

Г. Приставу Подольской части.
Старшего Помощника Пристава С к о р о х о д а

РАППОРТ.

5 сего октября днем на квартиру еврея Лейзера Шлемова Мошинского, живущего по Верхнему Валу, в доме № 32, четырьмя солдатами было произведено вооруженное нападение, причем ограблены деньги, золотые и серебрянные вещи, а затем

после ограбления этой квартиры был произведен выстрел из винтовки, которым ранены: Лейзер Мошинский, его жена Райца и квартирант Исаак Губенко. Совершив ограбление, солдаты эти направились в другие еврейские квартиры в том же доме, где также ограбили деньги. О случае было сообщено по телефону в Управление части. Прибыв на место происшествия с нарядом стражников и Надзирателем Куценко, мною были задержаны три солдата; четвертый успел уйти до прибытия стражи. При них оказались ограбленные вещи и деньги, около 50.000 рублей. Дознания произвести на месте не представилось возможности, так как были получены сведения, что в части войск, к которой принадлежат задержанные солдаты, отправился один из товарищей, чтобы явиться сюда с большими силами с целью освобождения арестованных и расправы с задержавшими их чинами Государственной Стражи. В виду такого положения, я препроводил всех арестованных к коменданту Подольского района, где сдал их и все отобранные от них деньги и вещи Помощнику Коменданта (сам Комендант отсутствовал), которому доложил об обстоятельствах ограбления и задержания.

Впоследствии мною дознано, что арестованные солдаты, вскоре после доставления их в Комендатуру, были освобождены.

Донося об изложенном, докладываю, что при таких условиях чины Государственной Стражи лишены какой-бы то ни было возможности бороться с принявшими массовый характер вооруженными ограблениями, производимыми воинскими чинами.

Старший Помощник Пристава Скороход.

6-го Октября 1919 г.

Приписка (Скорохода):

«Помощник Коменданта конфиденциально, в виде совета, сказал мне, что задержание воинских чинов при таких случаях может вызвать неприятные для Стражи эксцессы и потому рекомендовал от этого воздержаться».

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин).

XX

О «еврейской стрельбе» в добровольческие войска в Киеве

Газеты «Киевлянин» и «Вечерние Огни»
о «еврейской стрельбе».

«1-4 октября в Киеве.

... Вечером Богунский и Таращанский полки (большевики) заняли район Еврейского базара и часть Бибиковского бульвара. Им усердно содействовало местное еврейское население, открывшее беспорядочную стрельбу по отходящим Добровольческим частям. Особенно активное участие принимали выпущенные при вступлении в город большевиками из тюрем свыше 1.000 коммунистов, а также боевые организации еврейских партий, так называемая самооборона, имевшие в своем распоряжении пулеметы и ручные гранаты.

... Поймано и расстреляно множество шпионов, а также коммунистов, в том числе и еврей, стрелявший из пулемета с Никольской церкви, убивший 15 офицеров; врач-венеролог еврей Грубер, стрелявший из дома по Лютеранской улице; две еврейки, сообщавшие по тайному телефону, установленному на крыше дома, сведения о передвижениях Добровольческих частей, и десятки других евреев и евреек, пойманных с пулеметами и ручными бомбами.

... Благодаря массовому участию евреев в наступлении на Киев, а также благодаря деятельной поддержке красных со стороны местного еврейского населения, зарегистрированным возмутительным случаям стрельбы из засад и разным видам шпионажа, — среди христианского населения царит с трудом сдерживаемое властями негодование».

(«Киевлянин», № 35, от 6-го октября 1919 г., передов. статья).

«Красные в Киеве.

... Красным содействовали некоторые части местного населения, открывшие стрельбу из окон по отходящим нашим вой-

скам. Стреляли оставшиеся в Киеве коммунисты и выпущенные из тюрем в числе 1.700 человек, арестованные контр-разведкой, а также боевые организации еврейских партий, так называемая самооборона, имевшая в своем распоряжении даже пулеметы и ручные гранаты.

Зарегистрированы пока следующие случаи стрельбы по нашим войскам из домов (идет перечисление ряда таких домов, с прибавлением: «и тут-же расстреляны стрелявшие по добровольцам две еврейки», «на месте преступления убито четыре еврейки», «стрелявшие евреи расстреляны на месте»).

... В некоторых районах евреи обливали наши войска кипятком.

... В виду того, что стрельба по нашим войскам производилась преимущественно евреями, в войсках и русском населении создалось настроение против всего еврейского населения. К счастью, это озлобление ни в какие реальные формы не вылилось»...

(«Вечерние Огни», Киев, № 38, от 5 окт. 1919, экстр. вып.).

«Выстрелы в спину»

... Во вчерашнем и сегодняшнем выпусках нашей газеты мы привели целый ряд данных, основанных на официальных источниках. Эти данные говорят сами за себя и комментировать их не приходится. Тем господам, которым будет угодно упрекнуть нас в погромной агитации, мы ответим: погромную агитацию ведем не мы. Погромы вызываются поведением наиболее активной части еврейского населения — еврейской молодежи, на три четверти состоящей из коммунистов... С анти-государственным элементом возродившаяся Россия справится и без погромов».

(«Вечерние Огни», Киев, № 40, от 6-го октября 1919 года).

XXI

Официальный циркуляр о стрельбе

Из Отдела Пропанды.

Копия телеграммы

Ирпень Освагу, Клавдиево Освагу, Фастов Освагу, Бровары
Освагу, Лубны Освагу, Смела Освагу, Чернигов Освагу

Купеша

Циркулярно

Пресс Бюро 6 октября № 17.

Выяснении неизбежности очищения части Киева, кроме Печерска, отхода обозов, отъезда гражданских, военных властей. Через цепной мост направление Дарницю двинулась толпа Киевлян, общее число которых доходило до 60 тысяч. Среди беженцев: Митрополит Антоний, Священники, Монахи, Чиновники, Профессора, Женщины и дети. Занятии (занятию?) Богунским Красным полком частей Киева содействовало местное еврейское население, открывшее беспорядочную стрельбу по отходящим Добровольцам. Особенно активное участие при вступлении большевиков принимали выпущенные последними из тюрьмы свыше 1000 коммунистов, Боевые организации еврейских партий, стрелявшие из пулеметов, винтовок, бросавшие ручные гранаты, обливавшие добровольцев кипятком. По занятии Киева красные начали грабежи и погромы. Ужасы усиливались отсутствием электричества и воды. Силы занявших Киев большевиков определялись 5000 штыков. Их пришлось вытеснить 3-4 раза меньшему количеству Добровольцев, которые, стремительно наступая, выбивали красных, сдававших каждую пядь города, упорно сопротивляясь. Жаркие бои продолжались пол дня. 2 на 3 октября всю ночь и весь день 4 утром большевики с громадными для них потерями были повсеместно отодвинуты за окрестности Киева, откуда продолжали отстреливаться. 5 октября наши части выбили последние разрозненные деморализованные отряды красных и отогнали их к Ирпень. Благодаря массовому участию евреев наступлении Киев, так же деятельной поддержке красных сто-

рон (со стороны?) части местного еврейского населения, зарегистрированным возмутительным случаем стрельбы, засад, разным видов шпионажа. Среди христианского населения царит с трудом сдерживаемое властями негодование. 5 октября происходили патриотические демонстрации, овации населения адресу Добрармии. Сегодня служились всенародные молебны на площадях с крестными ходами.

Подпись: Начальник Информационной части
Лазаревский

С подлинным верно: подпись командира Государственной Стражи Остерского уезда

Старший помощник Поручик Мяч
Надворный советник Ив. Зенченко.

(Печатный экземпляр хранится в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин; см. фотогр. снимок).

Объяснение к документу:

Печатаемая выше — с сохранением стиля подлинника*) — циркулярная телеграмма Отдела Пропаганды Добрармии была разослана из Киева, как это видно из текста, в 7 различных пунктов Киевской, Полтавской и Черниговской губ. Мы воспроизводим экземпляр, дошедший до города Остер, Черниговской губ. Местная власть в Остре выпустила эту телеграмму в виде печатного листка и собиралась расклеить по городу. Тогда представители еврейского населения обратились к местной власти, к приставу Зенченко, с просьбой не расклеивать воззвания, ибо это неминуемо поведет к погрому. При этом был сделан намек, что евреи готовы внести денежное вознаграждение. Пристав ответил, что он, к сожалению, не может не расклеить воззвания, так как смотрит на него, как на приказ высших военных властей, но он обещает, что никаких эксцессов не допустит.

Документ этот был по городу расклеен. Но погрома, благодаря принятым мерам, тогда не произошло.

*) По техническим соображениям печатаем этот документ, — как и все прочие, — по новой орфографии.

XXII

Расследование русскими общественными организациями случаев «еврейской стрельбы»

«Граждане!

В городе не прекращается погромная агитация. Каждый сознательный человек должен сделать все для борьбы с ней.

Не верьте слухам, требуйте фактов, изобличайте лжецов, разубеждайте слепых и темных, сделайте все для спасения жизни мирного населения.

Бюро Лиги Борьбы с антисемитизмом, состоящей при Киевском Областном Комитете Всероссийского Союза Городов, в составе представителей ряда нижеподписавшихся Общественных организаций, в заседании своем, состоявшемся 6 октября с. г., постановило в срочном порядке через специально избранных им представителей общественных организаций произвести расследование о всех случаях обстрела Добровольческой Армии из домов, указанных в №№ 38, 39 и 40 газеты «Вечерние Огни». В результате тщательного обследования на местах оказалось:

1) Столыпинская д. д. 36-38. Маленький старый особняк. По сообщению «Вечерних Огней» из всех окон стреляли по партизанскому отряду студентов. Домовым Комитетом послано опровержение в «Вечерние Огни»; опровержение напечатано в роде заметки, в искаженном виде, с прибавкой сообщения, которого не было в письме Домового Комитета, о стрельбе по отряду «из соседних и противоположных домов». Был же следующий инцидент: к дому подошли грабители в военной форме, якобы для производства обыска — из этого дома их направили в дом № 53, где будто-бы был случай сигнализации. Грабители вернулись с заявлением — «жидов там нет»... и ограбили лавочника в доме № 38.

Квартиры, выходящие на улицу, заняты русскими, стрельбы из дома не было, и подобного обвинения Домовому Комитету никто не предъявлял—узнали о «стрельбе» из «Вечерних Огней».

2) Столыпинская д. № 40. Из дома никакой стрельбы не было. Из «противоположных домов» № 47 был пуст, во время обстрела жильцы скрывались в д. № 40.

3) Из д. № 45 по Столыпинской ул. Никакой «пулеметной» стрельбы не было.

Жители возмущены обвинением «Вечерних Огней». В доме живут большей частью польские, русские помещики, Член Окружного Суда, и вообще представители слоев, отношения к большевизму не имеющих.

Во всей усадьбе дома живет один еврей — дирижер Скоморовский, во втором флигеле во дворе.

4) Из дома № 90 по Столыпинской ул. Стрельбы не было. Не имел места также «расстрел трех евреев», стрелявших будто-бы из указанного дома, как сообщают «Вечерние Огни»; послано опровержение, но помещено не было.

Обследование произвели: Дмитрий Чижевский (Профес. Союз), Петр Кониовский — Секретарь Киевского Областного Комитета Всероссийского Союза Городов.

5) Фундуклеевская 12. В «Вечерних Огнях» напечатано: «из окон верхних этажей, Фундуклеевская 12, где проживает доктор, была открыта по добровольцам беспощадная пулеметная стрельба; на месте преступления убито 4 еврейки». Из опросов жены швейцара и прислуг (жильцов в данное время нет) выяснилось, что им неизвестен случай стрельбы из окон дома. Никаких евреев в доме расстреляно не было. Была убита одна прислуга этого дома на улице у дома № 12, во время перестрелки вдоль улицы. О стрельбе из окон они узнали из газет «Вечерние Огни».

6) Фундуклеевская 19. Из опроса дворника установлено, что никакой стрельбы из этого дома не было.

7) Фундуклеевская 32. По утверждению швейцара дома, все время охранявшего дом, выяснено, что в этом доме не только никто не был расстрелян за стрельбу по Добровольче-

ской Армии, но был установлен Добровольческой Армией наблюдательный пункт. У парадного дома были установлены Добровольцами пулеметы, отражавшие наступление большевиков.

Обследователи: Романов (Ц. Б. Проф. Союз.), Гортынский (Заведующий Городской Биржей Труда).

8) По Николаевской ул. д. — 17 кв. 15. Занята христианами Бондаревской и Холодовыми. Окна квартиры заклеены и в последние дни не раскрывались. Никаких выстрелов из квартиры не было, никто арестован и расстрелян в квартире из живущих в этом доме не был. О заметке «Вечерние Огни» они впервые узнали от обследующего их квартиры и сильно были ею возмущены.

9) Лютеранская 25. По Лютеранской ул. около указанного дома никакие Добровольческие войска не проходили и не отступали. Только один раз пробежали по Кругло-Университетской большевики. Никаких выстрелов из указанного дома и квартиры, занимаемой доктором Гублером*), не было. Указанные в заметке врач Гублер и Бродский находятся сейчас в Киеве. Никто из них не расстрелян и не бежал, никаким преследованиям не подвергались со стороны властей, в виду абсурдности и лживости указанной заметки «Вечерние Огни». (Свидетели д-р Гончаруков и др.).

Обследовали: Протоиерей Агеев (Всероссийский Земский Союз) и Патканова-Кронковская (Союз домашних воспитателей и частных учителей).

10) Бульварно-Кудрявская № 7. Бомба из дома брошена не была.

11) Уг. Павловской и Тургеневской. Многие жители дома, а также содержатель магазина на этом углу показали, что случая облития серной кислотой не наблюдали.

После заметки «Вечерние Огни» в доме № 37 арестовали одного еврея, но так как за него поручилось все христианское население — его отпустили.

*) Гублером?

12) «3-го Октября в отряд Государственной стражи на углу Подвальной и Театральной брошен бомба» — сообщает «Вечерние Огни».

В квартире № 8 — окна которой выходят на улицу — живут г. г. Перк (немцы), в квартире № 9 — г. Осмоловский. Никто даже не слышал взрыва бомбы. Дворник подтверждает то же.

Обследование производила Патканова-Кронковская.

13) Из д. 18 по Крещатику. 3-го Октября -- сообщают «Вечерние Огни» — будто бы с крыши стреляли из пулемет 4 еврея и один русский, которые были сняты с крыши и расстреляны.

Дом № 18 по Крещатику оказывается «Киевской Городской Думой».

По этому поводу комитетом курьеров отправлено письмо в редакцию «Вечерние Огни», из коего видно, что еще 2-го числа на Думском балконе был Волчанским отрядом водружен Русский Национальный Флаг и того же числа в Думе уже работал питательный пункт, поэтому не могло быть такого положения, чтобы 3-го стреляли из пулемета с крыши Дома. С ясностью вытекает из всего вышеизложенного вся лживость сообщения «Вечерних Огней»

Вот факты! Говорите о них! Кричите о них! Граждане! Честные люди, это Ваш долг, Ваша человеческая обязанность!

Бюро Лиги Борьбы с антисемитизмом при Киевском Областном Комитете Всероссийского Союза Городов, в составе представителей от:

Киевский Областной Комитет Всероссийского Союза Городов.

Всероссийский Земский Союз.

Национальное Объединение.

Национальный Центр.

Союз Возрождения России.

Киевский Совет Профессиональных Союзов.

Союз учителей школьных и домашних.

Союз Врачей.

Союз Техников.

Союз журналистов.
Международный Красный Крест.
Комитет Помощи пострадавшим от погромов при
Российском Красном Кресте.
Общество Истинной Свободы Имени Л. Толстого.
Центральное Бюро кооперативных объединений.
Общество «Разума и Совести».

(Печатный экземпляр хранится в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин; см. дальше фотогр. снимок).

XXVII

Неразрешение бюллетеней «Лиги Борьбы с антисемитизмом»

У. В. Д.
при Главнокомандующем
Вооруженными Силами
на юге России
Управление
Киевского Градоначальника
Местное Самоуправление   В Киевский Областной Комитет
31 октября 1919 г. № 39   Всероссийского Союза Городов.

В ответ на ходатайство Всероссийского Союза Городов от 14-го сего октября по вопросу о разрешении издания неперIODического «Бюллетеня Лиги Борьбы с антисемитизмом», сообщаю Комитету, что, в виду переживаемого страной тревожного времени и той обстановки, в которой ныне находится территория, подчиненная Главнокомандующему вооруженными силами на юге России, Главнокомандующий Киевской областью не признал возможным удовлетворить означенное выше ходатайство Союза, полагая, что общественные организации в настоящее время должны уже стать на путь деловой работы и прекратить разрушившие

страну раздоры, совершенно недопустимые в теперешних переживаемых страной условиях.

Исп. д. об. Градоначальника (подпись)

За начальника отдела (подпись)

С подлинным верно:

Делопроизводитель Киевского Областного Комитета Союза Городов (подпись)

(Центральный архив материалов о погромах, Берлин; отдел документов).

XXIII

В. Шульгин о Киевском погроме

«Пытка страхом»

По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душу раздирающий вопль.

Это кричат «жиды». Кричат от страха. В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся «людей со штыками» и, завидев их, огромные многоэтажные дома начинают выть с верху до низу. Целые улицы, охваченные смертельным ужасом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за жизнь.

Жутко слушать эти голоса послереволюционной ночи. Конечно, страх этот преувеличен и приобретает с нашей точки зрения нелепые и унижительные формы. Но все же это подлинный ужас, настоящая — «пытка страхом», которой подвержено все еврейское население.

Власть, поскольку это в ее силах, борется за то, чтобы не допустить убийства и грабежей. Русское-же население, прислушиваясь к этим ужасным воплям, исторгнутым «пыткой страха», думает свою думу.

Оно думает о том, научатся ли в эти страшные ночи евреи чемунибудь?

Поймут ли они, что значит разрушать государства, не им созданные?

24
к1
520

11/11

Изъ Отдѣла Пропаганды
Копія телеграммы

Ирпень Освагу Клардеев Освагу
Бровары Освагу Душны Освагу
Чернигов Освагу

РУПЕША ЦИРКУЛЯРНО

Прессе Бюро 6 октября № 47.

Вследствии необходимости, ввиду части Киева
кроме Печерева, отхода войск, отъезда гражда-
ских, военных властей. Черезъ ивний постъ на
правление Дарнину двинулась толпа Киевлянъ, чис-
лене число которыхъ доходило до 600 человекъ. Среди
объясненъ: Митрополитъ Антоний, Савиенкии, Ма-
нахи, Чанавники, Профессора, Женщины и др.
Занятии Болунский Красный полковъ частей Ко-
ева содѣйствовало истинное Еврейское население, от-
крывшее безпричинную стрельбу на отходившихъ
Добровольцевъ. Особенное активное участие при-
ступившимъ большевикамъ принимали вынужденные
последними изъ тюрьмы свыше 1000 коммунистовъ,
среди организации еврейскихъ партій, стрелявшие
изъ пулеметовъ, винтовокъ, бросавшие ручные гра-
даты обливавшие добровольцевъ вишневымъ
Ужасы усиливались отсутствиемъ электричества и
воды. Силы занявшихъ Киевъ большевиковъ опре-
дѣлились 5000 штыковъ. Ихъ пришлось вытиснуть 5-4
тогда меньшему количеству Добровольцевъ, которые
стремительно наступая выбивали красныхъ, сдвигав-
шихъ каждую пядь города, убито — сиротвилась
Жарне бол продолжалась ночь дня. 2 на 3 октября
вою ночь и весь день 4 утрое большевики съ ро-
кадьями для нихъ потери были немалыи ото-
двинуты за окрестности Киева, откуда продолжал
отстраиваться. 5 октября наци части выбили пос-
лѣднія разрозненныя деморализованныя отряды крас-
ныхъ и отогнали ихъ къ Ирпеню. Благодаря массо-
вому участию евреевъ, наступлении Киевъ такъ же
тѣлательной поддержкой красныхъ стороны, часть ив-
стнаго еврейскаго населения зареєстрированнымъ
возмутительнымъ случаемъ стрельбы, засавъ гра-
даты и вдовъ шпенажъ. Среди христианскаго насе-
ления царитъ съ грудомъ сдерживаемое властями
негодование. 5 октября происходили патристическіи
демонстрации, ованіи населенія адресу Добровольцевъ
сегодня служили всенародные молебны на чаша-
дахъ съ крестными ходами.

Подпись: Начальникъ Информационнаго
части ДАЗА

Подлиннымъ верно
Командиръ Государствен. Службъ
Службъ, олозины Паша
Надлежащ...

Циркулярная телеграмма Отдела Пропаганды при Д. А. о «еврейской стрельбе» (см. стр. 361)

Поймут ли они, что значит добывать равноправие какой угодно ценой?

Поймут ли они, что значит по рецепту «великого учителя» «Карла Маркса» натравливать класс на класс?

Поймут ли они, что такое социалисты, из лона коих вышли большевики?

Поймут ли они, что такое в России осуществление принципа народовластия?

Поймут ли они, что им надо делать сейчас?

Будут ли во всех еврейских синагогах всенародно прокляты все те евреи, которые приложили руку к смуте? Отречется ли толпа еврейского населения с той-же страстностью, с какой она напала на «старый режим», от создателей «нового»? Будет ли еврейство, бия себя в грудь и посылая пеплом главу, всенародно каяться в том, что сыны Израиля приняли такое роковое участие в большевистском бесновании?

Будет ли основана еврейская лига борьбы с социализмом?

Или же все останется по старому, и после страшных ночей, проведенных в смертельном ужасе, попрежнему будет создаваться «лига борьбы с антисемитизмом», своим нелепым отрицанием совершенно явных фактов разжигающая антисемитские чувства.

Перед евреями две дороги:

Первая — признать и покаяться.

Вторая — отрицать и обвинять всех, кроме самих себя.

От того, какой дорогой они пойдут — будет зависеть их судьба.

Ужели же и «пытка страхом» не укажет им верного пути?

В. Шульгин

(«Киевлянин», № 37, от 8-го октября 1919 г.).

XXIV

Протесты против погромов

1

«Братья христиане!

Совершается злое и страшное для христианской совести дело, забываются великие заветы Христа о любви и мире, попирается правда божественная, и снова на земле нашей льется кровь человеческая: стоны и слезы людские снова терзают слух наш и доходят до Господа Бога. По градам, селам и деревням страны нашей кровавой волной разливаются еврейские погромы. Убивают стариков, насилюют и убивают женщин, не жалеют даже маленьких грудных детей, детей, которых так любил и благословлял Христос... Грабят, жгут, разоряют, проливают кровь, как воду, смеются над слезами, жестокосердствуют и ненавидят...

... Зачем же снова льется кровь? Зачем так мало благодарности в душах наших? Зачем омрачаем мы праздник мира, истинной свободы и воскресшего человеческого достоинства? Мы люди, а не звери. Так будем же людьми!

... Братья христиане, братья граждане! Все чистое и святое, что только есть в душе человеческой, и Бог, и совесть, и родина, и свобода, и честь, и достоинство, и любовь, и правда, и колокольный звон храмов наших, и призывы общественных деятелей — друзей народа, все, все говорит вам:

— Довольно крови! Довольно погромов! К мирной работе! К великому строительству родины!

Киевское Религиозно-философское Общество.

Издание Киевского Областного Комитета Союза Возрождения России, № 6 (Банковая 3)

Расклеено по Киеву в октябре 1919 г.

(Печатный экземпляр хранится в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин; дано в извл.; см. дальше фотогр. снимок).

Киевский Совет
Рабочих Профессиональных Союзов *).

Членам всех Профессиональных Союзов.

Циркулярно.

Мы переживаем страшные дни. Это до Киева докатывается та волна небывалых еврейских погромов, кровавых, жестоких и звережих, которая вот уже много недель и месяцев заливает собою всю Украину. В течение этих месяцев каждый день приносил нам новые известия о продолжающемся кровавом уничтожении целого народа и гибели все новых и новых тысяч невинных жертв; беззащитных женщин и детей, старцев и полных сил юношей, расстрелянных или зарубленных шашками, растерзанных на части, похороненных под пеплом сожженных сел и городов; о насилиях над девушками, об ограблениях не только живых, но и трупов. Теперь этот позор переживает и Киев. Пользуясь провокационными клеветническими наветами, свободно распространяемыми даже в печати, о поддержке большевистского наступления евреями, темные элементы городского населения, деморализованные солдаты-мародеры (что установлено официальными приказами) среди белого дня врываются в дома, облагают еврейское население сотысячными контрибуциями, отнимают последнюю рубашку, чинят убийства и всевозможные издевательства.

... В этот страшный момент Киевский Совет Профессиональных Союзов обращается ко всем ослепленным со страстным призывом. Товарищи, неужели вы не видите, что своими руками вы вновь сковываете Ваши собственные, так недавно разорванные цепи, что Вы являетесь слепым орудием в руках Ваших злейших врагов? Не на кровавом пути погромов и убийств десятков тысяч невинных людей лежит путь к освобождению от Ваших поистине неслыханных страданий последних лет, но на пути сплочения Ва-

*) Совет раб. проф. союзов в Киеве образовался заново после ухода Советской власти; в нем большевики не были представлены.

ших рядов в борьбе за сохранение всего, что принесла Вам Великая Февральская Революция 1917 года.

Центральное Бюро Киевского Совета Профсоюзных Союзов.

Разослано циркулярно в октябре 1919 г. в Киеве.

(Печатный экземпляр хранится в Центральном архиве материалов о погромах, Берлин; дано в извл.).

XXV

Погром в м. Кривое Озеро (Балтского уезда, Подольской губ.)

ДОКЛАД

Комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от погрома в м. Кривое Озеро, при Одесском Губсобрее*).

22-го декабря прибыла в м. Кривое Озеро группа вооруженных людей в 13 человек, которые назвали себя разведкой большого денкинского отряда в две с половиной тысячи человек. Эта разведка, как только прибыла, вручила представителям еврейской общины документ следующего содержания:

«Криво-Озерскому еврейскому населению.

В борьбе Добармии с большевиками евреи ничем не помогли: ни живой силой, ни деньгами. Посему, нуждаясь в деньгах для расплаты с крестьянами, я предлагаю вручить командируемому при сем офицеру не позже 12 часов дня 24 с./м. — 350.000 р. и 25 пар сапог.

Начальник Волчанского партизанского отряда Деконский.

Деревня Слюсареве. (Печать Волчанского партизанского отряда)».

*) Обследование погрома произведено И. Клиновым, бывш. инструктором Историко-Информационной комиссии при Одесском Губсобрее. И. Клинов, ныне проживающий в Берлине, известный евр. журналист и видный сионистский деятель, в 1919—1920 г.г. проживал в Одессе и собирал материалы для Историко-Информационной Комиссии.

... В тот-же день, разъезжая по улицам местечка, командир отряда позвал к себе представителей еврейского общества и угрожающим тоном заявил, чтобы к часу этого же дня было доставлено 200.000 рублей контрибуции, иначе будет плохо, причем добавил, что в Саврани, где еврейское общество не выполнило его требований, половина местечка вырезана, а половина разграблена, — и предложил им сделать соответствующие выводы. Представители общества опять указали на невозможность выполнения этого требования в течение чуть ли не одного часа и просили отсрочить до вечера. Вечером была внесена сумма в 180.000 рублей коменданту отряда и нескольким офицерам, явившимся за контрибуцией в дом местного богача Берковича. Остальные двадцать тысяч комендант охотно согласился получить на следующее утро. Несмотря на заверения командира отряда и других офицеров, что все будет спокойно, уже с первого момента прихода отряда в местечко начались грабежи, и в первый-же день была вырезана солдатами семья Теплицкого (жена и двое детей). В доме Берковича, в котором производилась уплата контрибуции, собралось человек 40 евреев, так как считали этот дом наиболее безопасным, потому что в нем велись переговоры с представителями отряда. Как только ушли комендант и представители еврейского общества, ворвались человек 5-6 солдат. Все бывшие в доме выбежали на балкон и подняли крик о помощи. Солдаты этим не смутились, приставили лестницу к балкону и начали стрелять в кричавших. Все успели забежать в дом и спрятались, кто где мог. Солдаты, ворвавшись в дом, требовали денег николаевских, золота, драгоценностей. За отказ начали избивать всех. На Берковича указали, что он миллионер. Его подвешивали три раза на веревке, избили его жену, ограбили все драгоценности, деньги. В спальне была женщина, ее изнасиловали при всех и избили (Т., 22 года, беременная). В этот же день началась открытая вакханалия убийства, грабежа и издевательства.

... Погром носил исключительно военный характер: в убийствах, зверствах и издевательствах принимали участие преимущественно солдаты, офицеры — и особенно офицеры... Офицеры руководили солдатами при большинстве убийств. Они же совершили первое убийство семьи Теплицкого, по показаниям главы

семьи. Зверства и убийства носили исключительно и определенно паталогический характер.

... В среду 25 декабря, в час дня, солдаты и офицеры стали разбивать магазины, рыскали в домах, вытаскивали евреев, спрятавшихся в погребах, чердаках и клоаках, требовали у них денег, издевались над ними и убивали. В эту среду, ночью, деникинцы нашли на чердаке дома Берковича хозяина 87 лет, Ш. Хирика и П. Б. Барнацкого. Сначала всех избили, затем заставили Хирика и П. Б. «танцевать на животе». Заставили этих же двоих придержать Берковича за руки, а сами избивали его шашкой. Б. умолял о пуле. «Пули не дадим, мы мучить желаем», -- был ответ. Б. пытали гвоздями, тупыми ножами. Под рукой убийц он тут-же умер. Гольдентулер, 78 лет, кладбищенский староста, одев «талес» и филактерии, думал найти убежище у сторожа кладбища. Добровольцы его поймали, смазали бороду маслом, подожгли, по рукам рубили шашками, чтобы он не тушил. Раздели голым, подвели его к речке, на ремнях спустили на лед и некоторое время тащили его голым по льду. Вытащили обратно, били, заставили петь «яблочко». Он взмолился перед мучителями и предложил им дать золото у себя дома. Его повели в центральное место местечка, но здесь он им сказал, что никакого золота у него нет, но если убивать они его желают, то пусть это будет здесь, а не на окраине. Проходившие офицеры прикрикнули на солдат и велели отпустить Г. Старик с трудом добрался до ближайшего дома, успел написать завещание и скончался. Труп Г., благодаря морозу, сохранился, как и многие другие, в течение 5-ти недель, когда лишь представилась возможность хоронить.

В эту же ночь нашли деникинцы М. Клеймана, его сына и Ш. Бланка. Избили, заставили найти веревку, привязали ее к шее Клеймана, заставили сына и другого еврея тащить два конца веревки в разные стороны. Если те плохо это делали, избивали их шашками. Подожгли бороду Клейману и сказали: «Вот теперь тебе подобает быть комиссаром, а то что за комиссар с бородой?» Затем отрубили кисти рук, изрубили ноги. Он тут же умер. М. Фельдману отрубили нос, уши, выбили зубы, отрезали половой орган, зарубили. К М. ворвались солдаты и офицер и пытались изнасиловать его замужнюю дочь. М. обратился к ним с про-

поведью христианской морали и с убеждением не трогать их. Солдаты заколебались, тогда офицер велел отрубить зятю М. пальцы. Солдат отказался. Офицер с бранью напомнил ему о приказе начальства не щадить никого из жидов, никого — от младенца до старика. Пальцы были отрублены при участии офицера. Дочь изнасилована и затем все изрублены и съедены собаками. Все были похоронены в одном мешечке. И таких фактов с некоторыми вариациями издевательств много, очень много.

... В одном доме застали 4-х девочек от 12 до 15 лет. Велели хозяйке этого дома, матери одной из девушек, никуда не выходить с детьми из дому, и в течение всего погрома деникинцы по несколько человек приходили насиловать девушек. Многих девушек деникинцы забирали к себе, насиловали ... Так продолжалось две недели.

... В это время Деконский покинул отряд и уехал из местечка. Говорят, что он был вызван к начальству для объяснений по поводу зверств. Но несмотря на это, оставшееся начальство, очевидно, разрешило продолжать погром. Погром продолжался. Продолжались ужасы. Те, кто не успели удрать в деревни, ждали своей смерти. Матери, обезумевшие от ужаса, при приближении деникинцев, душили своих детей ... Так, Ф. К., спрятавшись в погребке, задушила своего ребенка, чувствуя, что благодаря его плачу они погибнут от руки деникинцев.

В течение последних двух недель погрома приняли участие и крестьяне, поощряемые к этому деникинцами и по собственной инициативе ... Вообще же отношение крестьян к погрому выразилось в следующем. Если 50% из ближайших сел грабило, то очень много также и укрывало у себя и кормило по несколько еврейских семейств.

Были случаи, когда крестьяне, укрывающие у себя евреев, ездили в то же время грабить. Были также случаи, когда крестьяне ездили за имуществом скрывающихся для того, чтобы его спасти ... Что касается отдельных представителей крестьянского общества, то их отношение к погрому было вполне отрицательное. Больше того. Два раза представители крестьян Григорий Дунский, Борусевич и др. участвовали в делегации в целях прекраще-

ния погрома; крестьянин Рогачевский, открыто выразивший свое презрение погромщикам, был разграблен деникинцами.

... Количество похороненных трупов с точностью выяснено: около 400, по списку, при сем прилагаемому за № 1. Похоронено отдельных черепов 36, затем отдельных костей несколько мешков, останков съеденных собаками — около 100.

Точное количество убитых не выяснено до сих пор. В бытность нашу в Кривом Озере мы были свидетелями обнаружения отдельных черепов и отдельных частей. Число раненных и пострадавших от отморожения, по сведениям тамошних врачей и жителей, достигало до 1000 человек; 50% из них умерло, многие к приезду комиссии были отправлены в ближайшие уездные города для операции, но и из них значительная часть умерла. Ежедневно умирает от 6 до 10 человек.

Благодаря истощению организма укрывавшихся от погрома и из за отсутствия белья (были случаи, когда оно не менялось 6 недель) усилилась среди оставшегося населения эпидемия сыпного и возвратного тифа. Больных насчитывается в настоящее время более 1000 человек. Нет дома, где не было бы 1-2 или более больных тифом...

Одесса.

Председатель Комиссии — А. Либерзон.

Секретарь — Волков.

Инструктор Одесского Губсобеа — И. Клинов.

(Из материалов Историко-Информационной комиссии при Губсобеа в Одессе извлеч. Центральный архив, Берлин).

XXVI

Погромы в м. Томашполе (Подольской губ., Ямпольского уезда)

В Киевский Красный Крест, отдел помощи погромленным.

Томашпольского Комитета помощи погромленным

ДОКЛАД.

Первые добровольческие части вошли в м-ко в с е н т я б р е 1919 г. Начались бесконечные требования от еврейского населения, даже таких предметов и продуктов, которых евреи не только

не имели, но и достать не могли, как овес, сено, свиное сало. Удалось после усиленных просьб перейти на деньги, но это благополучие продолжалось не более 2-3 дней. Вошел 2-ой Конный Кубанский Лабинский полк, и деньги не помогли; начался полный, страшный погром м-ка. В м-ке, где имеется около 1000 еврейских домов и свыше 5000 еврейского населения, осталось нетронутыми 10-15 дворов. Грабили весь день и всю ночь без перерыва, — партиями по 5, 6, 7, 8 и 10 человек, и один и тот же дом подвергался разгрому по 3-4 раза в одну ночь. Не только брали вещи, но и разбивали обстановку, били зеркала, взрывали полы, ища «секретов»; награбленное свозилось во дворы, где были расположены воинские части, и тут продавались окрестным крестьянам, которые тут же принимали самое деятельное участие в погроме, сопровождая громил по еврейским квартирам. Лабинский полк, производивший все эти грабежи, и оставшийся в м-ке на дневку, и не думал уходить. Так жили евреи в этой атмосфере, не смея днем выйти на улицу, а ночью подвергаясь повторным насилиям в течение 4-5 дней.

В первый же день вечером, когда разгром принял систематический характер, к командиру полка отправилась депутация из трех лиц (2 еврея и 1 православный, бывший офицер русской армии) с просьбой дать патруль и прекратить ужасы. Командир полка был сильно пьян, а обращение к коменданту, к которому командир направил депутацию о прекращении грабежа, абсолютно ни к чему не привело. Командир едва держался на ногах, отмахивался руками и отсылал к коменданту, а этот говорил, что нездоров и «должен лечь спать».

... Тогда решено было отправить депутацию в Вапнярку, где находился командующий всей группой войск, генерал Розеншильд фон Паулин. Настаивал на отправлении депутации проезжавший через м-ко офицер Симферопольского полка, предложивший сделать в Вапнярке доклад о происходящих и не прекращающихся ужасах. Поехала депутация из двух человек, оба русские (один — томашполец, второй — офицер Симферопольского полка). Депутация добилась успеха; через день прибыла сессия военно-полевого суда. Начальство Лабинского полка позвало несколько евреев и потребовало удостоверения, что не солдаты Лабинского

полка производили грабеж и погром. Евреи никаких удостоверений не дали. Председатель военно-полевого суда в частной беседе советовал не винить добровольческих частей и быть осторожными в даче показаний.

Решено было не выдавать никого, но обрисовать полную картину всех ужасов. Заседал суд в помещении волости, в местечке. Но по дороге туда солдаты открыли стрельбу — правда в воздух, крича: «Жида, ворочайся, а то убьем», так что всего давали показания человек 15-20, а остальные попрятались и, избитые и раненные, не видали суда. Суд пробыл два дня, частным образом председатель объявил, что суд приговорил громил к смертной казни, но казнь будет произведена не в Томашполе, а в Вапнярке, чтобы не озлоблять солдат. Обыск, произведенный судом в солдатских подводах, был просто смешен . . . Тут же находившиеся солдаты открыли сильную стрельбу в воздух, и сейчас же из других дворов началась усиленная стрельба. Обыск был немедленно прекращен и больше не возобновлялся. Но полевой суд дал пострадавшим евреям то, что грабежи прекратились, и через два дня полк ушел, а евреи начали подсчитывать свои раны, и к прежним беднякам и нищим прибавились сотни новых обездоленных . . .

20 февраля 1920 г. с утра распространились слухи о том, что конные части, главным образом казачьи, не были пропущены румынами и идут вдоль Днестра и по грунтовым дорогам к Каменцу на соединение с поляками, неся на своем пути разрушение и творя ужасы . . . С первого-же момента появления деникинских частей 20 февраля (а их прошло через м-ко около 10 тысяч чел.) начались не только грабежи и разбои, но и самые мучительные убийства. Кто из евреев не успел скрыться в доме, тот уже живым домой не пришел; начали тащить евреев на аркане, в буквальном смысле слова, начали врываться в дома, насиловать женщин, детей; есть изнасилованные по пять по шесть раз, девочки 10 лет и 70 летние старухи. Грабили все, что попадало под руку, и убивали. Была буквально пьяная и кровавая оргия, а несчастные евреи сидели по домам (удрать не успели) и ждали прибытия разбойников, которые не заставляли себя долго ждать. Ни одного дома не миновали, ни одного из тех, кто им попался

под руку, они не щадили. В каждый дом врвались эти озверевшие люди, творили свое гнусное дело. Требовали они главным образом денег, но только Николаевских, и еще больше золота, серебра и драгоценностей. Сколько им ни давали (некоторые под угрозой расстрела и под влиянием применявшихся пыток им все отдали), они все кричали, что мало, и требовали еще. Есть дома, где им отдали все; есть дома, где были так называемые «секреты», и их открыли и дали все содержимое; они после всего этого убивали, предварительно истерзав пытками свои несчастные жертвы. Пытки ими применялись самые разнообразные и самые жестокие: вырывание по волосу бороды, подвешивание по несколько раз, избивание прикладом, дубиной, резанные и колотые раны, и абсолютно все раны в голову; изнасилование женщин в присутствии родителей и мужей; после этого — убийство этих жертв. Это было буквально изощрение озверевших людей, которые никак не могли досыта напиться еврейской крови. Даже больных сыпным тифом девушек насиловали, а мужчин заставляли плясать. Многих евреев заставляли указывать богатые еврейские дома, а при отказе отрубали пальцы рук.

Эта кровавая оргия продолжалась с момента прихода добровольцев, т. е. с утра 20 февраля до 21 февраля (1920). Вплоть до самого последнего момента их ухода они еще насиловали, грабили и убивали. Они врвались в хижины с криком: «коммунист» — и убивали, они врвались в более зажиточные дома с криками: «буржуй, спекулянт» — и убивали. Недобитых одной партией, убивала другая, а раненных один раз, ранили вторично, и в третий, и в четвертый раз последующие партии. Плач, стоны, вопли могли даже и зверей тронуть, но Лабинцы (это был опять гл. образом Лабинский полк) лишь упивались жесточайшими страданиями наших братьев и сестер, отцов и матерей. В историю Лабинцы внесли еще одну кровавую страницу — погром в м. Томашполе. Ужас был так бесконечно велик, что после ухода деникинских частей оставшееся, в конце обездоленное и обнищавшее еврейское население разбежалось в панике, и в течение двух дней не было даже кому позаботиться о погребении убитых. Местечко, правда, еще не снесено до основания, еще бродят тени, но оставшиеся настолько разгромлены материально и душевно, на-

столько обнищали и не в состоянии помочь умирающим на их глазах, что нужна немедленная помощь. Тяжело раненных — до 60-ти, легко раненных — до 150-ти, а избитых много, много сотен; убитых и умерших от ран — 26.

... Ужасы Томашполя не единичны. В м. Мястковке (в 13 верстах от Томашполя) сожжено 70 домов, убито 63 еврея, ранено много сотен; местечки Джурин, Шаргород, Яруга снесены с лица земли; много сотен зверски убитых евреев и брошенных в огонь. Такова-же участь м. Лучинец и др.

Близлежащие пункты имеют свои кровавые жертвы, своих несчастных, и они, в своем безвыходном положении и горе, умоляют о помощи, вызывают к вам: помогите, пока не поздно! Такова новая страница в нашей жизни.

Томашпольский комитет помощи погромленным.

(из материалов American Joint Distribution Committee, от-дел. в Варшаве).

XXVII

Вопль отчаянья

(м. Джурин, Подольской губ.)

Пер. с др.-еврейского.

« П р и з ы в

Братья-евреи! Среди океана переживаемых нами мук и страданий, из пропасти одиночества и бессилия мы обращаемся к вам с этим призывом. Чаша наших страданий, видимо, не была еще переполнена теми испытаниями и гонениями, которые пережиты нами от Петлюры и его банд прошлым летом. Еще не успели зажить глубокие раны, нанесенные нам в течение месяца руками украинских бандитов, как на нас налетела гроза добровольческих войск.

Ни на одном языке нет тех слов, которыми можно выразить то, что пережито нами в день субботний, 2 Адара: убивали, резали, калечили, грабили, насильовали и поджигали. Представьте

себя наше положение после этих огненно-кровавых дней. Убитые и раненные, истерзанные и замученные, ограбленные и обесчещенные; стоны, нищета, голод, болезни и смерть — таковы результаты нашего разгрома.

Братья в беде! Во имя национального единства, во имя идеи братства седого Израиля, стоившей нашему древнему народу много тысяч жертв, мы обращаемся к вам с призывом: помогите!

Вы бессильны оживить павших от руки убийц, вернуть сиротам и вдовам их родителей и мужей. Но вы можете и вы обязаны накормить голодных, восстановить разрушения, успокоить стоны голодных и истерзанных.

Мы повторяем наш призыв и подчеркиваем, что вся наша надежда на вас. Война оторвала нас от больших еврейских центров — и если не вы, то кто нам поможет?

Комитет помощи погромленным в Джурине

Председатель — д-р Браинин

Члены — Раввин Дов (Бер) Шохет и Яков Гелкир

Секретарь Б. Бромберг

Д ж у р и н, 12-го Адара 1920 г.».

«Призыв» этот адресован: «К еврейским общинам, находящимся по соседству с районом Ямполья — Могилева-Подольского и не пострадавшим от нашествия денкинских войск».

(Из материалов Красн. Креста в Киеве; также Центральный архив, Берлин).

**СПИСОК ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПУНКТОВ,
ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПОГРОМОВ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ**

Киевская губерния:

Авдеевка, дер.	Казатин
Александровка (2 погрома)	Каменка
Байбусы, дер.	Канев
Богуслав (2 погрома)	Киев (ок. 500 уб.)
Боярка	Кодлубицкая-Образцовая
Буки (2 погрома)	Козин
Белая Церковь	Копачево, дер.
Белиловка	Корнин
Белозерье	Корсунь (2 погрома)
Бузовка, дер.	Лысянка
Васильков (2 погрома)	Макаров (ок. 100 убитых)
Васильев	Маньковка, дер.
Германовка	Межиречье
Городище (2 погрома)	Мокрая Калигорка
Гостомель	Монастырище (2 погрома, 121 уб.)
Гребенка, ст.	Мотовиловка, ст.
Дашев	Мошны
Дымер	Насточки
Животов	Обухов
Златополь	Ольшаницы
Игнатовка (2 погрома)	Оратово, ст.
Ильинец (2 погрома)	Орловец
Кагарлык	Паволочь

Погребище
Попельня
Потоки, дер.
Пуца Водица
Пятигоры
Ракитно
Ржищев
Рожев, кол.
Россава (2 погрома)
Ротмистровка
Рыжановка
Рыкунь, кол.
Самгородок
Сарны-Охримова (150
убитых; 70?)
Святошино
Сквира
Смела (3 погрома, около
130 уб.)
Ставище (2 погрома)
Степанцы (2 погрома; около
100 убитых)
Таганча
Тальное
Тараща
Тетиев
Торговица
Трилесье, кол.
Триполье
Фастов (2 погрома,
1300—1500 убитых)
Ходорков
Цыбулев (2 погрома)
Червленская кол.
Черкассы (2 погрома, 241
убитый)
Чигирин

Шамраевка, дер. (2
погрома)
Шибенное, дер.
Шпола (2 погрома)
Юстинград-Соколовка (2
погрома, св. 150убитых)
Яновка
Всего в Киевской губ.
83 пункта, 102 погрома.

Подольская губерния:

Бадиевка
Балабановка
Богополь
Боривка (2 погрома)
Брацлав
Вербка
Вороновицы
Голованевск
Голосков
Джурин
Замехов
Калюс
Кодыма
Кривое Озеро (ок. 500
уб.)
Ладыжин
Лучинец
Меджибож
Могилев-Подольск
Муров.-Куриловцы
Мурафа
Мястковка
Ольгополь
Ольховец
Песчанка
Пилява (2 погрома)

Райгород
Саврань
Соболевка
Теплик
Томашполь
Тростянец
Фельштин
Хащеватое
Черневцы
Шаргород
Юзефполь
Ямполь
Ярышев
Яруга

Всего в Подольской губ.
39 пунктов, 41 погром.

Херсонская губерния:

Александрфельд, кол.
Бирзула
Бобровый Кут, кол.
Богачка, дер.
Большая Сейдеминуха, кол.
Балацкое, дер.
Березневатое, кол.
Голта
Доброе, кол.
Елисаветград
Ингулец, кол.
Калниболод
Любашовка
Малая Сейдеминуха, кол.
Новоархангельск
Новый Буг
Новополтавка
Новая Прага
Новоукраинка

Ольвиополь
Николаев
Петроверовка-Поплавск
Понятовка
Севериновка
Чернов (Куликово Поле)
Всего в Херсонской губ.
25 пунктов, 25 погромов.

Черниговская губерния:

Батурин
Бобровицы (2 погрома)
Борзна (2 погрома)
Гоголево
Головенка
Дремайловка
Ивангород
Ичня
Кобище (2 погрома)
Конотоп
Новая Басань
Новые Млины
Нежин
Носовка
Оленовка
Ольшевка
Остер
Прохоры, дер.
Слободка (приг. Киева)
Тинница, дер.
Чернигов
Шаповаловка, дер.
Всего в Черниговской губ.
22 пункта, 25 погромов.

Полтавская губерния:

Богачка, дер.
Борисполь (2 погрома)
Белоцерковка (2 погрома)

Еремеевка
Жовнино
Золотоноша
Кременчук
Лубны
Малая Перещенина
Миргород
Михновка, дер.
Остапье
Песчанное
Переяслав
Пирятин
Полтава
Прилуки (2 погрома)
Решетиловка
Ромны
Хорол
Яблоново
Яготин
Всего в Полтавской губ.
22 пункта, 25 погромов.

Харьковская губерния:

Богодухов
Валки
Валуйки
Волчанск
Купянск
Лебедин
Тростянец (близ ст.
Смородино)
Харьков
Всего в Харьковской губ.
8 пунктов, 8 погромов.

Екатеринославская губерния:

Гришино, ст.
Екатеринослав (2 погрома,
67 уб. + ок. 100 уб.)
Енакиево
Каменское
Лозовая, ст.
Павлоград
Синельниково, ст.
Всего в Екатеринославской
губ. 7 пунктов, 8 погромов.

Разные губернии:

Балашев, Саратовск. губ.
(2 погрома)
Бирюч, Воронежск. губ.
Белгород, Курск. губ.
Елец, Орловск. губ.
Козлов, Тамбовск. губ. (св.
100 убитых)
Ливны, Орловск. губ.
Орехов, Таврич. губ.
Михайловка, Таврич. губ.
Равнополь, кол., Таврич. г.
Тамбов
Царицын, Саратовск. губ.
Всего—11 пунктов, 12 по-
громов.

**Эксессы на железных доро-
гах — в 50 пунктах.**

Всего во всех перечисленных губерниях —
267 погромленных пунктов, считая и эксцессы на
жел. дорогах; число погромов и эксцессов — 296.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От правления «Ostjüdisches Historisches Archiv»	5
Н. Ю. Гергель	6
И. Черниковер, Белое движение и евреи	7
Введение	29
Глава I — Вступление Д. А. на Украину и погромы	35
Глава II — Социально-политическая физиономия Д. А. и официальный антисемитизм	53
Глава III — Отношение общественных кругов и партий к евреям. Отношение евреев к Д. А.	78
Глава IV — Период массовых погромов Д. А. (август-сент. 1919)	101
Глава V — Характерные черты погромов Д. А.	129
Глава VI — Отношение нееврейского населения к погромам. Природа добровольческого движения	153
Глава VII — Безднаказность погромов, отношение власти	186
Глава VIII — Период затишья. (октябрь-ноябрь). Результаты погромов	230
Глава IX — Отступление Д. А. и новый взрыв погромов (декабрь 1919 — март 1920)	245
Материалы и документы	
I. Приказы и воззвания. Резолюции о погромах и докладные записки. Переговоры с властью	263
II. Донесения с мест о погромах	308
Список погромленных пунктов	382
Фотографические снимки приказов, воззваний и жертв погромов.	

ПРИКАЗЪ № 1

по Гарнизону гор. Черкассы.

4-го Августа 1919 г.

§ 1.

Сего числа городъ Черкассы занять Кубанскими Козачьими частями и присоединяется къ территории ЕДИНОЙ НЕДѢЛИМОЙ РОССІИ.

§ 2

Приказываю немедленно собрать Городскую Управу въ прежднемъ ея составѣ до большевицкаго переворота съ изъятіемъ членовъ большевиковъ и евреевъ.

§ 3.

Комендантомъ города до прихода пѣхотныхъ частей временно назначаю Есаула ГОЛОВИЦКОГО

Генеральнаго Штаба Генералъ-Майоръ
Шифнеръ-Марксъ

Приказ об исключении евреев из Городской Управы в Черкассах
(см. стр. 267)

БРАТЯ ХРИСТИАНЕ!

Совершается злое и страшное для христианской совести дѣло, забываются великіе заветы Христа о любви и мирѣ, попирается правда божественная, и снова по землѣ нашей льется кровь человѣческая: стоны и слезы людскіе снова терзаютъ слухъ нашъ и доходятъ до Господа Бога. По градамъ, селамъ и деревнямъ страны нашей кровавой волной разливаются еврейскіе погромы. Убиваютъ стариковъ, насилюютъ и убиваютъ женщинъ, не жалѣютъ даже маленькихъ грудныхъ дѣтей, дѣтсей, которыхъ такъ любилъ и благословлялъ Христосъ... Грабятъ, жгутъ, разоряютъ, проливаютъ кровь, какъ воду, смѣются надъ слезами, жестокосердствуютъ и ненавидятъ...

Кто грабятъ? Кто убиваетъ? Кто разоряетъ? Кто жестокосердствуетъ? Если бы это совершали не познавшіе Бога язычники, или варвары не знающіе никакой святости, или дикіе звѣри, вышедшіе изъ лѣсовъ на растерзаніе тѣла людского. Нѣтъ! Страшно сказать: дѣла сатанинскія, дѣла звѣринія совершаютъ христиане, совершаютъ люди, созданные по образу и по подобію Божию. Тѣ, кто утромъ, быть можетъ, слушалъ Божественную литургію, кто цѣловалъ пречистыя ризы Христовы, кто молился о любви и прощеніи, выходя изъ церкви, забываютъ святыя слова церковныя и убиваютъ людей безъ всякой думы о томъ, что пролитіе крови—мерзость передъ Господомъ...

Вспомните, что вы христиане, вспомните, что вы люди! Вспомните, наконецъ, кровавые ужасы еще такъ недавно угнетавшаго насъ большевизма. Чѣмъ онъ былъ страшнѣе больше всего? Тѣмъ, что не цѣнилъ жизни человѣческой, тѣмъ, что показалъ міру звѣриное лицо свое. Освободилась земля наша отъ кроваваго тумана совѣтской власти, встрѣчаетъ она свѣтлую зарю новой Россіи, солнце любви восходитъ надъ ней, духъ мира пречникъ къ ней.

Зачѣмъ же снова льется кровь? Зачѣмъ такъ мало благодарности въ душахъ нашихъ? Зачѣмъ омрачаемъ мы праздникъ мира, истинной свободы и воскресшаго человѣческаго достоинства? Мы люди, а не звѣри. Такъ будемъ же людьми!

Кровь родитъ кровь.—таковъ законъ. Кровь человѣческую нельзя пролить безнаказанно,—такова великая священная правда. Кровавая мировая война родила большевизмъ. Кровавый туманъ большевизма создалъ еврейскіе погромы. Кровавый потокъ погромовъ несетъ анархію и разруху нашей жизни.

А мы вѣдъ такъ устали! Намъ такъ нужна здоровая свѣтлая жизнь. Мы изголодались, истерзались, измучились почти до смерти. Всѣ мы больны, слабы, запуганы кровью, пролитой большевиками. Добровольческая армія освободила насъ отъ совѣтскаго плѣна, голода, крови и насилій. Ея вожди призываютъ насъ строить радостную, спокойную Россію. Будемъ благодарны. Отзовемся на святой призывъ дѣлами мирнаго строительства, а не кровавымъ разгуломъ звѣриныхъ страстей. Въ стройное зданіе великой нашей родины каждый долженъ вложить хотя бы по маленькому кирпичику. А какой толкъ въ этомъ кирпичикѣ, если онъ будетъ насквозь промоченъ кровью человѣческой?

Братья христиане, братья граждане! Все чистое и святое, что только есть въ душѣ человѣческой, и Богъ, и совѣсть, и родина, и свобода, и честь, и достоинство, и любовь, и правда, и колокольный звонъ храмовъ нашихъ, и призывы общественныхъ дѣателей—друзей народа, все, все говорить вамъ:

— Довольно крови! Довольно погромовъ! Къ мирной работѣ! Къ великому строительству родины!

Кіевское Религіозно-философское Общество,

Изданіе Кіевского Областнаго Комитета Союза Возрожденія Россіи, № 6 (Банковая 3).

Воззвание противъ погромовъ Кіевского Религіозно-философскаго общества (см. стр. 370)

ט ו ר ע ה

דיא לילה פין דיא פארברענטע הייליגע ספרו תורות
וועט זיין נום ה" בר מפת 15 יאנואר 10 א זיגור אן
דער פריה אלע אידען זאלן קומען אף דעם שול הויף.
שדין גפיש אז אהוב אף יעדערין אריין טראגן אן זיין
ביהמ"ד דיא גבאים.

(קרעמענע 1916)

Извещение о похоронах свитков Торы, сожженных во время погрома
в Кременчуге (см. стр. 315)